ЕЛИЗАВЕТА ТЮДОР

Ольга Дмитриева

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — рассказ о незаурядной женщине, государыне, которая дала имя целой эпохе — успех, выпадающий не многим политикам. При Елизавете Англия из заштатного государства превратилась в великую мировую державу. Семнадцать монархов сменились после Елизаветы на троне Британии, но каждый убеждался, что она — эталон, с которым соотносили всех последующих. Королева далеко опередила свой век и в своих убеждениях. В мире, чуждом терпимости, она шла путем разума и толерантности, пытаясь отстоять права каждого, и свои в том числе, жить в согласии с собственной верой и чувствами. Елизавета вошла в плоть и кровь английской истории, заняв подобающее место в учебниках и став непременным символом и выражением духа самой Британии.

Книга написана известным специалистом по истории средневековой Англии О. В. Дмитриевой, перу которой принадлежит ряд блестящих статей и монографий.

- Ольга Дмитриева
  - ОТ АВТОРА
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - ПРИЛОЖЕНИЕ
  - Библиография
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ПРАВЛЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ I ТЮДОР
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31

Ольга Дмитриева
Елизавета Тюдор

Моим родителям с любовью

ОТ АВТОРА

Эта книга — попытка рассказать о незаурядной женщине, государыне, которая дала имя целой эпохе, — успех, выпадающий не многим политикам. Однако в ней есть еще один герой, быть может, не столь заметный. Это — Время. «Время привело меня сюда», — гордо заявила Елизавета I в начале своего пути. Но оно оказалось отнюдь не милостиво к ней, подвергнув суровым испытаниям ту, которой суждено было многие годы управлять небольшим островным государством.

Вовсе не намереваясь углубляться в социально-экономические и политические проблемы эпохи, автор все же считает необходимым хотя бы бегло охарактеризовать главные из них.

XVI столетие стало для Англии во всех отношениях переломным. После бесконечных феодальных войн и смут предшествующего века в стране установился мир. Это было связано с воцарением новой династии — династии Тюдоров. Укрепление порядка в царствование ее родоначальника — Генриха VII, деда Елизаветы I, способствовало началу экономического подъема страны. Успехи английского сельского хозяйства (в первую очередь овцеводства) и промышленности (главным образом сукноделия) стимулировали торговую экспансию англичан в Европе, Азии, Африке, а позднее и в Новом Свете, что вызвало значительный приток капиталов в страну и оживление городов. Но первые ростки капитализма несли с собой и социальные конфликты между новыми земельными собственниками и городскими буржуа, с одной стороны, и обезземеливающимся крестьянством, пауперами, городской беднотой — с другой. Трения возникали и в высших слоях общества, где нувориши стали теснить «благородные» сословия. Фактическая деформация традиционной феодальной структуры ставила монархию перед выбором: поддержать элементы нового или не допустить их роста. Тюдоры избрали путь протекционизма — покровительства национальной промышленности и торговле, пытаясь в то же время всеми силами поддержать дворянство. Проведение в жизнь этой сложной политики выпало в основном на долю Елизаветы I.

Тюдоровская эпоха была временем решительных изменений в системе английской государственности. Рост национального самосознания народа, стремившегося занять новое место в Европе и мире, ставил задачи совершенно иных масштабов, нежели те, которые решала английская монархия в XIV–XV веках. При

Тюдорах Англия постепенно превращается в современное национальное государство, централизованное, суверенное, основывающееся на единой системе общего права, подчинившее себе церковь и избавившееся тем самым от традиционного для феодализма дуализма власти. Понятие «нация» прочно входит в политический лексикон эпохи, и государство начинает рассматриваться не как вотчина короля, а как институт, призванный обеспечивать национальное процветание.

Консолидировать страну можно было либо силовым нажимом, твердым единоличным правлением, либо путем лавирования, поиска компромиссов, опоры на различные социальные слои. В большинстве стран Европы в XVI веке устанавливается абсолютизм — сильная королевская власть, имеющая в своем арсенале все необходимые средства (армию, бюрократический аппарат, финансы), чтобы управлять практически бесконтрольно и превратить в фикцию любые представительные органы, способные ее ограничить. Но в тюдоровской Англии процесс укрепления так называемой «новой», или персональной, монархии получил специфическую окраску. Наделенные сильными, властными характерами, Тюдоры, без сомнения, были автократами и приверженцами идеи божественного происхождения королевской власти. Однако политическая интуиция подсказывала им, что не следует открыто настаивать на абсолютном характере своего суверенитета. Это давало возможность избежать дискуссий по данному вопросу, а заодно и обвинений в деспотизме. Быть столь осмотрительными их заставлял целый ряд факторов.

В ходе политического развития страны упрочилась тенденция рассматривать монархию как ограниченную не только божественным правом, но и законами государства, утвержденными парламентом. В «смутные» XIV–XV века парламент в Англии занял позиции более прочные, чем где бы то ни было в Европе. Он не был всего лишь послушным орудием в руках короля и активно занимался законотворчеством. Современники видели в нем орган, выступающий от лица всей нации, и представления о том, что верховный суверенитет в стране разделен между монархом и парламентом, вернее, «лежит на короле в парламенте», были широко распространены в английском обществе. Тюдорам приходилось мириться с этой теорией «смешанной монархии», тем более что им не удалось создать твердую линию престолонаследия. Династия нуждалась в широкой социальной базе, в поддержке со стороны «общин» королевства. Парламент оказался удобным местом для политического диалога между короной и подданными. Задача

найти такие формы поведения, пропаганды, политической риторики, которые превратили бы представительный орган в надежного союзника королевской власти, выпала именно Елизавете Тюдор. И не в последнюю очередь благодаря политическому компромиссу, достигнутому в елизаветинскую эпоху, Англия оказалась у истоков европейского парламентаризма Нового времени.

Одним из важнейших событий XVI столетия была Реформация — грандиозный переворот в сознании людей, пересмотр основных положений христианского вероучения и богослужения. Реформация расколола Европу, противопоставив друг другу блоки протестантских и католических стран, и Англия, где при Генрихе VIII возобладал протестантизм, неуклонно втягивалась в конфликт с могущественными католическими державами. Отныне патриотическая идея, приверженцами которой являлись Тюдоры, была неразрывно связана с борьбой против универсализма католической церкви за право исповедовать национальную религию. Отстаивать это право приходилось в жестокой борьбе, составлявшей существо внешнеполитических усилий Англии во второй половине XVI века.

И все же эпоха борьбы и испытаний не стала мрачной страницей в английской истории. В это время в страну проникали лучи европейского Ренессанса, неся с собой подъем науки, образования и культуры. Сдвиги в духовной сфере определили культурно-историческую миссию тюдоровской монархии — преодоление разрыва между Англией, находившейся на «периферии» культурной жизни Европы, и такими странами, как Италия, Франция и Испания.

Выбор оптимальной стратегии в стремительно меняющемся мире, поиски эффективных средств управления государством, отвечающих запросам времени, попытки сохранить мир в обстановке постоянной внешней опасности и внутреннего конфессионального раздора — любая из этих задач могла поставить в тупик правящего монарха. Сплетенные же воедино, они, казалось, были неразрешимы. Но именно такие политические ситуации, требующие неординарных решений, и порождают выдающихся государственных деятелей. Блестящий знаток тюдоровской эпохи профессор Дж. Элтон заметил как-то, что историческая личность может стать поистине великой, если она либо полностью соответствует условиям своего времени, либо намного опережает его. Елизавета I, последняя из династии Тюдоров, наследница их политического опыта, удовлетворяла обоим критериям.

Глава I
ЭЛИЗА, ДОЧЬ ГЕНРИХА

По происхождению, по крови моих родителей, я — чистая англичанка.

Елизавета I

Реформация как фактор семейной жизни

В воскресенье 7 сентября 1533 года после захода солнца окрестности старого королевского дворца в Гринвиче озарились вспышками фейерверков. Искры взлетали над парком и гасли, отражаясь в Темзе. Несколькими милями вверх по реке в самом Лондоне тоже не спали: здесь горели праздничные огни, с полудня непрерывно звонили церковные колокола, а в соборе Святого Павла возносили благодарственную молитву «Te Deum». Двор и столица праздновали событие первостепенной важности — в этот день между тремя и четырьмя часами пополудни королева Анна счастливо разрешилась от бремени. Однако внимательный наблюдатель без труда уловил бы некоторую деланность в шумном веселье. Чем ближе к королевским покоям, тем натужнее становились улыбки сновавших по коридорам придворных кавалеров и фрейлин; молчание сановников было многозначительным, а их взгляды профессионально ускользали.

Отец новорожденного ребенка, король Генрих VIII, всем своим видом пытался показать, как он рад тому, что его вторая жена — горячо любимая Анна Болейн, покорившая его прекрасными карими глазами и безупречными манерами, — принесла ему долгожданное дитя. Он демонстрировал ребенка, завернутого в кружева, придворным и целовал его, однако этот показной энтузиазм никого не мог ввести в заблуждение. Новорожденное дитя, которого ожидали с таким нетерпением, оказалось нежеланным, как только появилось на свет. Всему виной был пол ребенка: королева родила девочку.

Никогда еще рождение дочери не было таким разочарованием для обоих родителей. Все предсказания гадалок и астрологов обещали королевской чете мальчика, а Англии — наследника престола. Для его торжественного появления на свет король приказал соорудить небывалое по размерам и богатому

убранству ложе для роженицы. Чертежи колыбели для будущего принца заказали знаменитому Гансу Гольбейну. В честь неродившегося еще младенца устраивались рыцарские турниры, а иностранные дипломаты интриговали, чтобы добиться права сопровождать его к купели во время крестин. В королевской канцелярии лежали письма к монархам Европы, извещавшие о рождении мальчика, и гонцы стояли наготове, чтобы мчаться с ними в Дувр, а оттуда на корабле плыть через Па-де-Кале. Ажиотаж оказался напрасным.

Смятение, которое испытал Генрих, было больше, чем обычный конфуз уязвленного отца, разочарованного в своих наивно-самоуверенных ожиданиях. Это был политический провал, заставивший возликовать слишком многих врагов короля как в Англии, так и за ее пределами. Современники увидели в этом перст судьбы, знак, ниспосланный свыше, хотя сам Генрих еще гнал от себя подобные мысли.

Королю Англии исполнилось к этому времени сорок два года. Он еще не стал безобразно толст, не страдал отечностью и одышкой, а лицо его не заплыло жиром, что придало глазам сонливо-поросячье выражение, столь характерное для поздних портретов Генриха. Это был грузный, но хорошо сложенный, энергичный человек, фанатичный спортсмен, способный в компании молодых друзей во время псовой или соколиной охоты по нескольку дней не сходить с коня, заядлый теннисист, неутомимый турнирный боец, презиравший риск и ставивший удовольствие сразиться на мечах или на копьях выше безопасности собственной королевской персоны. (Когда советники слишком досаждали ему, уговаривая оставить рискованные забавы, король являлся на турниры инкогнито, подобно странствующему рыцарю времен короля Артура.)

Его вулканическая энергия не знала преград: гурман и жуир, любитель и любимец женщин, неутомимый в пирах, танцах и развлечениях, он несомненно был тем пульсирующим светилом, вокруг которого в бешеном ритме вращалась маленькая вселенная королевского двора.

Блестящим английским двором Генрих мог по праву гордиться как своим собственным творением. Генрих VII — его прижимистый отец, презиравший роскошь и расточительство, оставил сыну казну, полную золота, сделав Генриха VIII одним из самых богатых европейских монархов. Сын щедро бросил это золото на то, чтобы оповестить о существовании Лондона дворы Италии, Франции и Испании — тогдашних законодателей мод. Он развернул кипучую строительную деятельность, за несколько десятилетий превратив скромные резиденции английских

королей в настоящие ренессансные дворцы, наполненные итальянскими мраморами и французскими гобеленами. Генрих стал одним из самых щедрых меценатов, и к его двору, презрев промозглый климат Альбиона, потянулись ученые, поэты, художники и музыканты со всей Европы, принося с собой новые идеи, последние моды, непривычные мелодии, южную раскованность и умение предаваться утонченным удовольствиям. Жизнь при дворе обрела пряный привкус, неизвестные дотоле краски и привлекательность.

Размах того, что сделал Генрих для придания северной столице необходимого блеска, — под стать ему самому: пятьдесят пять дворцов, самая большая коллекция гобеленов и вышивок в Европе, ценнейшие собрания уникальных книг в библиотеках Уайтхолла и Гринвича, великолепная коллекция доспехов, оружия и ювелирных изделий. Казна безнадежно опустела, но Генрих добился желаемого — в глазах соседей Англия перестала быть задворками Европы, а сам он стал вровень с наиболее могущественными коронованными собратьями.

Однако его кипучая натура находила выражение не только в безудержных амбициях или раблезианском гедонизме. Это — широко распространенное, но весьма поверхностное представление о нем. Другой, менее привычный Генрих — человек, получивший прекрасное богословское образование и готовившийся к духовной карьере, интеллектуал, в беседах с которым находили удовольствие Томас Мор и Эразм Роттердамский, полиглот и усердный читатель, хороший музыкант, любивший в часы отдохновения уединиться с арфой.

Когда его безудержная энергия направлялась в русло государственных дел, результаты, как правило, оказывались впечатляющими. Политические амбиции Генриха никогда не были продиктованы только личным тщеславием. Идея национального величия Англии вдохновляла его энергичную, наступательную дипломатию, целью которой было не только отстоять для маленького острова достойное место среди таких великих держав того времени, как Священная Римская империя или Франция, но и заставить их потесниться у себя на континенте. Однако даже затеяв нешуточную войну с Францией, Генрих остался самим собой — коронованным спортсменом и рыцарем. От избытка сил, переполнявших его могучее естество, он устраивал во время перемирий турниры с участием обоих королей и цвета английского и французского рыцарства.

В Англии Генрих без устали строил крепости, выказав себя хорошим инженером и знатоком фортификационного искусства, вооружал армию, переоснащал флот. Государственный механизм

скрипел под его тяжелой рукой, но исправно вращался, ибо крутой нрав короля был гарантией строгого и неизбежного наказания за малейшее промедление в выполнении монаршьей воли. В расцвете своего царствования Генрих вдруг обнаружил вкус к административным реформам и между пирами и охотами сумел выкроить достаточно времени, чтобы реорганизовать структуру государственного управления, вогнав старые учреждения в рамки новых немногочисленных, но эффективных органов.

Все удавалось этому человеку, чья воля не знала преград, если же препятствия возникали, он сокрушал их с решимостью боевого слона. Гнев короля бывал страшен, и никто не знал от него спасения — ни друзья, ни министры: они немедленно становились бывшими друзьями и экс-министрами. Генрих посылал их на плаху с жестокостью капризного ребенка, без сожаления ломающего некогда любимые игрушки. Его деспотизм и настойчивость в утверждении собственной воли были таковы, что, когда авторитет наиболее почитаемого в Англии святого — Томаса Бекета стал помехой на его политическом пути, он, не страшась небес, разрушил гробницу и попрал священные останки, дабы даже бестелесные духи не дерзали становиться ему поперек дороги.

Судьба, однако, посмеялась над могущественным и всесокрушающим Генрихом, нанеся ему удар в той сфере, где его власть и окрик были бессильны. Восемнадцатилетний брак с первой женой так и не дал королю наследника.

Сразу после восшествия на престол Генрих женился на Екатерине Арагонской — представительнице испанского королевского дома, дочери королевы Изабеллы Кастильской. Это был многообещающий династический союз, скрепивший тесными узами две державы — Англию и Испанию, противостоявшие третьей сильной европейской монархии — Франции. Примечательным в этом браке было то, что, отправляя Екатерину в Англию, ее предназначали в жены отнюдь не Генриху, а его старшему брату Артуру, который скончался вскоре после заключения брака. Успев лишь формально назваться его супругой, Екатерина Арагонская тут же была выдана за Генриха, унаследовавшего английский престол. Эта миловидная, хотя и несколько грузная испанка была доброй католичкой, воплощением порядочности и приличий — вполне достаточно, чтобы заставить Генриха скучать и искать развлечений среди ее более молодых и привлекательных фрейлин. Тем не менее у супругов были и общие интересы. Екатерина Арагонская получила великолепное образование и обладала тонким

художественным вкусом, которому Генрих отдавал должное. Королева покровительствовала интернациональному сообществу гуманистов, возникшему в Англии; с ее прекрасными греческим и латынью она была хорошим собеседником и критиком для Эразма, Мора, Вивеса, которые не раз посвящали ей свои труды. Королевская чета с жаром предавалась интеллектуальным диспутам, покровительствовала художникам и занималась коллекционированием. Именно Екатерина впервые заказала для мужа во Франции пару выполненных на эмали миниатюрных портретов, став, таким образом, крестной матерью этого жанра в Англии (миниатюры столь восхитили Генриха, что он немедленно выписал к себе художника-миниатюриста). Со своей стороны, Генрих исправно ломал за Екатерину копья на ристалище, выступая на турнирах верным рыцарем своей августейшей супруги.

Но не только этикет и интеллектуальные досуги связывали королевскую чету. Как верная супруга, Екатерина более всего стремилась выполнить свой первый долг перед королем и страной — даровать им наследника, однако несчастной женщине это было не суждено. Год за годом она рожала Генриху детей, которые умирали, прожив несколько дней (среди одиннадцати младенцев было трое мальчиков), и каждая новая смерть ложилась на ее сердце страшной тяжестью. Из всех детей, рожденных Екатериной Арагонской, выжила лишь одна дочь — принцесса Мария. Отец был горячо привязан к ней, но ему был необходим сын, который унаследовал бы его престол. Порою, отчаявшись, он заявлял, что завещает трон герцогу Ричмонду — своему незаконнорожденному сыну от связи с фавориткой Бетти Блаунт, хотя это и не могло обеспечить твердую линию наследования. Екатерина между тем старела, и надежды королевской четы таяли. Генрих отдалялся от нее, вызывая жалобы и упреки королевы. Как всегда безжалостный к тем, кто его разочаровал, он решил избавиться от неудачливой супруги. Поскольку развод в королевской семье был по тем временам делом неслыханным и недопустимым с точки зрения католической церкви, король недвусмысленно намекнул супруге, что ей следует подумать об уходе в монастырь. Испанка наотрез отказалась.

Именно в этот момент появилась женщина, которая не только разрушила устоявшийся уклад семейной жизни Генриха, но и расколола страну на два непримиримых лагеря, столкнувшихся между собой.

Все началось с прекрасных миндалевидных глаз леди Анны Болейн — одной из фрейлин Екатерины Арагонской. Есть

удивительная точность в английском названии фрейлины: «lady-in-waiting» — «леди в ожидании», всегда наготове, чтобы оказать услугу, леди в очереди за милостями, которые могут на нее пролиться. Анна Болейн была далеко не первой в веренице тех, кто желал бы услужить не столько королеве, сколько королю, и не отличался при этом щепетильностью. На этом пути ей предшествовала старшая сестра — Мэри Болейн, которая стала фавориткой короля, когда Анна еще только расцветала. Обе они были дочерьми Томаса Болейна — удачливого придворного, в течение нескольких лет являвшегося послом во Франции. Генрих нередко наведывался в его живописный замок Хивер в Кенте, неподалеку от Лондона, где среди великолепных парков и лесов, за окруженной водой крепостной стеной росли два прелестных создания, с которыми король приятно проводил время в галантных беседах.

Совсем молодой девушкой Мэри Болейн была отправлена во Францию сопровождать сестру Генриха VIII. Вскоре к ней присоединилась и Анна. Скромный, полураспустившийся кентский цветок был внезапно пересажен на богатую заморскую почву. В XVI веке, как и ныне, для многих европейцев, особенно северян, Париж был образцом и законодателем мод во всем — от одежды до выговора. Он притягивал английскую аристократическую молодежь как магнит. Образование и воспитание молодого дворянина считались законченными лишь после так называемого большого тура — путешествия по континенту с обязательным посещением Парижа. Для юной девушки французский двор стал высшей школой этикета, отточившей ее манеры, утончившей вкус. Молодая англичанка оказалась весьма способной к языкам, вскоре ее французский сделался безупречным, и никто не принимал ее за иностранку. Ее образование было даже слишком серьезным для девушки ее круга и положения: она много читала и увлеченно коллекционировала книги, ее привлекала теология, и Анна инстинктивно склонялась к тем идеям, которые можно было назвать евангелическими или пореформационными. Почетное место среди ее излюбленных авторов занимали Лефевр д'Этапль и Клеман Маро; первый был выдающимся теологом, второй — прекрасным поэтом. Позднее, по свидетельству ее духовника, Анна будет постоянно держать под рукой выполненный д'Этаплем французский перевод Библии и неизменно обращаться к нему и «другому подобному чтению, находя в нем удовольствие».

Когда миловидная девушка с необычными литературными пристрастиями вернулась в Англию, при дворе блистала Бетти Блаунт, очередная фаворитка короля Генриха. Анна не могла

сравниться с ней внешностью (современники не находили ничего примечательного в ее лице и фигуре, шею считали слишком длинной, а злые языки даже поговаривали о шестом пальце на ее руке), однако она произвела очень сильное впечатление на ценителей женской красоты своей живостью, непосредственностью, неподдельным французским шармом, которого безуспешно стремились добиться ее подруги. Она была легка, изящна и стройна, уверена в себе, удивляла тем, что на равных поддерживала беседу с мужчинами, и ее суждения были далеко не глупы. Но главное, что вызывало всеобщее восхищение, — это ее необыкновенные карие глаза. Генрих VIII был сражен ими. Он стал проявлять первые признаки влюбленности в 1525 году и, вероятно, полагал, что после обязательного, но недолгого периода куртуазных ухаживаний легко добьется благосклонности молодой леди. В этом не сомневался и ее отец Томас Болейн, который за «заслуги» своей старшей дочери получил немало милостей от короля, со временем став графом Уилтширом и Ормондом, и, должно быть, жалел, что у него только две дочери. Анна, однако, оказалась умнее и сестры и отца. Уроки французского двора не прошли даром, и она скромно, но решительно сказала королю: «Нет», подразумевая при этом: «Да, но…» Это было ново и весьма рискованно с таким необузданным человеком, как Генрих, но неожиданно понравилось ему, продлив период галантных ухаживаний, переписки, полной вздохов, томления и уверений в любви. Генрих прекрасно чувствовал себя в роли влюбленного кавалера, соперничающего за расположение прекрасной дамы с другими вздыхателями. Правда, прежние поклонники Анны почтительно отстали и составляли арьергард королевской охоты, предоставив Генриху в одиночестве преследовать желанную добычу. Один из них, поэт и дипломат Томас Уайатт, позднее перевел на английский один из сонетов Петрарки, в котором уподобил Анну Болейн царственной лани, а Генриха — кесарю:

Охотники, я знаю лань в лесах,
Ее выслеживаю много лет,
Но вожделений ловчего предмет
Мои усилья обращает в прах.
В погоне тягостной мой ум зачах,
Но лань бежит, а я за ней вослед
И задыхаюсь. Мне надежды нет,
И ветра мне не удержать в сетях.
Кто думает поймать ее, сперва
Да внемлет горькой жалобе моей.

Повязка шею обвивает ей,
Где вышиты алмазами слова:
«Не тронь меня, мне Цезарь — господин,
И укротит меня лишь он один»[1].

В 1527 году в ответ на предложение Генриха стать его «единственной госпожой» Анна, которая уже заверила короля в своей любви, тем не менее сказала: «Вашей женой я не могу быть и потому, что недостойна, и потому, что у Вас уже есть королева. Вашей любовницей я не стану никогда…»

Слово было произнесено. Идея развода на этот раз была подсказана королю той, которая целиком захватила его воображение. В иной ситуации этот деспотичный гигант лишь посмеялся бы над неслыханным капризом заносчивой фрейлины: короли не разрывают династических союзов из-за каждого нового увлечения. Но здесь все сошлось, как в фокусе: Генриху нужен был наследник, ради чего он готов был избавиться от Екатерины Арагонской, а рядом находилась очаровательная молодая женщина, способная подарить его королю и Англии и доказавшая своей твердостью, что она — достойная пара самому монарху.

Никто и никогда не узнает, как удалось Генриху убедить Анну Болейн, что дело о разводе с королевой будет непременно начато, но в 1528 году она стала его официальной фавориткой. Анне были отведены роскошные покои рядом с королевскими, придворные льстецы немедленно окружили новую звезду, создав вокруг нее ее собственный двор, затмивший вскоре и двор Екатерины Арагонской, и даже окружение второго после короля человека в государстве — всесильного министра кардинала Уолси. Теперь последнему, чтобы обсудить с королем государственные дела, приходилось извлекать того из покоев фаворитки.

Природная гордость Анны Болейн быстро переросла в заносчивость. Острый язык и частые вспышки гнева восстановили против этой «выскочки» многих придворных, в первую очередь дам (что неудивительно), а также сановников, членов Тайного совета и самого Уолси. Их настораживало то, что эта молодая женщина претендовала на необычную роль при дворе: она не только привела за собой целый клан родственников — это было в порядке вещей, но и стала всерьез вмешиваться в политику, посягнув на исконную прерогативу государственных мужей, и самое невыносимое — преуспела в этом, вскоре заменив королю его прежних советников.

Даже враги признавали за ней недюжинный ум. Придя к

власти чисто женским путем, она удерживала эту власть и распоряжалась ею как сильный и искушенный политик, формируя свою партию при дворе, заботясь о должностях для своих приверженцев, выдвигая преданных людей, таких как теологи и будущие реформаторы Томас Кранмер и Хью Латимер или беспринципный, но безусловно талантливый администратор Томас Кромвель. Она интриговала и сталкивала между собой фракции, натравливая сторонников Екатерины Арагонской на приверженцев кардинала Уолси, тем временем все больше монополизируя внимание короля. Кто бы мог подумать, что с появлением в королевских покоях этой хрупкой женщины начнется закат карьеры Уолси, считавшегося в течение двадцати лет «вторым королем» в Англии. Анна уступала роль первого лица Генриху, но вторым не желала видеть никого, кроме себя.

Между тем дело о разводе сдвинулось с мертвой точки. Генрих, сам теолог по образованию, при помощи других теоретиков начал искать исходный тезис, который помог бы объявить его брак недействительным (католическая церковь не признавала развода, и, чтобы аннулировать брак, заключенный перед лицом Господа и считавшийся таинством, требовались очень серьезные основания и санкция высшего духовенства). Наконец зацепка нашлась в виде цитаты из Ветхого Завета: «Если кто возьмет жену брата своего: это гнусно, он открыл наготу брата своего, бездетны будут они» (Левит, XX, 21). Поскольку Екатерина Арагонская в течение определенного времени числилась, а по утверждению Генриха и в действительности являлась женой его покойного брата Артура, их последующий брак с Генрихом был недопустим как кровосмешение и подлежал расторжению. Подготовка к бракоразводному процессу велась втайне от королевы. Однако дело получило широкую огласку, когда заседание церковного суда, на котором высшие иерархи английской церкви под председательством Уолси должны были вынести свой вердикт, закончилось безрезультатно. По их мнению, вопрос оказался настолько сложным, что разрешить его мог лишь сам глава вселенской католической церкви — папа римский. Генрих немедленно поручил Уолси вступить с ним в переговоры и добиться от него согласия на развод. Дипломатические круги пришли в лихорадочное движение, предвкушая громкий международный скандал. Испанский посол забросал английского короля протестами по поводу попрания законных прав королевы Екатерины и принцессы Марии. Король Испании, он же император Германской империи Карл V Габсбург, племянник Екатерины, в руках которого находились все рычаги политического и финансового давления на папу, немедленно дал

понять последнему, что не потерпит развода Генриха со своей родственницей. Несмотря на все усилия Уолси склонить его на свою сторону, папа почел за благо отказать королю Англии.

Последствия этого отказа оказались гораздо глубже причин, породивших размолвку между примасом церкви и королем Англии. Как всегда, встретив противодействие своей воле, Генрих яростно и безоглядно устремился вперед, сметая все преграды. Папа не хочет развести его с женой? Хорошо, но тогда он больше не получит ни пенни из тех денег, что ежегодно притекают к нему из Англии. Эти деньги — плата за церковные земли и должности, полученные духовенством от папы? Значит, отныне он не будет распоряжаться землями и должностями в стране, где правит Генрих. Папа — глава вселенской церкви, и светский владыка не должен отказывать ему в его законных правах? Надо еще разобраться, на каком основании он ставит себя выше светских государей. Разве не доказал ученый муж из Оксфорда Джон Уиклиф, что власть светского владыки — кесаря дарована самим Богом Отцом, чтобы на земле водворился порядок, в то время как папа получил свою власть от Бога Сына, следовательно, она вторична по отношению к авторитету светских государей? И не стоит ли прислушаться к немецкому последователю Уиклифа, доктору Мартину Лютеру из Виттенберга, заявившему, что папа и католическая церковь присвоили себе те права, которыми Господь не наделял их вовсе? Церковники утверждают, что верующий христианин может спастись, лишь свято следуя их предписаниям: соблюдая семь католических таинств, почитая священников, исправно уплачивая десятину и поклоняясь иконам, изображениям святых и их мощам, — как будто для спасения души недостаточно одной только искренней веры. Лютер явил всему миру несостоятельность этой доктрины, приведя в движение всю Германию. Его правоту признали многие, и среди них князья Германской империи. Разумеется, Лютер прав, бичуя надменных прелатов.

Справедливости ради следует заметить, что не далее как несколько лет назад Генрих и сам выступил против «неслыханной ереси» Лютера с ученым трактатом в защиту традиционных устоев католической церкви, получив за это от папы почетный титул «Защитник веры». Но то был лишь научный спор, бесстрастное состязание интеллектов. Теперь же, когда были затронуты его личные интересы, обуянный гневом и обидой, король был готов перечеркнуть многое из того, что сам написал против немецкого монаха, и лютеранство больше не казалось ему ересью. В ажиотаже его полемики с папой Генриху не было особого дела до догматов веры и теории таинств; главное, что

привлекало его в учении Лютера, рецепт обуздания церковных владык, которые тщатся управлять из Рима всей вселенной. Отнимите у них земли и прочие мирские богатства — и блеск их величия потускнеет, а конфискованное имущество обогатит государственную казну и осчастливит английское дворянство. Заберите церковную десятину, которую платят папе, — пусть она идет на благо родной страны. Пусть национальные синоды решают, как управлять церковью в Германии или Англии, и пусть во главе церкви вместо папы встанет светский государь, подлинный «отец отечества», который и обеспечит своим возлюбленным подданным наилучшие условия для исповедания истинной веры.

Если прежде лютеровские идеи проникали в Англию лишь подпольно, распространяясь преимущественно в бюргерской среде, то теперь они неожиданно быстро захватили элиту общества — самого монарха, его министров, двор, многих аристократов и дворян, в чье быстрое духовное перерождение поверить труднее, чем в их политический нюх. Королевская прореформационная партия быстро набирала силу.

Для Анны Болейн и ее сторонников, симпатизировавших делу Реформации, пришло время действовать. Умная интриганка, она сделала все, чтобы направить гнев Генриха против кардинала Уолси, провалившего переговоры с папой и не добившегося желаемого результата в деле о разводе. Звезда некогда всесильного министра закатилась, и он доживал недолгие отведенные ему судьбой месяцы в опале. На смену Уолси пришли новые люди, такие как Томас Кромвель, новый министр, поддерживаемый Анной и готовый выполнить любую волю своего короля. Он привел за собой будущего архиепископа Кентерберийского Томаса Кранмера, который занялся теоретическим обоснованием правомерности развода с Екатериной Арагонской, а параллельно с этим — и разработкой тезиса о короле Англии как главе национальной церкви.

Кромвель взялся за парламент и за несколько лет, подстегивая нерешительных, заменяя неуступчивых своими креатурами, выжал из палаты общин «инициативы» об отказе от уплаты аннатов[2] Риму и о запрете апеллировать к папе в судебных делах. В Англии началась Реформация. В 1534 году был принят «Акт о супрематии», провозгласивший короля Генриха «верховным главой церкви Англии» и ее протектором. Отныне власть папы упразднялась в пределах его королевства, а все присущие ей «титулы, почести, достоинства, привилегии, юрисдикция и доходы» переходили к торжествующему коронованному толстяку Генриху. За этим последовала

изумившая всех череда деяний властного государя, именовавшего теперь свою корону «имперской», — разгон монастырей, погромы в церквах, обезглавливание статуй, осквернение икон и мощей святых и конфискация церковного имущества. То, что не переварила казна, было брошено на свободный рынок, и страну залихорадило. Придворные аристократы получали монастырские земли за преданность, лондонские толстосумы — за большие деньги, в стенах поруганных монастырей водворялись ткацкие станки и начинали работать суконные мануфактуры.

Страна раскололась. Два лагеря противостояли друг другу: в одном были те, кто творил это, и те, кто, симпатизируя лютеровским идеям, снисходительно смотрел на грабеж, в другом — правоверные католики, которые не могли смириться с государственным насилием над верой их отцов. Остальным было безразлично. Последние, как всегда, оказались в большинстве.

Яростно самоутверждаясь в новой роли, Генрих рубил головы не только безмолвным статуям святых, привычных к мученичеству, но и тем, кто осмеливался возвысить свой голос против религиозных нововведений. Среди отказавшихся присягнуть ему как главе церкви оказались двое почтенных ученых и государственных деятелей — канцлер Томас Мор и епископ Рочестерский Фишер; оба пользовались европейской известностью и авторитетом в кругах гуманистов. Однако чем заметнее была фигура, тем большее значение Генрих придавал ее подчинению новой политической линии. Не дождавшись от своих оппонентов покорности, он послал обоих на эшафот; Мора не спасла его слава ученого и писателя, а Фишера — кардинальская шапка, спешно присланная папой из Рима. Список католических мучеников за веру пополнился, и это было грозным предупреждением всем: король не собирался шутить, если речь шла о его авторитете. Он один, своей волей, сделал выбор за всю страну, определив ей протестантское вероисповедание. То, что началось как семейная проблема Генриха, обернулось слишком серьезными последствиями для миллионов его подданных.

В начале 1533 года Анна Болейн объявила королю, что носит под сердцем его дитя — их будущего сына и наследника английского престола. Чтобы ребенок считался законнорожденным, требовалось немедленно поставить точку в деле о разводе. 25 января 1533 года Генрих VIII и Анна Болейн тайно сочетались браком (к этому времени король окончательно уверовал в то, что его брак с Екатериной Арагонской не имел законной силы), а весной архиепископ Кранмер наконец официально провозгласил его союз с испанкой недействительным. Несмотря на все протесты Испании и к

неудовольствию многих благочестивых католиков, 1 июня 1533 года состоялась торжественная коронация Анны Болейн в Вестминстерском соборе. Пробил час ее триумфа и как женщины, и как политика, сумевшего навязать свою волю Генриху и тем самым одержать верх над враждебными придворными группировками, над Уолси, над папой римским, над императором и, наконец, над самим королем Англии.

Итак, она добилась короны, но, чтобы удержать ее, Анне не меньше, а может быть, даже больше, чем Генриху, был необходим сын. Произведя на свет девочку, честолюбивая королева испытала жесточайшее разочарование. Зная нрав Генриха, ее недоброжелатели торжествовали, предсказывая ей скорое падение. Однако Анна Болейн сумела сохранить свое влияние на короля, убедив его, что в следующий раз у них непременно родится сын.

Новорожденную же нарекли Елизаветой и окрестили 10 сентября 1533 года в церкви монахов-францисканцев в Гринвиче. Церемония была проведена с приличествующей случаю помпезностью. Из лондонского Сити по Темзе на двух празднично украшенных баржах прибыли мэр Лондона, члены городского совета в полном составе и сорок наиболее уважаемых граждан; все в парадных одеждах и с огромными по моде того времени воротниками. Наблюдательный современник оставил подробный отчет о ходе церемонии: «Все стены по пути от королевского дворца к церкви францисканцев были увешаны шпалерами. Церковь тоже была украшена ими. Посередине церкви на трех ступенях возвышалась покрытая прекрасной материей серебряная купель, ее окружали джентльмены в фартуках и с полотенцами на шеях, следившие, чтобы ни соринки не попало в нее. Над купелью висел малиновый атласный балдахин с золотой бахромой, вокруг которого шел поручень, обтянутый красным сукном. Между хорами и главным нефом в жаровне горел огонь и было отгорожено место, чтобы там можно было подготовить ребенка. Когда дитя принесли в зал, все выступили вперед: горожане Лондона — пара за парой, потом джентльмены, сквайры и капелланы, олдермены, мэр, члены королевского совета, певчие в ризах, бароны, епископы, графы, граф Эссекс, который нес золотые сосуды, маркиз Эксетер со свечой из чистого воска. Маркиз Дорсет нес соль, леди Мэри Норфолк — крестильную сорочку, украшенную жемчугами и камнями. Далее следовали герольды. Старая герцогиня Норфолкская несла ребенка в мантии из пурпурного бархата с длинным шлейфом, который поддерживали граф Уилтшир, графиня Кентская и граф Дерби. Герцоги Саффолк и Норфолк сопровождали герцогиню с обеих

сторон. Балдахин над ребенком несли лорды Рочфорд, Хасси, Уильям Ховард и Томас Ховард-старший. Затем следовали леди и благородные дамы. Епископ Лондонский и другие епископы и аббаты встретили дитя у дверей церкви и окрестили его. Архиепископ Кентерберийский был крестным отцом, а старые герцогиня Норфолкская и маркиза Дорсет — крестными матерями. Когда это совершилось, церемониймейстер ордена Подвязки громким голосом призвал Господа послать ей многие лета. Архиепископ Кентерберийский произвел конфирмацию, и при этом маркиза Эксетер была крестной матерью. Потом затрубили трубы и были принесены дары… При выходе их несли впереди ребенка к покоям королевы сэр Джон Дадли, лорд Томас Ховард-младший, лорд Фитцуотер и граф Вустер. По дороге по одну сторону стояли гвардейцы и королевские слуги, держа 500 факелов, и еще множество светильников джентльмены несли позади ребенка. Мэра и олдерменов поблагодарили от имени короля герцоги Норфолк и Саффолк, и после угощения в погребах они отправились обратно на свою баржу». Так при свете факелов, среди полыхающего пурпура состоялось первое явление Елизаветы ее народу.

Уже несколько оправившаяся от разочарования королева постаралась превратить крещение дочери в политическую демонстрацию. Церемония по пышности не уступала звездному часу самой Анны — ее коронации в Вестминстере. Весь клан родственников Болейн выступил в этом ответственном политическом действе, сомкнув ряды, — ее дядя герцог Норфолк, многочисленные Ховарды, брат лорд Ромфорд.

Гринвичская церковь францисканцев, избранная для крещения принцессы, была не просто церковью, а полем боя, покинутым поверженным врагом, ибо монахи-францисканцы оставались яростными противниками развода короля и женитьбы его на Анне Болейн. Спустя год их орден будет разогнан Генрихом, пока же они смиренно склонили головы перед плодом ненавистного им брака. Та, кого они называли «королевской сожительницей», повелела украсить вход в церковь гобеленами, среди которых выделялся один — с изображением библейской Эсфири, раскрывающей заговор Хамана против иудейского царя. У современников, искушенных в аллегорическом языке тюдоровского наглядно-агитационного искусства, он, без сомнения, вызывал ассоциацию с доброй и мудрой королевой Анной, устраняющей дурных министров короля.

Из присутствующих, быть может, лишь бессловесное дитя да кое-кто из простодушных горожан, предвкушавших угощение в дворцовом погребке, не ощущали напряженной атмосферы, не

читали триумфа или затаенной ненависти во взглядах придворных. Испанский посол Чепис злорадно писал: «Крещение девочки, как и коронация ее матери, было весьма прохладно принято и при дворе, и в городе, никто и не помышлял о праздничных огнях и веселье, обычных в таких случаях».

После крещения король-отец, отсутствовавший на церемонии, даровал малютке титул принцессы Уэльской, и на время все благополучно забыли о ней.

Если верно, что характер человека начинает закладываться в самом нежном возрасте, с первых дней, когда ребенок еще живет среди таинственных смутных образов, воспринимая прикосновения, интонации голосов, выражение глаз как сигналы из огромного и загадочного внешнего мира, то первые годы жизни Елизаветы заслуживают пристального внимания. Родительские чувства в ту пору несколько отличались от современных. В духе времени мать отдала ребенка на попечение кормилиц, а уже в декабре 1533 года трехмесячной принцессе Уэльской был определен собственный двор с няньками, воспитателями, фрейлинами, слугами и казначеем. Резиденцией Елизаветы стал Хэтфилд-хаус — живописный дворец неподалеку от Лондона, куда ее и отправили, чтобы не отвлекать родителей от государственных дел и придворных развлечений (это ни в коей мере не было проявлением черствости или нелюбви к ребенку, но лишь заведенным порядком). При штате прислуги в тридцать два человека девочке хватало внимания и заботы, но можно ли утверждать, что ей доставало подлинной любви и нежности? В первые полгода ее жизни каждый из родителей навестил маленькую Елизавету дважды, а один раз они приехали вместе и задержались на целых два дня!

Все остальное время она была оставлена на слуг и придворных, и далеко не всякий из них был в восторге от «маленькой незаконнорожденной», дочери «сожительницы короля». Ибо еще до рождения Елизаветы, в июле 1533 года, папа римский издал буллу, объявлявшую брак Генриха и Анны и все потомство, рожденное от него, незаконными. В глазах любого правоверного католика дитя было бастардом. В своем младенчестве девочка счастливо не ведала, сколько ненависти вызывало одно упоминание ее имени в сердцах очень многих людей, называвших ее не иначе как ублюдком. Испанский посол добросовестно коллекционировал все поношения в адрес принцессы и ее матери, которые звучали в городе, и ему было что написать в утешение своему королю. В июле 1534 года схватили двух монахов-францисканцев, проповедовавших против королевы и ее отпрыска. Когда на допросе у них поинтересовались,

присутствовали ли они при крещении ребенка в Гринвиче и знают ли, в какой воде крестили Елизавету — теплой или холодной, один из монахов ответил, что «вода была горячая, но, с его точки зрения, недостаточно горячая». Он предпочел бы увидеть этого младенца заживо сваренным в кипятке.

Стены Хэтфилд-хауса и заботливая прислуга могли бы надежно оградить ребенка от этих волн холодной враждебности, но вскоре и в самом дворце появились люди, клокотавшие от ненависти при упоминании Анны Болейн или новоявленной принцессы Уэльской. Это были сводная сестра Елизаветы — дочь Генриха и Екатерины Арагонской Мария и ее ближайшее окружение.

Марии в ту пору исполнилось восемнадцать лет, и она чувствовала себя глубоко несчастной. После развода с первой женой Генрих разлучил ее с матерью, но поскольку она целиком встала на сторону последней, лишил и старшую дочь своего расположения. Ее не допускали к отцу, запретили переписываться с матерью, лишили титула принцессы Уэльской, передав его младшей сестре. Испанский посол, который поддерживал с экс-принцессой постоянную переписку, с тревогой сообщал ей, что даже само имя Мария хотят отнять у нее, назвав им новорожденную. Дочь испанки и такая же набожная католичка, как она, Мария ни за что не соглашалась признать Анну Болейн королевой и продолжала называть себя законной принцессой Уэльской. Анна же, казалось, находила особое удовольствие в том, чтобы унижать дочь своей соперницы; она потребовала, чтобы девушка оказывала ей королевские почести, а в наказание за неподчинение конфисковала у нее все драгоценности. Генрих, в сущности, любил Марию, но новая королева постоянными нашептываниями о том, что старшая дочь всегда будет представлять угрозу для остальных его потомков и может спровоцировать войну с Испанией, добилась того, что король установил порядок наследования престола, лишавший Марию каких-либо прав на него. В случае смерти Генриха корона должна была перейти к потомству Анны Болейн, каковая в случае необходимости становилась регентшей при малолетних детях. Ту же, кто была законной наследницей, объявили бастардом и называли просто «леди Мэри, дочь короля».

Когда маленькая Елизавета отбывала к своему новому двору в сопровождении двух герцогов, лордов и джентльменов, ее триумфально провезли через Сити. Испанский посол Чепис заметил, что имелась другая, более короткая дорога, но ее намеренно везли через Лондон: «для большей торжественности и чтобы убедить всех, что она — истинная принцесса Уэльская». Все

это больно ранило Марию, вовсе не способствуя пробуждению у нее родственных чувств к сводной сестре.

Упрямство старшей дочери раздражало короля. Он распустил двор Марии и отправил ее жить в Хэтфилд с минимальным числом слуг. Многие искренне сочувствовали экс-принцессе, раскол в королевской семье, разумеется, обсуждался придворными и прислугой в Хэтфилд-хаусе не меньше, чем при «большом» дворе или в дипломатических кругах. При «малом» дворе враждебность к Марии скорее приветствовалась, и кое-кто из слуг Елизаветы, занимавших высокое положение, был уволен за выражение симпатий к опальной принцессе. Сплетни на кухне, намеки, пикировки слуг и фрейлин обеих принцесс были неизбежным атрибутом первых лет жизни Елизаветы. Хэтфилд невелик, и, как бы Мария ни избегала встреч с той, которая лишила ее любви отца, они неизбежно сталкивались в аллеях парка или коридорах дворца. Одним из первых образов, который должен был запечатлеться в памяти маленькой Елизаветы, было упрямое бледное лицо рыжеволосой девушки, смотревшей на нее исподлобья. И во взгляде ее не было любви.

Туманный образ матери, которой Елизавете было суждено лишиться очень рано (когда ей исполнилось всего два года и восемь месяцев), был более умиротворяющим. Ей должны были смутно помниться удлиненный овал лица, тонкие нежные пальцы, ласкавшие ее… Но в больших темных глазах молодой женщины, которая держала ее на коленях, не было спокойствия, они были полны страха. Все чаще это прекрасное лицо искажалось гневными судорогами.

Анна Болейн теряла почву под ногами. Она наскучила Генриху, ее капризы и независимый нрав раздражали короля, который вернулся к привычным развлечениям и фрейлинам двора. Однажды, когда королева рискнула упрекнуть Генриха за невнимание к себе и явный флирт с одной из придворных дам, он ледяным тоном заметил, что «на ее месте был бы доволен тем, что король уже сделал для нее». Анна объясняла перемену мужа к ней его разочарованием из-за рождения дочери. Наконец она снова забеременела (что, впрочем, не заставило короля проводить с ней больше времени), но, к несчастью, у нее случился выкидыш. Вспышки гнева повторялись у нее все чаще, наводя страх на окружающих, но суровость Генриха по отношению к ней была еще более угрожающей.

Двух с половиной лет от роду Елизавета вполне могла запомнить сцену, разыгравшуюся между ее родителями во внутреннем дворике дворца (ее подглядел один из придворных): Анна Болейн с наигранной веселостью поднесла мужу крошку-

дочь, безуспешно стремясь вызвать у него улыбку, а король не пожелал приблизить к себе дитя и хранил холодное молчание, как грозный судия.

Он вдруг уверовал в то, о чем шептались многие за его спиной, — Бог не дает ему сына в наказание за греховный брак с Анной Болейн. Король понял, что совершил ошибку, и стал подумывать о том, как избавиться от второй жены. Спасти ее могла лишь новая беременность. На этот раз, как выяснилось позднее, она действительно ждала мальчика.

Начало 1536 года было вполне благоприятным для королевской четы. 7 января скончалась Екатерина Арагонская, освободив Генриха от угрызений совести и политических проблем (не было дня, чтобы испанцы оставили его в покое из-за покинутой жены, а император Карл грозил Англии войной за попрание законных прав своей тетки и ее дочери). Когда Господь призвал испанку к себе, при дворе разыгралась неслыханная по своей неприглядности сцена: король Генрих, облаченный в траур (по тогдашнему обычаю — в желтое), был тем не менее необычайно весел и не скрывал счастья. В этом «женатом вдовце» вдруг проснулись бурные отцовские чувства, и, схватив маленькую Елизавету на руки, он умиленно целовал ее, перенося из зала в зал, восхищаясь своей дочерью и расхваливая ее придворным. В конце концов все было хорошо, и у него на руках лепетало живое подтверждение тому, что у них с Анной вскоре может появиться и наследник.

Все рухнуло 29 января. В этот день хоронили Екатерину Арагонскую. Трудно не усмотреть перст судьбы или посмертное возмездие испанки в том, что произошло: король, который охотился и не почтил своим присутствием траурную церемонию, упал с коня и повредил ногу. Когда неприятное известие сообщили Анне, она разволновалась, почувствовала себя нехорошо, и у нее опять случился выкидыш. Узнав об этом, Генрих на удивление просто и несколько отстраненно сказал: «Значит, мне не суждено иметь сына…» Дни королевы были сочтены.

2 мая 1536 года Анна Болейн была арестована по сфабрикованному обвинению в многократном нарушении супружеской верности и препровождена в Тауэр. Ей инкриминировали преступные связи с пятью придворными, среди которых числились ее собственный брат, кое-кто из старых поклонников и придворный музыкант. Только последний не выдержал пыток и признал несуществовавшую связь с королевой, все джентльмены отвергли наветы. Королева мужественно защищалась, абсурдность обвинений была очевидна судьям с

первой минуты. Тем не менее обвинительный приговор всем участникам предполагаемого адюльтера был вынесен, и один за другим они взошли на плаху.

19 мая настал черед той, которая избрала своим девизом: «Счастливейшая из женщин». Она сохраняла самообладание и была верна себе до последней минуты. На эшафоте ее ждал палач, выписанный из Франции, чтобы помочь Анне Болейн уйти в мир иной с присущим ей при жизни изяществом. Последние слова королевы, обращенные к Генриху, были язвительны и точны, смирение перед неминуемой смертью не заслонило в ней сознания собственной невиновности и правоты: «Вы, Ваше Величество, подняли меня на недосягаемую высоту. Теперь Вам угодно еще более возвысить меня. Вы сделаете меня святой».

Игры в тени эшафота

Казнь матери и поношение ее имени не задели трехлетнюю Елизавету. Это позднее, став не по годам серьезным подростком, она начнет размышлять над происшедшим в ее семье. Пока же она только лишилась титула принцессы Уэльской, будучи объявлена незаконнорожденной. Теперь девочка стала дважды бастардом — и для католиков, и для протестантов. Первых обязывала так считать папская булла, вторым это предписывал акт английского парламента. В остальном же в жизни «леди Елизаветы, дочери короля», ничего не изменилось. Отец не перенес на нее ненависть, которой воспылал к ее матери, и по-прежнему любил Елизавету издали, не обременяя себя визитами и радуясь известиям о том, что ребенок растет и хорошеет. Правда, первая дама и управительница ее маленького двора леди Брайан жаловалась в 1536 году, что девочка выросла из старой одежды и обносилась, но такое случается, дети растут быстро. Поскольку жалобы не повторялись, меры по обновлению гардероба принцессы, очевидно, были приняты. Стол же маленькой девочки в Хэтфилде выглядел на удивление обильным. Причина крылась в том, что хитрецы придворные из мужской половины двора специально заказывали поварам тяжелые, сытные и изысканные блюда, которые были в буквальном смысле не по зубам ребенку, и, торжественно выставив их на стол, уносили нетронутыми, чтобы после полакомиться самим.

Девочка росла здоровой, миловидной и завоевывала сердца тех, кто ее видел. Теперь, когда Анна Болейн ушла в небытие и статус обеих дочерей короля уравнялся, принцесса Мария оттаяла душой и стала называть Елизавету не бастардом, а сестрой. В

одном из писем к отцу она признавалась, что не может не испытывать радости, видя, что Елизавета «такое смышленое дитя». Вскоре положение Марии изменилось к лучшему благодаря заступничеству новой жены короля Генриха — Джейн Сеймур.

После казни Анны Болейн Генрих впал в странное состояние: он предавался неистовому самоуничижению, повторяя всем и каждому, что его жена «обманывала его сотни и сотни раз». «Никто и никогда не видывал рогоносца, который бы с большим удовольствием демонстрировал свои рога, чем он», — писал изумленный иностранец, оказавшийся при английском дворе. Доведя собственную жалость к себе до высшей точки, Генрих наметил новую избранницу, так как главная проблема его семейной и политической жизни все еще оставалась неразрешенной — ему по-прежнему недоставало наследника. Леди Джейн Сеймур была полной противоположностью Анне Болейн и могла считаться образцом идеальной жены в традиционном средневековом понимании: некрасивая, но милая, недалекая, но тихая и заботливая. Впрочем, ей хватило сообразительности воспользоваться опытом предшественницы, и когда король послал ей письмо с изъявлением симпатий и кошелек с золотыми, Джейн вернула дар, поцеловав письмо и пожелав во всеуслышание, чтобы «Господь послал его величеству добрую жену». Она и стала ею.

Будучи протестанткой, Джейн Сеймур тем не менее хорошо относилась к Марии и не раз усмиряла гнев Генриха, вызванный тем, что дочь, не уступавшая ему в упорстве, по-прежнему отказывалась принять реформированную религию и принести присягу отцу как верховному главе англиканской церкви. Когда конфликт достиг апогея, Генрих в бешенстве пообещал отправить Марию на плаху как государственную преступницу. Поскольку сомневаться в том, что он способен на это, не приходилось, император Карл и испанский посол с трудом убедили упрямицу подчиниться ради спасения ее собственной жизни. Джейн Сеймур со своей стороны постаралась утихомирить разъяренного супруга. Архиепископ Кранмер также приложил немало усилий, чтобы примирить отца с дочерью. Наконец, глотая слезы, Мария покорилась, уверенная в душе, что совершает тяжкий грех. Генрих возрадовался, снова допустил дочь к себе, посадил за свой стол, восхищался тем, как она повзрослела, приказал восстановить ее двор. В трогательной идиллии воссоединения семьи произошла только одна заминка — королева Джейн довольно бестактно заметила: «Вот видите, Ваше Величество, а Вы хотели лишить нас этого цветка».

В 1537 году королева удалилась во внутренние покои дворца

и перестала принимать участие в придворных развлечениях. Это было верным признаком того, что она ждет ребенка. Вскоре Джейн Сеймур родила Генриху долгожданного сына Эдуарда, но заплатила за это собственной жизнью, скончавшись после родов. Король не счел это слишком дорогой ценой и, в меру погоревав, вновь предался веселью. Его важнейшая цель была достигнута — отныне у него был наследник! Снова повторилась церемония крещения, еще более торжественная и помпезная. Елизавета по этому поводу впервые «вышла в свет». Обе сводные сестры новорожденного принца несли за ним к купели шлейф пурпурной мантии, при этом четырехлетнюю Елизавету саму несли на руках по причине «ее нежного возраста».

«Леди Елизавета, дочь короля», хотя и оставалась формально незаконнорожденной, была важной персоной при дворе; как всякий «королевский бастард», она стояла на социальной лестнице неизмеримо выше остальных. Ее грядущую судьбу можно было легко предсказать: девочке предстояло стать одной из разменных фигур в политических играх короля-отца с другими монархами. Ей скоро подыскали бы подходящую партию при одном из европейских дворов, кого-нибудь из принцев крови, и отдали бы в уплату за дипломатические уступки или чтобы скрепить нарождающийся политический союз, предварительно дав ей надлежащее образование, научив музицировать и вышивать гладью, грациозно танцевать и говорить по-французски. Первые планы такого рода появились у Генриха, когда дочери едва исполнился год. Поскольку Франция, исходя из собственных антииспанских интересов, поддержала его в деле о разводе, между английским и французским монархами на время установились теплые отношения. В 1534 году начались переговоры о возможном браке Елизаветы с герцогом Ангулемским, одним из принцев крови. Французы, однако, запросили за ней такое приданое, что Генрих оскорбился, и английская сторона прервала переговоры. Теперь, когда девочка утратила официальный статус принцессы, ее цена на брачном рынке упала, но все же оставалась достаточно высокой, чтобы ее руки добивались ведущие правящие дома. Правда, к этому времени друзья и враги Англии, как в танце, вновь поменялись местами: Генрих VIII охладел к Франции и вернулся к традиционному союзу с Испанией, поэтому Елизавету стали прочить в жены кому-нибудь из племянников императора Карла. К ней начали пристальнее приглядываться послы и других держав, а также английские государственные деятели. Этому вниманию мы обязаны появлением в конце 30-х годов первых ее характеристик. Как особу королевской крови ее воспитывали в

жестких рамках придворного этикета. В 1539 году государственный секретарь Райотесли, посетивший Елизавету в замке Хертфорд, остался очень доволен тем, какой он ее нашел, и провидчески заметил: «Если ее образование будет не хуже, чем ее воспитание, она станет украшением всего женского рода». А итальянский посол после встречи с Елизаветой умилялся тому, что шестилетний ребенок держит себя с важностью и достоинством сорокалетней матроны.

Что происходило в душе этой не по годам степенной девочки, какие мысли рождались под медно-рыжей копной волос, обрамлявших ее высокий выпуклый лоб, — а она вступала в тот возраст, когда дети неутомимо изучают мир, людей и выносят о них свои безоговорочные суждения, — навсегда останется тайной. Достоверно только одно: к восьми годам в результате этих раздумий у нее сложилась чрезвычайно оригинальная точка зрения на брак.

Этому предшествовали две очередные женитьбы ее отца, обе в высшей степени напоминавшие фарс, но закончившиеся глухим ударом топора о плаху.

Следующий после смерти королевы Джейн брачный союз Генрих заключил в 1540 году. На этот раз брак был задуман как чисто политический шаг, в необходимости которого Генриха убедил его первый министр Томас Кромвель. Трагикомическая история со сватовством к Анне Клевской хорошо известна: среди нескольких портретов иностранных претенденток его привлек один, написанный Гансом Гольбейном. С портрета на него смотрело чистое, чуть наивное лицо белокожей девушки. Оригиналу, однако, оказалось далеко до живописной копии, и когда трехкратный вдовец встретил свою нареченную в Дувре, единственным его желанием стало отправить ее корабль обратно к берегам Германии. Брак с той, кого Генрих непочтительно именовал «немецкой телкой», тем не менее состоялся. Правда, несчастный король был наконец вознагражден за насаждение реформированной религии: поскольку оба супруга были протестантами, развод не представлялся чрезвычайно сложным делом (брак в протестантизме не рассматривался как священное таинство и мог быть расторгнут). Анна Клевская получила отступного и, поселившись в замке Хивер, спокойно и безбедно провела там остаток своей жизни. Генрих, должно быть, сильно огрубел с годами, если так легко подарил ей тот самый замок, где когда-то провел самые волнующие дни влюбленности в Анну Болейн. Единственной жертвой этого комического брака стал верный сподвижник короля в проведении Реформации, его правая рука — Томас Кромвель, голова которого скатилась с плеч.

Генрих же стремительно бросился в очередную брачную авантюру и женился на красавице Екатерине Ховард — родственнице покойной Анны Болейн. Леди оказалась своенравной, наделенной сильным характером, что роднило ее с кузиной Анной. Но в отличие от последней она действительно была неверна королю. Финал, впрочем, был одинаков для обеих — эшафот.

Все эти матримониальные игры, неизбежно заканчивавшиеся кровью, в особенности смерть Екатерины Ховард, произвели на Елизавету очень глубокое впечатление. Екатерина была добра к ней и даже подарила девочке кое-что из своих украшений. Ее похоронили в Тауэре, в одной часовне с Анной Болейн, и траурные флаги над их надгробиями имели одни и те же фамильные цвета. Сходство судеб двух молодых женщин было поразительно и не могло не заставить Елизавету задуматься об участи ее матери и о характере отца, губившего всех, кого он любил.

Ее представления о той, кого она почти не помнила, неизбежно должны были быть сентиментально-идеализированными. Подростком она сохранила и пронесла через всю жизнь как память о матери перстень с изображением сокола — герба Анны Болейн, а став взрослой, заказала себе медальон с двойным портретом — матери и себя самой. С портрета на нее смотрела Анна — прекрасная, печальная, благородная.

Ее горячо любимый отец, напротив, был земным, полным жизни; весь — обильная плоть, гордившийся тем, что «на ляжках у него неплохие окорока», он притягивал дочь и смущал ее. Елизавета уже вступала в тот возраст, когда подростки видят недостатки своих родителей и иногда позволяют себе быть критичными к ним. Генрих старел. Он еще более растолстел, ноги его опухли, лицо стало одутловатым, а буйство крови все еще толкало его на опрометчивые шаги. В двух последних брачных историях он выглядел нелепо и отталкивающе.

Как бы там ни было, вывод, к которому Елизавета пришла в свои восемь лет по здравом размышлении, был очень серьезен, и она тут же поспешила сообщить о нем своему товарищу по играм Роберту Дадли, будущему графу Лейстеру: «Я никогда не выйду замуж».

Она осталась верна этому необыкновенному обету, данному еще ребенком. Здесь мы впервые прикасаемся к тому, что было загадкой всей ее жизни, — ее упорному нежеланию выйти замуж, подчиниться чужой воле, раствориться в ней, утратив собственное «я», выпустить из рук власть, которую ей даровала судьба, отдать ее только на том основании, что она женщина, а современное ей

общество считало, что женщина не может быть самоценной личностью и непременно должна повиноваться мужчине — отцу, опекуну, брату, мужу. Это упорство вовсе не было странным капризом или, как были склонны считать многие романисты, от Шиллера до Цвейга, следствием ее тайной физической или психической ущербности. Это было стойкое убеждение уверенной в своих силах и трезвомыслящей личности, и оно начало формироваться у Елизаветы еще в отрочестве. Уже детские и юношеские годы принесли ей необычный опыт, убеждавший в том, как опасно женщине оставаться беспомощной и слабой игрушкой в мире, которым правят мужчины. Каждый новый шаг лишь укреплял Елизавету в этой мысли. Душевное смятение, вызванное чередой трагедий женщин, вознесенных и погубленных ее обожаемым и пугающим отцом, и детский страх перед непостижимой жестокостью смерти легли в основу ее опередившего время «феминизма», продиктованного инстинктом самосохранения.

Воспитание чувств: опасные связи и утраченные иллюзии

Между тем Елизавете исполнилось десять лет; она вступила в самый безмятежный и счастливый период своей жизни. Обычное времяпрепровождение девочки в Хэтфилде — прогулки по тенистым аллеям среди кряжистых дубов, верховая езда, игры со сверстниками, музицирование — теперь приятно разнообразили занятия с наставниками. Она охотно училась и вскоре уже хорошо говорила и читала по-латыни, чуть медленнее — по-гречески, бойко болтала на французском и итальянском. Чтение латинских авторов стало для нее также и первым знакомством с историей, ибо это были Цезарь, Цицерон и Тит Ливий. Из греков она предпочитала Демосфена за безукоризненный стиль.

Со временем к Елизавете присоединился младший брат Эдуард. В наставники королевским детям выбрали ученых мужей из Кембриджа, из колледжа Сент-Джон (Святого Иоанна), которому покровительствовал Генрих. Выбор был знаменателен: в отличие от других цитаделей науки, и в первую очередь от более древнего и престижного Оксфорда, Сент-Джон был колыбелью молодых, свободно мыслящих ученых, в основном приверженных духу Реформации. Их отличие от университетских ученых мужей прежней генерации было столь же разительным, как и тех преподавателей, которые появились в 60-х годах нашего века, — молодых, ироничных, бородатых, к ужасу академического мира, приходивших на лекции в свитерах и джинсах. Августейшая

ученица была в восторге от своего первого учителя Уильяма Грин дел а и занималась с большим рвением. К несчастью, он вскоре умер, и Елизавета, которой предоставили выбор, остановилась на его ученике Роджере Эшаме и не ошиблась, ибо этот человек оказался прекрасным педагогом и верным другом в самые трудные периоды ее юности.

В 1543 году трое полусирот, дети короля Генриха, получили новую мачеху, которая стала для них заботливой матерью. 12 июля Мария, Елизавета и Эдуард присутствовали во дворце Хэмптон-Корт на венчании своего отца с его шестой женой — Екатериной Парр. Среди неземного убранства резной часовни, под голубым сводом, украшенным звездами, Генрих наконец соединился с той, которая не обманула ожиданий и скрасила последние годы его жизни. Дважды вдова, тридцатилетняя Екатерина Парр была для него идеальной партией: красивая благородной, спокойной красотой, уравновешенная и приветливая, убежденная протестантка, высокообразованная и привлекавшая в свой светский кружок интеллектуалов и художников, и в довершение всего — любившая детей. Она взяла под крыло всех троих, и они счастливо проводили время в Челси в ее лондонском дворце на берегу Темзы.

Екатерина Парр всерьез заботилась об образовании Елизаветы и Эдуарда; оба писали ей письма то на греческом, то на латыни, чтобы продемонстрировать успехи в грамматике и стилистике. Маленькая принцесса вышивала для своей мачехи подарки, но то были не традиционные дамские безделушки, а переплеты для книг, в которые вкладывались новейшие переводы с французского или же первые опыты в стихосложении самой Елизаветы.

В 1547 году, когда Елизавете исполнилось тринадцать с половиной лет, в эту семейную идиллию вновь вторглась смерть. В январе умер король Генрих VIII, о чем девочка узнала в Энфилде, одной из королевских резиденций, будучи избавлена от тяжелого зрелища агонии этого одряхлевшего гиганта. Оттуда она написала сдержанно-скорбное письмо брату Эдуарду, поздравив его попутно с восшествием на престол. Младший брат, которого спешно увезли в столицу короноваться, прислал ей философски-рассудительный ответ, заметив, что более всего его печалит отъезд из Энфилда и расставание с дорогой сестрой. Едва ли стоило ждать бурного выражения горя от детей, проведших большую часть жизни на почтительном удалении от отца. О вынужденной разлуке друг с другом они сожалели гораздо сильнее.

Приблизительно в это время, возможно, по заказу Эдуарда

или Екатерины Парр, художник, чье имя не дошло до нас, написал портрет Елизаветы. Это первое из известных ее изображений. Она предстает несколько недовольной, худой, с выступающими ключицами рыжей девочкой-подростком, которую отвлекли от более занимательных дел, одели в пурпурное платье, обильно украшенное золотой вышивкой и жемчугами, и заставили позировать. Раскрытая книга на заднем плане и другая — в руках, заложенная закладкой, а для верности еще и пальцем, чтобы тотчас после сеанса вернуться к чтению, — далеко не обычные атрибуты для парадного портрета тринадцатилетней девочки. Губы ее крепко сжаты, в лице нет ни малейшего намека на улыбку или стремление выглядеть привлекательнее, чем она есть на самом деле. Одни лишь глаза ее действительно необыкновенно красивы — огромные, миндалевидные, темные, как у Анны Болейн. Да и вся она — копия матери: тот же продолговатый овал лица, твердо очерченный, чуть выступающий подбородок, несколько длинноватый, но правильной формы нос, спокойные дуги бровей и необыкновенно тонкие, изящные, унизанные перстнями пальцы, которыми Елизавета будет так гордиться, повзрослев. Кокетство и прелесть совершенно отсутствуют в ее лице. Чего в нем хватает в избытке, так это характера. Вскоре твердость его подверглась первой серьезной проверке, ибо Елизавета вступала в полосу нескончаемых испытаний.

Умирая, Генрих VIII упорядочил в своем завещании наследование престола, передавая его сыну Эдуарду, в случае, если тот умрет, не оставив наследников, — Марии, а затем, с теми же оговорками, — Елизавете. Таким образом, последняя была официально восстановлена в статусе принцессы и претендентки на престол, хотя ее шансы когда-нибудь занять его расценивались невысоко. Если же всем отпрыскам Генриха было суждено умереть бездетными, права на корону переходили к потомству сестры короля — семейству маркиза Дорсета, среди которого ближайшей претенденткой на престол считалась младшая кузина Марии и Елизаветы леди Джейн Грей. Такое обилие юных дев, чье чело при благоприятных обстоятельствах могла украсить корона, никак не способствовало политической стабильности в государстве, ибо Эдуард был еще мал и некрепок здоровьем. У каждой из них были свои сторонники и противники — многочисленные кланы близких и дальних родственников; дело осложнялось и конфессиональным расколом страны: Марию горячо желали видеть на троне католики, Елизавету или Джейн Грей — протестанты. Сановникам и членам королевского совета, управлявшим страной, постоянную головную боль доставлял тот

факт, что каждая из молодых наследниц рано или поздно должна была выйти замуж. Следовало избежать множества подводных камней, чтобы этот брак пошел на благо государства, а не отдал бы Англию в руки авантюриста или не подчинил ее воле иноземного правителя. Одним словом, проблема замужества любой из трех — Марии, Елизаветы или Джейн была делом государственной безопасности.

Пока же, учитывая малолетство короля Эдуарда, страной правил регент — его дядя герцог Сомерсет. У него был брат — честолюбивый и решительный лорд-адмирал Томас Сеймур, обаятельный и остроумный сорокалетний холостяк, самая завидная партия во всем королевстве для незамужней высокородной девицы. Уязвленный тем, что старший брат сконцентрировал в своих руках всю власть и не желал ею делиться, сэр Томас решил обойти его другим путем, полагая, что если слабый здоровьем Эдуард умрет, то скорее всего завещает престол не католичке Марии, а протестантке Елизавете. Он не стал медлить и обратился в королевский совет, испрашивая разрешения на брак с четырнадцатилетней леди Елизаветой. Протектор Сомерсет и совет ему отказали.

Тогда неунывающий лорд-адмирал предложил руку и сердце вдове Генриха VIII Екатерине Парр, и они были с благосклонностью приняты, тем более что еще до брака с королем Екатерина была влюблена в Сеймура. Они поженились тайно, чтобы не дожидаться разрешения совета, и некоторое время скрывали свои отношения. Тем временем протектор Сомерсет удовлетворил просьбу Екатерины Парр оставить Елизавету под одной крышей, дабы она могла и далее заботиться о ее воспитании. Так по воле судьбы принцесса и ее окружение стали составной частью семьи и двора Парр и Сеймура.

В неловкой ситуации, возникшей вслед за этим, был безусловно виноват лорд-адмирал, которому вздумалось заигрывать с чувствами юной девушки. Он хорошо умел располагать к себе людей и легко внушил ей симпатию. Елизавете было известно, что он хотел на ней жениться, и уж конечно ее придворные дамы не уставали нашептывать ей, что, если бы не решение совета, красавец сэр Томас, разумеется, предпочел бы принцессу тридцатичетырехлетней вдове. Заметили, что при упоминании его имени у нее на щеках появлялся румянец, но девушка отвечала молчанием на все игривые вопросы своей верной воспитательницы Кэт Эшли.

Нравы XVI века не предполагали никакой интимности, как и дворцы, в которых жили люди в ту пору, не были созданы для уединения. Покои располагались анфиладой, и, будь то кабинет,

спальня или библиотека, через них непрерывно сновали придворные, чтобы пройти в другие залы. Множество слуг и придворных присутствовали как при отходе сильных мира сего ко сну, так и при их пробуждении, туалете, трапезе и т. д. Лорд Сеймур завел привычку, шествуя по утрам полуодетым, заглядывать в спальню к Елизавете, чтобы пожелать доброго утра, и, если она еще не поднялась, самолично раздвинуть полог и дать ей дружеский шлепок. Иногда его шутки были грубее, тогда девочка стыдливо пряталась от него в подушках в глубине постели. В конце концов даже добродушная Кэт Эшли заявила адмиралу, что его вид непотребен, а шутки непристойны. Сеймур изумился и изобразил обиду: по его словам, он не имел в виду ничего дурного. Придворные сплетники, разумеется, нашептывали предостережения Екатерине Парр, но она со смехом отметала их. Чтобы загладить неловкость мужа, она стала вместе с ним навещать по утрам девушку, которую считала дочерью. Елизавета тоже пыталась постоять за себя по мере сил: начала вставать раньше, и нагрянувший Сеймур часто заставал ее уже за книгами. Сэр Томас тем не менее не изменил своим опасным привычкам, и скандал разразился, когда Екатерина Парр застала его держащим Елизавету в объятиях.

Ее воспитанница не знала куда деваться от стыда и была в ужасе от того, что ее заботливая покровительница может заподозрить в происшедшем ее вину. Этого, по-видимому, не произошло, и между женщинами сохранились добрые отношения, но они не могли не стать прохладнее. Опасаясь повторного инцидента и памятуя о том, что она несет перед советом ответственность за нравственность и чистоту принцессы, Екатерина Парр решила отослать ее подальше от мужа, и по весне та отправилась в Хертфордшир в поместье Чешант под опеку обходительного сэра Энтони Дэнни. Елизавета по-прежнему чувствовала себя пристыженной и от сильных переживаний слегла, с ней приключился первый из нервных срывов, которые потом часто повторялись, оставляя после себя мучительные, изводившие ее мигрени.

Забыться ей помогали занятия с Роджером Эшамом, и она погрузилась в них с головой. Это было бегством от реальности, в которой ей грозили неожиданные опасности от людей, пытавшихся манипулировать ею. По счастью, девизом Эшама было: «Науки — это убежище от страха». Они занимались латынью и греческим, Елизавета переводила древние тексты с одного языка на другой, а затем обратно. Остальное время отводилось теологии, чтению и комментированию священных текстов и трудов протестантских авторов и конечно же истории. К

ее французскому и итальянскому в это время прибавились испанский, фламандский и немецкий. В перерывах Елизавета упоенно скакала верхом по полям Хертфордшира, так как была прекрасной наездницей, а учитель полагал, что физические упражнения необходимы его подопечной.

Едва она обрела душевное равновесие, проведя год в вынужденном уединении в Хертфордшире, как из Лондона пришло известие о том, что Екатерина Парр умерла во время родов. Лорд-адмирал, чьи руки оказались теперь развязаны, энергично возобновил свои попытки подняться к вершинам власти. Он очень сблизился с мальчиком-королем, стараясь превратиться в его главного советника и друга и уменьшить влияние своего брата, протектора Сомерсета. Елизавете по-прежнему отводилась важная роль в его планах. Когда в конце 1548 года казначей ее двора Томас Перри приехал по делам в Лондон, лорд-адмирал имел с ним долгую беседу, выяснив массу подробностей о состоянии финансов принцессы, принадлежащих ей поместьях и доходах от них. Он попутно дал Перри несколько дельных советов о том, какие земли можно было бы выгодно приобрести для его молодой госпожи. Должно быть, по чистой случайности все они граничили с его собственными владениями или были окружены поместьями его верных друзей. Перри поделился впечатлениями от этой встречи с Кэт Эшли, и кумушка Кэт возликовала: не иначе как адмирал возобновит свои ухаживания за Елизаветой! Но когда она спросила принцессу, вышла бы та замуж за Томаса Сеймура — ведь он великолепная партия, то в ответ услышала твердое «нет». Она очень повзрослела за год своей ссылки. Прежняя робкая влюбленность, если она и имела место, сменилась трезвой оценкой претендента на ее руку. Холодный вердикт, вынесенный девушкой, которой еще не исполнилось шестнадцати, зрелому человеку, мнившему себя великим государственным деятелем и политиком, был обескураживающим: «Он умен, но ему не хватает рассудительности».

Через несколько месяцев это полностью подтвердилось. Зимой 1549 года у Сеймура все было готово для совершения государственного переворота. По-видимому, он намеревался захватить короля, заставить его отстранить лорда-протектора и назначить себя новым регентом. Дальнейшее можно было легко предсказать: он женится на Елизавете и, может быть, со временем станет королем.

Однако ночью 17 января, когда лорд-адмирал попытался в неурочный час войти в покои Эдуарда, его арестовали, и местом его следующего ночлега стал Тауэр. Его участь была решена, и

плаха явилась закономерной расплатой за попытку государственной измены.

Королевский совет, однако, заинтересовался ролью принцессы Елизаветы во всей этой истории. Знала ли она о планах Сеймура, предлагал ли он ей жениться втайне от совета и что она отвечала, состояли ли они в переписке, вели ли переговоры через третьих лиц? Положительный ответ на любой из этих вопросов означал бы, что она — соучастница государственного переворота с целью свержения собственного брата. Старый эпизод со скандалом в доме Парр был извлечен на свет и предан огласке. Не были ли они в сговоре еще при жизни жены лорда-адмирала?

В Хэтфилд-хаус, где Елизавета жила в то время, отправили некоего Р. Тирвитта, чтобы допросить принцессу и добиться от нее правды. Допросы затянулись на много дней. Если прежде вопрос о ее отношениях с лордом-адмиралом вызывал у Елизаветы краску стыда и естественное смущение, то теперь он рождал леденящий страх. Впервые принцесса оказалась так близка к эшафоту, куда на ее глазах всходили очень многие. На все вопросы Тирвитта она отвечала упорным «нет», периодически разражаясь слезами, но он не верил ее нервическим припадкам, считая их, возможно не без оснований, игрой. Ее казначея Томаса Перри и Кэт Эшли бросили в Тауэр, добиваясь признания, что они служили посредниками между Елизаветой и Сеймуром. Те отрицали все. Тирвитт, сам измотанный допросами, доносил лорду-протектору, что Елизавета, по его мнению, виновна и что-то скрывает, но от нее трудно добиться истины, ибо «у нее очень острый ум и ничего невозможно вытянуть из нее без больших ухищрений». Он подталкивал принцессу к тому, чтобы переложить вину на приближенных, которые якобы плели интриги за ее спиной, но она не предала верную Кэт Эшли. В ней взыграло упрямство, достойное отца, и сама будучи на волосок от смерти, она тем не менее послала протектору Сомерсету дерзкое письмо, требуя вернуть ей любимую воспитательницу, вырастившую ее. «Она была со мной в течение долгого времени, многие годы и положила немало сил и трудов, чтобы воспитать меня в честности, поэтому мои обязанность и долг вступиться за нее, ибо святой Григорий учит, что мы более привязаны к тем, кто нас вырастил, чем к собственным родителям. Родители делают только то, что естественно для них, то есть приводят нас в этот мир, те же, кто воспитывает нас по-настоящему, дают нам возможность чувствовать себя хорошо в нем!» Подписывалась «подследственная» с истинным достоинством королевской дочери, несмотря на то, что обращалась к тому, от кого зависела

ее судьба: «Ваш убежденный друг, насколько это в моих силах».

Когда страсти утихли и ее наконец оставили в покое, так ничего и не добившись, Елизавета снова слегла в полном нервном истощении. Но труднейший экзамен, где ей пришлось проявить и стойкость, и изворотливость, и хитрость, она выдержала, в первый раз отстояв свою жизнь. Она двигалась среди опасностей ощупью, сама выбирая путь и не имея наставников в искусстве политики, на роль которых не годились верные слуги вроде Перри или Эшли, их она переросла (Елизавета, кстати, извлекла обоих из Тауэра, отстояв их невиновность). Скорее ее подлинными советниками были Цицерон и Тит Ливий, вооружившие молодую принцессу бесценными знаниями о природе политики и прецедентами из истории великого Рима, изобиловавшей жестокой борьбой. Они научили ее вести полемику, красноречиво защищаться и убедительно атаковать, античные примеры отточили стиль ее писем, заострили аргументацию.

История и теология по-прежнему оставались ее страстью. В минуты испытаний Елизавета, как и прежде, не отпускала от себя Роджера Эшама, находя в общении с ним успокоение. Наставник восхищенно писал другу о своей ученице: «Ее ум лишен женской слабости».

Елизавете импонировали комплименты такого рода. Спустя год, когда ей исполнилось восемнадцать, она сама со своеобразной гордостью написала брату Эдуарду: «Моя внешность, быть может, и заставит меня покраснеть, что же касается ума — его я не побоюсь явить».

Эта самооценка весьма примечательна, ибо в ней звучит весьма необычное для молодой девушки тщеславие: она как будто встает на расхожую в то время точку зрения, согласно которой глубокий ум — не женское качество, ибо женщины неумны, кокетливы, склонны больше думать о внешнем. Елизавета как бы отстраняется от них, все ее интересы и пристрастия больше роднят ее с мужчинами, которым присущи глубина суждений и обстоятельность. Откуда эта небрежность и легкий скептицизм по отношению к собственной женской природе? В более зрелые годы она поймет, что в обществе, где доминируют мужчины (при условии, что они соблюдают правила куртуазной игры), удобно быть женщиной, занимающей высокое положение, и научится искусно пользоваться всем арсеналом типично женских средств, чтобы повелевать ими, — будет то обворожительно-капризной, то величественно-недоступной. Она перестанет краснеть за свою внешность, напротив, полюбит румяна. Но тем не менее Елизавета всегда будет гордиться тем,

что отличало ее от большинства женщин, — недюжинным умом, эрудицией, умением вершить государственные дела, способностью в минуту опасности надеть доспехи и, подобно Жанне д'Арк, повести за собой нацию, тем, что она может не хуже любого мужчины скакать верхом без устали и на охоте хладнокровно рассечь кинжалом глотку загнанному зверю.

Это причудливое сочетание мужественности и женственности, составлявшее ее неповторимую индивидуальность, уходило корнями все в тот же ранний период формирования ее личности. Современный психоаналитик, возможно, нашел бы объяснение ее характеру в предопределенности, заданности его «родительской матрицей». Действительно, идеализированный образ матери, рассказы о ее изяществе, элегантности, прекрасных манерах, не позволят Елизавете игнорировать важность этих качеств и заставят развивать их в себе. Но остальные черты, присущие Анне Болейн, — ее интеллект, энергия, честолюбие в тогдашнем понимании делали ее мать непохожей на остальных женщин, относясь скорее к мужским прерогативам, и именно эти качества стали образцом для дочери. Ее отец Генрих был ярким воплощением мужского начала. Все в жизни дочери и сама ее жизнь зависели от расположения этого могучего гиганта, порой доброго, порой ужасного, как чудовище из страшной сказки. Он был одновременно притягателен и опасен, ему надо было понравиться, заслужить его любовь и одобрение. Елизавета стремилась к этому всеми силами. Этого можно было достичь чисто женскими средствами — манерничаньем и кокетством, но девочка не превратилась в жеманницу. Она рано поняла, что с первого дня своей жизни вызывала у него разочарование и что причиной этого являлся именно ее пол. Поэтому с детства она инстинктивно пыталась преуспеть в неженских занятиях, и прежде всего в научных штудиях. Ничто так не радовало отца, как ее успехи на этом поприще. Елизавета не могла не видеть, что ее пол стал причиной гибели ее несчастной матери и ее собственных унижений. Родись она мальчиком, она не была бы принцессой-бастардом, а носила бы корону Англии. Наконец, она была бы гарантирована от попыток все новых и новых Сеймуров воспользоваться ею для воплощения собственных авантюрных планов.

Кто знает, что сыграло большую роль — «родительская матрица» или собственный печальный опыт, но в свои восемнадцать лет Елизавета предпочитала занятия древними языками развлечениям и флирту. По крайней мере достоверно одно: случай с лордом-адмиралом укрепил ее в уверенности, что

быть женщиной и наследницей престола, руки которой добиваются, — не столь уж приятно и весьма небезопасно.

Ничто не могло убедить ее в этом лучше, чем события, развернувшиеся в начале 1550-х годов, в которых Елизавета, по счастью, осталась лишь зрителем.

Осенью 1549 года лорд-протектор Сомерсет был смещен членами королевского совета и попал в Тауэр. У кормила власти его сменил Джон Дадли, лорд-управляющий двором и маршал Англии, который вскоре присвоил себе титул герцога Нортумберленда. По фальшивым обвинениям в покушении на его жизнь Сомерсета вскоре казнили, и, казалось, дорога наверх была открыта для новоиспеченного герцога и его пятерых сыновей.

Нортумберленд был ревностным протестантом. В период его регентства реформа церкви в Англии получила наконец теоретическое оформление: при нем молодой король утвердил новый «Символ веры» и «Книгу общих молитв», отныне определявшие основы англиканской веры и службы. Эдуард с головой погрузился в дела церкви, чувствуя, что дни его сочтены и он должен довести до конца дело, начатое отцом. Туберкулез пожирал легкие этого мальчика, его кости начинали гнить, а ногти отслаивались с больных пальцев, но умирающего подростка больше всего волновало, что после его ухода реформированная религия в Англии может оказаться в опасности, особенно если на престоле его сменит старшая сестра — католичка Мария. Нортумберленд воспринимал проблему престолонаследия не менее остро: воцарение Марии грозило ему опалой, потерей власти, а может быть, и головы.

В 1551 году Эдуард пригласил ко двору Елизавету, с которой не виделся со времени заговора Сеймура. Возможно, для Нортумберленда это были смотрины одной из вероятных наследниц престола.

Елизавета провела эту встречу как нельзя лучше. Она показала себя истинной протестанткой, предельно скромной, погруженной в изучение Священного Писания. Среди разряженных и усыпанных драгоценностями придворных дам она явилась в строгом платье, без украшений, с простой прической, чем совершенно очаровала брата. Ее интерес к Писанию был безусловно глубоким и искренним, что же касается чрезмерной скромности, то она, скорее всего, была напускной. Если Елизавета и была «синим чулком», то только в отношении своих знаний и интереса к наукам; одеваться она умела, всегда была подчеркнуто элегантна и в обычных случаях не пренебрегала украшениями (ее скорее можно назвать «желтым чулком», так как именно она первой ввела в Англии моду на желтые ажурные чулки

французского производства). Во время визита в столицу она лишь безошибочно выбрала линию поведения, чтобы произвести на брата наилучшее впечатление.

Герцог Нортумберленд тоже оценил ее по достоинству. Ходили слухи, что поначалу этот далеко не молодой государственный муж задумал сам жениться на принцессе, чтобы вместе с ней взойти на престол. Но после встречи с ней он изменил планы. Возможно, Елизавета показалась ему слишком самостоятельной и хитрой, и он не был уверен, что сможет превратить ее в свое бессловесное орудие. Во всяком случае, он больше не допустил ее к королю. Даже когда Эдуард был уже на смертном одре, Нортумберленд выслал навстречу спешившей к брату Елизавете гонца с подложным письмом, предписывавшим ей от имени короля возвратиться в Хэтфилд. Герцог явно не хотел видеть ее у постели умирающего. Он сделал ставку на другую претендентку, тоже протестантку, леди Джейн Грей. Против ее воли родители и герцог Нортумберленд выдали юную леди Джейн за сына протектора — Гилдфорда Дадли. Отец великодушно уступал престол сыну. Оставалось лишь убедить больного Эдуарда оставить корону в обход сестер Джейн Грей и ее потомству, в чем герцог преуспел. Документ такого содержания был составлен и, несмотря на сопротивление королевских юристов, подписан Эдуардом.

6 июля 1553 года в разгар небывалой бури, погрузившей Лондон во тьму, молодой король умер. Три дня протектор скрывал его смерть, чтобы подготовиться к решительному наступлению. Он вызвал в столицу обеих принцесс, очевидно, намереваясь взять их под стражу и тем самым обезопасить себя. 9 июля он пригласил свою невестку леди Джейн во дворец и вместе с несколькими членами королевского совета предложил ей принять корону. Вся в слезах, напуганная и несчастная девушка отказывалась, но ее вынудили сделать это. Между тем ни одна из дочерей Генриха не попала в руки Нортумберленда.

Мария бежала на север в Норфолк, где у нее было много сторонников среди католиков, и подняла свой королевский штандарт над замком Фрэмлингем. Она не собиралась отдавать корону, принадлежавшую ей по праву. Елизавета же предусмотрительно осталась в Хэтфилде, предупрежденная об опасности Уильямом Сесилом, секретарем совета. Этот необыкновенно одаренный политик и царедворец впоследствии стал ее первым министром и до конца своих дней служил Елизавете верой и правдой. Возможно, своим рискованным поступком он спас ей жизнь, и это доказывало, что он хорошо разбирался в политической конъюнктуре и сделал верную ставку.

Но и молодая принцесса не ошиблась в нем. Среди многих придворных, представленных ей пять лет назад при дворе Екатерины Парр, она отличила Сесила, почтила своей перепиской и званием друга, а затем попросила его контролировать управление ее финансами — ровно за два месяца до того, как его деловые качества были отмечены королевским советом и вознаграждены должностью государственного секретаря. У Елизаветы было хорошее чутье на людей.

Нортумберленд тем временем покинул столицу и двинулся с войсками на север, чтобы захватить Марию, однако за его спиной совет уже провозгласил ее законной королевой; узнав об этом, герцог понял, что проиграл. Дойдя до Бэри-Сент-Эдмундс, он сник и сам оповестил местное население о восшествии на престол королевы Марии, что, впрочем, не спасло его от плахи, а его сыновей — от Тауэра.

Нортумберленд был казнен на той же самой зеленой лужайке в Тауэре, где сложили головы Анна Болейн, Екатерина Ховард и казненный им герцог Сомерсет. Они и по сей день лежат все вместе под алтарем часовни Святого Петра — два обезглавленных герцога между двумя королевами, под мраморным полом красно-зеленого цвета — цвета травы и крови на ней…

Свою ни в чем не повинную кузину Джейн Грей, царствовавшую двенадцать дней, Мария поначалу пощадила, понимая, что та была лишь марионеткой в руках протектора. Но когда в 1554 году в стране началась смута, она отправила на эшафот и эту шестнадцатилетнюю девушку, остававшуюся опасной претенденткой на престол. Леди Джейн приняла свою смерть стоически — в ней все же текла кровь Тюдоров.

Это был суровый урок. За два десятилетия жизни Елизаветы уже третья королева спускалась с трона, чтобы подняться на эшафот. Пищи для размышлений у молодой принцессы было более чем достаточно.

Казнить нельзя… Помиловать?

В октябре 1553 года Мария Тюдор короновалась в Лондоне. В праздничной процессии по этому случаю за королевой в открытых носилках следовали Анна Клевская и принцесса Елизавета, одетая во все белое. Мария не без удовольствия взирала на бледную, присмиревшую сестрицу, вспоминая, как в свое время ее силой заталкивали в носилки, чтобы заставить следовать в эскорте Елизаветы. Во время церемонии коронации в Вестминстерском соборе на голове у Елизаветы был надет

золотой обруч — небольшая корона, признак ее королевской крови. Посол Франции де Ноаль постарался приблизиться к ней и дружески заговорить (восшествие на престол полуиспанки Марии никак не отвечало интересам его державы — французы, хотя и католики, с большим удовольствием приветствовали бы на троне Елизавету). Когда она, поправляя в рыжих волосах сбившуюся набок корону, недовольно прошептала, что ей неудобно, де Ноаль многозначительно заметил: «Подождите, ваше высочество, придет время и корона не будет тяжела для вас». Все это не укрылось от королевы Марии. Ее царствование только начиналось, а французы уже плели интриги. Не понравилось ей и то, как радостно принимала Елизавету толпа на улицах Лондона; подозрительность и раздражение на младшую сестру росли с каждым днем.

Для Марии наступил звездный час. Двадцать лет унижений и страданий, страха смерти и запретов исповедовать ее религию — все было позади. Она собиралась немедленно восстановить католичество и добрые отношения с папой римским, оживить поруганные отцом церкви, вернув в них не покорившихся Генриху священников, иконы, распятия и мощи святых, чтобы снова служились торжественные мессы с низким рокотом органов и мерцанием свечей.

Ее постоянные советники — император и король Испании Карл, основная опора Марии во времена гонений, и его посол Ренар уговаривали королеву быть более гибкой и не торопиться с преобразованиями. Ведь Англия была протестантской уже в течение двух десятилетий, и выросло целое поколение, воспитанное в реформированной вере. При восшествии Марии на престол легитимизм англичан возобладал над их религиозным пылом, они признали королевой ту, которая имела законные права на корону. Но будет ли так всегда? Особенно опасными казались Карлу планы кузины вернуть церкви земли, конфискованные при ее отце и переданные новым владельцам. Это затронуло бы интересы тысяч дворян, аристократов, богатых горожан и могло вызвать взрыв. Мария, однако, была глуха к доводам рассудка. Неуступчивая, несгибаемая, фанатичная, она не была создана политиком.

С первых дней правления королева повела с Карлом переговоры о своем браке, ибо не мыслила династического союза ни с одной страной, кроме Испании, и избрала себе в супруги Филиппа, сына короля Карла, — ревностного католика, снискавшего себе впоследствии славу самой одиозной и мрачной фигуры в европейской истории этого времени, маниакально-одержимого гонителя протестантов. В отличие от королевы ее

совет вовсе не был так уверен в целесообразности англо-испанского союза, опасаясь, что Англия превратится в придаток огромной империи Габсбургов и будет вовлечена в разорительную войну с Францией. Еще меньше его поддерживали подданные, ожидавшие от этого брака нашествия кичливых испанцев, которые станут распоряжаться в их стране. В результате всплеска национально-патриотических чувств, помноженных на опасения протестантов, в январе 1554 года дворянин из Кента Томас Уайатт поднял восстание под антииспанскими лозунгами. Его быстро подавили, но в ходе следствия выяснилось, что мятежники имели сношения с послом Франции и, возможно, с принцессой Елизаветой, которую прочили на престол в случае победы (в сумке гонца, посланного Уайаттом, нашли копию ее письма к де Ноалю). Расследование еще не закончилось, а канцлер королевства епископ Винчестерский Гардинер и испанский посол в один голос потребовали от Марии казнить Елизавету, ибо «эта протестантка опасна и исполнена духа неповиновения» и всегда будет знаменем всех мятежных антикатолических сил.

22 февраля Елизавету привезли в Лондон. На следующий день, в Вербное воскресенье, когда верующие праздновали вступление Христа в Иерусалим, она проделала скорбный путь в Тауэр. Ее отвезли туда по реке, опасаясь, что в Лондоне возбужденная видом принцессы толпа может прийти ей на помощь, и высадили у ворот, которые позднее стали называть «Ворота изменников». Многие входили через них в крепость, чтобы уже никогда не вернуться. Когда-то эти ворота захлопнулись и за ее матерью. Двадцатилетняя принцесса была абсолютно уверена, что видит солнце в последний раз.

Впрочем, солнца не было, день был пасмурным. Выйдя из лодки, Елизавета в изнеможении присела на осклизлый камень у ворот, оттягивая момент, когда они закроются за ней. Комендант Тауэра заботливо предупредил ее, что нехорошо сидеть на холодном мокром камне, и она с печальной улыбкой заметила, что это лучше, чем сидеть в каменном мешке. Никогда она не рассчитывала вступить в Тауэр — древнюю цитадель английских королей — столь бесславно.

Елизавета была не единственной узницей крепости в это время. В одной из башен находились в заключении братья Дадли — сыновья Нортумберленда, среди которых был и друг ее детства Роберт. Принцесса провела три долгих месяца в башне с колокольней, прогуливаясь изредка во внутреннем дворике. Она безуспешно умоляла о встрече с королевой, ее «доброй сестрой», желая доказать свою невиновность, но получала неизменный

отказ. Ей не давали ни чернил, ни бумаги, чтобы написать разъяренной сестре. Елизавета предалась мрачному отчаянию. Позднее она признавалась, что не сомневалась в скорой смерти и лишь хотела просить Марию, чтобы в виде особой милости ее, как и ее мать, обезглавили не грубой секирой, а мечом, на французский манер.

Но даже в Тауэре она встречала знаки искренней симпатии. Говорили, что йомены-стражники преклоняли перед ней колени и шептали: «Господь спаси вашу милость», а маленький мальчик, сын одного из стражей Тауэра, носил молодой узнице цветы. В самом Лондоне сочувствие к обреченной принцессе росло день ото дня, ее считали невинной мученицей за протестантскую веру.

Летом 1554 года в Англию должен был прибыть Филипп — будущий супруг Марии. Готовясь к венчанию, королева пребывала в радостно-возбужденном состоянии. 19 мая Елизавету выпустили из Тауэра, очевидно, чтобы разрядить обстановку и избежать нового всплеска антииспанских настроений. Не последнюю роль сыграли и предсмертные слова Томаса Уайатта, поклявшегося перед казнью, что «миледи Елизавета никогда не знала ни о заговоре, ни о моем восстании».

Когда королевская баржа с Елизаветой отошла от Тауэра и повезла ее вниз по реке по направлению к королевскому дворцу в Ричмонде, прослышавшие об этом лондонцы шумно возрадовались, а из Стил-Ярда — торговой резиденции ганзейских купцов, которые были протестантами, раздался салют в ее честь. По всему ее пути на берега реки высыпали люди, чтобы посмотреть на принцессу Елизавету и поздравить ее с чудесным избавлением. Сердобольные хозяйки приносили цветы и провизию в таких количествах, что вскоре баржа стала напоминать плавучий склад. Однако радость была преждевременной. Елизавету всего лишь отправили в Вудсток (графство Оксфордшир) под наздор некоего сэра Генри Бедингфилда. Сей педантичный страж скрупулезно выполнял инструкции, предписывавшие пресекать все ее попытки связаться с внешним миром. Ей по-прежнему не давали ни бумаги, ни чернил, а если она просила привезти книгу, будь то Библия или Цицерон, тюремщик запрашивал Лондон, и проходили недели, прежде чем она получала желанный том. Елизавета часто жаловалась на нездоровье, приступы мигрени, слабость, но когда Мария, не доверявшая сестре, присылала к ней собственных врачей, та предусмотрительно отказывалась от их услуг, опасаясь яда. Друзья и верные слуги не покинули ее, превратив расположенный неподалеку постоялый двор «Бык» в свой штаб. Туда часто наведывались преданные Елизавете дворяне,

передавая последние новости через прислугу, выходившую за ворота ее оксфордширской тюрьмы.

В июле в Англию прибыл принц Филипп и обвенчался с королевой Марией на полпути к Лондону, в Винчестере. В его лице Елизавета неожиданно обрела адвоката: ее вернули ко двору и поселили во дворце Хэмптон-Корт рядом с покоями кардинала Реджинальда Пола, папского легата, очевидно, для острастки. Филипп справедливо полагал, что лучше не делать из Елизаветы религиозную мученицу, а склонить ее к принятию католической веры и выиграть очко в политической борьбе с протестантами.

У его невестки не было особого выбора: Мария перешла к жестоким репрессиям против тех, кто оставался верен реформированной религии. Повсюду горели костры, на которых, корчась в огне и задыхаясь от дыма, отдавали души Богу упорствующие в протестантской вере ученые-теологи, священники и простолюдины, женщины и старики. В Оксфорде одного за другим сожгли трех епископов — сподвижников Генриха VIII в деле Реформации: Ридли, Латимера и Кранмера, бывшего архиепископа Кентерберийского, который некогда защищал принцессу Марию от гнева ее отца. Королева Мария была не против сохранить старику жизнь при условии, что он вернется в лоно истинной католической церкви. Однако, даже став свидетелем страшных мук Ридли и Латимера, он не покорился и предпочел последовать за ними.

В разгар гонений протестантский священник и поэт Томас Брайс написал удивительный по силе стихотворный мартиролог, перечислив в нем имена протестантских мучеников и то, каким казням они подвергались. И каждая строфа его поэмы, полная гнева, исступленной веры и надежды на избавление, заканчивалась рефреном «Мы ждали нашу Елизавету»: «Когда достойнейший Уоттс кричал, охваченный пламенем, / Когда Симпсон, Хоукс и Джон Ардайт вкусили гнева тирана, / Когда предавали смерти Чемберлена, / Мы ждали нашу Елизавету».

Она была единственной надеждой для отчаявшихся и гонимых протестантов. Многие из них никогда не видели ее, но лелеяли светлый образ девы в белых одеждах, страдающей вместе с ними, и верили, что придет час и она избавит их от тирании той, которую они прозвали Кровавой.

Реальная Елизавета не была сделана из того теста, из которого получаются святые и мученики. Не была она и фанатиком. В двадцать один год она была политиком — причем политиком искусным. Это помогло ей найти общий язык с Филиппом, который, хотя и был ревностным католиком, все же мыслил такими категориями, как компромисс и политическая

целесообразность. При дворе даже поговаривали, что Елизавете удалось пробудить в нем особую симпатию — если этот Габсбург с вяло текущей кровью вообще был способен кем-то увлечься. Так или иначе, но увещевания Филиппа и угрозы Марии подействовали, и Елизавета объявила, что готова всерьез поразмыслить над переходом в католичество. Ей принесли гору книг, тексты Священного Писания, и, проведя над ними в уединении несколько дней, она вышла якобы просветленная и заявила, что искренне готова принять ту веру, которую теперь считает истинной. Она боролась за свою жизнь, и лицемерие было эффективным оружием. Спустя некоторое время Елизавета вместе с Марией присутствовала на католической мессе. Мрачно подозрительная королева не верила в истинное раскаяние и обращение своей сестры, как не верили в это и ее ближайшие советники. Что бы ни делала Елизавета, жаловалась ли на болезни, возносила ли католические молитвы, писала ли «доброй сестре» верноподданнические письма с изъявлениями любви и преданности — все казалось королеве коварной игрой. Интуиция, по-видимому, ее не обманывала. Раздраженная, она приказала сестре покинуть двор. Несмотря на жалобы на нездоровье, слабость и неспособность подняться с постели, той пришлось отправиться в путь. Но напоследок Елизавета решила еще раз продемонстрировать, какой праведной католичкой она сделалась, и с середины пути послала назад слугу, чтобы он привез четки, молитвенники и другую утварь, необходимую для католической службы. Финальный акцент тем не менее не удался: Мария лишь пришла в раздражение от столь лицемерной игры.

В ноябре 1554 года тридцативосьмилетняя королева неожиданно объявила, что ждет ребенка, на что уже никто не надеялся. Появление наследника от англо-испанского брака могло бы изменить весь ход не только английской, но и европейской истории, безусловно закрепив успех Контрреформации. Одни ждали родов с тревогой, другие — с надеждой. Для принцессы Елизаветы появление ребенка означало бы конец ее надеждам когда-либо взойти на престол, и вся ее дальнейшая жизнь виделась в этом случае лишь жалким прозябанием с каждодневным притворством, религиозным лицемерием, заискиванием перед сестрой и ее потомством и страхом, вечным страхом за свою жизнь. Она тем не менее принялась собственноручно вышивать подарок будущим племяннику или племяннице — детский набор с чепчиком из белого атласа, шелка и кружев (он и по сей день хранится в замке Хивер). Одному Богу известно, какие мысли теснились у нее в голове, когда она склонялась с иголкой над шитьем. Или

дьяволу?..

Ребенок между тем так и не появился на свет, беременность оказалась истерической фантазией Марии. Многие вздохнули с облегчением.

Будущее Елизаветы снова прояснилось, как горизонт после миновавшей грозы. Она по-прежнему считалась потенциальной наследницей престола, более того, ее положение упрочилось после того, как стало ясно, что у королевской четы не будет наследников. Ее кандидатуру поддерживал Филипп, сильный союзник, хотя его жена предпочла бы видеть своей преемницей на троне не сестру, а шотландку Марию Стюарт — правнучку Генриха VII, внучку Маргарет Тюдор, старшей сестры Генриха VIII, и шотландского короля Якова IV. Филипп, однако, отмел эту кандидатуру, так как Мария Стюарт была замужем за дофином, и впоследствии — королем Франции Франциском II, а испанец вовсе не собирался преподносить Англию в подарок своим заклятым врагам и собственными руками создавать франко-шотландско-английскую унию.

Те, кто улавливал политическую конъюнктуру, понимали, что шансы Елизаветы растут. Ее двор в Хэтфилдхаусе, где она провела два последних года царствования Марии, стал весьма притягательным местом, и хотя у Елизаветы не было денег, чтобы вознаградить слуг и придворных, как заметил итальянский посол, молодые дворяне буквально рвались к ней на службу. Чтобы помочь принцессе с финансами, друг ее детства Роберт Дадли (тот самый, что был узником Тауэра одновременно с ней) продал кое-какие из собственных земель, за что потом получил сторицей. Сама атмосфера жизни в Хэтфилде изменилась, приобретя налет светского шика: во дворце устраивали медвежьи бои, приглашали актеров и ставили любительские пьесы, много музицировали, при этом сама Елизавета аккомпанировала на клавикордах Максимилиану Пойнсу — в будущем известному певцу и музыканту, а тогда еще мальчику, обладавшему удивительным сопрано. Возмущенная королева Мария в одном из своих писем распорядилась прекратить это фривольное времяпрепровождение. Но она уже не могла остановить тех, кого манила новая восходящая звезда. Среди них был итальянский посол Джованни Микеле, оставивший описание принцессы в 1557 году: «Миледи Елизавета — дама весьма утонченная и наружностью и умом. У нее красивые глаза и превыше всего — прекрасные руки, которые она любит демонстрировать… Она очень гордится своим отцом, и все говорят, что она больше напоминает его, чем королева».

В начале ноября 1557 года королева почувствовала себя плохо. Совет стал настаивать на том, чтобы она назначила

наследницей сестру. Мария сопротивлялась из последних сил, она даже намеревалась созвать парламент и провести через него закон об исключении Елизаветы из линии наследования, но была вынуждена уступить давлению мужа и советников. Страна вздохнула с облегчением.

Трагичнее самой смерти может быть лишь смерть, которую ждут с нетерпением. Кончину Марии ожидали с затаенной радостью и среду накануне ее ухода окрестили «средой надежды». 17 ноября 1558 года Мария Тюдор, навсегда оставшаяся в людской памяти Кровавой, умерла.

Гонец с этой вестью примчался в Хэтфилд. Согласно преданию, в тот день ничего не подозревавшая Елизавета долго бродила с книгой по мокрым дорожкам парка и наконец присела под большим дубом. Когда придворные сообщили ей, что она — королева, Елизавета лишь сказала: «Господь так решил. Чудны дела его в наших глазах».

Если эта сцена в действительности и имела место, она была хорошо срежиссирована. И отрешенность наследницы престола, и ее неведение о том, что творится во дворце, были напускными. В последние месяцы жизни Марии она неустанно вербовала себе сторонников среди дворян в ближних и дальних графствах, писала письма, заручаясь их поддержкой, обещала не забыть их заслуги перед ней или ее отцом; по дороге в Хэтфилд сновали гонцы с новостями, придворные и послы иностранных держав приезжали совершить заблаговременный оммаж, да и большая часть членов королевского совета совершила паломничество к будущей королеве еще до того, как их прежняя госпожа испустила последний вздох.

Спустя три дня после смерти Марии в большом зале Хэтфилдского дворца под высоким сводом, поддерживаемым массивными дубовыми балками, собрался первый совет королевы Елизаветы I. Своим государственным секретарем она назначила Уильяма Сесила, старого друга, спасшего ей жизнь во время аферы Нортумберленда. Она обратилась к нему со словами, достойными Цезаря: «Я поручаю Вам быть членом моего Тайного совета и потрудиться во имя меня и моего королевства. Я сужу о Вас как о человеке, которого нельзя подкупить никакими подарками… и думаю, что, не угождая моим собственным желаниям, Вы будете давать мне советы, которые сочтете верными». Со своей стороны она пообещала своему новому министру, что ей будут чужды женское легкомыслие и болтливость: «И если Вы будете знать что-то такое, что будет необходимо сообщить втайне только мне одной, будьте уверены, я смогу хранить молчание».

Роберт Дадли получил должность королевского конюшего[3], многострадальный Томас Перри — казначея двора. Молодая королева не забывала оказанных ей услуг.

28 ноября 1558 года триумфальная процессия вступила в Лондон. Покидая Хэтфилд, Елизавета ехала в карете, потом — в открытых носилках, но перед въездом в столицу она повелела привести себе белого коня. Не изнеженным субтильным созданием, а победительницей вступала дочь Генриха VIII в ликующий город, направляясь к Тауэру, на этот раз как его хозяйка. Костры и страх остались позади. Плывущая над толпой на белом коне медноволосая королева была молода и прекрасна.

Она выиграла в долгой игре со смертью. И выигрыш был больше, чем трон, — сама жизнь.

Глава II
ЛЕДИ И ПЕЛИКАН

Вот моя рука, мой возлюбленный, моя Англия. Я твоя — и разумом и сердцем.

Из народной баллады елизаветинского времени

Обрученная с нацией

Помимо многих напастей и катаклизмов, таких как Реформация, религиозные, гражданские и прочие войны, кои в XVI веке осложняли жизнь и простых обывателей, и государственных мужей, особенностью этого столетия было обилие правивших женщин. Властная итальянка Екатерина Медичи, стоявшая за спиной своих сыновей — королей Франции, шотландская регентша Мария Лотарингская и сменившая ее в качестве королевы Мария Стюарт, Маргарита Пармская — регент в Нидерландах, Джейн Грей, Мария и Елизавета Тюдор — королевы в Англии. Правление любой из них уже не казалось обществу аномалией, ибо в эпоху Ренессанса женщины приблизились к мужчинам по уровню образования, и последние иногда снисходили до признания, что те не есть непременно существа низшего порядка. И все же власть женщины воспринималась как нечто временное, допустимое лишь до тех пор, пока она либо не выйдет замуж и не передаст бразды правления своему мужу, пересев из зала совета к колыбели и пяльцам, либо не воспитает малолетнего наследника. Слишком много опасностей могла навлечь на страну слабая, уступчивая, легко поддающаяся чужому влиянию или, наоборот, страстная и неуравновешенная правительница. Пример покойной Марии Тюдор, вовлекшей страну в непопулярный политический союз, убеждал в этом как нельзя лучше.

В 1558 году шотландский протестантский проповедник Джон Нокс разразился трактатом с весьма символичным названием «Первый трубный глас против безбожного правления женщины». Хотя Нокс метил персонально в Марию Тюдор — «Иезавель Англии», осуждая жестокость ее религиозных гонений, он суммировал все расхожие предрассудки и аргументы из арсенала

современного ему мужского шовинизма: «Допустить женщину к управлению или к власти над каким-либо королевством, народом или городом противно природе, оскорбительно для Бога, это деяние, наиболее противоречащее его воле и установленному им порядку, и, наконец, это извращение доброго порядка, нарушение всякой справедливости. Природа… предписывает им быть слабыми, хрупкими, нетерпеливыми, немощными и глупыми. Опыт же показывает, что они также непостоянны, изменчивы, жестоки, лишены способности давать советы и умения управлять… Там, где женщина имеет власть или правит, там суете будет отдано предпочтение перед добродетелью, честолюбию и гордыне — перед умеренностью и скромностью, и жадность, мать всех пороков, станет неизбежно попирать порядок и справедливость»[4].

Быть женщиной на политической арене того времени означало обладать заведомым недостатком в глазах подданных и монархов. В конечном итоге ни одна из названных выше незаурядных и одаренных правительниц не преуспела на этом поприще и, умирая, не могла сказать, что была любима своим народом. Джейн Грей и Мария Стюарт сложили головы на плахе — народ безмолвствовал, Маргариту Пармскую смело восстание, Екатерина Медичи осталась в памяти французов итальянской ведьмой и старой колдуньей, Мария Тюдор и Мария Лотарингская умирали в полном разочаровании, видя, как рушится все, что они создали.

Одна лишь Елизавета не только смогла удержаться на троне в течение рекордно долгого срока — сорока пяти лет, но и стала частью великой английской национальной легенды, с непередаваемым искусством обратив свой «величайший недостаток» в преимущество и источник силы.

Когда Елизавета гарцевала на белом коне по дороге в Тауэр, ей было двадцать пять лет — не так мало по меркам того времени, когда выходили замуж в четырнадцать, а умирали порой уже в сорок, но очень немного для правительницы. На хранящемся в личной коллекции королевы Великобритании портрете Елизаветы в коронационных одеждах она изображена с молочно-белой кожей, неземным, отрешенным взглядом и легкой затаенной полуулыбкой. Королева так юна, тонка и изящна, что ей нельзя дать больше семнадцати. Многим из тех, кто не знал характера этой девушки, казалось, что корона и горностаевая мантия слишком тяжелы для нее и ей суждено долго оставаться прилежной ученицей в школе государственного управления, постигая секреты власти у искушенных советников. Как же они обманывались! Не непосвященным новицием, не робкой ученицей

вступала она под своды Уайтхолла, а трезвым политиком. Члены королевского совета поняли это уже после первых ее речей, полных зрелых суждений. Но даже они не подозревали, что перед ними — гениальная актриса с врожденным трагическим темпераментом и потрясающим «чувством зала».

Выросшая на римских авторах, она ясно видела каркас того общественного здания, которым ей предстояло управлять: «populus» (народ) — горожане, купцы, крестьяне-йомены, ремесленники, трактирщики и подмастерья, словом, та пестрая толпа, что ликовала, встречая королеву на ее триумфальном пути; «nobiles» — знать, дворянство, аристократы, среди которых было немало и друзей и врагов; «senatus» — парламент и «consulis» — королевский совет, с которыми требовалось найти общий язык. Классические максимы управления были известны ей из книг. Необходимо выбрать верных и рассудительных министров, чаще прибегать к совету сената, сиречь парламента, и добиваться его согласия в важнейших государственных делах, не спускать глаз с нобилей, склонных к амбициям и государственным переворотам, заботиться о народе, не обременяя его чрезмерными налогами, но и не ослабляя узды. Вопрос состоял в том, как осуществить это на практике. На пути к успеху каждую из этих групп предстояло завоевать, очаровать, подкупить — и властвовать.

Опыт управления своего отца (хотя он часто шел вразрез с античной мудростью) Елизавета ставила очень высоко: ей всегда импонировали его патриотизм, энергичная и властная манера вершить дела, его безапелляционная уверенность в божественном происхождении всех его прав, которые он не собирался уступать никому. Пример неудачного правления старшей сестры тоже мог многому научить, продемонстрировав, что происходит, когда правительница навязывает нации политику, которую никто не одобряет, веру, которую не разделяет ее народ, консорта[5], которого ненавидят все. В результате не остается ничего, кроме горечи политического проигрыша, разочарования, ощущения унылого существования, которое влачила одряхлевшая страна под ее рукой.

Елизавета не могла позволить себе подобной ошибки, не могла отгородиться от своих подданных в узком кругу двора и ближайших сторонников, разделявших ее взгляды. Ей были необходимы широкая поддержка, диалог, опора на все слои общества. Она вступала на престол в самых неблагоприятных для себя обстоятельствах: умирая, Генрих VIII назвал ее в завещании наследницей, но не позаботился отменить акт парламента, объявлявший ее незаконнорожденной; она по-прежнему

оставалась бастардом и согласно папской булле. В этой ситуации любой из претендентов-соперников мог выдвинуть встречные права на престол, и она со страхом ожидала этого. Необходимо было немедля предпринять решительные шаги, чтобы завоевать ее народ.

Одна из заповедей ее отца гласила: «Нет более приятной музыки для народа, чем приветливость государя». Елизавета уже испытала силу своего чарующего воздействия на толпу, когда появлялась в Лондоне в процессиях королевы Марии, привлекая к себе взоры всех, и во время своего триумфального въезда в Лондон в ноябре 1558 года. Теперь ей предстояло проявить свое искусство публичного действа в самой главной процессии ее жизни — коронационной.

Торжественные королевские процессии тюдоровской эпохи были самым ярким и грандиозным из всех возможных зрелищ. Многотысячная вереница людей, лошадей, штандартов под звуки труб и грохот барабанов медленно следовала через город, в трепете шелков, блеске парчи и золота, сиянии оружия, среди приветственных криков, а в центре ее, окруженный высшими государственными чинами, ехал монарх. Он появлялся не раньше, чем вид тысяч бравых гвардейцев, пышно разодетых придворных и величественных сановников доводил толпу до экстатического состояния. Тогда, подобно светилу, к ним нисходил король. С милостивой улыбкой ласково приветствуя подданных, он заставлял их сердца таять от счастья. Горожане, в свою очередь, готовились к встрече процессии: украшали улицы, вывешивали из окон ковры, гирлянды цветов и флаги. Этот мимолетный контакт с государем давал им возможность выразить ему свои чувства. В определенных местах сооружали триумфальные арки, возводили платформы с живыми картинами весьма изощренного аллегорического содержания. Городские поэты слагали вирши, отцы города — речи, школяры разыгрывали драматические сцены, с важностью декламируя латинские тексты.

Такие «встречи с народом» всегда удавались Генриху и не совсем гладко проходили у Марии, которая опасалась какой-нибудь завуалированной шпильки со стороны горожан. Во время ее коронации, например, среди символических картин ее встречала нарисованная фигура короля Генриха, держащего в руках Библию. Внешне все было благопристойно, но беда в том, что его Библия — переведенная на английский протестантская версия — отличалась от той, которую почитала его дочь, — латинской католической. По счастью, чье-то бдительное око усмотрело эту неуместную деталь, и художник мгновенно замазал книгу, вложив в руки Генриха «политически нейтральные»

перчатки.

Елизавета избрала для своей коронационной процессии 16 января 1559 года. Это было радостное время года. Только что отшумели веселые рождественские недели с их непременными яблочными пирогами и домашними застольями, когда домовитые хозяева праздновали в кругу семьи, а щедрые сельские сквайры и вельможи накрывали столы для соседей и бедняков. Эль и вино текли рекой под пение рождественских песенок, пляски ряженых, прославлявших шутовского короля Непослушания, который въезжал в города и селения, устраивая повсюду веселую кутерьму. Когда все утихло, оставив в сердцах светлую радость, а умы подданных настроились на более серьезный лад, королева приготовила им еще одно празднество — ее собственное пришествие, далеко не такое скромное, как рождение в яслях младенца Христа.

Праздник коронации состоял из четырех основных действ, растягивавшихся на два дня: королевской процессии в Тауэр, торжественного проезда оттуда через Сити в Вестминстер, собственно церемонии коронации в Вестминстерском аббатстве и грандиозного банкета.

Чтобы избежать однообразия, Елизавета на этот раз отправилась в Тауэр по реке. Под звуки флейт и лютен длинные, устланные малиновым бархатом королевские баржи с загнутыми, как у гондол, носами медленно плыли от дворца Уайтхолл вниз по Темзе. Серебро и золото костюмов придворных дам и щеголей соседствовали с багряными мантиями кавалеров ордена Подвязки и полосатыми одеждами джентльменов-пенсионеров. В огнях фейерверков баржи казались фантастическими цветами, брошенными в суровые серые воды реки. Итальянский посол, которому не раз случалось видеть подобные зрелища под южным небом Адриатики, признавал, что по размаху церемония ничуть не уступала знаменитому венецианскому празднику — обручению дожа с морем.

15 января ворота Тауэра распахнулись и из них медленно выехала процессия, в которой участвовали тысячи и тысячи людей. Открывали ее королевские посыльные и гонцы, за ними — сержант, начальник караулов королевских покоев, и джентльмен-квартирьер. Следом шли слуги, джентльмены-привратники, сквайры из личной охраны и олдермены Лондона. Затем наступал черед государственных чиновников — капелланов и клерков Тайного совета, секретарей Большой и Малой печати, Канцелярии, судебных приставов и судей, Верховного барона и Верховного судьи Суда общих тяжб, хранителя свитков, лорда Верховного судьи Англии. Их сменял цвет английского

дворянства, рыцари и пэры: светские аристократы — бароны, графы, герцоги — и прелаты церкви; за ними следовали высшие должностные лица королевского двора и государства: граф Арундел нес королевский меч, его сопровождали лорд-маршал герцог Норфолк и лорд-гофмейстер, затем — мэр Лондона, главный герольдмейстер ордена Подвязки. Далее — послы иностранных держав, вслед за ними — лорд-казначей, лорд — хранитель печати, лорд-адмирал и другие члены королевского совета, вереницу которых замыкал Уильям Сесил. И наконец, она. На массивном помосте, который везли два сильных мула, под великолепным балдахином восседала на троне королева Елизавета в золотом платье и парчовой мантии, подбитой горностаем. За повозкой королевы гордо выступали два скакуна: белый, покрытый попоной, для нее, а рядом — вороной, на котором восседал Роберт Дадли, ее верный конюший. За ними — стражники, алебардщики, знатные дамы верхом, фрейлины в трех повозках, напоминавших корзины с цветами, и снова стража. Все это помпезное зрелище сопровождалось громом канонады и звуками оркестров, которыми встречали Елизавету в каждом новом квартале Сити.

В этом треске, грохоте и многолюдье было довольно трудно вести диалог с толпой даже средствами пантомимы, но Елизавета сумела сделать так, что каждый ее жест, выверенный и обдуманный, каждая ее фраза были замечены, услышаны и навсегда отпечатались в памяти восхищенных зрителей, став частью легенды о ней. На морозе, среди легких снежинок, ее обычно бледное лицо раскраснелось; она была оживленной, а совсем не царственно-неприступной на своем троне и весьма непосредственно реагировала на крики толпы и пожелания счастливого правления. «Ее милость поднимала руки и приветствовала тех, кто стоял далеко, и в самой мягкой и деликатной манере обратилась к тем, кто был поблизости от нее, заявив, что она принимает добрые пожелания от ее народа с благодарностью не меньшей, чем та любовь, с которой они ей этого желают».

Около одной из церквей от имени всего Сити ее приветствовало дитя, обратившееся к ней со стихами, написанными ткачом, столяром и мастером по кузнечным мехам. Стихи изобиловали рассуждениями о том, что «настал триумф преданных», «неправда изгнана», а «верные сердца наполняются радостью, когда слышат ее счастливое имя». В Сити не скрывали протестантских симпатий и надежд на скорое восстановление реформированной религии. Королева выслушала вирши подчеркнуто внимательно, шикнула на тех, кто мешал ей своим

шумом, и, как отметил один из зрителей, «пока ребенок говорил, было замечено… что выражение ее лица чудесно менялось, когда слова касались ее самой или чувств в сердцах людей».

В другом месте ее встречали огромной конструкцией — чем-то вроде башни с воротами в три этажа; все это аллегорическое сооружение называлось «Объединение домов Ланкастеров и Йорков»[6]. В нижнем ярусе располагались фигуры Генриха VII и Елизаветы Йоркской, в среднем — Генриха VIII и Анны Болейн (она все-таки стала свидетельницей триумфа дочери и была отомщена). Венчала пирамиду сама Елизавета — до поры до времени в одиночестве. На площади у Корнхилл, где обычно располагался зерновой рынок, королеву ожидало еще одно зрелище: четыре фигуры, олицетворявшие добродетели истинного правителя — Религия, Любовь к подданным, Мудрость и Справедливость, — попирали свои противоположности. И снова протестанты давали понять молодой королеве, что они ждут от нее восстановления англиканской церкви: «Когда истинная религия изгонит Невежество / И своей тяжелой стопой раздавит голову Суеверию».

На пути к Чипсайду, самому сердцу Сити, Елизавету встречали старшины привилегированных цехов в ливреях и дорогих мехах. Вдоль улиц были устроены деревянные перила, увешанные коврами, гобеленами, вышивками и шелками. Здесь королеве вручили символический подарок Сити — красный кошель с тысячью золотых марок. Принимая его от лорд-мэра, она произнесла одну из наиболее запомнившихся своих речей. «Я благодарю Вас, милорд мэр, Ваших собратьев и всех вас. И поскольку вы просите, чтобы я оставалась вашей госпожой и королевой, будьте уверены, что я останусь к вам так же добра, как всегда была добра к моему народу. Для этого у меня не будет недостатка желания, и я верю, не будет и недостатка власти. И не сомневайтесь, что ради вашей безопасности и покоя я не замедлю, если потребуется, пролить свою кровь. Господь да отблагодарит вас всех».

Королева, которая умела так говорить со своими подданными, не могла не вызвать восторженного отклика. Она заметила в толпе старика, который плакал, и шутливо пригрозила: «Я надеюсь, это от радости?» Кто-то в толпе воскликнул: «Помните старого короля Генриха VIII?» Она услышала и улыбнулась — сравнение с отцом всегда льстило ей.

Каждый жест удавался ей в этот день. У церкви Святого Петра процессия снова остановилась у аллегорической композиции. Старик-Время вел за собой дочь-Истину. «Время? — воскликнула королева с воодушевлением. — Время привело меня сюда!»

Истина протянула Елизавете Библию, которую та поцеловала, прижала к груди и не выпускала из рук до конца процессии.

Потом во дворе собора Святого Павла мальчики из местной школы читали латинские стихи, уподобляя молодую королеву платоновскому государю-философу, а на Флитстрит очередная аллегория представляла ее библейской Деборой — судьей и восстановительницей Дома Израилева. У церкви Святого Дунстана, где был приют для сирых и убогих, Елизавета остановила свою колесницу и вознесла молитву, обещая помнить о бедных и заботиться о них. Наконец она покинула Сити, провожаемая фигурами двух сказочных великанов.

Теперь можно было передохнуть, сбросив тяжелую мантию, в покоях Уайтхолла. Восхищенный Лондон пал к ее ногам, она завладела им навсегда. Все заранее рассчитанные акценты были точно расставлены: она будет любящей матерью своим подданным, она верна памяти своего великого отца и станет его достойной преемницей, она предана слову Священного Писания, и даже слабые и убогие найдут в ней защитницу и покровительницу. Что же это было, как не высочайшее искусство ренессансной публичной пропаганды?

Прямая апелляция к народу, которая вызвала в нем такой живой отклик, была глубоко осознанным политическим выбором Елизаветы и, в свою очередь, давала ей огромный эмоциональный заряд. Когда в первые дни ее царствования испанский посол граф Ферия, гордый гранд, явился ко двору и покровительственным тоном начал давать Елизавете советы и превозносить Филиппа II, которому она была обязана, по его мнению, жизнью и восшествием на престол, королева неожиданно осадила его: «Народ, и никто другой, поставил меня на это место». Уязвленный посол в своем донесении в Испанию назвал ее «тщеславной и заносчивой», но не мог не признать: «Она очень привязана к своему народу и твердо уверена, что он на ее стороне, что и на самом деле так».

Двадцатипятилетняя королева нашла верные слова для той роли, которую собиралась играть всю жизнь, — «мать отечества». В ее риторике, в блестящих речах в парламенте этот образ будет возникать вновь и вновь. Позднее она найдет и выразительный символ — белого пеликана, который, по преданию, чтобы спасти своих птенцов от голодной смерти, вырвал куски мяса из собственной груди. И она станет носить медальон с белым пеликаном как напоминание о своей постоянной готовности уподобиться самоотверженной птице.

Искусство явлений перед своими подданными Елизавета будет оттачивать всю жизнь, и они никогда не наскучат им. Их

Элиза будет казаться то неземной, то близкой. Она могла вдруг остановиться и осведомиться у старика ветерана о его болезнях, могла принять ветку розмарина от бедной женщины и сохранить ее до конца процессии среди гирлянд роскошных цветов. Епископ 1Удмен вспоминал, как, будучи еще ребенком, впервые наблюдал Елизавету во время ее публичного выезда. Это случилось в 1588 году, в момент серьезной опасности для страны и для нее самой. Мальчишкам кто-то сказал, что они смогут увидеть королеву, которая должна проезжать по Уайтхоллу. После часового ожидания она наконец появилась. «Тогда мы закричали, — пишет Гудмен, — “Боже, храни Ваше Величество! Боже, храни Ваше Величество!” Королева повернулась к нам и сказала: “Благослови вас Господь, мой добрый народ!” Тогда мы снова вскричали: “Боже, храни Ваше Величество! Боже, храни Ваше Величество!” И королева снова ответила нам: “У вас, возможно, мог бы быть более великий государь, но у вас никогда не будет более любящего”. И после того как мы некоторое время смотрели друг на друга, королева отбыла. Все это произвело такое впечатление на нас (а сцены и живые картины лучше смотрятся при свете факелов), что на всем пути мы говорили только о том, какая она восхитительная королева и что мы были готовы рискнуть жизнью, чтобы послужить ей».

Сродни процессиям были и весьма любимые Елизаветой «проезды» по разным землям и графствам ее королевства — древний обычай средневековых королей, в котором она безошибочно угадала эффективное средство пропаганды, еще одну возможность контакта с подданными, случай показать себя и покорить сельских сквайров, фермеров, крестьян и их жен, чтобы потом они без конца рассказывали детям и внукам, как через их деревню, «вот по этой самой дороге», проезжала «добрая королева Бесс».

Это был популизм чистейшей воды. И достойно удивления, как быстро молодая королева овладела всем его арсеналом, оценив важность создания собственного позитивного имиджа и того, что позднее политики назовут «связями с общественностью».

Вернемся, однако, к коронации. Покорив безыскусные души лондонцев, Елизавета стояла перед более трудной задачей: сама церемония коронации, на которую были допущены лишь придворные, духовные лица и дипломаты, таила в себе множество подводных камней. Это был другой мир, чуждый сердечной открытости, полный интриг и амбиций, где каждый жест молодой государыни подмечался, по-своему истолковывался и многократно описывался в донесениях послов. Первой проблемой было отсутствие архиепископа Кентерберийского — примаса

церкви, который должен был совершить обряд миропомазания и коронации. Последним этот престол занимал Реджиналд Пол — один из сподвижников Марии Кровавой. Неизвестно, как бы он повел себя после восшествия Елизаветы на престол, но Господь призвал его к себе спустя несколько часов после смерти королевы-католички, избавив ее наследницу от непримиримого врага. Остальные епископы, поставленные на свои должности Марией, в основном составляли враждебную ее сестре группу. Необыкновенный мор, напавший на них, сильно разредил их ряды к концу года, пока же королева с трудом нашла епископа Оглторпа, согласившегося короновать ту, чье появление на свет вызвало разрыв с Римом, и к тому же незаконнорожденную. Вместо епископов Дарэма и Бата, которые отказались участвовать в церемонии, ее были вынуждены сопровождать к алтарю светские лица — графы Шрусбери и Пемброк.

Обряд должен был совершиться по всем правилам, установленным в католической церкви, и на латинском языке (в последний раз в английской истории), что указывало на крайнюю осторожность Елизаветы, которая не хотела разжигать страсти между католиками и протестантами, по крайней мере до тех пор, пока корона не будет водружена на ее голову. Правда, чтобы выразить свое отношение к католической мессе, королева припасла неожиданный ход.

16 января еще одна процессия проследовала из дворца Уайтхолл в Вестминстерское аббатство. Весь ее путь был устлан сукном цветов государственного герба — голубого и золотистого. В процессии участвовали герольды, рыцари, лорды, пэры и епископы, затем сама королева и ее гвардия. Елизавета была одета в королевскую мантию, но еще без короны. Пэры, отличительным знаком которых были небольшие обручи-короны, пока почтительно не надевали их. Многочисленные знаки королевского достоинства со всеми возможными почестями несли представители высшей аристократии: шпоры королевы — граф Хантингдон, жезл святого Эдуарда — граф Бедфорд. Четыре исторических меча, считавшиеся атрибутами королевской власти, несли соответственно граф Дерби — католик, граф Рэтленд — протестант, графы Вустер и Вестморленд — также убежденные католики. В этой процессии шли бок о бок смертельные враги, пострадавшие от религиозных и политических гонений в дни Генриха, Эдуарда и Марии. Каждый гадал, какую судьбу ему готовит новое царствование.

Коронационный скипетр нес католик граф Арундел — будущая жертва королевского гнева, а державу — маркиз Уинчестер, удивительный образчик тюдоровского царедворца,

который уцелел и при Генрихе-реформаторе, и при Эдуарде-протестанте, и при Марии-католичке, и при Елизавете, будучи, по его собственному признанию, сделан «из лозы, не из дуба». Кузен королевы герцог Норфолк (в будущем государственный изменник) нес корону, предваряя появление самой Елизаветы в длинной мантии, которую поддерживала графиня Леннокс — мать молодого лорда Дарнли (оба они — и сын и мать — тоже встанут на путь заговоров и измен). Как только вся эта процессия вошла под своды собора, толпа зрителей по старой традиции разорвала в клочки голубое сукно, по которому ступала королева, разобрав его на сувениры.

В соборе королеву усадили на трон, установленный перед алтарем, и епископ четырежды — на все стороны света — огласил ее имя. Затем Елизавету подвели к алтарю; там, коленопреклоненная, она поцеловала дискос[7] и совершила ритуальное «подношение золота». После проповеди епископа, которая читалась на латыни, под сводами собора единственный раз за всю долгую церемонию зазвучала английская речь — это оглашали молитвы богомольцев, их просьбы к Богу и чаяния, связанные с восшествием на престол новой государыни.

Вслед за этим, как бы отвечая на их мольбы, Елизавета поднялась и произнесла торжественную клятву охранять законы и обычаи Англии, мир церкви и ее народа, быть милостивой, приверженной истине и справедливости. Предваряя церемонию миропомазания, зазвучали молитвы и песнопения, во время которых по католическому обряду королеве полагалось простереться на полу, но Елизавета лишь преклонила колени. Ропот пробежал по рядам епископов, католики неодобрительно переглянулись, а королеву тем временем уже обрядили для миропомазания в сандалии, подпоясали, сверху накинули белый плащ, на голову водрузили белый кружевной чепец, чтобы пролить сквозь него миро. По традиции им помазали ее ладони, грудь, спину между лопатками, локти и макушку. После этого ей в руки вложили скипетр и державу, а на голову возложили корону. Зазвучали трубы, и все пэры надели свои короны. Елизавета стояла в блеске славы среди своего дворянства — первая среди себе подобных, но вознесенная на недосягаемую высоту только что совершенным таинством. Добавим, католическим таинством. Потом каждый из присутствующих принес королеве оммаж — клятву верности, преклоняя колени и вкладывая свою руку в ее, согласно древнему обычаю. Но в нарушение его Елизавета первыми допустила к себе светских пэров, а не духовенство, подчеркнув свое недовольство им.

То, что произошло дальше, было откровенной политической

демонстрацией. Начало католической мессы — чтение отрывков из Посланий святых апостолов и Евангелия — королева выслушала, но когда перед причастием священник вознес над собой хлеб и вино (манипуляции, считавшиеся протестантами недопустимыми), она вдруг встала и удалилась в небольшую часовню, а затем, оставив негодующих святых отцов обсуждать этот инцидент, радостная отправилась на банкет. Позднее она с удовольствием вспоминала этот эпизод вместе с французским послом, ценившим политическую ловкость: она была миропомазана и коронована по католическому обряду, не впав при этом в «папистское идолопоклонство».

Мало кто из тех, кто наблюдал Елизавету в эти дни, осознавал, что именно происходит на их глазах, а между тем они присутствовали при восходе европейской политической звезды первой величины, которая намеревалась отныне двигаться по новой орбите, руководствуясь лишь собственной интуицией, подсказывающей, как ей следует строить ее отношения с народом. Это было началом ее беспрецедентного «романа с нацией», который длился несколько десятилетий. Испанский посол граф Ферия еще верил, что вскоре молодая королева поступит так же, как поступали все до нее, — выйдет замуж, и тогда, писал он, возвратившись с церемонии коронации, главное будет не в ней, а в том, кто станет ее мужем. И едва ли в Англии нашелся бы еще хоть один человек, за исключением самой королевы, который бы с ним не согласился. Она же твердо решила играть роль верховной жрицы, посвятившей себя своему народу и обрученной с ним. В день коронации Елизавета надела на один из своих тонких длинных пальцев перстень. Умирая, она прошептала, что он был ее единственным обручальным кольцом.

Дебора не желает быть судьей

В те январские дни 1559 года, когда подходило время вечерних бесед и молитв, во многих протестантских семьях открывали Библию на одних и тех же страницах и читали Книгу Судей: «…были пусты дороги, и ходившие прежде путями прямыми, ходили тогда окольными дорогами. Не стало обитателей в селениях у Израиля…» Не такой ли мрачной и опустошенной казалась и Англия в царствование Марии Католички, не покинули ли ее сыны, вынужденные бежать, спасаясь от костров? «Избрали новых богов, оттого и война у ворот…» И англичане, отказавшись от истинной веры и вернувшись к «папистскому идолопоклонству», подобно народу

Израилеву, были наказаны за отступничество войной и поражением в ней. Так проповедовали своей пастве протестантские священники не только в Англии, но и в общинах английских эмигрантов в Германии и Швейцарии. Но уже не было безысходности в их проповедях, ибо пришел час избавления. Как некогда Господь послал своему избранному народу необыкновенную прорицательницу и судью Дебору, сплотившую войска и вдохновившую их на борьбу с врагами, так и Англии ниспослана спасительница, и радостная песнь победы скоро зазвучит над их землей. И многие губы истово шептали: «Воспрянь, воспрянь, Дебора, воспой песнь!»

Те, кто так исступленно ждал пришествия Елизаветы, естественно, надеялись, что дочь Генриха и сестра Эдуарда немедленно запретит мессу, изгонит католических епископов, упразднит монастыри, восстановленные сестрой-католичкой, и очистит церковь от вредной «рухляди» — икон, распятий, органов, кадильниц и пышных священнических облачений, чтобы сделать ее более похожей на первоначальную апостольскую. Все же, кто был повинен в смерти сотен невинных христиан, понесут неизбежное наказание.

Как, однако, далеки были эти надежды пылких верующих от планов их государыни. Призывы «Отмсти!» и «Торопись сделать богоугодное дело» совсем не вызывали у нее энтузиазма: она не была фанатична и не любила фанатиков, даже если с рождения разделяла их религиозные взгляды. Годы борьбы за выживание научили ее осторожности; необходимо было взвесить все «за» и «против», прежде чем разжечь огонь, который воспламенит души людей, снова поднимет англичанина на англичанина, расколет нацию. А Елизавета могла видеть этот трагический раскол повсюду — в Германии, в Швейцарии, во Франции, где христиане уничтожали друг друга только потому, что одни верили, что во время таинства причастия хлеб и вино пресуществляются в плоть и кровь Христа, а другие — нет. Она и сама при всем своем недюжинном образовании не решила для себя этот вопрос и не считала, что надо принуждать и наказывать тысячи не столь грамотных и искушенных подданных за то, что они придерживались той веры, в которой их воспитали. Позднее она скажет: «Я не хочу отворять окна в человеческие души». Такая терпимость, присущая лишь редким и поистине лучшим умам той эпохи, удивительна в молодой женщине, выросшей в жестоких коллизиях Реформации. Толерантность не очень вяжется с привычным и более поздним образом Елизаветы — протестантской государыни, которая полжизни посвятит борьбе с католической Испанией. Но люди не всегда есть то, во что их

превращают обстоятельства. И если, оставаясь всегда не более чем умеренной протестанткой, она тем не менее запечатлелась в памяти людей как один из вдохновенных лидеров европейского протестантизма, то это лишь еще одно доказательство ее политических способностей.

В начале же правления самым «богоугодным» делом, по ее мнению, было попросту удержаться на троне, а здесь религиозный пыл был абсолютно противопоказан. В наследство от сестры Елизавета получила очень тяжелую политическую ситуацию. Мария вступила на стороне своего мужа Филиппа в войну между Францией и Испанией. Франция, похоже, одерживала верх, и англичане, проклиная Филиппа и его испанцев, теряли в этой войне Кале — свой единственный порт-крепость на континенте. Когда на переговорах о мире они заикнулись о том, чтобы оставить Кале под юрисдикцией английской королевы на особых условиях, французы неприятно пошутили: в этом случае порт все равно останется у них, так как законная английская королева вовсе не Елизавета, а супруга их дофина Франциска Мария Стюарт. Шутка была более чем мрачной. В июле 1559 года французский король Генрих II умер, и дофин стал королем Франциском II; благодаря правам своей жены он контролировал не только Францию, но и соседнюю с Англией Шотландию. В своем завещании Генрих VIII обошел вниманием родственную линию Стюартов, однако их права на английский престол были очень весомыми, поэтому Франциск и Мария включили в свои гербы символы Англии. До сих пор Мария Стюарт официально не претендовала на английский престол, но она находилась под сильным влиянием своих родственников Гизов — знаменитого семейства французских католиков, которые проявили себя как рьяные гонители протестантов. Стоило Елизавете сделать в своей стране один неверный шаг, и вся католическая Европа ополчилась бы против нее, папа вновь вернулся бы к вопросу о незаконности ее рождения, а новая кандидатура на английский престол была уже под рукой. Разумеется, бывший зять Елизаветы, король Испании Филипп И, являлся гарантом от французского вторжения: он скорее дал бы отсечь себе правую руку, чем увидеть, как вслед за Шотландией Франция присоединяет к себе и Англию. Однако он был католиком, и весь этот нестойкий политический баланс мог сохраниться только в том случае, если Елизавета будет крайне осмотрительна в религиозном вопросе и не начнет религиозных гонений в своей стране.

Она оказалась в весьма непростой ситуации. Чтобы потрафить собственным подданным и укрепить только что

возникшее «сердечное единство» с ними, необходимо было всячески подчеркивать свою приверженность реформированной религии, но в то же время дать понять католикам, что она вовсе не религиозный радикал и, как может, сдерживает натиск непримиримых протестантов. Это уже была игра. А там, где требовалось запутать партнеров, убедить каждого, что она целиком на его стороне, и не дать понять, что же, собственно, у нее на уме, Елизавета чувствовала себя как рыба в воде.

Каждый ее ход был выверен, чтобы как можно дольше лавировать между двумя лагерями религиозных зилотов и не дать им броситься друг на друга, соблазнившись ее мнимой поддержкой. Свой длинный официальный титул новая королева до поры до времени предпочитала обрывать там, где ее отец именовал себя «защитником веры и верховным главой церкви», ставя взамен ничего не говорящее «и проч.». Формируя состав королевского совета, Елизавета воздержалась от резких заявлений, не изгнала и не подвергла опале никого из прежних советников Марии, даже самых рьяных католиков и епископов, враждебных протестантизму. Прошло около месяца с того момента, как она назначила Сесила государственным секретарем, Дадли — конюшим, а Перри — казначеем, но других ответственных назначений не последовало. Все томились ожиданием, а королева медлила, не объявляя, от чьих услуг она откажется, а кого призовет на службу. Не было решительной чистки — не было и оппозиции. Она выиграла несколько недель затишья, позволивших ей утвердиться на троне. Затем объявила, что собирается сократить королевский совет, насчитывавший около тридцати человек. Сердца министров-католиков сжались в ожидании унизительных отставок, однако предполагаемого удара не последовало, напротив, их постарались утешить, подсластив горечь обиды. Елизавета объявила, что если она и не призовет кого-то из прежних членов совета, то вовсе не оттого, что находит их непригодными для этой работы, а с целью сделать этот орган немногочисленным и более эффективным. В итоге восемнадцать человек из бывшего кабинета Марии ушли в отставку, но им позволили «сохранить лицо».

Протестанты, научившиеся за годы гонений читать между строк, усмотрели добрый знак в том, что большинство видных католиков в конечном счете тихо отстранены от власти, но не находили ответа на вопрос: зачем королева продолжает придерживаться католических обрядов? Почему в королевской часовне все еще держат иконы и прочий «папистский хлам», а в дворцовой церкви служат мессу? Со своей стороны, не успели католики порадоваться тому, что Елизавета решила короноваться

по обычаям «истинной церкви» с латинской мессой, как она преподнесла им неприятный сюрприз, удалившись с церемонии причастия, и дала явно понять, что недовольна епископами, первыми допустив до присяги светских лиц. Но если королева — протестантка, то почему, когда один из ее капелланов предложил избавиться от «папистского пережитка», отказавшись от игры на органе во время службы, она холодно посоветовала ему оставить орган в покое и не мешать ей наслаждаться музыкой? Католики сколько угодно могли посыпать головы пеплом, когда их королева гостила под крышей у нового протестантского епископа, который был женат, что допускалось протестантской церковью, но считалось смертным грехом в католической. Но и протестантам было мало радости услышать, что, отведав угощения хлебосольной хозяйки, королева обошлась с ней весьма неласково, сказав: «Не знаю, милочка, как к Вам обратиться: Вы и не сожительница, но и женой Вас не назовешь, в любом случае — спасибо». И как она могла беседовать с архиепископом Йоркским Хисом, после того как он решительно отказался короновать ее? Она же между тем сохранила старику голову для бесед tete- a-tete, в которых оба они — умеренный католик и умеренная протестантка — находили удовольствие. Что же, в конце концов, было у нее на уме? И если верно, что «чего хочет женщина — того хочет Бог», то знал ли по крайней мере он, чего они оба хотят?

Решающий ответ должен был дать первый парламент Елизаветы. Его сессия открылась 25 января 1559 года. Задавая тон, лорд — хранитель печати Николас Бэкон передал депутатам наказ королевы: при обсуждении столь важного дела, как религия, пусть «все обидные, оскорбительные и насмешливые слова, такие как “еретик”, “схизматик”, “папист”, не срываются с уст, ибо они порождают, продлевают и усиливают недовольство, ненависть и злобу и крайне враждебны единству и согласию, которые должны сейчас быть вашей целью». С одной стороны, королева предписывала им не делать ничего такого, «что со временем могло бы благоприятствовать любому идолопоклонству и суеверию», но с другой — предостерегала от слишком «вольного и свободного обращения в отношении Господа и веры».

И протестанты и католики могли усмотреть в этих словах поддержку и поощрение. Играя на противоречиях двух палат парламента (палата лордов была более консервативна, так как там заседали все епископы-католики, а палата общин настроена решительно пропротестантски), Елизавета главным образом намеревалась провести новый «Акт о супрематии», снова объявить о независимости англиканской церкви от Рима и, возможно, остановиться на этом. Она даже не очень стремилась именовать

себя «верховной главой церкви», как это явствует из первоначального правительственного билля, предложенного на обсуждение парламента. Ни о каких доктринальных вопросах в нем не было и речи; предполагалось, что со временем они будут решены и появится новая «Книга общих молитв», обязательная для всех верующих. Ни слова не было сказано о роспуске монастырей, восстановленных Марией. Одним словом, Елизавета хотела воссоздать церковь в том виде, в каком ее оставил Генрих VIII, тоже не слишком интересовавшийся теоретическими вопросами, и сделать ее очень умеренной, даже консервативной. Лютеранский образец ее вполне устраивал, о чем Елизавета откровенно говорила испанскому послу Ферии: «Она желает, чтобы аугсбургское вероисповедание было введено в ее королевстве… Это будет не совсем аугсбургское вероисповедание, но что-то вроде того». Она также поведала Ферии, что в своем восприятии таинств «она очень мало отличается от них (то есть католиков. — О. Д.), поскольку верит, что Господь присутствует в таинстве причащения, и она расходится с ними только в двух-трех вопросах в понимании мессы».

Похоже, королева не слишком кривила душой, подчеркивая свой религиозный консерватизм в беседе с испанцем. Она явно не находила общего языка с теми, кто требовал «дальнейшего очищения» церкви и суровых гонений против католиков. А ревностных протестантов, которых уже не удовлетворяло даже умеренное лютеранство, в парламенте было немало, и среди них те, кто во Франции и Швейцарии слушал проповеди фанатичного аскета Жана Кальвина. Они уже видели перед глазами модель новой церкви — самоуправляющейся христианской общины, независимой от государства, не имеющей клира, а лишь выборных старшин и проповедников, с жесткой моральной регламентацией внутренней жизни; англиканская церковь, с ее епископами и обилием католических пережитков, была для них позавчерашним днем. Это они, бывшие эмигранты, требовали немедленно разработать «Книгу общих молитв», включив в нее все то, что было принято при самом радикальном из реформаторов Тюдоров — Эдуарде. Четыре месяца шла упорная борьба за условия, на которых состоится компромисс. Умеренные правительственные билли обрастали в нижней палате парламента и комитетах поправками, дополнениями и предложениями, совершенно менявшими их смысл и тональность. Но затем они попадали в палату лордов, где за них брались епископы, начинавшие выпалывать из законопроектов «женевскую ересь»: поправки вымарывались, и все возвращалось к первоначальному варианту.

Как ни пыталась Елизавета охладить религиозный пыл протестантских радикалов, используя лордов-католиков, было ясно, что это не удается — они имели явный перевес. То, что произошло дальше, явилось неожиданностью для современников и труднообъяснимой загадкой для историков. Королева, которая все время держала протестантов в жесткой узде и уже собиралась закрыть парламент, добившись «Акта о верховенстве», внезапно пошла на уступки, продлив сессию и согласившись ввести в церкви многое из того, что было принято при ее брате Эдуарде.

Это случилось после Пасхи. Впервые после пяти лет гонений протестанты открыто праздновали ее по своему, а не по католическому обряду. По всей стране, несмотря на отсутствие официальных инструкций, миряне причащались хлебом и вином (а не только хлебом, как принято в католической церкви, где вино предназначается лишь для причащения священников). Современный читатель едва ли сможет вообразить себе тот эмоциональный всплеск и безграничное счастье, которые испытывали искренне верующие люди, получившие возможность в день памяти об искупительной жертве Христа почтить его так, как считали правильным и угодным ему. Возможно, именно этот эмоциональный взрыв неподдельной радости убедил королеву в том, что большинство ее народа — той самой нации, которой она присягнула на верность, — за немедленное восстановление реформированной церкви.

Можно допустить и иное объяснение, которое скорее будет данью ее прагматизму, если не сказать политическому цинизму. 19 марта 1559 года, накануне Пасхи, в Англию пришло известие о том, что делегации Франции, Испании и Англии на переговорах в Като-Камбрези окончательно согласовали текст договора о мире; 2 апреля он был подписан. Теперь, когда уже никто не связывал условия мира с положением католиков в Англии и не пытался играть на этом, можно было оставить осторожность и дать больше воли протестантам. Скорее всего, оба фактора повлияли на решение Елизаветы одобрить «Акт о единообразии», предложенный протестантами-радикалами. Итак, когда парламент в 1559 году завершил работу, было провозглашено, что Елизавета является «верховной правительницей этого королевства и всех остальных доминионов и стран Ее Величества, равным образом как в духовных и церковных делах, так и в светских, и ни один иностранный государь, человек, духовное лицо, государство или владетель не имеет и не может иметь никакой юрисдикции, власти, превосходства, преимущества или авторитета в церковных или духовных делах в этом королевстве». Это и был тот главный политический результат, которого она

добивалась. Порядок же богослужения, введенный в елизаветинской церкви, представлял собой компромисс — католики потеряли больше, чем рассчитывали, а протестанты получили меньше, чем надеялись. Это удивительное церковное урегулирование, которое решительно никого, включая саму королеву, не устраивало до конца, обеспечило тем не менее мир и на время уберегло Англию от религиозных войн, терзавших ее соседей.

Не менее удивительно, что обе противоборствующие стороны остались в совершеннейшем восхищении от государыни, полагая, что она сделала в их интересах все, что было в ее силах.

Вот два мнения о ней, высказанные в течение одного и того же месяца во время заседания парламента: «У нас мудрая и набожная королева, и она благосклонна и… расположена к нам… Эта женщина превосходная и прекрасная в деле истинной религии»; «Мы можем быть уверены, что в лице Ее Величества мы имеем самую скромную, равно как добродетельную и богоугодную государыню для того, чтобы управлять нами, как это всегда было у английского народа в этом королевстве». Первое принадлежит епископу Скотту, католику. Второе — протестанту, впоследствии епископу Джевилу.

Она действительно была превосходна. И католики и протестанты чего-то лишились в этой тяжелой парламентской схватке. Лишь королева осталась в выигрыше.

Амазонка в парламенте

Государственные мужи, собравшиеся в первом парламенте Елизаветы — католики и протестанты, убеленные сединами прелаты, вельможные лорды, провинциальные джентльмены, городские старшины, старые и молодые, — все они свято верили в естественный порядок вещей. Согласно этому порядку, их молодая королева в скором времени должна была избрать себе достойного супруга среди иностранных государей или собственных подданных и, произведя на свет законного наследника, обеспечить стабильность правящей династии. Парламентариев заботило лишь одно — это должно было случиться как можно скорее, дабы заткнуть рты католикам с их иностранными претендентами на английский престол и не провоцировать внутренние распри. Твердая линия наследования, закрепляющая окончательно успех Реформации, — единственное, чего недоставало Англии, чтобы ее народ мог спать спокойно. Примерно такие соображения депутаты изложили Елизавете в

своей верноподданнической петиции. Им и в голову не приходило, что королева может иметь иную точку зрения на этот счет и что сфера, в которую они вторгаются со своими рекомендациями, крайне деликатна.

Елизавета пришла в раздражение из-за этой попытки полутора сотен мужчин публично указать ей, каково ее предназначение, но сдержалась. 10 февраля она дала свой официальный ответ на петицию «общин ее королевства» — дивный образчик ее политической риторики, крайне неопределенной и настолько запутанной, что менее опытным депутатам могло показаться, будто им пообещали, что последуют их совету. Но более умудренные и имеющие уши услышали в речи королевы нечто такое, что было за пределами их понимания, — кажется, эта молодая женщина всерьез намеревается остаться девственницей?

Что же именно она сказала? «Я приношу вам мою сердечную благодарность за рвение и полную любви заботу, которую вы, как мне кажется, проявляете ко мне и к вашей стране». Депутаты одобрительно кивают. «Я могу сказать вам, что с тех пор как я впервые задумалась, что рождена, чтобы служить всемогущему Господу, я избираю тот образ жизни, который до сих пор вела и который, уверяю вас, до сих пор более всего удовлетворял меня. Полагаю, он был наиболее приемлем и для Господа». Небольшое замешательство среди слушателей: разумеется, безбрачие — дело богоугодное, но королева не должна уподобляться монахине, ей следует задуматься о благе нации. Елизавета тем временем уже перечисляла все те доводы, которые обычно приводились в пользу ее замужества: еще большая честь и высокое положение в случае брака с могущественным иностранным государем, возможность упрочить свои позиции, отразить опасность со стороны врагов и даже избежать смерти — «а опасностей и смертей она видела немало». Но, продолжала королева, «если бы что-либо из этих соображений могло разубедить меня или отвратить от этого образа жизни, я не оставалась бы в том положении, в котором вы видите меня теперь». «Она еще так молода и неопытна, — покачивали седыми головами советники и прелаты, — но Господь пошлет ей доброго мужа, и она выбросит из головы весь этот бред». Как будто отвечая им, королева продолжала: «И хотя я всегда была постоянна в этом выборе (впрочем, кому-то может показаться, что моя молодость и эти слова едва ли согласуются между собой) и чистая правда, что я не намереваюсь изменять тому образу жизни, к которому я привыкла более всего, и верю, что Господь до сих пор хранил меня в этом призвании и вел за руку, думаю все же, что в своей доброте он не оставит меня

брести одной». Напряженно внимающие слушатели, должно быть, переглянулись. Так что же все-таки она сказала? «Не оставит брести одной»? — значит, она все же выйдет замуж? Слава Богу… Но не успели депутаты облегченно вздохнуть, как Елизавета изящно опрокинула на них ушат холодной воды: «Мне понравилась ваша петиция… Она безыскусна и не содержит ограничений в выборе места или кандидатуры (будущего супруга. — О. Д.). Если бы это было не так, она непременно не понравилась бы мне, я бы сочла это слишком большой дерзостью с вашей стороны и совсем не подходящим для вас делом требовать чего-либо от тех, кто призван повелевать, или указывать им, кого им следует желать, или ограничивать и ставить условия тем, кому вы обязаны подчиняться, или взять на себя смелость направлять мою любовь по вашему усмотрению, а мою волю — в соответствии с вашими фантазиями». «Боже, они и не думали, что королева может оскорбиться!» Но она уже смилостивилась: «Тем не менее, если кто-нибудь из вас опасается, что когда-нибудь Господь все же пожелает склонить мое сердце к иному образу жизни, вы можете быть абсолютно уверены, что я намерена не совершать ничего такого, из-за чего впоследствии у этого королевства мог бы возникнуть законный повод для недовольства. Поэтому выбросите это из головы. Я заверяю вас (какое доверие вызовут у вас мои слова, я не могу сказать, но какого они стоят доверия, покажет будущее), в этом деле я никогда не совершу ничего, что было бы во вред государству, ради блага, добра и безопасности которого я никогда не замедлю отдать свою жизнь. И на кого бы ни пал мой выбор, верю, он будет так же заботиться о королевстве и о вас (я не скажу, как я сама, потому что не могу с уверенностью ручаться за другого), но, по крайней мере, согласно моей доброй воле и желанию он должен быть таков, что станет заботиться о сохранении этого королевства и вас, как я сама». У депутатов снова отлегло от сердца: она все-таки может рассуждать здраво, эта странная молодая женщина. Напоследок она еще пообещала им, что, «если всемогущему Богу будет угодно оставить ее в прежнем настроении и в безбрачии», она назначит достойного преемника, «который, возможно, будет для королевства лучше, чем ее собственный отпрыск… который может оказаться неблагодарным». Депутаты были уже готовы добродушно хлопнуть себя по коленям и сказать: «Пусть скорее рожает наследника, а там будет видно, каким он вырастет», но королева, оказывается, еще не закончила. Ее последняя фраза была такова: «Для меня же будет достаточно, если на моем мраморном надгробии будет написано, что королева, правившая в такое-то

время, жила и умерла девственницей». Немая сцена. Занавес.

Полно, да была ли искренна эта молодая женщина, уподобившаяся царице амазонок, «железная леди» образца 1559 года? Она сказала о себе: «будущее покажет», стоит ли она доверия. Будущее показало, что она не изменила своим намерениям, как и своему девизу «Semper eadem» («Всегда та же»). Дева, чье сердце скреплено цепями, а грудь закована в броню, защищающую ее от стрел Амура, — это, несомненно, истинная Елизавета или, та, какой ей хотелось быть. Ее героический энтузиазм не мог не вызывать восхищения, пусть даже смешанного с легким сожалением и сочувствием. Но это была далеко не вся Елизавета.

Жеманство как орудие дипломатии

Каким, однако, донельзя скучным и унылым было бы ее существование и жизнь двора, если бы королева решила изображать из себя праведную монахиню. По счастью, ее «феминизм» был несколько иного свойства — он происходил от сознания силы, а не от слабости, приниженности или ущербности, в нем было не ханжество, а скорее вызов: она не против отдать руку и сердце тому, кто ее покорит, если таковой отыщется. В противном случае ее устраивает и ее нынешнее состояние. Она молода, прекрасно сложена, любит танцы, развлечения, спорт, охоту и предается удовольствиям с тем же темпераментом, что и ее отец. После меланхолических пяти лет правления Марии английский двор вновь ожил и заблистал. Как на пламя свечи, туда слетались молодые и не слишком молодые претенденты на внимание, милости и, кто знает, может быть, и на руку королевы. А та, которая выступала в роли героини в парламенте, во дворце была совершенно другой — обворожительно-кокетливой, утонченно-жеманной; ей никогда не надоедали комплименты и обожание подданных. Какое счастливое разнообразие ее натуры, ибо в этой погоне за удовольствиями и стремлении покорять — тоже она, Елизавета.

Когда она взошла на престол, на ее руку претендовала добрая половина европейских монархов и принцев. Список открывал Филипп II, король Испании, за ним следовали другие Габсбурги — эрцгерцоги Фредерик и Карл, сыновья императора Фердинанда, Эммануил-Филибер, герцог Савойский, шведский кронпринц, а впоследствии король Эрик XIV. Позднее в круг соискателей вошли наследники французского престола — принцы Анжу и Алансон и даже царь далекой Московии Иван Васильевич

(Грозный). Многолетняя гонка соперников — претендентов на руку английской королевы — вызывала неослабевающий интерес всех европейских дворов, так как речь шла о будущем международного политического баланса, стратегическом раскладе сил между католическими и протестантскими государствами. И вновь Елизавета показала себя мастером игры, как нельзя лучше использовав качества, коими была наделена от природы, — обличье изящной женщины и недюжинный мужской ум.

Расчетливый политик в юбке, она принялась безупречно играть роль кокетливой и нерешительной леди, которая никак не может сделать выбор между достойными и блестящими претендентами, ободряя то одного, то другого, никогда не давая их надеждам увянуть и оживляя их именно в тот момент, когда это выгодно английской дипломатии. Филипп И, овдовевший после смерти Марии, стал первым объектом, на котором она оттачивала свое мастерство. Правда, родственники отлично знали друг друга и нисколько не обманывались насчет искренности или, напротив, цинизма партнера. Прежде всего король Испании, по-прежнему относившийся к Елизавете как к доставлявшей немало хлопот подопечной, поручил графу Ферии выяснить, как бывшая невестка отнесется к его сватовству. Поначалу посол был оптимистичен: «Если она решит выйти замуж за пределами своей страны, ее взгляд немедленно остановится на Вашем Величестве». Но после холодного приема, оказанного ему при дворе, он растерянно писал: «Боюсь, однажды мы обнаружим, что эта женщина выскочила замуж, а я буду последним, кто об этом узнает». Ферия, как мог убедительно, излагал Елизавете доводы в пользу испанского брака: у Англии и Испании общий враг — Франция, королева Мария Стюарт может стать опасной претенденткой на английскую корону, и только союз с королем такой мощной державы, как Испания, спасет маленький остров от хищника, всегда готового одним прыжком преодолеть Ла-Манш. Елизавета вполне могла согласиться с доводами испанцев, но не с ценой, которую они хотели получить в качестве приданого: королева должна была восстановить католицизм в Англии. Филипп II, зрелый человек и опытный политик, все еще не видел того, что интуитивно угадала и поняла его молодая английская родственница: времена, когда монарх, не прислушиваясь к мнению миллионов подданных, мог предписывать им, какой веры придерживаться, безвозвратно прошли. История показала, что Елизавета была права.

Говорить «нет», однако, было не в ее правилах. Граф Ферия снова стал частым гостем во дворце и доносил, что королева

«обсуждала с ним государственные дела и советовалась». Переговоры между тем затягивались. Елизавета быстро осознала, что Филипп II в любом случае, даже если их брак не состоится, просто обречен поддерживать Англию против Франции и ей нечего опасаться одиночества на международной сцене. Отсюда те дерзкие шутки, которые она время от времени отпускала по поводу сватовства испанского короля: как же она может выйти за бывшего мужа своей покойной сестры, ведь это кровосмешение и оскорбление памяти и достоинства не только Марии, но и ее отца, Генриха VIII, весьма чувствительного к подобным тонкостям. Если бы Генрих мог слышать ее из преисподней, ему наверняка пришлось бы по душе, как его Бетти подтрунивала над испанцем.

Она могла призвать Ферию и долго превозносить могущество и мудрость его августейшего господина только затем, чтобы в следующий раз заявить, что Филипп «еретик» и она никогда не выйдет замуж за католика. Впрочем, она вообще не выйдет замуж. А если и выйдет, то скорее всего изберет супруга из числа своих подданных. Граф впадал в отчаяние и не знал, что писать королю. Когда Филипп вышел наконец из игры, женившись на другой, это не принесло облегчения его послу. Ферии было поручено хлопотать за двух других Габсбургов, тоже католиков, — эрцгерцогов Фердинанда и Карла. Елизавета будто бы всерьез заинтересовалась младшим — эрцгерцогом австрийским Карлом — и запросила точные сведения о его наружности и нраве, а также о том, «был ли он уже влюблен в кого-нибудь и каким образом». Отзывы о младшем брате германского императора Максимилиана II оказались самыми благоприятными: он был недурен собой, мужествен и сговорчив настолько, что соглашался жить даже в протестантской стране, если только ему позволят частным образом исповедовать его собственную религию и слушать мессу в дворцовой часовне. Более покладистого претендента было трудно отыскать, и у него было много сторонников среди английских политиков. Елизавета затянула переговоры с ним на целых десять лет. Кто-то якобы намекнул королеве, что Карл горбат, и месяцы прошли, прежде чем она удовлетворилась исчерпывающими объяснениями, что это не соответствует истине: он, может быть, чуть-чуть сутулится, но этого почти не видно, особенно когда эрцгерцог гарцует верхом. Успокоившись на этот счет, Елизавета подолгу беседовала с послами императора Максимилиана и Филиппа, обсуждая новое, только что придуманное ею препятствие. Она не собиралась выходить замуж, не увидев своего нареченного. Но это было непросто сделать в эпоху, когда не существовало фотографии и

Британских авиалиний. Доверять же портретам, как показал опыт ее отца и Анны Клевской, было опасно. В конце концов послы предложили привезти претендента в Англию инкогнито. Несмотря на возможность отказа, и сам заинтересованный жених был согласен на такой не совсем обычный шаг, но здесь возмутился император: подобные смотрины показались ему унизительными. Переговоры тем не менее продолжались.

Дипломатов бросало то в жар, то в холод от циркулировавших при дворе слухов о предположительных успехах того или иного претендента. А королева время от времени обескураживала всех, публично заявляя, что умрет девственницей. Новый посол Испании епископ де Куадра однажды не вынес всего этого брачно-дипломатического кошмара и буквально возопил в письме к Ферии: «Ваша милость знает, каково быть вынужденным иметь дело с этой женщиной, в которой, я думаю, сидят сто тысяч чертей, несмотря на то, что она постоянно говорит мне, будто жаждет быть монахиней и проводить время в молитвах в монастырской келье». В довершение всех огорчений со слов могущественных Габсбургов у них под ногами постоянно крутился герцог Финляндский Иоанн, ходатай за брата — принца Эрика Шведского, и сорил бриллиантами. Швед прослыл самым эксцентричным из всех заморских претендентов. «Пылко влюбленный» Эрик, несмотря на неоднократные отказы, бомбардировал Елизавету письмами с уверениями в неслыханной любви и рвался пересечь море, чтобы доказать ее лично. А в подтверждение своих клятв протестантский сосед слал королеве тюки горностаевых мехов, а ее министрам — алмазы чистейшей воды. Эти ухаживания забавляли фрейлин милым нарушением этикета и бесили послов «солидных» держав варварскими методами дипломатии. Хорошо, что они не читали писем к Елизавете Ивана Грозного…

Королева упражнялась в игре в разборчивую невесту около двадцати лет. Она так искусно умела запутать всех, что даже близко знавшим ее людям казалось, будто она не знает, чего хочет. Это было не так: Елизавета всегда точно знала, чего добивается. Чем больше было претендентов, мечтавших когда-нибудь вступить на землю Англии ее королем (в особенности среди католических государей), тем прочнее было положение ее страны и ее самой на троне. Все они, не подозревая того, были гарантами ее безопасности. Так пусть же надежда не оставляет никого. Королева не станет торопиться с выбором.

Испытание любовью

Посреди государственных дел и политических интриг, упоенная властью и талантом повелевать душами тысяч людей, гордая своим «обручением с нацией», Елизавета внезапно оказалась захвачена чувством, от которого не застрахованы даже монархи и убежденные феминистки, — она полюбила. «Он» был Роберт Дадли — человек на вороном коне, всегда и всюду следовавший за ней, ее конюший.

Судьба так часто ставила их рядом, что было бы просто удивительно, если бы между ними не возникла сердечная близость. Ровесники, детьми они вместе играли в садах Хэтфилда, потом занимались у одного учителя — Роджера Эшама (соблазнительно предположить, что вместе, но мы не знаем этого наверняка). В отличие от Елизаветы, склонной к гуманитарным наукам, ее приятель отдавал предпочтение математике и физике, где проявлял незаурядные способности.

Роберт Дадли был одним из пятерых сыновей Джона Дадли, впоследствии герцога Нортумберленда. В этом семействе неуемный характер и безграничное честолюбие были фамильными чертами. Дед Роберта — Эдмунд Дадли, министр Генриха VII, был казнен как государственный изменник за фантастических размеров взяточничество и казнокрадство. Джон Дадли, женив сына на Джейн Грей, погубил его и погиб сам, вознамерившись заполучить корону английских королей. Остальные его дети, включая Роберта, попали в Тауэр. В течение нескольких месяцев во время заключения там Елизаветы их разделяли лишь крепостные стены. Роберт сидел в Бочампской башне, и несчастная принцесса подходила к ее подножию во время своих прогулок. Видел ли он ее из окна, мог ли подать ей знак?

Хотя Дадли посягнули на корону, принадлежавшую по праву ее сестре, и Елизавета должна была считать их государственными изменниками, она, вероятно, переменила свое мнение, готовясь сама принять смерть от руки Марии; общность судьбы и страданий сблизила их. Как и Елизавету, сэра Роберта спас Филипп II (поистине, он немало сделал для триумфа протестантизма в Англии). Последний вербовал английских дворян для участия на его стороне в войне с Францией. Роберт Дадли заслужил амнистию в битве при Сен-Кантене. Если бы Филипп мог знать заранее, что освобожденный им дворянин станет авторитетным политиком в протестантском мире и будет приглашен управлять Нидерландами, восставшими против его, Филиппа, власти, он едва ли был бы столь милостив к Дадли.

Лорд Роберт являлся одним из тех, кто сделал ставку на молодую Елизавету и доказал свою преданность, выручая

принцессу в безденежье. Когда его королева взошла на престол и лорд Роберт стал одним из самых высокопоставленных министров двора, он находился в расцвете сил и лет. Его нельзя было назвать красивым, но он обладал мужественной статью, а его манера держаться была исполнена величия. Высокий, хорошо сложенный, искусный турнирный боец, танцор и покоритель сердец, он принадлежал к тому типу мужчин, который всегда нравился Елизавете, быть может, напоминая ей отца. На протяжении всей его жизни отзывы о нем были самыми противоречивыми. У Дадли было более чем достаточно врагов. Его называли неискренним, тщеславным, честолюбивым, даже трусом (последнее явно не соответствовало действительности), но никто не отказывал ему в уме, энергии, точности суждений о людях и искусстве интриговать. Один из противников Дадли как-то сказал, что сэр Роберт был самым сдержанным человеком при дворе; он умел контролировать свои чувства, подчиняя эмоции политической необходимости. Что же касается честолюбия и цинизма, то они были нормой для любого ренессансного государственного деятеля и расценивались как здоровый прагматизм. Елизавета и сама в полной мере обладала этими качествами, поэтому в Роберте Дадли они могли скорее импонировать ей, чем отталкивать.

Первые слухи о том, что королева увлечена своим конюшим, пробежали по двору в апреле 1559 года. Она часто проводила время в его обществе и явно находила в том удовольствие. В этом не было ничего дурного, но придворные, в особенности обойденные вниманием, не упустили возможности посудачить о том, что лорду Роберту следовало бы уделять больше внимания его жене — Эми Робсарт, милой и не очень счастливой женщине, с которой он состоял в браке уже девять лет. Детей у них не было, и когда Дадли получил почетную, но хлопотную должность при дворе, он почти перестал навещать ее в поместье, лишь время от времени посылая подарки и заботясь об обновлении ее гардероба. Впрочем, это было так естественно для жизни придворных в те времена. Все они, стекаясь в столицу, снимали или покупали здесь дома и проводили в Лондоне большую часть года — светский сезон, который длился с осени до весны, — лишь изредка навещая своих близких в провинции. Современники шутили: только наступление лета или чума могут заставить придворных покинуть Лондон. Но существовал круг придворных, министров и слуг, лишенных даже «летних каникул». Они должны были везде и всюду сопровождать королеву, а летом отправляться вместе с ней в поездку по стране. Дадли был из их числа. Весной Ферия доносил Филиппу: «За последние несколько дней лорд

Роберт вошел в такой фавор, что вершит дела, как хочет, и говорят даже, что ее величество навещает его в его покоях днем и ночью. Люди так вольно это обсуждают, что даже утверждают, будто у его жены болезнь груди и королева только ждет ее смерти, чтобы выйти замуж за лорда Роберта».

В первый раз в жизни Елизавета, похоже, потеряла голову. Она не замечала ничего вокруг, всегда столь чувствительная к своей репутации, нисколько не заботилась об ущербе, который ей могли нанести слухи. Уже сильно постаревшая Кэт Эшли наконец взялась открыть ей глаза на то, о чем судачил двор. Королева удивилась, оскорбилась и с достоинством ответила, что благосклонна к Дадли, «потому что он и его дела заслуживают того». «Она не понимает, как кто-то может дурно думать о ее поведении, она ведь всегда окружена фрейлинами и слугами. Впрочем, — обронила уязвленная королева уходя, — если бы ей захотелось или она нашла бы в том удовольствие, она не знает никого, кто мог бы ей помешать».

Есть еще одна версия этого щекотливого разговора с Кэт Эшли. Ее передал посол императора. Когда светские сплетни дошли до столиц иностранных держав, официальный «жених» королевы эрцгерцог Карл всполошился и потребовал от него немедленно разузнать, насколько они оправданны. Германский посол решился, в свою очередь, поговорить с Эшли, так как всем было хорошо известно о ее близости к Елизавете. Она якобы и поведала ему о разговоре с воспитанницей, о том, что та огорчена слухами, но убеждена в своей невинности. Говоря о жестокости людского суда и о своей дружеской привязанности к лорду Роберту, она будто бы воскликнула: «Ах, ведь в этой жизни я видела так мало радостей». Кэт Эшли была растрогана, германский посол тоже. Была ли искренна королева, знали только она и лорд Роберт.

Между тем английский посол писал Уильяму Сесилу из Брюсселя: «Сплетни, которые здесь распространяются, так ужасны, что я не решаюсь их повторить». Посол Венеции доносил, что Роберт Дадли — «очень красивый молодой человек, к которому королева разными способами обнаруживает такую привязанность и склонность, что многие верят, что, если его жена, которой в течение нескольких лет нездоровится, случайно умрет, королева с легкостью возьмет его себе в мужья».

23 апреля, в День святого Георгия — покровителя Англии, Елизавета произвела Роберта Дадли в кавалеры ордена Подвязки — самого престижного рыцарского ордена страны. По традиции его магистром становился правящий монарх. Королева без каких-либо сомнений относительно своего пола приняла на себя эти

обязанности. В праздничный день в честь святого патрона и новоиспеченных кавалеров ордена была устроена процессия всех его членов в тяжелых малиновых одеяниях с золотыми цепями с изображением святого Георгия на груди. Когда на лорда Дадли надевали отличительный знак ордена — черную подвязку, украшенную бриллиантами, которая повязывалась под левым коленом, вышитый на ней девиз «Да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает», наверное, у многих вызвал недобрую усмешку. Этот выскочка слишком далеко зашел. Медальон с изображением святого Георгия был преподнесен ему на роскошной цепи, стоимость которой присутствующие тут же мысленно оценили. Этот эпизод припомнят спустя несколько лет, когда Елизавета в знак своего расположения примет в орден короля Франции Карла IX. Ему пошлют медальон на такой невзрачной цепочке, что членам Тайного совета станет неловко, и один из них открыто скажет, глядя на сэра Роберта, что если бы у него была такая цепь, он, не задумываясь, пожертвовал бы ее, чтобы поддержать престиж Англии.

На него негодовали аристократы, в особенности герцог Норфолк — молодой кузен королевы. Ходили слухи о попытках подослать к Дадли наемных убийц, но с ним было не так-то просто справиться. Один из его вечных противников и политических оппонентов, граф Сассекс, называвший его «цыганом», умирая, предупреждал друзей: «Берегитесь цыгана, он вам не по зубам, я знаю этого зверя лучше, чем вы». Дадли вполне оправдывал свой герб — белый медведь, поднявшийся на дыбы и держащий в лапах суковатый посох, — его было непросто свалить.

Уильям Сесил, сдержанный и мудрый министр Елизаветы, сделанный совсем из другого теста, нежели горячие головы аристократы, тем не менее предпочел бы, чтобы им удалось отправить лорда Роберта в преисподнюю. Он никогда не мог представить, что его госпожа настолько забудется. Дадли почти монополизировал ее общество, став основным советником, и это очень волновало Сесила. Ему часто приходилось уезжать на переговоры, в то время как фаворит, неотлучно находясь при королеве, не встречал разумной оппозиции. Если королеве впервые изменил ее обычно холодный рассудок, то у Сесила единственный раз в жизни сдали нервы — он стал подумывать об отставке.

Даже простонародье уже склоняло имена королевы и Дадли. Сесилу доносили, что некая пьянчужка — мамаша Доу, болтала с трактирщиком о том, что «лорд Роберт подарил королеве на Рождество вышитый плащ, нет, зачем ей плащ, она сама может

его себе купить, он подарил ей ребенка». Говорили также, что они тайно поженились. Но ослепленная своей любовью королева отмахивалась от нелепых сплетен и в ответ сделала лорда Роберта смотрителем своей резиденции в Виндзоре — новый знак расположения к фавориту.

Сесил почти в отчаянии писал де Куадре, испанскому послу, о своей вероятной отставке и о том, что, по его мнению, Дадли, чтобы добиться руки королевы и короны, может даже попытаться избавиться от своей жены, хотя он, Сесил, «надеется, что Господь не позволит свершиться такому преступлению».

Однако 8 сентября 1560 года Эми Робсарт была обнаружена мертвой в своем пустом доме у подножия каменной лестницы. У нее оказалась сломана шея, как при падении, но при этом на голове странным образом остался чепец. Скандал, которого так опасался Уильям Сесил, разразился. Пока на месте трагедии шло следствие, Дадли как подозреваемому в преступлении было запрещено являться перед королевой. Опросив слуг, которых сама Эми Робсарт отослала из дома в то роковое воскресенье, и тщательно изучив все обстоятельства, коронер и комиссия из уважаемых людей графства пришли к выводу, что имел место несчастный случай. Больная, слабая женщина, находившаяся в депрессии, очевидно, поскользнулась на лестнице. При этом существовало сильное подозрение на самоубийство: и до несчастной женщины дошли слухи, что ее Роберт ждет лишь ее смерти, чтобы жениться на королеве. В пользу этой версии говорил тот факт, что она сама пожелала остаться одна в совершенно пустом доме. С другой стороны, лестница, пусть даже каменная, — странное средство для самоубийства. Правда, в таком качестве она мало подходила и для его имитации — убийцы должны были бы инсценировать все более убедительно. Злосчастный чепец на голове умершей многим не давал покоя, и Роберт Дадли, уже оправданный следствием, сам попросил о назначении повторной комиссии, куда вошли друзья и родственники его покойной жены. Вердикт остался прежним — несчастный случай. Данные современной медицины могли бы помочь лорду Роберту окончательно обелить свое имя, так как, согласно им, во многих случаях рак груди, которым, по всей видимости, страдала Эми Робсарт, дает метастазы в спинные и шейные позвонки, делая их чрезвычайно хрупкими. Достаточно небольшой перегрузки, одного неверного шага (и именно направленного вниз), чтобы они не выдержали. Однако в глазах современников Дадли так и не был оправдан до конца.

Возможно, королева и ее фаворит действительно втайне надеялись, что смерть Эми Робсарт развяжет им руки, но то,

каким образом все произошло, лишь отдалило их (или по крайней мере Дадли) от заветной цели. Решительно невозможно было соединиться после столь громкого скандала. Европейские дворы жадно муссировали сенсационные слухи. Английский посол во Франции Николас Трогмортон был готов провалиться сквозь землю от стыда. По его признанию, у него «каждый волос вставал дыбом, а уши вяли» от того, что говорили в Париже о его королеве. Если она выйдет замуж за Дадли, она будет абсолютно дискредитирована в глазах всех европейских монархов. Французский двор едва ли был прибежищем добродетели и целомудрия, но теперь здешние католики получили повод терзать Трогмортона вопросами: «Что это у вас за религия, если подданный убивает жену, а государыня не только терпит это, но и выходит за него замуж?»

Елизавета, безусловно, испытала шок, но стоически сохраняла видимость абсолютной непричастности к скандалу — появлялась на людях, выезжала на охоту. Дадли же, которого отлучили от двора, не знал куда себя деть, запертый в своем доме в Кью. Перемена в его судьбе была столь удручающей, что Уильям Сесил навестил своего заклятого врага в его несчастье, и впоследствии тот сердечно благодарил его за дружескую поддержку в трудную минуту. Скорее всего, ни один из них при этом не был до конца искренен. Сесил, зная упорный характер своей госпожи, мог предположить, что она все-таки решится на заранее скомпрометированный брак, и тогда Дадли станет королем, поэтому с ним не стоило окончательно портить отношения. Со своей стороны, лорд Роберт прекрасно сознавал, как высоко ценит королева мнение и совет Сесила, и на его пути к короне услуги того, кого за глаза называли «хитрым лисом», могли ему понадобиться. К этому времени оба политика поняли, что ни один из них не сможет одолеть другого, и им пришлось смириться с мыслью о неизбежности длительного сосуществования на государственном Олимпе.

Незадолго до визита Сесила в Кью граф Сассекс, тот самый, кто много раз открыто и шумно ссорился с фаворитом, прислал государственному секретарю удивительное письмо. Он неожиданно проявил очень тонкое понимание чувств, которые испытывала молодая женщина: «Поскольку главное для блага государства — чтобы королева родила наследника, в чем все сходятся, пусть она сделает выбор, согласно ее собственной склонности, пусть возьмет за себя человека, при виде которого все ее чувства воспламеняются желанием… Кого бы она ни выбрала, я буду любить его, почитать и служить ему до конца». Однако мало кто еще был способен столь либерально смотреть на

вещи.

Политики и дипломаты опасались, что разгоревшийся скандал может стать предлогом для папы поднять вопрос о более достойном, с точки зрения морали, наследнике для английского престола. В Париже Мария Стюарт, услыхав английские светские сплетни, воскликнула, не сдержавшись: «Королева Англии собирается выйти за конюшего, который убил свою жену, чтобы освободить место для нее!» (Какая ирония судьбы! Спустя несколько лет она сама в сговоре со своим любовником графом Босуэлом совершит покушение на собственного мужа.) Николас Трогмортон специально отправил своего доверенного секретаря Джонса на родину, чтобы довести до совета и королевы реакцию возможной претендентки на престол. Джонсу назначили аудиенцию у Елизаветы. Она предстала перед ним собранная, но утомленная и несколько нервная. Выслушав его сообщение, она, по его словам, откинулась в кресле и закрыла лицо руками, потом внезапно засмеялась. Джонс взял на себя смелость напомнить, что Дадли происходит от дурного корня, его отец — герцог Нортумберленд был очень опасен для короны. Королева снова засмеялась. Была ли это нервная истерика? Или смех сообщницы, потворствовавшей в преступлении, но уверенной в том, что ее невозможно уличить? Как бы там ни было, королева овладела собой и спокойно ответила Джонсу, что расследование полностью обелило «и лорда Роберта, и ее собственную честь». Как показалось Джонсу, «несмотря на то, что дело лорда Роберта, безусловно, очень расстроило ее, королева держится очень хорошо» и скоро преодолеет кризис.

Она, бесспорно, выходила из кризиса отрезвленная и разочарованная. Ее имя, ее репутация едва не погибли, ее безопасность была поставлена под угрозу, и виновником снова оказался мужчина, добивавшийся ее руки. Несмотря ни на что, она по-прежнему его безумно любила. Но счастливая весна безмятежной влюбленности прошла, колдовские чары ее «цыгана» были не властны более над ее рассудком, хотя «милый Робин» и владел всецело ее душой.

Дождливым и холодным ноябрьским днем она сидела над государственными бумагами в своем кабинете. На столе перед ней лежала большая, украшенная великолепным орнаментом и изображением ее самой на троне грамота. Это был королевский патент, дарующий Роберту Дадли титул графа Лейстера. Она давно обещала ему этот подарок (графский титул поднял бы его еще на одну ступень социальной лестницы и приблизил бы к королеве). Ей подали перо, чтобы подписать патент. Но королева взяла нож для бумаг и, вонзив его в грамоту, разорвала ее.

«Нельзя доверять тому, у кого в роду два поколения изменников», — ответила она на вопросительные взгляды свидетелей этой гневной вспышки. Ее Робин был очень уязвлен и упрекнул королеву в незаслуженной обиде. Она потрепала его по щеке и примирительно сказала: «Ну нет, медведя с посохом не так легко опрокинуть!» Графский титул был обещан ему к январю: он получит его в Двенадцатую ночь[8], когда рождественское веселье достигнет апогея; сейчас же надо переждать и успокоить общественное мнение. Двенадцатая ночь наступила, но титула Дадли не получил. Королева окончательно очнулась от волшебного сна.

Постепенно все вошло в нормальную колею. Слухи утихли, Елизавета вернулась к делам, и Сесил опять контролировал ситуацию. Но Роберт Дадли был не из тех, кто легко сдается. Теперь он был свободен, и королева по-прежнему оставалась его заветной целью. Оправившись от удара судьбы, Белый Медведь возобновил атаки. Он дарил Елизавете удивительные по красоте и фантастические по стоимости подарки, устраивал в ее честь празднества, турниры и водные забавы. Королева всегда любила танцевать с ним — Дадли был великолепным партнером, и, склоняясь к ней в танце, лорд Роберт как бы невзначай спрашивал: почему бы ее величеству не выбрать себе супруга из собственных подданных? Он конечно же был в курсе всех ее матримониальных игр и интриг с многочисленными иностранными претендентами. Они, несомненно, немало веселились, обсуждая, как ловко Елизавета удерживала тех обещаниями, которые не собиралась выполнять. Более того, лорд Роберт участвовал в выработке этой политики и как министр двора активно ее осуществлял: поддерживал то одного, то другого претендента, принимал их послов и обещал употребить все свое влияние на королеву в пользу того или иного государя. Но при этом он никогда не скрывал своих надежд, что она сделает выбор в его пользу. «Ни один добрый англичанин и верный подданный не посоветует королеве выйти за иностранца», — бросил он как-то в полемике герцогу Норфолку. Его ходатаи при дворе спрашивали Елизавету, выйдет ли она за лорда Роберта. «Нет, — отвечала она, — тогда подданные станут называть меня просто “леди Р. Дадли”». Но это поправимо, надо всего лишь сделать его королем, а не консортом. Елизавета только смеялась и качала головой.

Однажды Роберт Дадли заявил, что «знает королеву лучше, чем кто бы то ни было». Это было правдой, но всели закоулки ее души были ему ведомы? Интересно, что думал он о ее публичных заявлениях о намерении никогда не выходить замуж? Считал

политической игрой или допускал, что они могут быть серьезными, но, как многие мужчины, верил, что его неотразимое обаяние заставит ее забыть о странных идеях? С другой стороны, Елизавета делала так много противоречивых заявлений (то она не выйдет замуж вообще, то выйдет только за иностранного принца, то только за англичанина), что можно было потерять терпение. Дадли отлично знал одно: у него нет соперников в сердце королевы и единственное препятствие на пути к их браку — она сама.

Да, она любила его, он был ей по душе, и ей становилось хорошо, когда он находился рядом. Но делать его королем? Зачем, если он и без того привязан к ней — должностью министра двора, тщеславием фаворита? Дадли честолюбив, у него множество недоброжелателей, и его дальнейшее возвышение вызовет при дворе склоки, фракционный раскол. Отдав руку ему, королева растеряет своих коронованных поклонников и сразу лишится возможности для маневра на международной арене. Уильям Сесил, улучив момент, рискнул представить ее вниманию записку-меморандум с анализом преимуществ и недостатков предполагаемого брака с Дадли. Первых он не нашел вовсе: «Мы ничего не достигаем браком с ним ни в отношении приумножения богатства, ни в смысле прибавления политического веса, достоинства или власти. К тому же станут думать, что клевета о нем и королеве была правдой. Он не будет печься ни о чем, кроме как о наделении своих личных друзей богатством, должностями и землями, что оскорбит остальных. Он опозорен смертью его жены. Он весь в долгах. И кажется, выказал себя ревнивым по отношению к ее величеству». Мудрость подсказывала ей, что брак с Дадли будет политической ошибкой.

Но, как истинная женщина, Елизавета не могла отказаться от него раз и навсегда. Понимал ли он, что и в отношениях с ним она постепенно усвоила ту же манеру поведения, что и с теми, кого нещадно дурачила, постоянно поддерживая в них огонек надежды и никогда не говоря ни «да» ни «нет»? Дадли же, кажется, потерял рассудок. В 1561 году он стал искать себе новых сторонников и обратился за помощью к Филиппу II Испанскому через его посла де Куадру. В конце концов у Филиппа были все основания считать Дадли «своим человеком»: он спас ему жизнь и у них всегда были неплохие отношения. Теперь лорд Роберт предлагал ему совершенно фантастический проект: Филипп поддерживает его притязания и убеждает Елизавету выйти за него замуж, а он, в свою очередь, став королем, добивается возвращения самой королевы и всей страны в католичество и примирения с папой, то есть выполнения тех самых условий,

которые когда-то ставил Елизавете сам испанский король. Какое великолепное самообольщение! (Не говоря уже об изрядном цинизме: будущий оплот европейского протестантизма торгует своими религиозными убеждениями, чтобы заполучить королеву и корону.) Но насколько симптоматичен был этот проект: как в свое время Филипп, Дадли полагал, что стоит ему стать королем Англии — и Елизавета исполнит все, чего он пожелает. Сменить в четвертый раз за полвека вероисповедание целой страны? — Конечно, лорд Роберт! Пойти на унизительное примирение с папой, забыв обо всех оскорблениях, нанесенных Римом ее матери и ей самой? — Разумеется, Робин. А ведь он не был глуп и считал, что прекрасно знает королеву. Может быть, Дадли просто хотел ввести Филиппа в заблуждение пустыми обещаниями? Но оба были трезвыми политиками и не стали бы тратить время на заведомо нереальные прожекты. Эти люди попросту недооценивали Елизавету как самостоятельную личность в политике и наивно полагали, что им легко удастся сделать из королевы пешку.

Она же предпочитала оставаться ферзем. 30 июля 1561 года Дадли устроил для Елизаветы водную феерию на Темзе. Епископ де Куадра, посол Филиппа, также был приглашен полюбоваться праздником с королевской баржи. Елизавета была весела и явно наслаждалась зрелищем. Они оживленно болтали и перекидывались шутками с лордом Робертом, и он вдруг лукаво заметил, что они могли бы пожениться прямо сейчас, поскольку под рукой есть даже епископ. Королева изящно ушла от ответа, сказав: «Боюсь, его знание английского недостаточно, чтобы провести эту церемонию».

Близился август, и она готовилась к своей первой поездке по стране. Вместе со всем двором Елизавета проследовала через графства Эссекс, Сассекс, Хертфордшир и Мидлсекс, и повсюду ее приветствовал народ и развлекало местное дворянство. Елизавета с удовольствием пожинала обильный урожай восхищения и поклонения. Дадли был неотступно рядом. Они вместе охотились в торфяниках Эссекса, вместе скакали по полям шафрана — нежные цветы только поднимали из земли свои головки. Королева провела несколько дней в его поместье в Уонстеде. И… ничего не произошло. Более того, ему осмеливались мешать, отвлекая внимание королевы. Сэр Уильям Петр, например: у него тоже был дом в Эссексе и он хотел не ударить в грязь лицом, а также молоденький Томас Хинедж — один из будущих фаворитов, и другие.

Поощряя соперничество среди придворных, Елизавета давала понять, что не собирается лишать своего расположения

достойных внимания и куртуазных кавалеров — как солнце, которое светит не одному, но всем. Она искренне забавлялась, поддразнивая своего Робина. Порой ему, должно быть, казалось, что у нее нет сердца.

Но когда пробил час испытаний, королева снова доказала, что для нее нет ближе человека, чем Роберт Дадли. Осенью 1562 года Елизавета внезапно заболела оспой; она лежала без сознания во дворце Хэмптон-Корт. Несколько придворных дам уже скончались от болезни, и Тайный совет готовился к новым потрясениям — королева умирала, не оставляя наследника престола. Придя в себя на несколько часов, Елизавета выразила свою последнюю волю, шокировавшую всех: в случае ее смерти назначить лордом-протектором королевства Роберта Дадли. Не своего кузена герцога Норфолка, не одного из английских аристократов, в чьих жилах текла королевская кровь, а того, кого все они считали parvenu. После своей смерти она наконец хотела даровать ему то, чего лорд Роберт безуспешно добивался от нее при жизни, — престол.

К счастью, Елизавета выздоровела, иначе, принимая во внимание темпераменты тех, кто окружал трон, ее прощальный подарок фавориту мог бы вызвать усобицу и гражданскую войну. Ослабевшая, бледная, со следами оспы на лице, которые еще долго заживали, она едва ли хотела, чтобы Робин видел ее такой. Но государственные дела не терпели отлагательства — королеве надо было в совет, ее ожидали в парламенте. Тогда она сделала Роберта Дадли членом своего Тайного совета — узкого круга высших министров и самых доверенных советников, и его возможная досада при виде лица его госпожи сглаживалась оказанной ему честью лицезреть ее в кругу особо избранных.

Герцог Норфолк шел с Дадли голова в голову в придворной гонке за почестями и титулами: их вместе посвятили в рыцари ордена Подвязки, одновременно с королевским фаворитом его ввели и в Тайный совет. Но аристократ и ближайший родственник королевы не мог смириться с тем, что «цыган» получает равные с ним милости. Более того, он не мог не заметить, что сам скорее служит ширмой для успокоения общественного мнения: королева хотела показать окружающим, что награждает и отличает не одного только Дадли. Его ненависть наконец выплеснулась на дворцовом теннисном корте в присутствии самой королевы. Когда разгоряченный игрой Дадли небрежно взял из рук Елизаветы платок и отер им лицо, герцог рассвирепел и крикнул, что тот — наглец, намереваясь запустить в ненавистное лицо ракеткой. Королева разняла их, сказав кузену немало обидных слов. Все трое надолго запомнили

неприятную сцену.

6 сентября 1564 года, в праздник святого Михаила, Роберт Дадли наконец получил давно обещанный ему титул — он стал бароном Денби и графом Лейстером. Елизавета была в добром расположении духа, и присутствующие заметили, как, совершая церемонию посвящения, она наградила новоиспеченного графа дружеским шлепком по шее.

С удивительной настойчивостью Лейстер вновь и вновь возобновлял свои атаки и не отступал от намерения жениться на неуступчивой даме сердца. За последние два года у него, как и у других членов совета и парламентариев, накопилось немало новых аргументов в пользу немедленного замужества королевы. Международная ситуация становилась все более запутанной: соседей — Шотландию и Францию — захватили религиозные распри, и Англия неуклонно втягивалась в них. В этой ситуации было просто необходимо срочно противопоставить католичке Марии Стюарт законного наследника. Пока Елизавета медлила, это могли сделать другие, например, младшие сестры несчастной королевы Джейн Грей. Они выросли и превратились в привлекательных молодых особ, обладавших, согласно завещанию Генриха VIII, правами на престол. Обе, однако, повели себя крайне неразумно. Старшая — леди Екатерина Грей, ожидая ребенка от графа Хертфорда, поспешно вступила с ним в тайный брак. То, что она не испросила разрешения у королевы и Тайного совета, само по себе уже влекло обвинение в государственной измене, так как речь шла о потенциальной наследнице престола. Но сверх того, ее муж сбежал, священник, венчавший их, умер, а документ о браке она умудрилась потерять. В результате молодая женщина вместе с ребенком оказалась в Тауэре, оставаясь тем не менее приманкой для тех, кто захотел бы использовать ее в случае государственного переворота. Младшая Грей дискредитировала себя связью с начальником собственной стражи, почти простолюдином, что полностью вывело ее из расчетов любых политиков. И все же сестры Грей представляли потенциальную опасность для Елизаветы.

Но более всего напугала государственных мужей болезнь королевы и возможность ее внезапной кончины без официально назначенного преемника. Неудивительно, что в 1563 году парламент в самых верноподданнических выражениях вновь просил Елизавету выйти замуж или назвать наследника. Она должна была быть готова к тому, что рано или поздно придется вернуться к этому щекотливому вопросу. Елизавета не собиралась уступать, но она не хотела и обострять отношения с парламентом. Чтобы выиграть время, королева решила убедить депутатов,

будто всерьез раздумывает над замужеством и вскоре примет решение. Это была откровенная ложь, облеченная в форму блестящей речи. Елизавета тысячу раз на все лады повторила, что любит свой народ и не оставит его мольбы без внимания, так как на карту поставлена безопасность государства. Чтобы потрафить депутатам, она затеяла небольшой спектакль, поначалу изобразив слабую и робкую женщину, «которой недостает ни ума, ни памяти», ни решимости рассуждать о деле такой важности. Сколько сарказма и насмешки было в этой комедии! Потом расчетливо напомнила им, что только что чуть не простилась с жизнью, но и на смертном одре думала лишь о них. Их глаза должны были увлажниться и увлажнились, когда они услышали: «Хотя смерть овладела почти каждой моей клеточкой, так что я даже желала, чтобы непрочная нить моей жизни, тянувшаяся, как мне казалось, слишком долго, была бы тихо пресечена рукой Клото, но все же я возжелала тогда жить… не столько ради собственного спасения, сколько ради вашего. Я знала, что взамен этого царства я могла бы наслаждаться лучшим, пребывая в вечности… Но не думайте, что та, которая в других делах проявляла надлежащую заботу о вас, в деле, касающемся ее и вашей безопасности, будет беспечна… хотя в этом важном и ответственном деле я намерена отложить свой ответ до другого времени, поскольку в такие глубины я не могу погрузиться со столь мелким умом…» Палата общин, убаюканная этой благостной речью, согласилась подождать, поверив королеве, как еще долго будет ей верить. Но когда лорды осмелились настаивать на выборе официального преемника, пока королева не вышла замуж, она отбросила сантименты и в совершенно ином, энергичном стиле дала им обескураживающую отповедь: она-де еще не так стара, чтобы называть наследника, и «отметины у нее на лице — всего лишь оспины, а не морщины, и даже если кому-то она кажется старой девой, Господь пошлет ей детей, как послал их в свое время святой Елизавете». После такой жесткой защиты никому больше не захотелось вторгаться в ту сферу, которую королева считала глубоко личной.

Прошло три года, и новый парламент, собравшийся в 1565 году, начал свою сессию с того же проклятого вопроса о престолонаследии и замужестве. Накануне его обсуждения Тайный совет сдержанно намекнул королеве, что она должна дать какой-то ответ своим подданным. Елизавета так, как будто за три года ее гнев нисколько не остыл, заявила, что это дело касается не парламента и совета, а только ее самой. Она же не намерена называть имя наследника, ибо это означало бы «похоронить себя заживо». Следующий удар должна была получить палата общин,

которая, вместо того чтобы предоставить королеве требуемые субсидии, снова принялась обсуждать вопрос о ее браке. Но достался он на долю лордов, вернее, их делегации, некстати явившейся к королеве. Елизавета обрушилась на них, сказав, что депутаты нижней палаты — бунтовщики и что во времена ее отца никто не дерзнул бы вести себя подобным образом. «Милорды, — бросила она им под конец, — делайте что хотите. Я же буду поступать так, как считаю нужным».

Всякий, кто заикался в присутствии королевы о ее браке, рисковал навлечь на себя громы и молнии. Герцога Норфолка, который на заседании совета осмелился заговорить о ее замужестве, Елизавета назвала изменником. Когда же остальные советники поддержали его, она обвинила их всех, включая Лейстера, в мятеже. Повернувшись к нему, она с горечью сказала: «Я думала, что если целый мир отвернется и покинет меня, вы этого не сделаете». Граф воскликнул, что готов умереть у ее ног, но лишь услышал в ответ, что «это не имеет никакого отношения к делу».

Она, однако, сдержала свои эмоции, когда 5 ноября 1566 года давала ответ на совместную петицию обеих палат парламента. «Слово государя обладает особым весом, в особенности произнесенное в публичном месте, — сказала она, — и хотя раньше она заявляла, что ее рассудок восстает против брака, ныне пусть никто не сомневается, слыша, как она заверяет их, что твердо намерена выйти замуж, и она докажет это на деле, как только придет время и представится возможность». То была очередная уловка, но, поскольку Елизавета действительно возобновила брачные переговоры с эрцгерцогом Карлом, парламентариям оставалось лишь верить и ждать, когда наконец «придет время».

Этот вопрос волновал и терпеливого эрцгерцога, отправившего в Лондон нового посла — Адама Цветковича. В его присутствии Елизавета превозносила славный дом Габсбургов, но однажды на его завуалированный вопрос о причинах ее упорного нежелания выйти замуж она неожиданно ответила, совершенно сбив Цветковича с толку: «Я никогда и никому не говорила, что не выйду замуж за графа Лейстера». Очевидно, она думала о своем.

В последние полтора-два года их отношения с графом неуклонно ухудшались. Даже терпению лорда Роберта пришел конец — он устал от противоречивых заявлений Елизаветы, от кокетства в политике и политики в сердечных делах. Когда в 1565 году она явно стала оказывать внимание Томасу Хинеджу, Лейстер решил воспользоваться тем же оружием, чтобы вызвать

ревность королевы. Елизавета выходила из себя, тем более что ее соперница — Летиция Ноллис оказалась не только привлекательна, но и умна, и то, что начиналось как легкий флирт, переросло со временем в настоящий роман. В Виндзорском дворце на глазах у придворных между королевой и графом разыгралась ссора: она обвиняла его в измене, а он отвечал тем же, напоминая, как долго и безуспешно просил ее руки.

В конце концов Елизавета бросила Лейстеру в лицо слова, которые долго носила в себе, крик ее души, самые тайные опасения на его счет: «Если вы намереваетесь править здесь, я позабочусь, чтобы этого не случилось. Здесь будет только одна госпожа и не будет господина!» Потом, после взаимных уговоров и слез, они, разумеется, помирились. Но никогда уже отношения между ними не были такими, как прежде. Их роман вяло продолжался, дружба и расположение сохранялись до самой смерти Лейстера в 1588 году, но слова, сказанные королевой во время ссоры, поставили точку над i. В их отношениях больше не было места недосказанности и надежде — она не отдаст во власть этого человека ни себя, ни свой трон, ни свою страну. Он не сможет ими достойно распорядиться.

Однажды шотландский посол сказал ей: «Мадам, я знаю Ваш королевский нрав. Я думаю, если бы Вы вышли замуж, Вы были бы только королевой Англии, теперь же Вы — король и королева одновременно. Вы не потерпите господина». Он угадал ее мысли. Елизавета и дальше пойдет одна. Белый пеликан одолел Белого Медведя. Хотя, быть может, в душе, она и оплакивала эту победу.

Глава III
ГЛОРИАНА

Я не боюсь смерти, ибо все люди смертны. И хотя я всего лишь женщина, у меня не меньше мужества, приличествующего моему сану, чем у моего отца.

Елизавета I

Война, чума и шотландская кузина

Историки, которые пишут биографии великих, делятся на тех, кто вдохновенно создает мифы, окружая своих героев романтическим ореолом, и тех, кто с упорством трудолюбивого Сальери развенчивает эти мифы, срывая нимбы и не оставляя камня на камне от возвышенных легенд. Своим имиджем Елизавета обязана себе не меньше, чем историкам. Она творила его сама, лицедействуя, лукавя, но порой проявляя подлинный героический энтузиазм и оставив по себе легенды. Она тем не менее оказалась практически неуязвимой для критиков. Вы ни минуты не верите в ее искренность, чистоту, девственность и т. п.? Так восхититесь ее политической ловкостью, ибо она заставила многих поверить в это. Вам не импонирует ее беззастенчивое манипулирование людьми? Тогда отдайте должное тому, как она заставляла их служить интересам дела, престола, страны, играя на их амбициях и честолюбии. Она часто любила рядиться в белые ангельские одежды, но при этом всегда оставляла место для какой-нибудь задорной выходки, чтобы намекнуть всем, что это лишь маскарад, игра, а не ее подлинное «я». Поэтому ею веками восхищались и романтики и прагматики.

Однако ниспровергатель мифов никогда не бывает настолько добродушен, чтобы попросту смириться с чьей-то бесспорной, почти фольклорной легендарностью. Он без устали ищет у героини ахиллесову пяту и, кажется, находит ее. Почему это все вообразили, будто Елизавета обладала недюжинным умом и была неординарным политиком? Ведь выработка стратегии внешней и внутренней политики — заслуга отнюдь не королевы, а ее окружения, всех этих опытных и знающих людей — канцлеров, советников, секретарей. Именно им Англия обязана тем взлетом,

который совершенно незаслуженно приписывают влиянию королевы и называют «елизаветинской эпохой». Такое обвинение достаточно серьезно и заслуживает того, чтобы его рассмотреть.

Природа тогдашней политики почти в равной степени сочетала в себе индивидуальную и коллективную ответственность за выработку решений. Государство находилось на пути к современной системе управления, окончательно сложившейся в Новое время. Личная власть и авторитет монарха уже уравновешивались наличием таких органов, как Тайный совет и парламент; первый в определенной степени разделял с монархом исполнительные функции, второй — законодательные. Они были предназначены для «совета», контакта государя с его подданными, обратной связи с обществом, и при желании он всегда мог опереться на них в выработке важнейших решений. Но предписания этих органов не были для него обязательными, не ограничивали на деле его власти, и о подлинном разделении суверенитета, а следовательно, и ответственности за проводимую политику, еще не было и речи. Таким образом, сам процесс принятия решений был деперсонифицирован, избранная же линия всегда несла на себе сильный отпечаток индивидуальности монарха. И лишь от личных качеств последнего зависело, насколько глубоко он вникал в государственные дела и в какой мере отдавал их на откуп другим.

Парламент в ту пору скорее напоминал молодого политика, больше желающего принимать участие в управлении, чем умеющего это делать. Его составом манипулировали, его инициативы и дебаты зачастую направляли опытные государственные чиновники — члены Тайного совета. Именно их руками делалась реальная политика в тюдоровскую эпоху. Самостоятельная роль опытных министров, порой стоявших у кормила власти не одно десятилетие, была очень велика, но последнее слово все же оставалось за государем. Поэтому в конечном счете успех или неуспех правления в равной степени определялся точным выбором людей, занимавших высшие посты, и разумным поведением монарха, его способностью воспринимать информацию и взвешивать ее.

Придя к власти, Елизавета окружила себя людьми, которым безусловно доверяла; кое-кто из них преданно служил еще ее отцу, многие были проверены на прочность в годы гонений Марии Католички. В ее совете все было сбалансировано: древняя кровь благородных аристократов Сассекса, Винчестера, Ховарда, Клинтона, Шрусбери и деловые качества профессионалов-чиновников, таких как Уильям Петр или Томас Чейни, лисья хитрость Сесила, выходца из рядового рыцарства, неоценимый

опыт Николаса Уоттона, одного из самых одаренных елизаветинских дипломатов, трезвый ум Николаса Бэкона, отца знаменитого философа, и темперамент Роберта Лейстера. Все советники, за исключением последнего и герцога Норфолка, были старше и опытнее королевы. Естественно было ожидать, что она доверится их авторитету, а сама отстранится от политических дел и предастся более свойственным ее полу и возрасту удовольствиям и развлечениям, лишь изредка наведываясь в совет, чтобы подписать подготовленные для нее бумаги.

Но все обернулось совсем иначе. Дочь Генриха VIII доверяла министрам, но вовсе не собиралась уступать им ни одну из своих прерогатив. Однажды, когда французский посол обмолвился, что хотел бы испросить аудиенции, дабы изложить важное дело королеве и ее совету, она властно заметила ему, что нет такого дела, которого она не могла бы выслушать сама и принять по нему решение без всякого совета. Помимо желания вникать во все тонкости внешней политики у нее были и соответствующие возможности — знание множества иностранных языков, что позволяло королеве без посредников вести переговоры с послами большинства европейских государств. (Вот когда Роберт Лейстер мог пожалеть, что не последовал советам своего учителя Роджера Эшама, который рекомендовал ему больше внимания уделять гуманитарным наукам и языкам, ибо языки — путь в большую политику.)

В первые годы царствования самостоятельность и неуступчивость королевы часто обескураживали седобородых министров, а порой приводили их в отчаяние, так как молодая женщина руководствовалась какой-то своей, не всегда понятной им логикой. Постепенно ее общие подходы к политике прояснялись, обретая все более четкие контуры: предельная осторожность во внешнеполитических делах, отказ от всего, что могло бы спровоцировать международный религиозный конфликт с участием Англии, и крайняя экономность в государственных расходах. Решение любого вопроса, касавшегося поддержки братьев по вере, вмешательства в чужие религиозные распри или требовавшего больших расходов, могло быть неоднократно отложено ею и затянуто до предела. Советники называли это «женской нерешительностью», но это было нечто иное.

Елизавета хотела быть абсолютно уверена, что решение, принятое ею и советом, будет самым выверенным и обоснованным из всех возможных. Более активной участницы и внимательной слушательницы дискуссий, которые разворачивались в зале совета, нельзя было представить. Как любой высший политический орган, совет часто раздирали

противоречия, мнения министров по важнейшим вопросам далеко не всегда совпадали, и на долю этой женщины выпадала роль арбитра, за которым оставалось последнее слово, — самая трудная из всех ролей. Постепенно она выработала некий modus vivendi с членами совета, обыкновенно внимательно выслушивая аргументы всех сторон, поддерживая тех, кто высказывал хоть малейшее сомнение в верности предлагаемого пути, чтобы заставить их оппонентов приводить новые доказательства и резоны в пользу своих идей. И лишь взвесив все «за» и «против», она принимала чью-то сторону.

Даже такой осторожный подход не был, тем не менее, гарантией непременного успеха, и у елизаветинского руководства было немало ошибок и провалов в политике. А если принятое решение, казавшееся всем наиболее обоснованным, не приводило к желаемым результатам, это означало, что обстоятельства оказывались сильнее не только ее, но и коллективного разума советников. Но по крайней мере от упрека в том, что королева лишь послушно следовала воле своих министров, ее следует избавить. В целом ряде случаев неудачи происходили как раз тогда, когда она уступала им, поддавшись на долгие уговоры, а не следовала собственной интуиции. И если искать ответственных за ее политику в первые годы царствования, то приходится признать, что именно решительные государственные мужи втянули Елизавету помимо ее воли в ее первую войну, настолько затянув клубок англо-франко-шотландских противоречий, что его пришлось распутывать около двадцати лет.

В мае 1559 года в соседней Шотландии разразилось восстание протестантов против королевы-регентши Марии Гиз — француженки, матери Марии Стюарт, находившейся в то время во Франции. Пылкие проповеди Джона Нокса, искренний религиозный порыв шотландских протестантов нашли отклик в сердцах многих шотландских лордов, недовольных засильем французов в их стране и готовых под лозунгом борьбы с католицизмом захватить земли церкви, как это сделали король и дворянство в Англии. Победа протестантов в Шотландии казалась настолько на руку англичанам, что Тайный совет буквально лихорадило от возбуждения: убежденные протестанты — Сесил, Ноллис и другие — считали, что если оказать шотландцам своевременную помощь, то французские войска, стоявшие в Шотландии, будут изгнаны с острова, а триумф протестантской веры на севере создаст предпосылки для возможного объединения двух королевств, и позиции Англии и самой королевы значительно упрочатся.

Елизавета между тем не хотела закрывать глаза и на опасные

стороны союза с шотландскими единоверцами: он означал неминуемую войну с Францией при полном отсутствии денег в казне и огромных внешних долгах, оставленных ей в наследство Генрихом VIII. В случае неблагоприятного исхода следовало ожидать французского вторжения в Англию (возможно, при поддержке Рима) с непременной попыткой посадить Марию Стюарт на английский престол. Королева не хотела и боялась этой войны (и если это было данью ее женской слабости — трижды благословенна слабость). Никакие уговоры Сесила, имевшего привычку все тщательно обдумывать и составлять меморандумы, наглядно демонстрировавшие положительные и отрицательные стороны любого шага, не убеждали ее, что «рго» перевешивают «contra».

Протестантские лорды Шотландии и их английские ходатаи сделали предложение о вступлении Англии в войну на их стороне еще более соблазнительным: они уже видели воочию, как королева Англии сочетается браком с графом Арраном — ближайшим после Марии Стюарт претендентом на шотландский престол, и если последняя не оставит потомков или не будет признана протестантскими подданными, уния Шотландии и Англии станет реальностью. Секретные службы Елизаветы фактически спасли Аррана, который тайно пробирался из Франции на родину, скрываясь от охотившихся за ним католиков, однако ни романтические обстоятельства их встречи, ни бесконечное восхищение и признательность, которые граф принес к ногам королевы, не помешали ей заметить, что молодой человек глуп, а возможно, и душевно болен. Она не желала платить английской кровью за сомнительный брак.

Единственное, чего совет смог добиться от королевы после нескольких месяцев бесплодных препирательств, — так это кровопускания казне. Не ее войска, а деньги, занятые в банках Антверпена, потекли через шотландскую границу. Но однажды взяв на себя роль тайной покровительницы мятежников, Елизавета продолжала играть ее самозабвенно, с мастерством хитрой субретки из комедии масок, которую нелегко поймать за руку.

Прежде всего она водрузила на видное место в своем дворце Хэмптон-Корт портрет регентши Марии Гиз (его, вероятно, пришлось извлечь из какого-нибудь подвала и долго стирать пыль). Зато когда шотландский посол явился ко двору, чтобы заявить протест против вмешательства Англии в шотландские дела, Елизавета подвела его к портрету его госпожи и трогательно заверила в своей искренней симпатии к ней. Посол был сбит с толку и доносил: «Кажется… она не питает ничего,

кроме добрых намерений сохранять мир и дружбу между Вашими Величествами». (Тем временем за его спиной принимали Аррана.) К чести дипломата, он скоро разобрался в ситуации, но уличить Елизавету в поддержке протестантов в Шотландии было невозможно: ни строчки, адресованной к ним, не было написано ее рукой, любые заверения, которые мятежники получали от ее имени, если о них становилось известно официальному Эдинбургу, объявлялись частной инициативой ее сановников, и королева немедленно обещала «расследовать», «разобраться» и принять меры против подобного своеволия. С неподдельным восхищением шотландец признавал: «Из ныне здравствующих она — самый сильный игрок в такой игре». Он написал это, вернувшись с очередной аудиенции, где Елизавета доверительносерьезно сказала ему, что «слишком высоко ценит свою честь, чтобы осмелиться говорить одно, а делать другое». Столь напыщенное заявление, видимо, так развеселило ее, что она, уже смеясь, еще раз повторила его и наказала послу в точности передать ее слова его госпоже.

Протестантам в Шотландии тем временем отчаянно не везло, они терпели поражение за поражением. И королева была вынуждена сделать еще один шаг навстречу им, послав к берегам Шотландии несколько кораблей под командованием молодого адмирала Винтера, чтобы блокировать помощь с моря, поступавшую для французской армии с континента. Винтер захватил два французских корабля, а в ответ на требование дать объяснение своим действиям заявил, что осуществляет блокаду шотландского побережья просто для собственного удовольствия, без приказа или санкции его королевы. Это было уже слишком.

Война надвигалась. Весь Тайный совет, за исключением лорда — хранителя печати Николаса Бэкона, выступал за открытие военных действий. Королева была против, вполне разделяя мнение прижимистого лорда-хранителя: страна в долгах и не вынесет бремени войны, дворянство в нужде, духовенство обобрано казной, горожане и крестьяне не в состоянии собрать деньги на содержание армии. Елизавета сдалась лишь в феврале 1560 года, когда стало ясно, что шотландские протестанты безнадежно проигрывают. Доводы ее рассудка уступили религиозным симпатиям большинства ее советников и общественному мнению. 27 февраля в Бервике лидеры шотландских мятежников предложили королеве Англии взять их страну под свой протекторат, и англичане начали открытую интервенцию под лозунгом защиты протестантизма. Не дав опомниться Франции, при попустительстве католической Испании и всеобщем одобрении кальвинистов в Нидерландах,

они стали быстро одерживать верх. Успех, однако, не радовал Елизавету, продолжавшую ссориться с Сесилом из-за шотландских дел, «которые ей совсем не нравились».

6 июля 1560 года в Эдинбурге был подписан договор, закреплявший победу англичан и шотландских протестантов в этой войне. Поскольку Мария Гиз к этому времени умерла, власть передавалась регентскому совету шотландских протестантских лордов, протестантское вероисповедание становилось официальным, французские войска покидали остров. Последнее было реальным достижением англичан, гарантировавшим их относительную безопасность. Однако Елизавета и ее совет надеялись извлечь из своей победы еще больший политический капитал. Королевской чете в Париже — Франциску II и Марии Стюарт — было предложено навсегда отказаться от включения в свои гербы герба Англии, то есть от каких бы то ни было претензий на ее трон (позднее историки назовут англошотландскую войну «войной инсигний» — знаков королевского достоинства). Франциск и Мария не ратифицировали Эдинбургский договор и не сняли своих претензий на английскую корону. С точки зрения Елизаветы, война оказалась бесплодной: она лишь обострила отношения с Францией, не устранив соперников. Это была странная победа, которая не радовала молодую победительницу; как бы ни льстил ей Сесил, превознося успех, одержанный на первом же году ее царствования, в период «ее девичества», как бы ни ликовали протестанты в Европе, называя ее верной защитницей «общего дела», Елизавета оставалась безучастна к нежеланному триумфу, как будто предчувствуя множество бед, которые он принесет ей в будущем. И ее интуиция стоила мнений всех ее мудрых советников вместе взятых. Свою вторую войну Елизавета проиграла и не столько реальному противнику, сколько силе более грозной — чуме.

История со сползанием к войне повторилась во всех подробностях в 1562 году. На этот раз королеву толкали ввязаться в распрю между католиками и протестантами-гугенотами во Франции. События там приобрели драматический оборот. 1 марта 1562 года люди Гизов напали на гугенотов во время церковной службы в местечке Васси и устроили кровавую резню. Это известие всколыхнуло гугенотов на юге и по всей стране, и во Франции началась гражданская война. Гугенотам приходилось туго, и один из их лидеров — принц Конде — обратился за помощью к Англии. У Елизаветы начинала складываться стойкая репутация покровительницы протестантов во всей Европе, но, Боже, как она этого не хотела! Она снова

цеплялась за каждый предлог, малейшее сомнение, чтобы не вступать в конфликт, снова ее осаждал Сесил со своими выкладками «за» и «против», и снова, по его мнению, все было — «за». Если бы гугенотам удалось нанести поражение католикам, партия Гизов, а вместе с ней и угроза английскому престолу со стороны их ставленницы Марии Стюарт, были бы навсегда устранены. Более того, гугеноты были не прочь уступить англичанам на время какой-нибудь из французских портов, Гавр, например, или Дьепп, чтобы после победы он послужил гарантией возвращения Англии Кале. Эта возможность была слишком соблазнительной, чтобы ее упустить. С современной точки зрения Елизавету можно обвинить в захватнических устремлениях, но если сами французы торговали собственной землей, должна ли она была быть более щепетильной? Кроме того, Кале веками считался английской собственностью, и его утрата в 1559 году нанесла тяжелый удар по национальному самолюбию англичан; возврат порта, с их точки зрения, только бы восстановил справедливость. В конце концов сопротивление королевы было сломлено, и, к великой радости протестантов, она отдала приказ о посылке английского контингента в Гавр. Сама Елизавета так описывала свои сомнения и противоречивые чувства: «Когда я увидела, что мои советники и мои подданные считают, будто я слишком близорука, слишком туга на ухо и слишком недальновидна, я стряхнула с себя дремоту, сочтя себя недостойной управлять королевством, которым я владею».

Лучше бы она осталась глухой к их советам… Война во Франции то затухала, то разгоралась вновь. Конде попал в плен, герцога Гиза убили, и на время в стране установился мир. Англичан за ненадобностью тут же постарались выпроводить из Франции. Их закономерное возмущение и требование вернуть Кале не поддержали даже гугеноты, зазвавшие их на континент при помощи этой приманки. Английская армия укрепилась в Гавре и была полна решимости удерживать этот порт до справедливого решения конфликта. Штурмовать город католики и гугеноты отправились плечом к плечу. К тому же у французов появился могущественный союзник — чума. Эпидемия стремительно распространялась, англичане теряли до ста человек в день. В конце июля 1563 года Гавр был сдан. Англия окончательно потеряла надежду возвратить Кале.

Как несправедлива оказалась на этот раз история к Елизавете. То была не ее война, но ее поражение. Не утруждая себя поиском причин, многие ворчали, что виновата в этой дорогостоящей и безрезультатной затее королева: «Вот если бы у нас был король, мы не испытали бы такого позора, а чего ждать

от женщины?» Не только славу, но и провалы общих решений ей приходилось брать на себя.

Но и здесь она сохранила самообладание и повела себя с истинно королевским достоинством, удержавшись от искушения переложить всю ответственность на тех несчастных, измученных и пристыженных поражением солдат, которые возвращались на родину из Франции. Перед эвакуацией армии она писала лорду Уорику, их командующему: «Я скорее выпью кубок, полный пепла, чем допущу, чтобы вам не оказали помощь с моря и с суши».

Елизавета не хотела, чтобы их оплевывали и осмеивали, и рвалась лично встречать остатки своей армии в Дувре, чтобы приободрить их, но совет воспротивился: прерывистое дыхание заросших щетиной и изможденных английских солдат было дыханием чумы. Эпидемия скоро охватила Лондон, двор в спешке покинул столицу, оставив город во власти смертельной заразы. Унеся несколько десятков тысяч жизней, не делая различий между католиками и протестантами, чума поставила точку в войне, на время отбив у англичан охоту к участию в чужих религиозных распрях.

С первого дня царствования Елизаветы, что бы она ни делала, о чем бы ни думала, ее повсюду преследовала тень шотландской кузины. Истории было угодно так тесно переплести их судьбы, что каждая стала для другой кем-то вроде персонального демона, притаившегося за левым плечом и подмечающего каждый неверный шаг, каждый промах. Хотя они никогда не встречались, две женщины были обречены стать соперницами самой своей кровью и рождением. Мария Стюарт в молодости могла дольше оставаться безмятежной при упоминании имени Елизаветы. Совсем юной девушкой эта полушотландка-полуфранцуженка стала женой французского дофина, еще более юного мальчика; и не венценосных детей, а их родственников волновало то, что в гербе Франции сохранились три «английских» льва, а в гербе Англии — три «французские» лилии (теоретически Елизавета могла предъявить претензии на французскую корону, как и Мария — на английскую). По мере того как росла вражда Гизов к протестантам, мысль о возможных правах Марии муссировалась все чаще, и она не могла не усвоить по отношению к Елизавете, этой незаконнорожденной, того враждебно-презрительного тона, который был характерен для французского двора. Своим отзывом об английской королеве и Роберте Дадли она умудрилась смертельно оскорбить ту, которую никогда не видела. Однако в ее отношении не было глубокого личного неприятия или убежденной враждебности — девочка просто повторяла то, что говорили все.

Для жены Франциска II Елизавета не была фактором личной жизни, хоть в малой степени определявшим ее судьбу. Но внезапно все изменилось: в Шотландии протестанты восстали против ее матери, которой она вскоре лишилась, как и мужа, умершего очень молодым человеком. Девятнадцатилетняя девушка, вдовствующая королева, должна была вернуться в страну, которой почти не знала, к подданным, которые, по ее мнению, были еретиками и ненавидели французов и католиков, а она была полуфранцуженкой и правоверной католичкой. И в довершение всего она становилась соседкой той, которую ее учили рассматривать как соперницу. Более того, Елизавета уже показала, насколько она может быть опасна, поддерживая протестантов в Шотландии и навязывая Марии Эдинбургский договор. Что, если двум кузинам вдруг станет тесно на одном острове? Теперь их положение абсолютно уравнялось: не только Елизавета опасалась Марии, но и та боялась англичанки и возможности новой интервенции.

Их первые контакты были нервными и неудачными. Мария, находясь во Франции, попросила у Елизаветы гарантий безопасного проезда через Англию в Шотландию, а в ответ получила предложение прежде отказаться от прав на английскую корону. Гордая шотландка предпочла подвергнуться риску и совершить более длительное и опасное морское путешествие. Она вернулась в Эдинбург в августе 1561 года.

Двух королев так часто противопоставляли друг другу, изображая их полными противоположностями (Марию — очаровательной, пылкой, увлекающейся, Елизавету — старой, коварной, расчетливой и психологически ущербной), что невольно хочется, отбросив литературные фантазии, вернуться к фактам. Как это ни странно, общего в их характерах и положении было гораздо больше, чем различий. Как и Елизавету, Марию нельзя было назвать красивой, скорее наоборот, но обаятельной — несомненно. Она получила прекрасное образование, приличествующее особе ее ранга, правда, в отличие от Елизаветы не проявляла особой склонности к наукам; музыку же, танцы и верховую езду обе королевы любили одинаково. Обе были настоящими светскими львицами, умели покорять и пользоваться поклонением. И хотя между ними существовала почти десятилетняя разница в возрасте, контраст между королевами вовсе не был так разителен, как этого хотелось бы беллетристам. Елизавета была кем угодно, только не несчастной дурнушкой или страдающей от комплексов старой девой, а Мария, в свою очередь, была больше чем просто легкомысленный мотылек, беззаботно порхающий по жизни, — она в полной мере обладала

и политическим чутьем, и способностью к лавированию, и твердым характером.

Ее первые шаги по возвращении в Шотландию удивительно напоминают то, что делала Елизавета в Англии, с той лишь разницей, что Марии Стюарт пришлось действовать в явно враждебном окружении. И тем не менее молодая женщина сумела повести себя так, что страсти улеглись, мятежные подданные смирились с тем, что у них будет королева-католичка, придворные ворчали, но стали все чаще приходить в королевскую часовню, чтобы послушать мессу вместе с ней. Она очаровала многих приятной, спокойной манерой обхождения, веселым нравом и умением найти подход к каждому. Правда, Мария «царствовала, но не управляла». Реальная власть находилась в руках протестантских лордов — Мэтланда и Мюррея, ее незаконнорожденного брата. Оба были англофилами, благодарными Елизавете за поддержку во время протестантского восстания. Разумеется, в этих условиях ни о каких демаршах Марии против Англии или ее встречных претензиях на английский престол не могло быть и речи. Она и сама очень скоро осознала необходимость политической переориентации: во Франции при новом короле Карле IX ее родственники Гизы теряли прежнее влияние, а испанцы, хотя и приветствовали в ней католичку, по-прежнему рассматривали ее как ставленницу враждебной Франции. При отсутствии союзников добрососедские отношения с Англией были очень важны для нее.

А Мюррей и Мэтланд вдруг со всей очевидностью поняли, что именно благодаря правам Марии между Англией и Шотландией возможен блестящий политический компромисс, всеобъемлющий и устраивающий всех: если королева Елизавета твердо решила не выходить замуж, почему бы ей не объявить шотландскую кузину своей официальной преемницей? Это навсегда привяжет к ней бывшую соперницу, превратив ее в союзницу, а уния Англии и Шотландии совершится бескровно и безболезненно.

Марии идея понравилась, Елизавету поначалу удивила: она предпочла бы безусловный отказ кузины от прав на английскую корону. Она вовсе не желала назначать наследника, что шло бы вразрез с ее извечным правилом держать всех в неопределенности, а следовательно, в зависимости от ее собственного выбора. К тому же кандидатура католички была крайне непопулярна среди англичан. Тем не менее королева Англии вступила в переговоры. Здесь были возможности для торга, для игры, а значит, и для выигрыша. Ее козырем было право решать судьбу престола, сильной картой Марии — права на него. Их позиции были равны. Это проявилось и в том, что к

шотландскому двору устремились дипломатические сваты со всей Европы. Те самые кандидаты, которые соревновались за руку Елизаветы, очень быстро осознали, что брак с Марией Стюарт, шотландской вдовой, может со временем принести в приданое не только Шотландию, но и Англию. Однако это могло случиться, только если Елизавету устроил бы такой брак и она объявила бы Марию законной преемницей.

Итак, по иронии судьбы интрига завязалась вокруг проблемы, которая вызывала раздражение у Елизаветы и вовсе не такие отрицательные эмоции у Марии, ибо последняя твердо намеревалась выйти замуж, хотя еще и не знала, за кого. В течение трех лет королевы переписывались, именуя друг друга «добрыми сестрами», и обменивались подарками (Елизавета одно время носила на запястье медальон с миниатюрным портретом Марии в знак симпатии к родственнице). Их отношения стали ровнее, и, может быть, если бы им удалось встретиться, две молодые женщины смогли бы лучше понять друг друга и проникнуться доверием. Но их трижды намечавшаяся встреча откладывалась по политическим мотивам: во Франции обострились религиозные гонения против гугенотов, и протестантской королеве, по мнению ее совета, не следовало в этих условиях встречаться с католичкой.

Парадоксально, но Елизавета, кажется, была единственной в английских правящих кругах, кто неплохо относился к Марии Стюарт. Все члены Тайного совета как один восстали против идеи встречи с ней и каких-либо переговоров о престолонаследии. Они и думать не хотели о новой католичке (память о Марии Кровавой еще была слишком свежа), да к тому же еще и иностранке на троне. А может быть, их не в последнюю очередь пугала перспектива увидеть на престоле очередную женщину? Не случайно Сесил в ответ на предложения Мюррея пробурчал: «Господь поможет Англии, и у ее величества королевы Елизаветы будет сын-наследник» (и восстановится естественный порядок вещей, добавим мы за него). Действительно, ему, наверное, было страшно вообразить на троне Англии четвертую правящую королеву подряд.

Уильям Сесил тревожился понапрасну: его госпожа не собиралась совершать необдуманных шагов в игре с шотландкой. Назови она Марию своей преемницей, и той или ее будущему мужу сразу захочется скорее получить вожделенную корону, не дожидаясь естественной смерти английской королевы. Средств сократить ее дни нашлось бы более чем достаточно — яд, кинжал, католический мятеж, религиозная война. Она сама прекрасно знала, каким искушениям подвергается претендент при живом

монархе. Поэтому Елизавета не могла и не собиралась одобрять ни один из брачных проектов, представленных ей Марией. Ее возможный брак с доном Карлосом, сыном Филиппа II, или любым другим католическим принцем был слишком опасен. Претендентов-протестантов отвергала сама Мария. Шотландка начинала терять терпение, так как угодить ее «старшей сестре» не представлялось возможным. Их партия грозила зайти в тупик.

Чтобы продолжить игру, Елизавета сделала совершенно неожиданный ход. В январе 1563 года она предложила Марии выйти замуж за англичанина, ее подданного, которому она, Елизавета, всецело доверяла бы и которого с радостью увидела бы в соответствующее время на троне Англии. Впервые это предложение было сделано Мэтланду во время переговоров. «Кто же он?» — поинтересовался шотландец и онемел, услышав в ответ: «Лорд Роберт Дадли», тот, кого скандальные слухи связывали с самой Елизаветой, человек некоролевской крови и в глазах света — возможный женоубийца. Пока королева Англии превозносила достоинства лорда Роберта, который в ту пору не был еще даже графом, Мэтланд наконец опомнился от удивления и добродушно посоветовал ей самой подумать о браке с тем, кто, по ее словам, так ей мил. Тем не менее пробный камень был брошен, и через некоторое время Елизавета написала Марии личное послание с предложением подумать об этой кандидатуре.

Поначалу Мария была шокирована не меньше своего министра, главным образом ее не устраивало низкое происхождение Дадли и его скандальная репутация. Однако по здравому размышлению Мария решила, что Лондон может стоить такого брака. А может быть, даже не считая этот союз возможным, она, как и Елизавета, продолжала лишь делать ответные ходы, чтобы не прерывать игры. Так или иначе, переговоры начались, затянувшись почти на год.

Это был удивительнейший брачный прожект, в успехе которого ни «сваха», ни потенциальные партнеры не были заинтересованы. Елизавету было трудно заподозрить в том, что она искренне и всерьез собиралась уступить своего Робина сопернице. Хотя она и доказала, что политическую целесообразность ставит выше эмоций, и теоретически могла пожертвовать Дадли, как поднадоевшей игрушкой, не в ее характере было терять тех, над кем она хотела безраздельно властвовать. К чему было дарить ему корону руками шотландской королевы, когда она сама могла наградить его ею? Если она вела открытую игру, это явно противоречило всей логике ее поведения. Скорее всего, королева ожидала, что Мария откажется от столь невыгодного предложения, даст повод упрекать себя в

неблагодарности и вновь отсрочить переговоры о престолонаследии. Потенциальный жених также не выказывал никакого энтузиазма и неоднократно заявлял, что вынужден подчиниться воле своей госпожи, но сам не собирается искать руки Марии Стюарт. Шотландка же выжидала и прикидывала иные возможные варианты. Втайне от Елизаветы, платя «сестре» взаимной неискренностью, она начала переговоры об испанском браке. Тем не менее осенью 1564 года в Лондон прибыл ее посол Джеймс Мелвил, чтобы обсудить условия сделки с Дадли. На его глазах в День святого Михаила тот был возведен в графское достоинство. Теперь королева Мария не могла пожаловаться на его невысокий общественный статус.

Мелвил провел в английской столице несколько дней и был очень милостиво принят при дворе. Он оставил любопытнейшие мемуары об этом визите и своих беседах с Елизаветой. Королева явилась ему в ипостаси чуть кокетливой, тщеславной дамы, не чуждой женской ревности и несложных ухищрений. Сначала королева поговорила с ним на всех известных ей языках, в знании которых она явно превосходила Марию, потом стала расспрашивать о его госпоже и потребовала сравнить внешность шотландской королевы и ее самой. Какого роста Мария Стюарт? Чуть выше, чем Елизавета? Значит, она слишком высока, заключила англичанка, ибо она сама — не слишком мала, не чрезмерно высока. Кто красивей, кто белее? Эти коварные дамские вопросы обрушились на несчастного дипломата, как град. Шотландец с честью вышел из положения: «Вы, Ваше Величество, красивее всех в Англии, а королева Мария — в Шотландии». Когда же в ответ на вопрос, хорошо ли играет Мария на каком-нибудь музыкальном инструменте, Елизавета услышала: «Сравнительно хорошо для королевы», она устроила настоящее представление для Мелвила, чтобы показать, что английская королева музицирует блестяще. Все случилось как бы ненароком: «Милорд Хансдон провел меня в тихую галерею, откуда я мог слышать, как королева играла на клавесине… Я внимал ей некоторое время, а потом отодвинул ковер, который висел на двери в покой, и, увидав, что она сидит ко мне спиной, тихонько вошел в комнату и слушал, как превосходно она играла; но как только она обернулась и увидела меня, то сразу же перестала играть и направилась ко мне, как будто намереваясь ударить меня левой рукой… она заявила, что обычно не играет для других, но только когда она одна, чтобы развеять меланхолию». Тщеславие Елизаветы было удовлетворено, но Мелвил утвердился во мнении, что она слишком склонна к игре, притворству и ей не следует доверять.

В полной мере это можно было отнести и к его госпоже. Помимо официальной миссии у Мелвила были и секретные инструкции: вступить в тайные переговоры с графиней Леннокс и ее сыном лордом Дарили — еще одним потенциальным претендентом на английский престол. Дородная, с властным бульдожьим лицом, графиня Леннокс была дочерью Маргарет Тюдор, сестры короля Генриха VIII, от ее второго брака. Лорд Дарили, таким образом, приходился кузеном Марии Стюарт. Ленноксы являлись подданными английской короны, но происходили из Шотландии. Когда-то их изгнали оттуда за государственную измену, секвестрировав поместья и лишив титулов. Подыскивая кандидата в мужья, Мария обратила свой взор и на Дарили, у которого было много преимуществ. Во-первых, он был англичанином, что могло потрафить и Елизавете, и ее советникам в случае, если ему будет суждено взойти на английский трон; во-вторых, в его жилах текла истинно королевская кровь; в-третьих, Ленноксы остались католиками, что было несомненным достоинством в глазах Марии. Переговоры о возможном браке начались под невинным предлогом: Ленноксы обратились к ней с просьбой восстановить их в правах на шотландские земли. Кто-то из представителей семьи должен был приехать в Шотландию, чтобы уладить дела. Разумеется, выбор пал на молодого Дарили.

Джеймс Мелвил и должен был испросить санкции королевы Елизаветы на поездку ее подданного в сопредельное государство. Англичанку было трудно провести, она сразу поняла, куда клонят шотландцы, и дала Мелвилу понять это. Во время приема она еще раз указала послу на Лейстера, своего кандидата; учтивый шотландец стал превозносить достоинства графа. «Да, — с укором промолвила королева, — но вам больше нравится вон тот другой высокий парень (lad)». Сравнение, безусловно, выигрывал Лейстер: Дарили был хрупким, изнеженным безбородым юнцом, и Мелвил вполне искренне ответил Елизавете, что «ни одна женщина с характером не выбрала бы мужчину, который скорее похож на женщину, чем на мужчину». Кто мог предположить, что именно таким окажется вкус его госпожи.

Лишь только Мария Стюарт увидела Дарили, она буквально заболела им. Выбор был сделан: она желала выйти за него замуж как можно скорее. Политик заговорил в ней последний раз, когда она снова написала Елизавете, попросив назвать себя наследницей престола. Та ответила, что в случае брака Марии с Лейстером она назначит ее своей преемницей, но не обнародует этого решения, пока не решит окончательно, выходить ей самой замуж или нет. В первом случае, при появлении у нее законного

потомства, корону получили бы, разумеется, ее собственные дети. Мария пришла в бешенство, заявив, что ее водят за нос. Она, безусловно, была недалека от истины.

Гнев и любовная лихорадка противопоказаны в политике. Если бы Мария сохранила самообладание и поторговалась с Елизаветой из-за Дарили, та, возможно, и одобрила бы этот брак. В конце концов, он был англичанином. Стало уже ясно, что Елизавета не намеревается провозглашать Марию своей преемницей, но, если бы брак, которому она не могла помешать, состоялся с ее формального согласия, между королевами сохранился бы мир и нормальные, пусть даже и прохладные, отношения.

Мария предпочла хлопнуть дверью и показать англичанке нос. Дарили больше не вернулся в Англию, а в Шотландии ему даровали титул графа Росс. Принять его без согласия Елизаветы означало нарушить вассальную присягу верности английской короне и совершить государственную измену. Королева приказала ему немедленно возвратиться, а графиню Леннокс в качестве заложницы заключила в Тауэр, но было поздно. В конце июля 1565 года Дарили и Мария Стюарт сочетались браком.

Марии казалось, что она наконец избавилась от унизительной необходимости заискивать перед Елизаветой и ее позиции упрочились: их общие с мужем права на английский престол выглядели весомее, чем когда бы то ни было, католики в Англии были на их стороне, и пришло время английской кузине вновь с опаской смотреть в сторону шотландских соседей. Как, однако, далека была она от истины!

Ее обожаемый мальчик-муж немедленно нарушил хрупкое политическое равновесие в стране, которого она с таким трудом достигла в первые годы своего правления. Его возненавидели все: протестанты — за то, что он был католиком, придворные — за заносчивость и глупость, аристократы — за угрозу, которую несло их кланам восстановление прав Ленноксов, Мюррей — за публичные намеки короля, что он скоро отстранит его от власти. Медовый месяц королевской четы оказался омрачен восстанием протестантских лордов, и, хотя его удалось подавить, а его лидер Мюррей бежал в Англию, это было плохое начало семейной жизни. Продолжение было еще неудачнее, ибо вскоре Мария уже разделяла всеобщую неприязнь подданных к своему мужу. Этот высокий, прелестно сложенный юноша с детским лицом оказался не только глуп, но и капризен, порочен и к тому же постоянно пьян. Королева блуждала по дворцу в слезах и, стеная, призывала смерть.

Бессмысленно соперничать с великим Стефаном Цвейгом,

рассказывая о невзгодах и испытаниях, выпавших на долю несчастной шотландской королевы. Утешение было ниспослано ей в лице Дэвида Риччо — придворного итальянского музыканта, секретаря королевы и задушевного приятеля короля. Из фаворита мужа он так быстро превратился в любимца жены, что даже привычные ко многому придворные были поражены. Королева ожидала наследника, и самой популярной шуткой сезона было: в Шотландии скоро родится новый Соломон, так как его отец — Давид, играющий на арфе. Подданные открыто возмущались связью королевы с безродным иностранцем. Протестантские проповедники неистовствовали с кафедр, бичуя лицемерие и аморализм католички. Дарили, видя, что его отношения с королевой неуклонно ухудшаются, а с ними тают и его надежды превратиться из консорта в правящего монарха, отрезвел на время и, прислушавшись к советам своего окружения, решил положить конец связи Марии с Риччо.

Все произошло как в кровавой драме. Во время ужина при свете факелов к королеве ворвались вооруженные люди во главе с оскорбленным мужем и в присутствии онемевших от ужаса придворных дам закололи Риччо у ног Марии. Дарили с окровавленной шпагой в руке мог торжествовать. Королеве, оправившейся через несколько дней от потрясения, не изменили самообладание и стойкость. Ее отношения с мужем, разумеется, не улучшились, но между ними установился status quo. Вскоре у них родился наследник. Для Марии это был сильный козырь и во внутренних, и во внешних делах. Подданные были готовы многое простить матери будущего короля Шотландии. В конце концов, по мнению многих, дав стране наследника, сама по себе эта женщина отныне была не важна. Для Англии и Елизаветы известие о рождении сына Марии Стюарт было из разряда малоприятных: появился еще один претендент на английский престол. Если бы в этот момент Мария сумела остаться такой, какой часто бывала, — рассудочной и холодной, она, возможно, избежала бы смерти, а вся история Англии и Шотландии, да и остальной Европы, развивалась бы по-другому. Но судьба уже поставила у нее на пути графа Босуэла — сильного, властного, совершенно непохожего на двух ее предыдущих мужей и, кажется, не питавшего никакого пиетета к ее королевскому достоинству. Страсть захватила обоих… или только ее, заставив потерять рассудок и лицо. Новый герой Марии был женат, но готов начать бракоразводный процесс. На его пути к короне и королеве стоял только Дарили. Босуэл решил устранить это препятствие.

Трудно не усмотреть разительного сходства в страстном романе Марии и такой же безоглядной влюбленности Елизаветы в

Лейстера. Босуэл и Роберт Дадли были из одной породы честолюбцев, подчинявших всех и вся своей воле. Оба были поставлены перед одной и той же моральной дилеммой и размышляли об убийстве ради исполнения своих намерений. Но даже влюбленную без памяти Елизавету было трудно заставить забыться настолько, чтобы сделаться банальной соучастницей преступления, безвольной марионеткой в руках возлюбленного, забывшей о своем положении не обыкновенной женщины, но королевы. То, что произошло с Марией, некогда бесстрашной, гордой, умной, было достойно изумления. Под взглядом Босуэла она потеряла себя. Он требовал от нее помощи в покушении на ее мужа. Королева исходила слезами и страхом, но покорилась — ради него. Она снова сблизилась с мужем, и переболевший оспой, ослабевший Дарили поверил в ее искренность; по ее словам, он был «кроток, как агнец». По пути из Глазго в Эдинбург королевская чета ненадолго остановилась в Кирк-о-Филд, в небольшом доме за пределами городских стен. 9 февраля 1567 года поздно вечером королева отправилась посмотреть театральное представление-маску по случаю венчания ее слуг. В два часа ночи дом, где спал ее муж, взлетел на воздух. Тело Дарили было найдено в саду, и очевидцы утверждали, что он был задушен.

Вся Шотландия взывала к отмщению, Босуэла открыто называли убийцей, а королеву — шлюхой. 15 мая 1567 года они поженились, но медовый месяц не удался и на этот раз: его снова прервало восстание возмущенных подданных. Босуэл бежал, а королева оказалась под арестом и всецело во власти протестантских лордов. Когда пленницу везли в столицу, неистовствовавшие толпы требовали сжечь ее.

Но к чему этот долгий рассказ о Марии Стюарт, ведь наша героиня — Елизавета? Только для того, чтобы понять, в чем было подлинное, а не надуманное различие характеров двух королев. Разница заключалась вовсе не в темпераментах, не в большей или меньшей страстности натур (услышав о том, как совершилось убийство Риччо, Елизавета воскликнула, что на месте Марии она вырвала бы из рук Дарили окровавленную шпагу и заколола бы убийцу своего возлюбленного). Разница была в жизненной философии: каждая была готова к самоотречению и жертвам, но вопрос был в том, каким богам приносились эти жертвы. Королева Англии принесла свою любовь в жертву тому, что она считала превыше всего, — миру и покою королевства и ее народа. Королева Шотландии забыла и о подданных, и о королевстве, и о долге, целиком отдавшись страсти. По удивительному совпадению обе женщины однажды прибегли к одной и той же

метафоре — о плаще, в котором непонятая людьми изгнанница бредет по миру. Мария сказала накануне брака с Босуэлом: «Я скорее потеряю Францию, Англию и собственную страну ради него и пойду с ним на край света в одном плаще…» Елизавета произнесла нечто подобное в парламенте, когда депутаты в очередной раз убеждали ее выйти замуж (возможно, за английский вариант Босуэла). Обиженная их непониманием и неприятием ее жертвы, она воскликнула с горечью: «Я благодарю Господа за то, что наделена такими качествами, что если бы я оказалась изгнанной из моего королевства в одном плаще, я смогла бы жить в любом уголке христианского мира!» И она была права: ей не пришлось бы краснеть за то, что она принесла распри в свою страну и отдала державу во власть проходимца. Разница между королевами была и в политической идеологии. При всем своем мужестве и твердости характера Мария была традиционалисткой, она не мыслила, подобно Елизавете, взять на себя ответственность за управление страной, она искала мужчину: регента, консорта, короля, на которого можно было переложить это бремя, а самой целиком отдаться приватной жизни.

Поистине, и среди самых недюжинных представительниц своего пола Елизавета оставалась одиноким образчиком совершенно нового политического мышления. Ее «государственный феминизм» был настолько необычен и несозвучен времени, что еще долго оставался непонятым. В XIX веке, в эпоху другой великой королевы — Виктории, Елизавета, казалось, могла бы стать любимой героиней европейских женщин. Произошло как раз обратное. История их взаимоотношений с Марией Стюарт вызывала столь же трогательную любовь к шотландке, сколь решительное неприятие Елизаветы. Первой доставались слезы жалости, второй — упреки в аморализме. Странен мир: он скорее готов признать женщину, имевшую двух любовников и убившую мужа, образцом морального совершенства, чем простить другой ее чрезмерную независимость и непохожесть на иных.

Елизавете между тем предстояло немало хлопот с заблудшей кузиной. Неожиданно для себя она оказалась единственной защитницей Марии и гарантом ее безопасности. Шотландские лорды требовали от своей пленницы развестись с Босуэлом и отдать его под суд за убийство Дарили. В противном случае они грозили расследованием ее собственной роли в убийстве мужа, низложением и коронацией ее малолетнего сына. Мария скорее умерла бы, чем отказалась от Босуэла. На все предложения о компромиссе она решительно отвечала «нет». Тогда ей стали

открыто угрожать смертью. Смерть ее не пугала.

В трудной ситуации протестантские лорды обратились за консультацией к своему советнику — Лондону. И Уильям Сесил, и прочие члены Тайного совета, враждебно настроенные по отношению к Марии, были готовы немедленно отдать ее на заклание — и в прямом, и в переносном смысле. Мертвая Мария вполне их устраивала, как, впрочем, и отрекшаяся в пользу сына, которого шотландцы готовы были послать воспитываться в Англию. В последнем случае королева Шотландии тоже едва ли прожила бы долго: слишком хлопотно и опасно было бы содержать ее под стражей в течение долгих лет до совершеннолетия сына. Мария была бы обречена, если бы не ее августейшая кузина.

Несмотря на всю сложность своих отношений с шотландкой (а после брака Марии с Босуэлом она прекратила с ней личную переписку), Елизавета вовсе не спешила воспользоваться тем, что жизнь претендентки-соперницы была практически в ее руках. Она ошеломила и шотландцев, и собственных министров потоком гневных упреков, которые обрушила на их головы. В своем прагматизме они зашли слишком далеко и, кажется, забыли, что имеют дело с помазанницей Божьей, законной королевой Шотландии. Солидарность двух государынь оказалась выше соображений целесообразности. Дочь Генриха VIII, уверенная, как и отец, в божественном происхождении королевской власти, не могла допустить и мысли о том, что подданным позволено судить их королеву, какие бы проступки она ни совершила, а тем более низлагать ее или поднимать на нее руку.

Почти год она отстаивала для Марии жизнь и престол, пока в мае 1568 года той не удалось бежать из-под стражи и собрать небольшую армию сторонников. Елизавета принялась писать «дорогой сестре» поздравления и предлагать свое посредничество, чтобы уладить ее отношения с подданными, но этого не понадобилось. Спустя несколько дней армия Марии разбежалась, а сама она тайком пробралась в Англию, явившись под покровительство старшей кузины несчастной изгнанницей, лишенной всего.

Первым душевным порывом Елизаветы было немедленно принять беглянку и позволить ей пребывать при своем дворе. Советники потратили немало сил, отговаривая ее от этого опрометчивого шага. Мария могла стать магнитом для всех английских католиков, недовольных, потенциальных заговорщиков. Не последнюю роль сыграли аргументы, рассчитанные и на чисто женскую ревность Елизаветы, — при дворе не может быть двух солнц, двух государынь. Но не эти

доводы, а сама Мария стала причиной того, что добросердечная встреча двух королев в очередной раз не состоялась. Оправившись от первых волнений после побега, шотландка вдруг написала английской королеве почти оскорбительное письмо, в котором косвенно обвиняла ее во всех своих бедах. Она соглашалась на ее посредничество в переговорах с шотландскими лордами, но, по ее мнению, кузина была просто обязана сделать это, чтобы загладить свою вину. Елизавета потеряла всякую охоту встречаться с «горячо любимой сестрой». Марии предстояло оставаться в Англии в официальном статусе гостьи до тех пор, пока специальная комиссия, назначенная Елизаветой по ее просьбе, не расследует конфликт между шотландкой и ее подданными. Королеве Англии, таким образом, отводилась роль третейского судьи в этой необычной тяжбе — народ Шотландии против королевы Марии. Как гостье ей обеспечили максимальный комфорт, светские развлечения, прогулки и охоту, но вскоре увезли ее с севера, где большинство населения было католиками и восторженно приветствовало шотландку, и поместили под опеку сначала Фрэнсиса Ноллиса, члена Тайного совета и стойкого протестанта, а потом — графа Шрусбери. По мере того как продвигалось расследование и все новые и новые доказательства вины Марии в убийстве мужа становились известны комиссии, ее свобода все более ограничивалась. Но в это время никто еще не мог предположить, что гостья уже никогда не покинет эту страну. Ее присутствие причинит много зла, и прежде чем окончательно уйти со сцены, она унесет с собой немало жизней. Для Елизаветы же Мария стала чем-то вроде прекрасного, но отравленного цветка, который, находясь поблизости, вытягивал из нее соки и стирал румянец с лица. Целых двадцать лет королева Англии будет размышлять о том, как поступить со своей коронованной пленницей. Во всяком случае, ее решение нельзя назвать необдуманным.

«Дама, влекущая за собой якорь»

Англия — Шотландия — Франция — Испания — в этом заколдованном круге европейских проблем постоянно вращались мысли Елизаветы. В тесном континентальном мире, где все были против всех, королеве маленького острова в Северном море было непросто отстоять для него достойное место. Когда ее отец, Генрих VIII, назвал себя императором, он понимал под этим нечто совершенно отличное от того, что мы вкладываем теперь в понятие «империя». Генрих имел в виду, что английский монарх

абсолютно независим от других иностранных властителей и сам по себе есть высшая суверенная власть. В начале своего пути Елизавета формально восприняла от него этот титул, но за свою жизнь она немало сделала для того, чтобы Англия превратилась в империю в современном смысле этого слова. По какому-то непостижимому, но чрезвычайно счастливому стечению обстоятельств ее интерес к морю, людям моря, вояжам в неведомые земли совпал с пробуждением ее нации и осознанием англичанами себя как морского народа.

Удивительно, что это произошло в царствование женщины, а не при ее отце или деде. Англии, казалось, самим Богом было определено стать морской державой: остров изобиловал прекрасными гаванями и портами. Приморские графства, в особенности юго-западный берег — Дорсет, Девон, Корнуолл, поставляли поколения и поколения моряков, рыбаков и пиратов. Торговые корабли сновали через проливы на континент, увозя из Англии ее исконные товары — шерсть, сукно, олово и свинец, квасцы, пшеницу и доставляя на остров немецкие и французские вина, фламандские ткани и итальянские кружева. Однако все это были каботажные плавания — в виду знакомого берега, в тесноте Северного моря и проливов, в крайнем случае в хорошо разведанном Средиземном море.

Когда для Европы пробил великий час океанов — наступила эпоха Великих географических открытий — и Испания с Португалией устремились исследовать и завоевывать Новый Свет, англичане по-прежнему пребывали в полудреме. Колумб открывал Америку, Васко да Гама исследовал побережье Африки и пути в Индийском океане, географические карты перекраивались ежегодно, и земля на глазах приобрела шарообразную форму благодаря кругосветному путешествию Магеллана, но в Англии этот ажиотаж не находил никакого отклика. Эта северная окраина Европы была все-таки изрядным медвежьим углом.

Нельзя сказать, что два Генриха — VII и VIII — совершенно игнорировали проблему. Оба поощряли морскую торговлю; первый, по существу, создал королевский флот, второй заботился о нем и довел его численность до ста прекрасных кораблей, но они предназначались для войны с Францией, а не для дальних плаваний и открытий. Только итальянцу Каботу удалось вытянуть из Генриха VII немного денег, чтобы исследовать в интересах Англии побережье Северной Америки, и он открыл для нее Ньюфаундленд с прекрасными рыбными промыслами. Но это скромное достижение не могло идти в сравнение с успехами других держав. Испания и Португалия в это время с помощью

папы римского делили весь мир пополам, как яблоко: испанцам отходило Западное полушарие, португальцам — Восточное. Остальным доставались лишь семечки.

Что-то постепенно сдвинулось в сознании англичан при Эдуарде: его подданные вознамерились отыскать Северо-Восточный проход в Китай и Индию по Ледовитому океану. Их проект поддержала и Мария Тюдор — не зря же она была замужем за Филиппом II, владыкой великой колониальной державы. Англичане героически двинулись на север, но, разумеется, застряли во льдах около нынешнего Архангельска. Московия XVI века не была той фантастически богатой и экзотической страной, какой всем рисовался неведомый Китай, но представляла собой обширный и выгодный рынок, и английские купцы поспешили утвердиться в России, основав Московскую компанию. К моменту вступления Елизаветы на престол других достижений в сфере торговой экспансии за англичанами не числилось.

При Елизавете положение разительно изменилось. Все сошлось, как в фокусе: энергия и инициатива частных лиц, государственный интерес, общественное мнение и, наконец, энтузиазм самой королевы. И она и советники, окружавшие ее, уже в полной мере оценили на примере Испании, за которой ревниво наблюдали, преимущества обладания заморскими колониями и торговли с ними. Из Нового Света в Испанию непрерывно шли «золотые» и «серебряные» флоты, караваны, груженные драгоценными металлами из рудников Чили и Перу. Хорошо укрепленные испанские поселения в Южной и Центральной Америке были и торговыми факториями, поглощавшими европейские товары и рабов. С переселенцами можно было бы выгодно торговать, если бы не жесткая монопольная политика испанцев, не допускавших иностранных купцов в свои колонии. Всякий, кто хотел получать оттуда экзотические товары, был вынужден отправляться в Севилью и покупать их там. Мало кто считал это справедливым, и время от времени французы, англичане, голландцы — словом, все, опоздавшие в гонке за вновь открытыми землями, проникали в Новый Свет. Местные власти охотились за контрабандистами и часто конфисковывали их товар. Тогда те, чтобы возместить ущерб, превращались в пиратов и за это расплачивались уже головами. Протестантам доставалось особенно: они считались еретиками, а в колониях, как и в самой Испании, действовала инквизиция, и немало английских моряков были здесь не просто вздернуты на виселицу, а сожжены руками католических священников.

Будущая Британская империя начиналась в Плимуте — порту на западном побережье Англии. Ее крестными отцами стали местные мореходы Уильям и Джон Хоукинсы, крестной матерью — королева Елизавета. Как это часто случается, в начале великого предприятия лежали деньги. В 30-40-х годах XVI века Уильям Хоукинс подвизался в весьма прибыльной торговле между Африкой (куда он пробирался, нарушая португальскую монополию) и Бразилией. Он покупал в Гвинее рабов и вез их на продажу европейцам-колонистам в Новый Свет. В дело включились его сыновья, и оно превратилось в синдикат, в который охотно вкладывали деньги местные джентльмены и купцы. Однако с годами проникать в испанские колонии становилось все труднее. Никакие ссылки Хоукинса на личное знакомство с королем Филиппом, на дружеские чувства к испанскому народу и необходимость развивать взаимовыгодную торговлю не действовали на испанских губернаторов: его гнали, а иногда и отбирали товар. Во время одного из таких вояжей, вынужденный спешно покинуть Карибский бассейн, он попутно исследовал и описал побережье Флориды.

Два особенно обидных инцидента произошли с моряками из Плимута в 1566 и 1567 годах. В первом случае испанцы обманным путем захватили товары маленькой экспедиции, состоявшей всего из двух суденышек. Они, должно быть, долго смеялись над тем, как ловко провели «английских еретиков», не подозревая, что только что нажили себе смертельного врага, который воздаст им сторицей. Им был молодой моряк по имени Фрэнсис Дрейк — младший из двух капитанов, потерявший свою долю и пылавший праведным гневом по возвращении в Плимут. На следующий год он присоединился к солидной экспедиции Джона Хоукинса. В нее были вложены большие деньги, и не только частных лиц. Сама королева Елизавета, хорошо знакомая с Хоукинсом-старшим и любившая слушать рассказы морского волка о его плаваниях в экзотических морях, где «летучие рыбы залетают в паруса корабля», вложила в это предприятие собственный капитал и снарядила два корабля. Прибыв в испанские колонии, Хоукинс всячески подчеркивал, что это флот «ее величества королевы Англии», что, однако, не спасло его от вероломного нападения испанцев. Английские корабли стояли на якоре в бухте Сан-Хуан-де-Улуа, когда появился испанский флот. У англичан было достаточно ядер и пороха для стычки, но Хоукинс не хотел затевать конфликт. Несмотря на то, что поначалу им гарантировали безопасность, новый вице-король Мартин Энрикес приказал атаковать «еретиков и контрабандистов». Лишь два корабля успели спастись, остальные

были взяты на абордаж и сожжены, а их команды вырезаны. Но на первом корабле ушел Дрейк, на втором — Хоукинс. Теперь у Испании появилось уже два заклятых врага. В Плимуте их обоих выслушал старый Уильям Хоукинс и отправил к королеве рассказать о том, что они пережили.

Елизавета не меньше их была озабочена потерей своих людей, кораблей и денег. Однако судьба послала ей быстрое утешение в виде испанского флота, груженного золотом, который направлялся в Нидерланды к наместнику испанского короля герцогу Альбе. Его прибило штормом к английскому берегу, и королева, пользуясь случаем и расплывчатыми нормами морского права, наложила руку на это сокровище, достигавшее 100 тысяч фунтов стерлингов. Дипломатические препирательства по этому поводу затянулись надолго, не вылившись, однако, в настоящий конфликт между двумя державами. Елизавета впервые узнала вкус испанского колониального золота.

Дрейк же тем временем объявил свою персональную вендетту испанцам. Этот коренастый, круглолицый, краснощекий крепыш с лицом простака и манерами аристократа стал в 70-х годах самым авторитетным капитаном на всем западном побережье Англии. Набрав великолепную команду, он в 1570 году отправился в разведку к американским берегам: выследил пути, по которым караваны мулов везли золото из рудников Перу, устроил несколько тайных складов, чтобы воспользоваться ими во время следующего рейда. Его час настал весной 1572 года, когда Дрейк на двух кораблях появился у берегов Панамы. Он очаровал местных индейцев и вместе с ними устроил страшный переполох на караванных путях и по всему побережью, захватил испанский галеон, шедший из Сан-Доминго, и два фрегата из Картахены и отбыл, позаботившись, чтобы его имя навсегда запечатлелось в памяти испанцев. Отныне и навсегда он стал для них El Draque — Драконом. Плимут встретил его ликованием, официальный Лондон — с плохо скрываемой радостью, королева — с дружеской улыбкой. Дрейк становился национальной легендой, притом протестантской легендой, победителем «напыщенных испанцев» — католиков, врагов истинной веры. Его обожали, им восхищались, знаменитый барабан, сопровождавший Дрейка во всех походах, превращался в протестантскую святыню.

Энергия в Дрейке била через край, этому англичанину уже становилось тесно в Атлантике. Когда он находился в Панаме, на узком перешейке, разделяющем Атлантический и Тихий океаны, то, по преданию, взобрался на дерево, чтобы увидеть безбрежные просторы, открывавшиеся к западу от Америки. Завороженный этой картиной, он поклялся, что скоро эти воды увидят

английский флаг. Обет Дрейка — часть великой английской национальной легенды. Но правда и то, что он был принесен, и то, что он был выполнен.

В 70-х годах между Англией и Испанией развернулась странная, не объявленная ни одной из сторон война на морях. Испанцы арестовывали английские корабли всюду, где могли, торговля между двумя странами практически замерла из-за постоянных конфискаций товаров и пиратства. К берегам Америки один за другим уходили полуторговые-полупиратские экспедиции Хоукинсов, Дж. Нобла, Г. Хорсли, Э. Баркера, Д. Оксенхэма, участники которых, если фортуна улыбалась им, возвращались с богатыми «призами», если нет — оставались болтаться на реях. Официальные Мадрид и Лондон предпочитали закрывать глаза на «частные» войны своих беспокойных подданных, в крайнем случае ограничивались формальными протестами. Елизавета на все ноты испанского посла лишь пожимала плечами и убеждала его, что это шотландские пираты прикидываются англичанами, чтобы бросить тень на миролюбивых подданных английской короны.

Королевой тем временем все сильнее овладевала лихорадка авантюрных морских вояжей. Дело было, разумеется, не в романтике дальних плаваний. Ее казна была пуста, а контрабандная торговля, равно как и грабительские экспедиции в Новый Свет, приносила неплохой доход на вложенный капитал. Ее отец Генрих VIII знал тысячи способов, как растратить деньги, и придумал только один, как пополнить казну, — отнять земли у собственной церкви, и это был откровенный грабеж. Елизавета была не только дочерью своего отца, но и внучкой своего деда — скопидома Генриха VII. Она нашла способ добывать деньги, не грабя при этом своих соотечественников; а до чужих подданных, притом католиков, ей не было дела.

Около 1575 года Ф. Дрейк поведал королеве и совету о своей сокровенной мечте — обогнуть Американский материк, выйти в Тихий океан и напасть на западное побережье Америки, где расположены фантастически богатые рудники Перу. Только Уильям Сесил опасался последствий этой «глобальной» авантюры; Лейстер, Хоукинс, произведенный в казначеи адмиралтейства, новый государственный секретарь, убежденный протестант Фрэнсис Уолсингем — все были «за». Кристофер Хэттон, очередной фаворит Елизаветы, хотя и не был рьяным протестантом и даже, напротив, симпатизировал католикам, тем не менее активно включился в финансирование экспедиции и стал одним из самых щедрых патронов Дрейка. Сама королева колебалась недолго — вложила собственные деньги и снарядила

два корабля. Предприятие окончательно приобрело официальный характер.

13 декабря 1577 года пять кораблей, ведомых флагманом «Пеликан», под утробный стук дрейковского барабана вышли из Плимута в долгое плавание, цель которого была известна лишь капитанам. Матросам было объявлено, что они идут к западному берегу Марокко, который Дрейк действительно торопливо ограбил. Затем они взяли курс на Южную Америку, и кругосветное путешествие началось. Когда эскадра приближалась к Магелланову проливу, оставляя по всему берегу сожженные испанские поселения, Дрейк решил дать новое имя своему флагману. Он переименовал «Пеликана» в «Золотую антилопу» в честь Кристофера Хэттона, на чьем гербе было изображено это грациозное животное. Лишь три из пяти кораблей преодолели Магелланов пролив. Когда моряки ощупью искали путь в наиболее опасных местах, Дрейк подбадривал их мерными ударами барабана. Наконец они вышли в Тихий океан. Мечта Дрейка сбылась — он бороздил воды «Южного моря» и приближался к Перу, волшебной пещере Аладдина испанцев. Его не пугало даже то, что буря разметала английские корабли и «Антилопа» осталась одна. Судьба благоволила к смельчакам: у Вальпараисо они захватили испанский корабль, груженный золотом, но впереди маячила еще большая удача. Ночью Дрейк вошел незамеченным в порт Лиму, где стояли на якоре испанские корабли, и понял из разговоров испанцев, что накануне огромный галеон с золотом отбыл в Панаму. Англичане не стали терять времени и отправились за ним. Настичь тяжеловесный «Какафуэго» оказалось несложно. Испанцы сдались Дрейку без единого выстрела. Он принял пленного капитана «Какафуэго» с почетом и невероятной учтивостью. Ошеломленный испанец описывал потом, как он обедал с грозой морей, наводившим ужас на американское побережье, в роскошной каюте, декорированной мореным дубом и дорогими тканями и обставленной изящной мебелью, на роскошной серебряной и золотой посуде под звуки настоящего оркестра — флейт, скрипок и лютен. Дрейк не отказывал себе в удовольствиях: как-никак кругосветное путешествие обещало быть долгим. Предметом его особой гордости была коллекция духов и притираний, которую он любезно продемонстрировал испанцу, шепнув не без тщеславия, что кое-что из парфюмерии было подарено ему самой королевой Елизаветой! После реверансов и извинений за то, что англичанам пришлось ограбить их судно, испанскую команду отпустили на берег, наделив каждого матроса пригоршней золотых дублонов — «Антилопа» уже не вмещала фантастической добычи.

Дальше все выглядело уже совсем просто: они поднялись от Панамского перешейка вверх до 38°, исследовав западное побережье нынешней Калифорнии. Белые прибрежные скалы напомнили Дрейку родину, и он окрестил эту землю Новым Альбионом. Оттуда «Антилопа» двинулась на запад, пересекла Тихий океан и сделала остановку на Молуккских островах — вожделенных для европейцев Островах пряностей, торговля с которыми считалась монополией португальцев и приносила им неслыханные доходы. По-видимому, Дрейк обладал каким-то необыкновенным магнетизмом: он сумел войти в доверие к местному султану, прогостил у него месяц, получил новый груз подарков — драгоценных камней и пряностей, а между делом договорился о будущей торговле англичан в этом регионе — как будто Португалии и Испании больше не существовало на карте. Потом он пересек Индийский океан, обогнул Африку и вернулся в родной Плимут, закончив свой долгий кругосветный путь 26 сентября 1580 года.

Ступив на берег, Дрейк первым делом поинтересовался, жива ли королева. И его рассказы, и его добыча заслуживали поистине королевского внимания. Елизавета наградила своего героя по-царски: Дрейк получил 10 тысяч фунтов стерлингов из того золотого груза, который привез в Лондон. Сколько получила королева, не знал никто, кроме самых доверенных лиц. Устная традиция передает, что среди сокровищ «Золотой антилопы» были редкой чистоты и красоты рубины. А спустя несколько лет после возвращения Дрейка среди украшений королевы появился великолепный рубиновый гарнитур — диадема и ожерелье с камнями невероятных размеров, в котором она запечатлена на портрете работы М. Гирертса. Испанцы полагали, что добыча Дрейка достигала 700 тысяч фунтов стерлингов, но безуспешно требовали они вернуть свои реалы. Филипп II неистовствовал, а на борту «Золотой антилопы» разворачивалась тем временем сцена из тех, что навсегда входят в историю. Королева Елизавета вступала на корабль, украшенный синими полотнищами государственного флага с золотыми львами и лилиями, чтобы возвести Фрэнсиса Дрейка в рыцарское достоинство. Королева была в великолепном настроении. Взяв в руки тяжелый меч, предназначенный для ритуала посвящения, она сначала сделала вид, будто собирается отрубить своему «пирату» голову. Дрейк смиренно преклонил колено, и Елизавета совершила обряд с помощью французского посла — ударила посвящаемого мечом по плечу (француз был в не меньшем восторге, чем англичане, от того, как Дрейк щелкнул испанцев по носу). Потом всех ждал банкет и обсуждение герба новоиспеченного рыцаря: над щитом с

изображением солнца и волн поднимался шлем, несущий на себе земную сферу, над ней парил корабль, и рука Господа усмиряла волны под ним.

Дрейк был, несомненно, человеком сильных протестантских чувств (хотя, как и его королева, вовсе не был кровожадным фанатиком). Его победа для большинства англичан была связана с религиозной идеей, и Елизавета смогла воочию убедиться, насколько сильный эмоциональный отклик вызывает у ее подданных этот национальный триумф, который они расценивали как торжество истинной веры, а она — как чрезвычайно успешное завершение рискованного финансового предприятия.

Соображения дипломатии требовали, чтобы Дрейк на время исчез с морского и политического горизонта. Пару лет он отдыхал в своих новых поместьях, подаренных королевой. Здесь он и позировал художнику для своего знаменитого портрета — в новом красном костюме, подбитом зеленым атласом, слегка опершись на глобус, и тревожил испанских капитанов только в кошмарных снах. Но в 1584 году, веселый и растолстевший, он вновь вернулся ко двору, где его радостно встретили компаньоны по свежесозданному синдикату для торговли с Островами пряностей — все та же аристократическая компания во главе с королевой Елизаветой, Лейстером, Уолтером Рэли и Хоукинсами. Однако после долгих обсуждений экспедиция на Молукки показалась им слишком опасной, и капитал был помещен в привычный грабительский рейд по испанским колониям в Карибском море.

Выведенный из себя, Филипп II ответил нападением на английские корабли в Бильбао. Теперь Елизавете пришлось испытать горечь поражения и национального унижения. Англичане не замедлили с ответом: в 1585 году Дрейк вместе с другим известным английским мореходом Фробишером отправился в Новый Свет. Он привел свой флот к Санто-Доминго, сжег стоявший там на якоре испанский флот и захватил город, получив контрибуцию в 25 тысяч золотых дублонов. В резиденции испанского губернатора Дрейк увидел картину, изображавшую герб испанского короля и земной шар, над которым вздымалась на дыбы белая лошадь, символизировавшая Испанию. Ей было некуда опустить передние копыта, так как мир был явно мал для нее — на это указывала и надпись «Non sufficit orbis» («Недостаточно мира»). Англичане, вынося из дворца все, что там было ценного, прокомментировали это так: «Если королева Англии будет решительно продолжать войны против короля Испании, ему придется оставить свою гордыню и непомерное тщеславие, и, как показывает пример этого города, ему едва

хватит сил, чтобы охранять то, чем он владеет сейчас». Королева Елизавета, быть может, не согласилась бы только с одним: она вовсе не вела войны с королем Испании, ее уважаемым экс-родственником. А то, что под конец экспедиции Дрейк захватил и ограбил город Картахену, так это, как и весь его рейд, было всего лишь досадным недоразумением, к которому она, разумеется, не имела ни малейшего отношения.

Дрейк, с его бурлящим темпераментом, добродушным юмором, склонностью к трогательным и героическим эффектам, был самым неподражаемым из елизаветинских морских волков. Но он был далеко не единственным из новой породы ее одержимых подданных. Многие искали ее поддержки в самых головокружительных прожектах, но немногие получали деньги, большинство довольствовалось ее милостивым покровительством, официальным статусом, подписанными ею грамотами к неведомым владыкам неведомых земель. С именем Елизаветы на устах англичане совершали доселе неслыханное. В 60—70-х годах купцы Московской компании отыскали сухопутный путь через Московию, Астрахань и Казань в Персию, а их лоцманы и моряки, пробивавшиеся на восток в арктических морях, достигли Сибири и впервые поведали европейцам о существовании «великой реки Обь». В 1576–1578 годах энтузиасты поисков Северо-Западного пути в Индию и Китай — Фробишер, Дэвис, Гилберт обследовали северную оконечность Америки и достигли Гренландии, привезя от эскимосов горную руду, якобы обещавшую дать много золота. Королева и двор немедленно вложили большие деньги в вояжи к эскимосам; к их разочарованию, руда оказалась незолотоносной, но англичанам остались карты Северной Америки, которую они начнут осваивать позднее, и честь первооткрывателей. В 1583 году Джон Ньюбери отправился в путешествие на Восток, продлившееся восемь лет: судьба провела его нелегким маршрутом через Сирию, Ормузский пролив, развалины древнего Вавилона, остров Гоа, затем в Индию ко двору Великих Моголов, в сказочную Голконду. Со временем Ньюбери превратится в бесценного эксперта для учрежденной королевой Ост-Индской компании.

Ветер с моря, приносивший запах опасности и наживы, будоражил не только сорвиголов — пиратов и первопроходцев и их высоких покровителей при дворе. Он щекотал обоняние купечества, менее склонного к риску, но хорошо умевшего считать проценты на вложенный капитал. Когда Елизавета взошла на престол, в стране были только две большие купеческие компании — купцов-авантюристов и Московская, учрежденная совсем недавно. За четыре года при ее покровительстве возникли

три новые — Испанская, Эстляндская и Левантийская. Позднее она даровала хартии Берберийской и Ост-Индской компаниям (последняя сыграла огромную роль в становлении Британской империи). Купцы получали не только монопольные привилегии, но и поддержку английских дипломатов повсюду, где они торговали. За это, правда, приходилось платить, и платить щедро, но то была справедливая игра.

Поразительно легко и быстро английская нация, еще недавно привязанная к своему острову, усваивала новый взгляд на мир; он становился глобальным в буквальном и переносном смысле. В стране выходили десятки трактатов с рассуждениями о выгодах освоения новых земель, рынков, рыбных промыслов. Самым знаменитым из них был многотомный труд Ричарда Хаклюйта «Основные плавания, путешествия и открытия английской нации», собравший воедино отчеты обо всех героических предприятиях английских мореплавателей. Он рождал у читателей пьянящее ощущение необыкновенной силы и оптимизм. Англия становилась вровень с великими морскими державами — Испанией и Португалией. Англичане стали задумываться об основании собственных колоний в Северной Америке. «Я немало удивляюсь тому, — писал Хаклюйт, — что со времени открытия Америки… после великих завоеваний и утверждения там испанцев и португальцев, мы никогда не имели возможности… вступить в те плодородные и благодатные места, которые остались не занятыми ими. Но когда я думаю о том, что всему свое время, и вижу, что время португальцев ушло, вижу наготу испанцев и то, что их долго хранимые секреты теперь раскрыты… я лелею великую надежду, что подходит наше время и теперь мы, англичане, можем разделить добычу, если мы этого сами захотим, с испанцами и португальцами в Америке и других еще неоткрытых землях».

Хэмфри Гилберт, сводный брат Уолтера Рэли — нового фаворита Елизаветы, попытался основать английское поселение в Северной Америке в 1578 году, но неудачно. Он повторил свою попытку в 1582 году. Сам Рэли положил немало трудов, чтобы убедить королеву в целесообразности их проекта «насадить имя англичан под северными звездами». Он преуспел, и в знак своего особого покровительства экспедиции Елизавета послала Гилберту символический подарок — драгоценный «якорь, который влекла за собой дама», возможно, аллегорию ее самой. Ободренный Рэли передавал брату ее напутственные слова: «…она желает тебе такой удачи и безопасности твоему кораблю, как если бы она сама была с вами на нем, она просит тебя быть осторожным, так как заботится о тебе, и ради нее ты должен стремиться к этому.

Далее, она хочет, чтобы ты оставил свой портрет…» У какого морского волка не дрогнуло бы сердце от такого внимания со стороны его государыни? Когда после нескольких неудачных попыток англичанам все-таки удалось основать колонию в Америке, имя для этого нового «земного Эдема» было найдено с легкой руки Рэли — Виргиния (Девственная), в честь Елизаветы — их королевы-девственницы. 18 августа 1587 года у губернатора колонии Джона Уайта и его жены Анании родилась дочь — первая английская подданная на американском континенте, ее, естественно, тоже окрестили Виргинией.

Генрих VIII. Ганс Гольбейн. 1542 г.

Анна Болейн. Неизвестный художник.

Екатерина Арагонская.
Неизвестный художник.

Анна Клевская.
Ганс Гольбейн.

Принцесса Елизавета в 14 лет. Неизвестный художник.

Генрих VIII, принц Эдуард и Джейн Сеймур. Неизвестный художник.

Последняя страница завещания Генриха VIII.

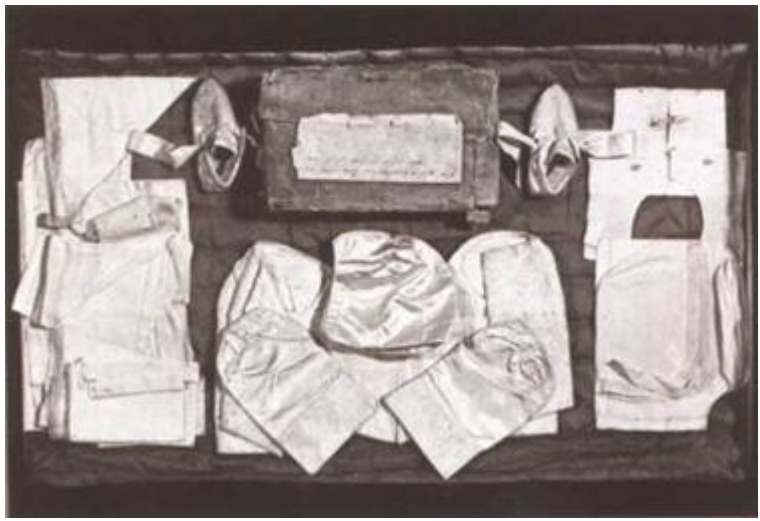
Кольцо Елизаветы I с миниатюрным портретом Анны Болейн и самой королевы. Около 1575 г.

Томас Сеймур.

Роджер Эшам, наставник Елизаветы.

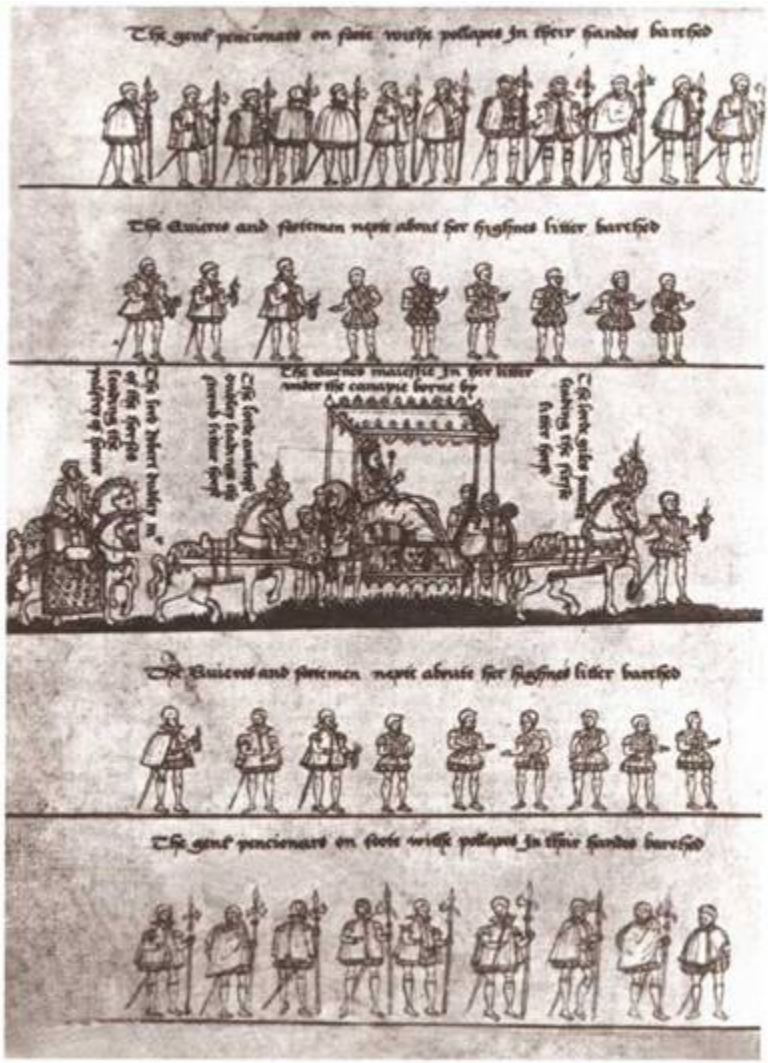
Екатерина Парр.

Принцесса Мария в возрасте 28 лет.



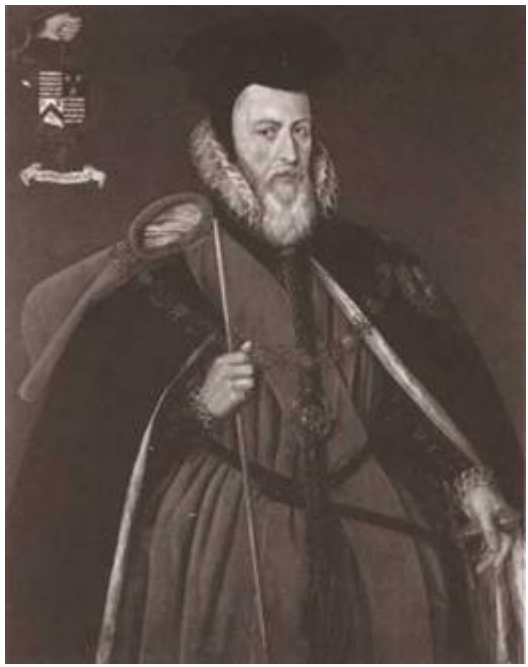
Детский набор, вышитый Елизаветой для ожидаемого ребенка Марии. Замок Хивер, Кент.

Елизавета I в коронационных одеждах. Неизвестный художник.



Торжественная процессия, направляющаяся в Вестминстерское аббатство накануне коронации Елизаветы 14 января 1559 года.

Роберт Дадли, граф Лейстер.



Уильям Сесил, лорд Берли, в парадных одеждах кавалера ордена Подвязки.

М. Гирертс-младший (?).

Елизавета I, танцующая с графом Лейстером (предположительно).

Неизвестный художник. Около 1580 г.

Елизавета в Чистый четверг (церемония омовения ног бедным женщинам). Миниатюра Л. Тирлинг.

Елизавета в возрасте 38 лет. Миниатюра Н. Хиллиарда.

Елизавета на охоте. Фрагмент гравюры.

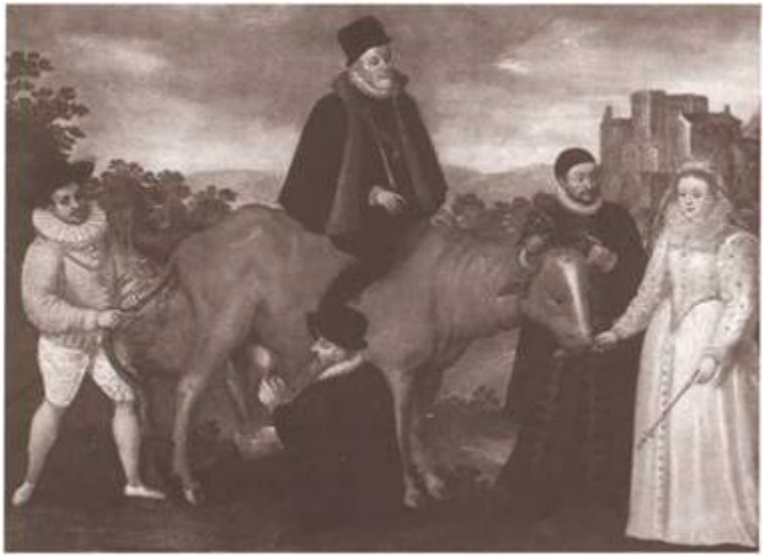
Дворец Нансач — одна из многочисленных королевских резиденций.

Аллегорический портрет Елизаветы с ситом. Сито — отсылка к истории о весталке, принесшей в доказательство своей девственности воды в решете, не пролив ни капли. К. Кетел. Около 1580–1583 гг.

Елизавета, одерживающая верх над Юноной, Минервой и Венерой.

Неизвестный художник. 1569 г.

Аллегория «Генрих VIII и его преемники». Неизвестный художник.



Елизавета I, кормящая «нидерландскую корову». Неизвестный фламандский художник. Около 1583 г.

Мария Стюарт в трауре по первому мужу Франциску II. Около 1560 г.

Филипп II. С. Коэльо. 1583 г.

Казнь Марии Стюарт в замке Фотерингей 18 февраля 1587 года.

Иллюминованная грамота Филиппа II с его портретом, подписанная в октябре 1588 года после поражения Великой Армады.

Текст приказа Елизаветы I об атаке Кадиса. 1587 г.

Фрэнсис Дрейк.
Неизвестный художник.

Один из самых удивительных елизаветинских морских волков — У. Рэли, совсем непохожий на моряка изысканный придворный, поэт и философ, пронес имя Елизаветы через дебри Амазонки и

Ориноко, куда он отправился искать легендарную страну Эльдорадо. Рэли открыл Гвиану, описав впоследствии нравы местных индейцев и свои приключения. Едва ли можно вообразить себе более забавную и трогательную картину, чем английский дворянин, показывающий индейцам изображение королевы Елизаветы и втолковывающий им через нескольких переводчиков, что она — великий касик севера, их большой друг и враг злого касика испанского короля. Индейцы дивились и кланялись ее портрету…

Всего два десятилетия потребовалось англичанам, чтобы донести свой флаг — красный крест святого Георгия на белом фоне — до самых отдаленных уголков мира: до Сибири на северо-востоке, Канады и Гренландии на северо-западе, Африки, Филиппин и Молукк, Южной Америки. С законной гордостью Ричард Хаклюйт вопрошал: «Кто из королей этой земли до ее величества видел свое знамя, водруженное у Каспийского моря? Кто из них когда-нибудь вел дела с императором Персии? Кто когда-либо прежде видел английского подданного… у султана Константинополя? Кто когда-нибудь слышал об английских консулах в Триполи в Сирии, в Алеппо, в Вавилоне, в Басре, и более того… в Гоа? Разве до этого английские корабли становились на якорь в великой реке Ла-Плата? Проходили вновь и вновь Магеллановы проливы?»

Мир больше не принадлежал безраздельно Испании. Островной народ смело утверждался в нем, готовый постоять за свои права в любом полушарии. Нация мужала, становилась крепче и увереннее в себе вместе со своей королевой, к ногам которой ее герои слагали лавры всех своих побед. Источник их воодушевления, их путеводная звезда звалась Елизаветой. Хаклюйт восторженно писал, что она «унаследовала от своего знаменитого отца героический дух и наиславнейшую расположенность» к великим предприятиям.

Но, как это часто бывает, всплеском патриотических чувств и национальной консолидацией англичане были не в последнюю очередь обязаны своему новому врагу — католической Испании. Национальное противостояние, усиленное религиозным, все более превращало Англию в сугубо протестантскую страну, в которой все меньше места оставалось для компромисса с католиками, и воспламененное общественное мнение постепенно лишало королеву возможности маневра.

Протестанты и католики: потерянный рай

В течение первых десяти лет правления Елизавете удавалось сохранять Англию тихой гаванью Европы, где не бушевали религиозные страсти и христиане не проливали кровь христиан. Ее континентальные соседи справлялись хуже. Во Франции с воцарением Карла IX и приходом к реальной власти его матери Екатерины Медичи борьба между гугенотами и католиками то разгоралась, то утихала, смягченная ее политическими маневрами и компромиссами; но конфессиональный вопрос оставался неразрешенным, и страна неуклонно сползала к Варфоломеевской ночи. У испанцев дела обстояли еще плачевней: Нидерланды — самая богатая и развитая часть империи Габсбургов, бриллиант в ее короне — были готовы отложиться от Испании. В 1566 году там началось национально-освободительное движение, переросшее затем в восстание. Реформированная религия — кальвинизм — исподволь пустила здесь глубокие корни, и фламандцы не желали больше отдавать плоды своей богатой земли католическим королям Испании. Филипп II послал в Нидерланды герцога Альбу, бестрепетной рукой подавившего восстание и залившего страну кровью «еретиков», но справиться с ними окончательно ему не удалось; в стране развернулось партизанское движение.

Протестантская Англия, куда было так легко добраться из Нидерландов через узкий пролив, дала приют многим, спасавшимся от террора Альбы. Фламандские эмигранты-ткачи основали целые поселения в Эссексе. Королева Елизавета лично посетила их в Колчестере и пообещала свое покровительство на новой родине. Английские порты неофициально предоставляли убежище фламандским морским партизанам — гезам, которые совершали оттуда налеты на испанские суда. Одним словом, в Англии было в избытке тех, кто мог рассказать об ужасах испанской оккупации и о том, как гибнут на кострах мученики за истинную веру. У англичан еще были слишком свежи их собственные воспоминания о религиозных преследованиях во времена Марии Тюдор. Неизбежно возникали страхи и опасения относительно того, что станут делать испанцы, если окончательно «усмирят» Нидерланды. А что, если они захотят предпринять молниеносный бросок через пролив и начнут интервенцию в Англию, чтобы с корнем выполоть протестантизм в Европе? Опасность казалась более чем реальной. Английским дипломатическим и тайным службам было хорошо известно, что в Испании партия «интервенционистов», сторонников вторжения в Англию, была достаточно сильна, и только здравый смысл Филиппа сдерживал их пыл.

Масла в огонь подливала и английская католическая

эмиграция. За десять лет изгнанники оперились и основали несколько духовных семинарий, где иезуиты готовили священников из числа молодых английских католиков. Туда стремились тайно отправить своих сыновей многие семейства, которые внешне приняли реформированную англиканскую церковь, но на деле сохраняли верность старой религии. Юноши уезжали на континент под предлогом путешествия или получения образования в одном из университетов Франции или Германии, а оказывались семинаристами в Дуэ или в Риме. Их наставники отцы иезуиты считали, что во имя торжества католической религии допустимо совершить смертный грех — убийство, при этом их не останавливал даже сан Божьего помазанника, если таковой являлся врагом истинной религии. Идея тираноубийства вообще была idee fixe XVI столетия. Протестанты призывали избавляться таким простым, но действенным способом от католических монархов-тиранов, католики — наоборот. Как ни старалась Елизавета пройти по лезвию ножа и остаться доброй государыней для всех своих подданных, обстоятельства складывались таким образом, что ее имя все больше ассоциировалось с делом протестантизма. Не учиняя религиозных преследований и не отправив на костер ни одного еретика, она тем не менее сделалась для иезуитов и их питомцев «еретичкой и тираном». Что, если найдется решительный католик, желающий избавить Англию от протестантской государыни одним ударом кинжала? Возможные последствия казались дальновидным иезуитам весьма заманчивыми. Смерть английской королевы, этой «смоковницы бесплодной», у которой не было законного наследника, немедленно погрузила бы страну в безвластие и смятение. В этих условиях, по их мнению, католическая партия в Англии — магнаты Аруделы, Монтагю, Ленноксы и весь католический север с легкостью смогли бы возвести на престол ближайшую претендентку — Марию Стюарт, которая восстановила бы католичество. С Англией как очагом протестантизма было бы покончено, притом без особых расходов на крестовые походы, армии вторжения и флот. Законные права Марии на корону значили очень много в этой схеме. Они давали основания надеяться, что, как и в случае прихода к власти Марии Тюдор, легитимизм одержит верх над религиозными чувствами англичан и они не окажут сопротивления законной королеве. Отцы иезуиты не учитывали только одного: это было другое время и другая нация, а Мария Стюарт была иностранкой, к тому же запятнавшей себя убийством.

Итак, снова Мария Стюарт. В своем почетном заключении при далеко не строгом режиме, установленном для нее графом

Шрусбери, она не только пользовалась отличительными знаками королевского достоинства, восседая под балдахином с государственным гербом, но и активно переписывалась с европейскими монархами, пытаясь интриговать и добиваясь своего возвращения на шотландский престол на почетных условиях. Занятым собственными проблемами католическим государям было не до нее: в Лувре ее рассматривали как ставленницу Гизов, к которым правящая династия Валуа относилась с большим подозрением, в Эскориале сочувствовали, но не настолько, чтобы протянуть руку помощи и нарушить хрупкое равновесие в отношениях с Англией.

Парадоксально, но Елизавета оставалась единственной, кто пытался еще восстановить Марию на троне, упорно настаивая на этом в переговорах с шотландскими протестантами. Тем же Мария была попросту не нужна: у лордов под крылом воспитывался ее сын Яков — будущий король Шотландии. Единственное условие, при котором они соглашались принять королеву обратно, было отречение от престола в его пользу. Обеим королевам такое требование казалось абсурдным.

В Йорке на англо-шотландских переговорах о судьбе Марии обе делегации, измученные твердостью Елизаветы, не желавшей покинуть кузину в беде (в этом они были склонны видеть скорее твердолобость), пришли к мысли, что панацеей может стать брак Марии с тем, чью кандидатуру одобрит английская королева. Это непременно должен был быть протестант, верный Елизавете и способный послужить гарантом незыблемости протестантизма в Англии и Шотландии. В недобрый час взгляд шотландцев остановился на кузене Елизаветы герцоге Норфолке. Он был одним из тех, кто расследовал дело об участии Марии в убийстве мужа, и совсем не обольщался в отношении той, чье преступление ужаснуло его. Впервые услышав о брачном предложении, герцог искренне ответил, что «предпочитает спать спокойно на своей подушке». Идея тем не менее захватила английскую делегацию. Они увидели в потенциальном браке Марии и Норфолка возможность разрешить не только шотландские, но и английские проблемы. Если бы ближайший родственник королевы, первый среди английских аристократов, единственный английский герцог, получил корону Шотландии, то эту чету можно было бы без опасений провозгласить наследниками английской державы в случае, если королева Елизавета умрет бездетной. Англичане оседлали любимого конька — необходимость упорядочить престолонаследие.

Зная более чем нервное отношение Елизаветы к вопросу о преемнике, обе стороны приступили к обсуждению этой

проблемы, не ставя королеву в известность о своих планах. В этом была их роковая ошибка, ибо завеса секретности, окружавшая дискуссии, в один прекрасный момент могла вызвать у их государыни сомнения в верности ее ближайшего окружения. Сам Норфолк прекрасно понимал, что его согласие жениться на шотландке может быть легко представлено как государственная измена. Но он был абсолютно лояльным подданным, как и другие члены кабинета, поддержавшие идею этого брака. Даже Лейстер был «за». Приходится признать, что Елизавета сама создала столь двусмысленную ситуацию. Она заставила своих министров уважать ее решение не выходить замуж, но не могла принудить их не думать о том, что произойдет в случае ее смерти. Если бы Мария пережила английскую королеву, ее права среди прочих претендентов были бы самыми предпочтительными. И Сесил, и Лейстер, и даже сам Норфолк охотно бы подписали Марии смертный приговор, но поскольку Елизавета не отдала ее на заклание, им приходилось вырабатывать modus vivendi с потенциальной наследницей престола. Каждый из них принимал меры, чтобы до шотландки не дошли слухи о его личной к ней враждебности, и писал вежливые и даже галантные письма, подстраховываясь на будущее. В этих письмах было много обтекаемых фраз и мало искренности.

Иное дело католические магнаты севера — графы Нортумберленд и Вестморленд с их знанием политической ситуации в северных графствах Англии, где большинство населения оставалось католиками и было настроено в пользу Марии Стюарт. Они не могли не искушать Норфолка мыслью о том, что при такой поддержке женитьба принесла бы ему английскую корону даже скорее, чем он мог рассчитывать. Дискуссии приобретали опасный характер. Лейстер и те, кто был поосмотрительнее, ретировались.

Слухи о матримониальных планах Норфолка неизбежно доходили до двора. Сесил, почти единственный, кто не одобрял этих планов, насторожился и поднял на ноги свою тайную службу. Королева, встревоженная этими известиями, тем не менее поступила в соответствии с принципом «video et taceo» («видеть, но хранить молчание»). Она выжидала, наблюдая за тем, как поведут себя ее сановники. Лейстер почел за благо откровенно рассказать ей о переговорах. Норфолк колебался, не зная, как поступить и в чем оправдываться. Наконец он сделал роковой выбор — молчать, будто он и не вынашивал никаких амбициозных планов. Елизавета дала ему шанс объясниться. «Какие новости?» — спросила она герцога, когда он прибыл из Лондона в Гринвич. «Никаких», — был его ответ. «Никаких

новостей? — переспросила она. — Вы приехали из Лондона и не можете рассказать нам ничего нового о браке?» Это был сигнал, знак того, что королева в курсе происходящего, но Норфолк не пожелал его заметить, сделав вид, что не понимает, о чем идет речь. Ужиная с августейшей кузиной за одним столом, он так и не нашел в себе сил открыться ей. Елизавета выждала еще несколько дней, прежде чем прямо потребовать от него рассказа о том, что уже хорошо знала от других. Выслушав герцога, она ограничилась тем, что запретила ему вести какие-либо переговоры о браке.

Он по-прежнему был на свободе. Но все те, кто раньше поддерживал Норфолка, теперь избегали его. Любой из них, чтобы выгородить себя, мог представить его намерения королеве в более мрачном свете. Его нервы сдали, он внезапно покинул двор и устремился на север. Мария Стюарт в радостном волнении ожидала скорого освобождения. Герцог сжег за собою все мосты. Он обратился за помощью к Альбе. Но не успели слухи об этом дойти до английских католиков, как силы его покинули. Норфолк вернулся ко двору, пытаясь спасти свою жизнь, и занял уже приготовленное для него место в Тауэре.

Он уже проиграл свою игру, но еще не голову. Несмотря на гнев королевы, официального обвинения в государственной измене не последовало. Однако его неосторожные интриги сыграли роль первого камешка, за которым обрушилась лавина. Слухи о его заключении и чрезвычайные меры, предпринятые правительством на случай волнений среди католиков, спровоцировали последних. Католический север восстал, графы Нортумберленд и Вестморленд повели своих дворян и народ к Тэтбери с намерением освободить Марию Стюарт и провозгласить ее королевой. Все обиды и унижения, которые претерпели эти люди со времен Генриха VIII, разогнавшего их монастыри и разбившего их святыни, все страхи, пережитые ими, когда они прятали в подполах своих домов католических священников и тайно пробирались на мессу, — все это вылилось в их радостном марше под священным знаменем с изображением стигмат — кровоточащих ран Христовых. Восставшие овладели всем севером, с наслаждением разгромили протестантские церкви и остановились в растерянности. Мария Стюарт была спешно эвакуирована, и они не сумели освободить ее. Вестей от испанцев, к которым они взывали о помощи, не было. Они были плохо вооружены и не готовы к длительной войне. Между тем вся остальная Англия была приведена в готовность: флот, местная милиция, ополчение. Против повстанцев собралась настоящая армия, ибо протестантские подданные остались верны своей королеве.

В декабре 1569 года незримая граница между протестантской и католической Англией проходила где-то в районе Йорка, куда спешили правительственные войска. Два религиозных мира недолго противостояли друг другу. Католики потеряли присутствие духа, дрогнули и отступили. Их вожди бежали из страны, оставив свой доверчивый народ расплачиваться за их просчеты и собственную веру. Около шестисот человек было казнено. Слабым утешением их вдовам и сиротам было то, что и графа Нортумберленда схватили в Шотландии, выдали англичанам и его голова также скатилась с плеч. Елизавета впервые пролила кровь. Это была кровь ее подданных, тех, чьи взгляды она не разделяла, но с которыми надеялась жить в мире. Она не могла не поставить эти смерти в вину Марии Стюарт, хотя та и сама была игрушкой в руках судьбы, делающей одних людей от рождения католиками, а других — протестантами. Как бы то ни было, первая жертва на алтарь религиозного фанатизма была принесена. За ней последовали новые.

Среди религиозных зилотов обоих толков расправа над Северным восстанием и последовавший за ней рейд английской армии вдоль шотландской границы, чтобы разогнать силы, готовившиеся из Шотландии оказать поддержку английским католикам, вызвали бурю противоречивых чувств. Протестанты возносили благодарственные молитвы за чудесное избавление страны от опасности, католики скорбели, папа негодовал. В начале 1570 года он издал буллу об отлучении королевы Елизаветы от церкви: ее права на престол (в который уже раз) объявлялись незаконными, а подданные освобождались от присяги и необходимости соблюдать законы, установленные ею. В более прагматичном мире политиков, однако, не изменилось ничего. Католические монархи — и Карл IX, и Филипп II, и император Максимилиан II — дружно сочли папский демарш недомыслием и глупостью и постановили не предавать буллу огласке. Шаткое равновесие сил в Европе было сохранено.

Поразительно, но даже после этих событий переговоры о восстановлении Марии Стюарт на шотландском престоле продолжались, и Елизавета по-прежнему ратовала за ее возвращение на почетных условиях. Королева была прекрасно осведомлена и об интригах Марии с Норфолком, и о посулах шотландки всевозможным католическим кандидатам на ее руку (в том числе герцогу Анжуйскому и Дону Хуану Австрийскому). Взаимное доверие между кузинами было давно похоронено, но они продолжали обмениваться любезными письмами, а Мария посылала Елизавете всевозможные сувениры и символы своей преданности и симпатии — трогательные надписи, сделанные им

одним известным шифром, «узлы дружбы» и т. п. Победа над католиками — сторонниками шотландки — стала сильным козырем Елизаветы: в течение некоторого времени соперница не могла рассчитывать на «пятую колонну» в Англии, а иностранные государи не торопились к ней на помощь. В этих условиях Елизавета поставила «гостью» перед выбором: либо она навсегда остается пленницей, либо возвращается в Шотландию. Но ценой этого возвращения должны были стать отказ от претензий на английский престол и признание этих прав за потенциальным потомством самой Елизаветы. Мария не удержалась от шпильки и в документе, который ей представили для подписания, уточнила: «законному потомству», намекая, что Елизавета до сих пор не была замужем. В остальном шотландка уже была готова покориться. Марию необходимо было как можно скорее выдворить из Англии, и нет сомнения, что после подписания договора между двумя королевами Елизавета навязала бы ее шотландским протестантам, несмотря на все их нежелание принимать эмигрантку обратно. Никогда еще за время своего пленения Мария не была так близка к освобождению. Ее интриги погубили все.

Не встречая поддержки своим претензиям ни во Франции, ни в Испании, она с радостью ухватилась за руку помощи, протянутую из Рима, — ту самую, что подписала буллу об отлучении Елизаветы. Мария вступила в переписку с папой через некоего итальянского банкира Ридольфи — весьма легкомысленного болтуна и прожектера, гордого тем, что его почтили вниманием столь высокопоставленные особы и папа поручил ему распространить текст своей буллы в Англии. Ридольфи, как и отцам иезуитам, государственный переворот, возведение на престол Марии Стюарт и восстановление католичества в Англии представлялись чрезвычайно легким делом. Необходимо было, по его мнению, лишь склонить Филиппа II к посылке сюда небольшого экспедиционного корпуса, возможно, из Нидерландов, из состава армии герцога Альбы. Остальное довершит внутренняя оппозиция: по мнению Ридольфи, все английские аристократы были приверженцами Норфолка, а каждый второй англичанин — тайным католиком. Норфолка к тому времени выпустили из Тауэра, и он оставался лишь под домашним арестом. Ему в плане Ридольфи отводилась важная роль: исходя из обстоятельств, он должен был либо арестовать Елизавету и добиться от нее отречения в пользу Марии, либо освободить последнюю, а потом двинуться на Лондон. Итальянец часами обсуждал эти планы с испанским послом и герцогом Норфолком, который постепенно стал

поддаваться уговорам и сам начал верить фантазиям двух иностранцев о тысячах англичан, которые поднимутся за него и Марию. Издали схема выглядела еще более привлекательной, и папа активно включился в переписку с Ридольфи и Марией по этому поводу.

Флорентийский банкир, вооруженный верительными грамотами от шотландской королевы и герцога Норфолка, а также картой предстоящей высадки испанцев, изобиловавшей нелепыми ошибками, изобличавшими его более чем приблизительное знакомство с географией Англии, отправился в большой дипломатический вояж по Европе. Первым на его пути был герцог Альба в Нидерландах. Выслушав оптимистический щебет Ридольфи, человек, который уже пять лет огнем и мечом пытался насадить католицизм среди еретиков, откровенно назвал план вторжения в Англию сумасшествием. Своему королю он написал, что, если Норфолку действительно удастся поднять восстание и удержать столицу дольше месяца, Испания может поддержать его, но она ни в коем случае не должна брать инициативу на себя. Филипп пребывал в задумчивости. Англия и ее королева все больше досаждали ему негласным потворством его мятежным подданным в Нидерландах, грабительскими рейдами пиратов и тем невинным бесстыдством, с которым Елизавета присвоила себе его флот с золотом в 1568 году и сокровища его колониальных рудников. Испанские «интервенционисты» громко требовали возмездия за пролившуюся кровь английских католиков. Однако король, как и Альба, прекрасно сознавал, что у него нет ни сил, ни средств открывать войну на два фронта. Тем не менее переписка между ним, папой и Марией Стюарт оживилась. Это и привлекло внимание английских спецслужб, неусыпно следивших за шотландской королевой и ее корреспондентами как в самой Англии, так и на континенте. Одно из зашифрованных писем от Ридольфи к Марии попало в руки контрразведки Фрэнсиса Уолсингема. Его удалось дешифровать, хотя имена, упомянутые в нем, и остались закодированными. Через некоторое время перехватили посыльного с деньгами для Марии от герцога Норфолка, а обыскав дом последнего, обнаружили коды и ключи к шифрам. Вся схема заговора Ридольфи легла на стол Уильяма Сесила. Норфолка немедленно арестовали, и английская Фемида устами пэров королевства без задержки вынесла ему смертный приговор за государственную измену.

Елизавете оставалось лишь подписать его, но у нее рука не поднималась сделать это. Норфолк был ее младшим и ближайшим родственником, пусть не по годам заносчивым и не

по заслугам гордым. Напрасно советники нашептывали ей, что герцог слишком далеко зашел в своих интригах, что он навсегда останется ее врагом и центром притяжения всех оппозиционных сил и что его необходимо устранить в интересах ее личной безопасности и для блага королевства. Королева не считала, что ее личная безопасность стоит пролития крови Ховардов — крови, которая текла и в жилах ее матери. Кроме того, сказывалась ее нелюбовь брать на себя ответственность за приговор, связанный со столь суровым наказанием. У ее доброжелателей были сильные аргументы: ее жизнь или смерть не являлись частным делом, от них «зависит все государство, крах целой страны и переворот в религии. И если из-за небрежности или женской жалости это произойдет, что она ответит Господу?». Королева, казалось, сдалась и подписала приговор, но тут же отозвала его обратно. Уильям Сесил обреченно писал: «Ее Величество всегда была милосердной и из-за своего милосердия терпит больший ущерб, чем из-за строгости. Она же полагает, что ее больше любят за то, что она причиняет себе вред. Сохрани ее, Господь, надолго среди нас». Спустя месяц измученная сомнениями Елизавета снова поставила подпись под смертным приговором Норфолку, но в ночь накануне приведения его в исполнение взмыленный посыльный прибыл к Сесилу с распоряжением отсрочить казнь. Эта история повторилась еще дважды, прежде чем королева приняла наконец роковое решение. Она написала своему верному министру: «Мой разум раздваивается, и та половина, где гнездятся привязанность и симпатия, не может поверить другой». Но вторая половина, обремененная грузом ответственности, как всегда, перевесила.

Трагедия Норфолка заставила Елизавету повернуться к Марии Стюарт суровым лицом, на котором больше не было фальшивой дипломатической улыбки. Несколькими энергичными мазками она обрисовала свою новую политику по отношению к виновнице всех смут в ее королевстве: отныне Елизавета лишает ее своей поддержки и прекращает попытки восстановить ее на престоле. Вследствие ее опасных интриг она становится не гостьей, но пленницей Английского королевства, режим ее содержания ужесточается, связи с внешним миром прекращаются. Это были шаги Елизаветы-политика. Елизавета-женщина нанесла Марии еще один сокрушительный удар: она позволила наконец обнародовать засекреченные до этого данные расследования преступления шотландской королевы. В Англии был опубликован трактат на английском, латинском и шотландском языках с приложением к нему знаменитых «писем из ларца», в которых Мария и Босуэл обсуждали планы убийства Дарили, чтобы Европа

смогла увидеть подлинное лицо шотландки. Они, без преувеличения, произвели фурор.

Однако, как ни велик был гнев Елизаветы, она ни на минуту не допускала, что может обойтись с венценосной сестрой, помазанницей Божьей, как с обыкновенной заговорщицей. Ни один волос не должен был упасть с ее головы, ибо она, по мнению английской королевы, была неподсудна человеческому суду. Монархи отвечают за свои дела только перед тем, кто их поставил, — перед самим Творцом.

Немногие из ее подданных разделяли эту точку зрения. После разоблачения заговора Ридольфи весной 1572 года собрался парламент. Главными вопросами повестки были укрепление безопасности королевства и наказание участников заговора. Выслушав официальный отчет о недавних событиях и роли в них шотландской королевы, которая впервые была представлена публике как прелюбодейка и виновница в покушении на жизнь собственного мужа, депутаты в один голос потребовали ее крови. И ученые юристы, и государственные чиновники, и прямодушные провинциальные джентльмены были едины во мнении: Мария представляет собой смертельную угрозу для протестантской Англии. Сам спикер палаты общин сказал в своей вступительной речи, что ошибочно думать, «будто есть некто в этой земле, кого закон не может коснуться». Один из депутатов перевел это на обыденный язык: «Отрубить ей голову и больше не шуметь об этом». Дебаты продолжались несколько дней; менее сентиментальные, чем их королева, парламентарии требовали казни Норфолка, которому не пошли впрок все предостережения и милость, проявленная к нему государыней. Когда же речь заходила о судьбе Марии, парламентский язык отступал перед разговорным: эту «самую невиданную шлюху во всем мире», этого «огромного и страшного дракона» следовало казнить вслед за герцогом, «если только можно будет облечь все в законную форму».

Парламентский комитет, обсуждавший эту проблему, предложил Елизавете два возможных решения — либо немедленно обвинить Марию в измене и осудить, либо предупредить, что в случае очередной подобной попытки она будет рассматриваться как государственная преступница. В обоих случаях она теряла права на английскую корону. Хотя обе палаты стояли за немедленный суд над шотландкой, Елизавета предпочла более мягкий вариант. Депутаты тем не менее не желали разъезжаться, не увидев отрубленную голову Марии на шесте, и все еще надеялись склонить к этому свою королеву. Даже намеки на то, что сессию пора заканчивать, так как на Лондон

надвигается эпидемия чумы, не заставили их покинуть столицу. Мария казалась страшнее чумы, а ради безопасности своей королевы они были готовы рисковать жизнью. Королеву атаковали депутации юристов, духовенства, обеих палат — и вместе и порознь. Даже прелаты, которым в силу их духовного звания не пристало жаждать крови, требовали казни Марии, так как ничто, по их мнению, не могло удержать ее от новых интриг. Все были против шотландки. Карл IX равнодушно-презрительно отозвался о ней и ее заговоре: «Несчастная глупышка не остановится, пока не лишится головы; поистине, они приговорят ее к смерти, и я вижу в этом только ее собственную вину и глупость». Английскому послу в Париже намекали, что Франция не слишком огорчится из-за смерти шотландской королевы.

Только Елизавета была за то, чтобы сохранить Марии жизнь. Она не смогла пересилить себя и послать на плаху ту, которая искала у нее защиты. Взвесив все, она пригласила во дворец депутацию парламента, чтобы довести до подданных свою волю. В самых проникновенных словах поблагодарила она их за любовь и заботу о ней, но затем, решительная и убежденная в своей правоте, отказалась последовать их страшному совету. Милосердие женщины и убеждения государыни восстали в ней против идеи еще невиданного в истории политического процесса над суверенным монархом.

Французский «лягушонок» для королевы Англии

Мрачное начало 70-х годов не сулило Елизавете ничего хорошего. Ее захлестнуло море проблем, казавшихся неразрешимыми: Англия по-прежнему оставалась в политической изоляции, без сильных союзников, отношения с могущественной Испанией все более ухудшались, а дружба с мятежными Нидерландами начинала обходиться слишком дорого. Нормальные торговые связи прервались из-за постоянных эмбарго, морских блокад и разбоя. Для ее острова, жившего торговлей, это было гибельно.

Но больше всего королеву угнетало то, что после Северного восстания ее собственная страна оказалась расколотой на два враждебных лагеря. Если раньше она с гордостью указывала испанскому послу на ликовавшего при виде ее человека в толпе, который между тем был известен как убежденный католик, то теперь ей следовало скорее остерегаться таковых — один из них мог прятать под плащом отравленный кинжал. Ей не хотелось верить тому, что ее жизнь подвергается опасности в собственном доме и все, что было достигнуто за годы трогательного «романа» с ее народом, утрачено. Она бравировала и демонстративно не принимала особых мер предосторожности. Поведение ее ближайшего окружения во всей истории с Марией Стюарт и Норфолком подействовало на Елизавету отрезвляюще.

Она поняла, что многие даже лояльные ей политики готовы тем не менее служить и ее противнице и по-настоящему она может положиться лишь на нескольких убежденных протестантов в совете во главе с Уильямом Сесилом. Королева наконец вознаградила своего слугу и старого друга за его преданность титулом барона Берли, и лорд Уильям, уже длиннобородый старик, по-детски радуясь, украшал свои дома новыми гербами и выставлял во всех уместных и неуместных местах свое родословное древо.

Самой королеве перевалило за тридцать пять, если точнее, она приближалась к своему сорокалетию. Пережитые потрясения и проблемы — ее постоянная головная боль — не прошли бесследно: современники в один голос отмечали, что королева сильно подурнела. Ее прекрасные золотисто-рыжие волосы стали редеть, и ухищрения парикмахеров не помогали. Английский дипломат Томас Смит как-то весьма недипломатично заметил: «Чем больше у нее волос спереди, тем меньше на затылке». В 1572 году молодой придворный художник Николас Хиллиард написал

миниатюрный портрет тридцативосьмилетней королевы. В его маленьком шедевре все было прекрасно: насыщенный голубой фон, изысканное золотое обрамление, нежные цвета ее костюма, великолепно выписанные драгоценности и цветок шиповника, приколотый к плечу, — все, за исключением лица Елизаветы — вытянувшегося, мертвенно-бледного, безбрового, лишенного иных красок, кроме темных теней под глазами. За эти годы королева не утратила присутствия духа и мужества, но прежняя радостная легкость покинула ее.

Никто и никогда не узнает, что творилось в этой гордой и замкнутой душе, но, возможно, достигнув зрелого возраста, Елизавета попыталась переоценить свои жизненные позиции. Выбор, сделанный ею, казалось, окончательно — одиночество на троне, — с трудом проходил проверку реальными политическими обстоятельствами. Дело было вовсе не в том, что королеве не удавалось управлять страной одной, но отсутствие наследника являлось ее ахиллесовой пятой. Если бы у нее было потомство, никакие происки католических держав или интриги претендентов не были бы страшны для Англии. Однако официальный наследник мог появиться только в результате законного брака. И кажется, впервые в жизни Елизавета стала всерьез допускать мысль о собственном замужестве.

Это совпало с политическим моментом, когда Елизавета могла снова использовать «брачную карту» в большой игре. На этот раз ее партнером стала Франция, вернее, королева-мать Екатерина Медичи. В свое время она уже зондировала почву для возможного брака ее старшего сына, ныне короля Карла IX, с Елизаветой. В ту пору английские дипломатические круги не нашли привлекательным такой союз, а королева — самого претендента, о котором ей говорили как о желторотом юнце, не знающем ни одного иностранного языка. Но теперь у Екатерины Медичи подросли два младших принца, и партию можно было возобновить, имея на руках двух козырных «валетов», рвущихся в короли.

В начале 70-х годов Англия и Франция отчаянно нуждались друг в друге, в особенности перед лицом испанской интервенции в Нидерландах. Франция веками боролась за присоединение этой территории, и в XVI веке Нидерланды оставались сферой ее интересов. Екатерине было очень невыгодно присутствие там вооруженной армии испанцев-католиков, так как это усиливало позиции партии Гизов в ее собственной стране. Протестантская Англия, поддерживавшая мятежников-кальвинистов, была, с ее точки зрения, неплохим сдерживающим фактором при условии, что англичане не зайдут слишком далеко. Позиция Елизаветы

была зеркальным отражением мыслей Екатерины: англо-французское сближение могло стать гарантией против экспансионистских планов Испании. Три державы, таким образом, постепенно вырабатывали систему баланса, при которой чрезмерное усиление угрозы со стороны любой из них заставляло сплачиваться две другие.

В 1571 году личный представитель Екатерины Медичи — флорентиец Гвидо Кавальканти — начал кулуарные переговоры с Лейстером относительно брака между королевой Англии и братом французского короля герцогом Анжуйским. Анжу был скользкой наживкой. Англичанам дали понять, что принцу крови из династии Валуа просто необходимо найти себе партию, трон и домен где-нибудь за пределами Франции, и если он не приглянется Елизавете, то может вполне подойти ее сопернице — Марии Стюарт. Граф поддержал идею англо-французского союза. Подход к самой королеве осуществлял уже новый французский посол в Лондоне Ла Мот Фенелон. Выждав время, в одной из непринужденных бесед с Елизаветой он искусно завел разговор на деликатную тему, и королева, прекрасно понимая, куда он клонит, со вздохом сожаления призналась, что раскаивается из-за того, что не позаботилась о замужестве и потомстве раньше. Правда, тут же добавила она, брак в ее возрасте привлекает ее только из политических соображений, поэтому, если она изберет себе супруга для продолжения рода, это непременно должен быть представитель царствующего дома. Французский посол немедленно и очень кстати «вспомнил» о герцоге Анжуйском — «самом совершенном принце в мире и единственном, кто достоин сочетаться с ней браком». Елизавета при этом была прекрасно осведомлена, что герцог — убежденный католик и едва ли придется ко двору в Англии, кроме того, он намеревался жениться на принцессе Клевской и весьма прохладно относился как к планам матери женить его на англичанке, так и к самой невесте, о которой он, по его словам, слышал, будто «она не только стара, но у нее еще и больная нога».

Ни один из потенциальных супругов не был искренне заинтересован в этом браке, но сам процесс переговоров, в ходе которого Англия и Франция учились лучше понимать друг друга, был важнее результата. Елизавета по обыкновению жеманничала: «Я пожилая женщина, и мне было бы неловко говорить о муже, если бы это не делалось ради наследника. В прошлом за мной ухаживал кое-кто, кто скорее хотел жениться на королевстве, чем на королеве, как часто случается с великими, которые вступают в брак, не видя друг друга». Поэтому, намекала она послам, ей хотелось бы прежде увидеть претендента. Это привносило в

политическую сделку личностную нотку и создавало впечатление, что она все-таки намеревается выйти замуж и ей небезразлично, как выглядит будущий супруг. Отзывы, кстати, были весьма разочаровывающими: молодой человек не блистал ни внешностью, ни иными достоинствами. Венецианский посол аттестовал его как человека, «полностью подчиненного сладострастию, натертого парфюмерией и духами. Он носит на пальцах два ряда колец и серьги в ушах… Он очаровывает и обольщает женщин, не жалея для них самых дорогих украшений…». Но Елизавета не придавала значения подобным вещам и позволяла себе посмеиваться над сомнительной французской нравственностью, показывая, что это ее не слишком тревожит. Когда Ла Мот Фенелон, как заезжий коммивояжер, рекламирующий заведомо недоброкачественный товар, напыщенно заявил, что тот, кто ищет счастья в браке и ждет верности и постоянства от мужа-консорта, должен обратиться к принцам из дома Валуа, королева немедленно отпарировала двумя знаменитыми именами их любовниц — Детамп и Валентинуа. Разница в возрасте жениха и невесты вызывала сомнения, но тоже не была главным препятствием. Зная свою госпожу, Лейстер на ее замечание: «Но он всегда будет моложе меня!» — с усмешкой ответил: «Тем лучше для вас!» Тем не менее этот щекотливый вопрос муссировался при дворе, что не давало покоя той, которая жаждала обожания и восхищения своей красотой и вечной молодостью тем сильнее, чем быстрее они покидали ее. Однажды Елизавета поставила себя в неловкое положение, спросив у своей подруги леди Кобэм ее мнение о возможном браке. Та прямолинейно ответила, что «те браки удачнее, где партнеры одного возраста или около того, а не те, где между ними большая разница в летах». Это уязвило королеву. «Чушь, — бросила она, — между нами всего каких-то десять лет разницы!» Она ошиблась еще ровно на десять лет. Но этот всплеск негодования был вызван скорее нежеланием стареющей женщины признать свой истинный возраст, чем заботой о том, как заполучить Анжуйца.

Главным препятствием были его стойкая неприязнь к протестантизму и уступка, которой французы требовали для него в религиозной сфере, — право открыто исповедовать свою веру с соблюдением всех необходимых публичных церемоний. Английская сторона считала возвращение «папистских» обрядов совершенно неприемлемым, и переговоры застопорились. Напрасно Екатерина Медичи и старший брат убеждали герцога в прелестях брака с той, кого Карл IX называл «самой прекрасной женщиной в мире». В другое ухо Гизы и происпанская партия

нашептывали ему обратное. Напрасно Карл и королева-мать подкупали Лейстера, чтобы он склонил свою госпожу допустить католическую мессу при ее дворе. С чисто французской непосредственностью ему за это предлагали устроить его брак с принцессой Клевской, от которой Анжу пришлось бы отказаться в случае успеха в Англии, или даже утешиться с последней очаровательной любовницей герцога — мадемуазель де Шатонеф, всерьез полагая, что такой обмен дамами сердца между двумя мужчинами не только возможен, но и справедлив. Тем не менее из этого ничего не получилось. Усиление католической реакции во Франции все больше волновало английских протестантов, и, когда переговоры о браке их королевы с Анжу прервались, чтобы больше не возобновиться, Англия возликовала.

Несмотря на отсутствие ощутимого результата, две женщины — королева-мать и «королева-девственница» — не считали время потерянным зря. В апреле 1572 года Франция и Англия подписали в Блуа договор об оборонительном союзе и взаимопомощи; Франция, кроме того, отказывала отныне в поддержке Марии Стюарт и признавала status quo в Шотландии. Обе королевы умели извлекать выгоду даже из неоправдавшихся надежд.

Во втором раунде Екатерина поставила на своего младшего сына, герцога Алансонского, и партия возобновилась, затянувшись на целых десять лет. Несмотря на то что разница в возрасте между ними была еще более пугающей, Елизавета, как всегда, кокетничала и требовала детального отчета о внешности нового претендента, который, как она слышала, недавно перенес оспу. Ей донесли буквально о каждой щербинке, подмеченной английскими дипломатами: где они расположены, какой глубины, не деформируют ли нос и насколько обезображивают лицо. Отзывы были скорее обнадеживающими: оспины подживали, и у юнца уже начинала пробиваться борода, обещавшая скрыть их. Он оказался недурен собой, имел мужественные повадки и, как показало время, был чертовски хитер. В сравнении с братом Алансон имел два преимущества. Во-первых, он заигрывал с протестантами у себя дома и был готов принять любые условия в отношении религии, а во-вторых, горел желанием добиться руки стареющей английской леди. Как третий младший сын в королевской семье, он имел лишь призрачные надежды на французский престол, поэтому находил, что английская корона и Лондон «стоят обедни».

Молодой человек начал весьма напористо. В начале 1572 года в Лондон прибыл его посол Ла Моль — галантный и обворожительный, осыпавший Елизавету учтивыми

комплиментами и окруживший ее изысканными ухаживаниями, которые должны были служить лишь прелюдией к роману с его господином. Француз совершал массу тонко рассчитанных куртуазных глупостей, которые так льстили королеве, выпрашивал и похищал для Алансона ее перчатки и подвязки, чтобы герцог насладился этими маленькими интимными трофеями. Она благосклонно принимала пылкие письма своего молодого поклонника с изъявлениями жгучей страсти, не обольщаясь, разумеется, на счет их искренности. Но ей всегда нравилось иметь дело с теми, кто знал правила игры и умел находить нужные слова. Ей впервые достался достойный партнер для брачных интриг. Через Ла-Манш летели все более нежные приветы. Они и вправду могли стать неплохой парой, эти два хитреца.

Их роман в письмах прервали страшные события во Франции, где в ночь накануне праздника святого Варфоломея католики учинили резню гугенотов. Протестантский мир содрогнулся. Среди англичан, оказавшихся во время этой кровавой драмы в Париже, был молодой Филипп Сидни — племянник Лейстера, в будущем один из лучших английских поэтов. Он, как и другие английские дипломаты, к счастью, не пострадавшие, вынес из этого кошмара стойкую неприязнь к правящему дому вероломных Валуа, которых не без оснований обвиняли в потворстве убийцам. Гнев и ужас дипломатов разделяла вся Англия.

Королева Елизавета, безусловно, как и все, пораженная происшедшим, несколько дней не допускала до себя французского посла с оправданиями Карла IX. Она тем не менее не торопилась разрывать с таким трудом достигнутый союз с Францией. О браке с Алансоном в этих обстоятельствах, разумеется, не могло быть и речи, но на остальное она закрыла глаза, приняв формальную версию событий, предложенную Екатериной и Карлом. Если бы можно было взвесить такие неуловимые вещи, как прагматизм и лицемерие обеих королев, чаши весов, без сомнения, уравнялись бы. Чтобы поддержать англо-французский союз, находившийся под угрозой, Елизавета согласилась стать крестной матерью новорожденной дочери французского короля, и графа Вустера отправили через Ла-Манш с богатыми подарками. Дары, впрочем, не попали по назначению: в проливе корабль ограбили пираты — слабое, но все же утешение для непримиримых английских протестантов.

«Роман» с Алансоном, однако, не оборвался на этой драматической странице французской истории. После Варфоломеевской ночи он впал в немилость у Карла IX и матери за связи с гугенотами, и именно заступничество Елизаветы,

намекнувшей Екатерине Медичи, что она все еще раздумывает над его предложением и не может выйти за узника в кандалах, вызволило Алансона из-под ареста. Однако прошло целых шесть лет, прежде чем эта пара вновь ощутила прилив «любви» и потребность в общении друг с другом. Причиной этого стали события в Нидерландах, что указывало на небескорыстную природу их взаимной привязанности.

Алансон, который всегда был активным авантюристом, вмешался в политическую борьбу в этой стране. Пока Филипп II боролся с повстанцами и их лидером Вильгельмом Оранским, он попытался отхватить кусочек Южных Нидерландов и скроить из ближайших к Франции провинций герцогство. Для этого ему требовались союзники и деньги. Елизавета предпочла бы скорее расстаться с деньгами, чем допустить бесконтрольное усиление французского влияния в Нидерландах, и, чтобы удалить герцога оттуда, ей пришлось приблизить его к себе.

С лета 1578 года к ней зачастили французские послы. Их принимали с большой помпой и провожали обнадеженными. Английский двор насторожился, особенно взволновались убежденные протестанты и фавориты — Лейстер, Кристофер Хэттон, молодой граф Оксфорд. Им не хотелось верить, что королева может вновь вернуться к идее французского брака. Встревоженный Лейстер писал: «Никто не знает, что и сказать; она еще не поделилась ни с кем, по крайней мере со мной и, насколько я знаю, ни с кем другим».

У английских фаворитов появился в это время очень сильный противник — посол Алансона Симьер, внешне веселый, галантный и забавный (за что заслужил от королевы прозвище Обезьяна), но достаточно серьезный человек, чтобы бестрепетно отравить собственного брата (в буквальном, а не фигуральном смысле). Он привез от Алансона письма любви и продолжил старую игру с похищением подвязок сорокашестилетней королевы, при этом Симьер вел себя так вольно, что и сам вполне мог вызвать ревность английских придворных. В честь французов королева дала бал с весьма многозначительным представлением: шестеро влюбленных кавалеров осаждали своих прекрасных дам, и их усилия увенчивались полной победой. Кажется, впервые в придворных аллегорических действах, всегда насыщенных политическим смыслом, в присутствии Елизаветы Любовь одержала верх над Девственной Чистотой и Скромностью. Лейстер был настолько удручен демонстративной расположенностью королевы к браку с Алансоном, что обвинял Симьера в колдовстве и применении приворотных зелий. Ему конечно же не преминули передать, как Елизавета ответила

одной из его агентов-фрейлин, осмелившейся напомнить государыне о ее прежней сердечной дружбе с Лейстером: «Неужели вы полагаете, что я настолько забуду себя и свое королевское достоинство, что моего слугу, которого я сама возвысила, предпочту в качестве мужа величайшему принцу в христианском мире?» Несмотря на то что Тайный совет всячески отговаривал королеву от брака с французом и к тому же католиком, она договорилась с Симьером о приезде Алансона инкогнито в Англию на смотрины.

Успешные хлопоты французского посла стоили ему двух покушений на его жизнь, устроенных, по всей вероятности, Лейстером, который исчерпал другие аргументы. Кажется, впервые намерения Елизаветы испугали его, и он принял ее брачные планы всерьез. Граф не мог смириться с мыслью, что в один прекрасный момент он навсегда потеряет королеву, в глазах всего света — его возлюбленную (относительно того, так ли это было на самом деле, и у современников, и у историков всегда оставались сомнения). Но ревнивые муки графа были не более чем тщеславием, ибо он уже давно не пользовался ее прежним безграничным расположением и, более того, тайно женился на Летиции Ноллис, дочери Фрэнсиса Ноллиса — его коллеги по Тайному совету. Тем не менее, видя успехи Симьера, Лейстер изобразил безутешного покинутого возлюбленного, слег в постель, и королева, как обычно, поспешила к больному. В этот момент Обезьяна — Симьер нанес ответный удар. Француз обошелся без наемных убийц, он просто раскрыл королеве страшную тайну Лейстера.

Увядающая женщина была сражена известием о том, что ее Робин, старая любовь и старый друг, в чью преданность она безраздельно верила, сознательно обманывал ее. Для королевы не были секретом его прежние интрижки с придворными дамами и даже то, что одна из них, леди Шеффилд, родила от него ребенка. Если бы он пришел к ней и объявил о своем намерении жениться, она бы обрушила на его голову громы и молнии, возможно, посадила бы на время в Тауэр, но потом обязательно простила бы, как всегда прощала своего Медведя. Но он малодушно скрывал свой брак, чтобы не лишиться почестей и денег, конечно же денег! Более того, наслаждаясь семейной жизнью, он препятствовал тем не менее ее замужеству. Королева была вне себя. Лейстера отправили под домашний арест (хотя первая мысль Елизаветы все же была о Тауэре). Летиции Ноллис отказали от двора. У обиженного графа имелся свой счет к Елизавете, он писал: «Я потратил и молодость, и свободу, и все мое состояние на нее…» Но не неверность, а его малодушная

ложь перечеркнули все это в глазах королевы. Прошло немало времени, прежде чем она простила его.

Пока же это неожиданное потрясение подтолкнуло ее в объятия Алансона. Он прибыл в Англию на смотрины летом 1579 года, наименее щепетильный из ее поклонников, готовый на все ради короны и денег; ей же было угодно называть его «самым постоянным и преданным». Алансон провел в Гринвиче две недели среди балов и развлечений. Весь двор, включая дипломатов, делал вид, что не узнает таинственного гостя королевы. Она шутливо называла герцога своим Лягушонком, но ни от кого не укрылось, что он произвел на Елизавету благоприятное впечатление и, как принц-лягушонок в сказке, мог в один прекрасный миг превратиться в их короля. В знак своей любви перед расставанием он преподнес Елизавете подарок, свидетельствующий о его чувстве юмора и изрядной самоиронии, которые она так ценила: золотой цветок, в сердцевине которого сидел зеленый лягушонок со спрятанным внутри миниатюрным портретом самого герцога.

Потерявшей веру в друзей и прежних поклонников, утратившей душевное равновесие, Елизавете порой всерьез казалось, что их брак с Алансоном может состояться и принести ей если не счастье, то хотя бы какое-то удовлетворение. Он умел ухаживать и всегда казался женщинам привлекательным. Королева по-прежнему не была влюблена в него. Раздумывая о браке, Елизавета терзалась мучительными сомнениями, сможет ли она в столь зрелом возрасте родить ребенка, ради которого и затевался весь этот фарс. Фрейлины, подстрекаемые Лейстером, пугали ее опасностью родов в ее годы; доктора, приглашенные Сесилом, который одобрял брак, дружно убеждали, что у нее прекрасные шансы стать матерью. Слухи о том, что Елизавета неспособна к деторождению, ползли за ней, как шлейф, всю жизнь, с самой молодости, хотя придворные врачи всегда энергично опровергали их. Возникновение этих слухов, по-видимому, следует приписать бесплодным попыткам досужих умов найти доступное им объяснение ее странной приверженности девичеству. В 1579 году, подытожив мнения докторов, Уильям Сесил, лорд Берли, писал: «Ее физическое строение не имеет таких недостатков, как слишком маленькие или слишком большие размеры, болезни или отсутствие естественных функций в той сфере, которая относится к способности иметь детей, напротив (и это важно), по мнению врачей, знающих ее состояние в этой области, и женщин, лучше всего знакомых с организмом Ее Величества, следует указать на ее способность иметь детей даже сейчас».

К весне 1579 года Елизавета на время утвердилась в мысли, что хочет немедленно выйти замуж и иметь детей. Но как поразительно изменилось за это время отношение подданных к ее браку! Взгляды тех, кто прежде умолял ее выйти замуж за кого угодно — католика ли, протестанта ли, тех, кто был готов подчиниться любому ее выбору, терпя от нее выговоры и выволочки за стремление видеть в ней обыкновенную женщину, разительно переменились. Быстрое «политическое самообразование» нации за последнее десятилетие не позволяло им смириться с государем-католиком, да еще французом из клана убийц, устроивших резню в ночь святого Варфоломея. Привыкшие к риторике своей королевы, которая так часто уверяла их, что благо подданных — главная ее цель, они хотели, чтобы теперь она поступила в соответствии с их интересами, а не ее личными планами. Ее капризное дитя, ее любимый народ, потребовало жертвы именно в тот момент, когда поддержка нужна была ей самой. К ней взывали все — советники, аристократы, духовенство, простонародье, с трогательным единодушием ополчившиеся против француза. Не страшась неминуемой опалы, Филипп Сидни писал королеве, что такой консорт, как Алансон, «сильно уменьшит любовь, которую истинные верующие так долго к ней питали». Молодой поэт сумел найти сильные и убедительные слова, взывая к государыне. Говорили, что Елизавета плакала, читая послание благородного юноши. Она не наказала его за дерзкие советы, но дала понять, что на время не желает видеть его при дворе, и, к счастью для себя и английской литературы, он удалился в деревню писать сонеты. С другими доброжелателями королева обошлась более сурово.

Некий Джон Стэббс, убежденный протестант, написал трактат против французского брака Елизаветы, называл Алансона воплощением ветхозаветного Дьявола, который в образе змеи искушает непорочную Еву Англии, Антихристом, посягнувшим на корону и задумавшим погубить «коронованную нимфу». В тех же выражениях запричитали с кафедр и протестантские проповедники. Но нежная «нимфа» вдруг обернулась разъяренной львицей. Она металась, не в силах принять решение, и в раздражении раздавала удары направо и налево. Стэббс, его издатель и печатник были схвачены и приговорены к отсечению правой руки. Королева помиловала лишь печатника. Двое других верных подданных лишились рук при большом стечении народа, что не прибавило симпатий к французам. Один из страдальцев прокричал: «Боже, храни королеву!», второй — подняв над собой окровавленный обрубок, сказал просто: «Здесь я оставил руку истинного англичанина».

Никогда еще королева не пребывала в столь мрачном расположении духа. Она не могла не слышать «гласа народа» и не решалась перешагнуть через собственные сомнения. Не зная, на ком сорвать гнев, она награждала оплеухами своих фрейлин.

Наконец Елизавета решила оставить окончательный приговор на усмотрение Тайного совета. Государственные мужи заседали при закрытых дверях без секретарей тринадцать часов подряд. По окончании долгих дебатов пятеро из них во главе с Берли высказались за брак, семеро, включая Лейстера и Хэттона, — против. Подобный перевес голосов не выглядел убедительным в таком важном деле. Тогда мудрые советники пришли к соломонову решению — послать к королеве депутацию, чтобы спросить ее, к чему она сама склоняется, ибо без этого они не могли вынести свой вердикт. Измученная Елизавета менее всего ожидала подобного поворота. Ей так хотелось, чтобы кто-нибудь снял бремя с ее души, приняв ответственность на себя… Она настолько расстроилась, что внезапно залилась слезами, и графы Лейстер, Сассекс и Линкольн были вынуждены выслушивать бессвязные слова о том, что она хочет во имя Божьего дела, «ее народа и государства вынести брак и короновать свое дитя», сопровождавшиеся всхлипываниями. Советники, смущенные этой сценой и видом государыни, которую им никогда не доводилось заставать в таком состоянии, тут же согласились на брак, «если ей этого так хочется». Но Елизавета уже взяла себя в руки и не согласилась на такую постановку вопроса: ей нужно было объективное мнение о целесообразности такого шага для страны, совет и, не в последнюю очередь, избавление от единоличной ответственности за решение.

Переговоры и выработка условий брачной сделки тем временем продолжались. Королева, оправившись от нервного срыва, снова взяла нити игры в свои руки и еще два года то отдаляла Лягушонка, то обнадеживала его в зависимости от политической ситуации на континенте. Алансона, чья любовь была «бессмертна», как и его долги, такая ситуация вполне устраивала: еще не добившись руки своей дамы, он щедро получал от нее деньги для своей аферы в Нидерландах.

Когда в 1582 году французская делегация прибыла, чтобы выработать окончательные условия договора, ее приняли со всем возможным почетом, развлекая необыкновенно пышными зрелищами, однако действо, которое венчало праздники и рыцарские турниры, показалось французам исполненным угрожающего для их миссии смысла. Оно представляло собой аллегорический замок Совершенной Красоты, который осаждало Желание; палили пушки, фонтаны извергали духи, осаждающие

забрасывали крепость букетами цветов, но все усилия Желания оказались бесплодными. С небес к ним обратился Ангел: «Рыцари, если бы вы понимали, что делаете, осаждая само Солнце, вы увидели бы, что разрушаете общее благо ради личной выгоды… Хотите ли вы покорить Солнце?.. Мы хотим наслаждаться его светом — вы желаете его затмения». Доблесть и Девственность на этот раз победили. Французы уходили с представления в задумчивости.

Но к чему же тогда были все эти балы, пиры и турниры, тянувшиеся целых два месяца, сооружение специальных банкетных залов, бессчетные дары послам, тонны поглощенной еды? Елизавета, не скупясь, платила эту цену за дружеские отношения с Францией, демонстрируя которые, она сдерживала Испанию с ее опасными планами. Движение, переговорный процесс были для нее всем, достижения конечной же цели — брака — следовало тщательно избегать. В качестве утешительного приза терпеливому Алансону на этот раз послали 30 тысяч фунтов стерлингов для его армии в Нидерландах. Любой другой претендент уже давно оставил бы эту игру, но не герцог: его вполне устраивал статус нареченного английской королевы, который придавал ему политический вес, не говоря уже об английских деньгах.

Их последняя встреча была разыграна Елизаветой столь убедительно, что трудно было усомниться в ее намерении наконец-то выйти замуж. Во время второго визита Алансона в Англию она принимала его с такими знаками расположения, что Кристофер Хэттон бледнел и лил слезы, а у Лейстера сжимались кулаки. Королева лично следила за тем, как обставлялись покои для герцога и как ему стелили постель. Чтобы у ее подданных сложилось выгодное впечатление о ее Лягушонке, она повела его на протестантское богослужение в собор Святого Павла. После того как Алансон выстоял службу, она прилюдно поцеловала его под сводами собора. 17 ноября, в день ее восшествия на престол, Елизавета с галереи дворца Уайтхолл объявила французским послам и двору, что возьмет герцога Алансона в мужья, и позволила французам известить об этом их короля. После этого она поцеловала радостного жениха в губы, и они обменялись кольцами. Это было так похоже на настоящий финал ее вечной игры, что Лейстер в бешенстве позволил себе осведомиться, все ли еще она девственница.

Но и фавориты, и окрыленный претендент ошибались: это был еще не конец. На следующее утро она вдруг заявила Алансону, что провела бессонную ночь и, если такие муки еще когда-нибудь повторятся, она может умереть. Всю ночь напролет

фрейлины плакали и умоляли ее не подвергать свое здоровье опасности родов и остаться незамужней, а она терзалась сомнениями. Она не может принести благо страны в жертву своему личному счастью. Они должны дождаться более благоприятного момента. Философски настроенный жених, уже неплохо изучивший свою партнершу, не возражал. Главное, что в глазах Европы он — по-прежнему ее нареченный, а его честь не оскорблена отказом. Лягушонок прогостил в Англии еще два месяца, ожидая перемены в настроении Елизаветы, но не дождался и отбыл. Она проводила его до самого Кентербери, проливая вымученные слезы и заверяя, что будет ждать его возвращения. 10 тысяч фунтов стерлингов должны были помочь герцогу пережить разлуку. Он направился в Нидерланды, куда за ним последовало секретное письмо его «безутешной невесты» к Вильгельму Оранскому с просьбой удерживать там герцога как можно дольше, чтобы тот больше не возвращался в Англию.

Елизавета вновь обрела себя и свое скептическое отношение к мужчинам, окружавшим ее. Она мстительно повелела Лейстеру участвовать в проводах ее Лягушонка. Несмотря на просьбы избавить его от этой пытки, королева не отказала себе в удовольствии заставить графа оказать все должные почести тому, «кого она любила больше всех на свете». Но в конечном счете Белый Медведь добился своего — Лягушонок больше не появлялся в Англии. Граф Сассекс, сторонник французского брака, набросился на Лейстера с обвинениями и с кулаками, когда стало ясно, что королева не выйдет замуж, и лорду Берли пришлось разнимать сиятельных драчунов.

Распрощавшись с Алансоном, Елизавета простилась и с последней возможностью переменить свою судьбу — уйти из героинь в детскую, зарыться в кружева у колыбели. Она впала в меланхолию и писала грустные стихи. Но не отъезд жениха оплакивала стареющая женщина — он по-прежнему был к ее услугам, а очередную жертву, которую принесла своему призванию быть королевой. Когда в 1584 году герцог заболел лихорадкой и умер, она, как его официальная нареченная, написала Екатерине Медичи: «Хотя Вы — мать, Ваше горе не может превзойти мое. У Вас есть другой сын, я же не нахожу иного утешения, кроме смерти, которая, надеюсь, скоро позволит мне воссоединиться с ним».

Но ей было суждено намного пережить своего молодого жениха. И дела не позволили ей долго размышлять о смерти.

Английская молочница для «голландской коровы»

Среди сатирических карикатур, которые появились в середине 70-х годов и пользовались популярностью в течение всех 80-х, был один аллегорический сюжет: тучная корова, символизировавшая Нидерланды, в окружении европейских политических деятелей — Филипп II оседлал ее и бьет шпорами, от чего бока коровы кровоточат, Вильгельм Оранский держит ее за рога, герцог Альба доит, герцог Анжуйский тянет за хвост, а королева Англии кормит корову сеном. Сюжет воспроизводился много раз, на картине появлялись новые персонажи — Альбу сменил Рекезенс, Анжуйца — Алансон. И только Елизавета все кормила и кормила «голландскую корову»…

Королева Англии не любила мятежников, даже если они были братьями по вере. Когда Нидерланды восстали против власти испанцев, она допустила на свой остров эмигрантов-кальвинистов, но совсем не собиралась ввязываться в открытый конфликт на их стороне. В постреформационной Европе было обычной практикой, когда монарх определял вероисповедание своих подданных, — так было в германских княжествах, так было в Англии при ее отце. И Елизавета в принципе не видела оснований отказывать Филиппу в праве насаждать в Нидерландах католицизм. Лидера повстанцев Вильгельма Оранского она официально назвала в 1575 году бунтовщиком. В начале 70-х годов, чтобы не обострять отношений с Филиппом, королева изгнала из своих портов эмигрантов-гёзов, которые пиратствовали в проливах и нападали на испанские корабли. Эффект получился обратным желаемому. Гёзы де л а Марка в поисках нового пристанища захватили Брилль, начав тем самым новый этап восстания.

Однако по мере того как Нидерланды наводнял испанский экспедиционный корпус, а Франция все активнее интриговала в регионе, Елизавета не могла оставаться в стороне. Проблема заключалась в том, каким должно стать английское присутствие в Нидерландах. Осторожная королева предпочла для себя роль посредницы между восставшими провинциями и Филиппом И. Ее идеалом было сохранение Нидерландов под властью Испании, но с гарантией больших вольностей и привилегий, ближайшей же политической целью — вывод испанских войск с севера Европы. Излишне говорить, что эта умеренная позиция не встречала понимания ни у восставших кальвинистов, ни у английских протестантов, ни даже у ее собственных министров.

В 1573 году умудренный опытом лорд Берли оставил пост государственного секретаря, чтобы стать лордом — хранителем печати. Новым секретарем был назначен энергичный Фрэнсис Уолсингем, давший английской внешней политике новое

дыхание, но то было дыхание религиозного зилота: сэр Фрэнсис был ярым протестантом. Королеве приходилось выдерживать постоянное давление со стороны не только общественного мнения, но и ее Тайного совета, где преобладала линия Уолсингема, поддерживаемая Лейстером, Ноллисом, Майлдмэем и другими. Они требовали немедленно помочь Нидерландам деньгами и людьми.

Королева не любила тратить деньги. Еще больше она не любила воевать. Компромисс, впрочем, был найден: помощь кальвинистам оказывалась тайно, а отряд английских волонтеров Хэмфри Гилберта отправился сражаться в Нидерланды якобы без санкции королевы. На деле они имели инструкции занять порт Флиссинген и контролировать этот стратегически важный для Англии пункт, не допуская туда ни голландцев, ни испанцев, ни французов.

Елизавета была мастером необъявленных войн. Как ни странно, и Филипп II, и герцог Альба были почти благодарны ей за ее лицемерие. Они, разумеется, превосходно знали, откуда у повстанцев оружие и деньги и кто поощрял морских гёзов, но, учитывая враждебную позицию Франции, худой мир был для них лучше войны одновременно на нескольких фронтах. Герцог Альба писал своему королю: «Есть большая разница между замаскированными и открытыми военными действиями» — и предпочитал не обращать внимания на английских «волонтеров». Status quo сохранялся и между Елизаветой и преемником Альбы в качестве губернатора Нидерландов Рекезенсом. Тем не менее Англия все больше увязала в интригах с местными кальвинистами.

В 1576 году северные провинции Нидерландов официально провозгласили свою независимость, а Вильгельма Оранского — своим стат-хаудером. Он немедленно обратился к Елизавете за деньгами и дипломатической поддержкой. Английская королева потребовала от Филиппа II признать независимость Голландии, Зеландии и других союзных им провинций, угрожая в противном случае прямой поддержкой восставших. Переговоры еще шли, а английская помощь последним уже поступила в виде 20 тысяч фунтов стерлингов. Вскоре последовал новый стотысячный английский заем для Нидерландов. Сено для «голландской коровы» начинало обходиться слишком дорого.

И все же расходы были не напрасны, ибо в 1576 году в Нидерланды прибыл человек, который едва не осуществил вторжение оттуда в Англию, чего так опасались королева и ее протестантские подданные. Это был Дон Хуан Австрийский — незаконнорожденный брат Филиппа II, обладавший репутацией

великого полководца и романтического героя, защитника истинной католической церкви от неверных. Он полагал, что, сменив нерешительного Рекезенса, легко усмирит Нидерланды, но на этом его амбициозные планы не заканчивались. Всего в нескольких десятках миль от него, за проливом, томилась в заключении у протестантов королева Мария Стюарт. Честолюбивый бастард был готов бросить на ее вызволение находившуюся под его началом испанскую армию, а затем, предложив руку и сердце, стать королем сразу и Англии и Шотландии.

Сама идея вторжения в Англию постепенно получила в испанских политических кругах название «Предприятие». Король Филипп одобрял его теоретически, но не предполагал никаких практических шагов до завершения смут в Нидерландах. В этих условиях английская помощь восставшим становилась уже делом самосохранения, тем более что Гизы обещали Дону Хуану поддержку и со своей стороны. Пресловутые скупость и нерешительность Елизаветы в мгновение ока улетучились. Она сделала огромный заем у банкиров под залог собственных бриллиантов (редкое самопожертвование для женщины!), чтобы завербовать на эти деньги немецких и швейцарских наемников для кальвинистов, и совместно с германскими княжествами стала спешно сколачивать Протестантскую лигу. Поскольку никто из политических деятелей этих небольших государств не мог претендовать на роль реального лидера, ее, женщину, вскоре провозгласили «протестантским папой».

Денежная инъекция Вильгельму Оранскому сослужила добрую службу. Дела Дона Хуана в Нидерландах шли все хуже, репутация великого полководца таяла на глазах, а в 1578 году он умер от лихорадки. Елизавете необыкновенно везло на внезапные смерти ее опасных противников. «Предприятие» оказалось отсроченным на десять лет.

Тем не менее тучи над Англией постепенно сгущались. Преемник Дона Хуана герцог Парма оказался талантливым политиком и удачливым полководцем и скоро достиг в Нидерландах значительных успехов, снова превратив эту страну в плацдарм для возможной агрессии.

Пока король Испании раздумывал над «Предприятием», менее терпеливый папа римский начал собственную войну против Елизаветы. В 1578 году он снарядил две экспедиции с целью поднять мятеж в Англии, базой для которого должна была стать католическая Ирландия. В обоих случаях это были лишь незначительные горстки людей, не способные завоевать Англию, но предполагалось, что их высадка вызовет массовое восстание

католиков. Крестовый поход папы безнадежно провалился, но он продолжал работать над сколачиванием Священной лиги против еретички — королевы Англии. Пока потенциальные союзники находились в нерешительности, глава католической церкви вернулся к привычным средствам борьбы — он благословил иезуитов и их питомцев на убийство Елизаветы: «Поскольку эта греховная женщина из Англии управляет двумя столь славными королевствами в христианском мире к большому ущербу для католической веры и к потере многих миллионов душ, нет сомнения, что, кто бы ни отправил ее из этого мира с благочестивыми намерениями сослужить службу Господу, он не только не совершит греха, но это будет поставлено ему в заслугу». Его призыв был услышан фанатиками, и в начале 80-х годов десятки их устремились в Англию, чтобы проповедовать там среди крипто-католиков или самолично заслужить мученический венец, убив королеву. Двор и страну постоянно будоражили слухи о том, что тут или там схвачен либо католический священник, либо подстрекаемый иезуитами юнец, либо ирландец, намеревавшиеся, проникнув во дворец, застрелить Елизавету или заколоть ее отравленным кинжалом во время прогулки. Никогда еще угроза ее жизни не была столь реальной, как в эти годы.

Протестанты требовали суровых мер против католиков. Тайный совет ужесточил отношение к ним, увеличил штраф за отказ посещать протестантскую службу и подверг всех католиков принудительной регистрации. Наиболее бдительные требовали запретить католикам носить оружие и удалить их от двора. Королева же по-прежнему пренебрегала мерами безопасности. Лейстер писал Уолсингему: «Ничто так не огорчительно для меня, как видеть, что Ее Величество верит, будто увеличение числа папистов в ее королевстве может быть неопасным для нее». Его опасения были не напрасны: в 1582 году на одного из лидеров европейского протестантизма, Вильгельма Оранского, было совершено покушение, принц был тяжело ранен наемным убийцей, но выжил. Однако повторная попытка удалась — в июне 1584 года Вильгельм Оранский был убит. Очередь была за Елизаветой.

В середине 80-х годов неизвестный художник написал портрет королевы, который ныне хранится в личной коллекции Елизаветы II. Он лишен парадности, скорее камерен. Вместо атрибутов власти королева сжимает по-прежнему тонкими прекрасными пальцами веер из страусовых перьев. Ее лицо поразительно печально. Скорбные морщинки пролегли у губ, красивые веки резко очерчены, карие глаза глубоко запали — и в

них невыразимая тоска.

Конец Марии Стюарт: совсем не женская история

Смерть ходила в двух шагах от Елизаветы. Лицо ее было трудно распознать в толпе. Кто это будет — старый священник, которому уже нечего терять в этой жизни, крепкий наемник-профессионал или романтический юнец? Но у смерти всегда было одно имя — Мария Стюарт. Она намеревалась выиграть любой ценой и водрузить на свою голову корону королевы Англии.

Прошло уже восемнадцать лет с тех пор, как Мария вступила на английскую землю и осталась здесь пленницей. Время обошлось с шотландкой безжалостно: сорокатрехлетняя, она выглядела развалиной по сравнению с пятидесятидвухлетней соперницей. Ее мучили радикулит и боли в суставах, она с трудом передвигалась, скривилась набок и едва могла сидеть на лошади. Лишь над ее неуемным нравом время было не властно: королева без королевства по-прежнему верила, что обретет его когда-нибудь. Поскольку после заговора Ридольфи и казни Норфолка ей запретили переписываться с иностранными государями и вся корреспонденция к ней без пользы накапливалась во французском посольстве, она обратила свой эпистолярный пыл на Елизавету, то умоляя, то угрожая и требуя вернуть ей шотландскую корону. За эти годы в Шотландии вырос ее сын Яков. Воспитанный протестантом, чрезвычайно сообразительный молодой человек, бесконечно любивший себя, прекрасно понимал, что судьба сделала его одним из наиболее вероятных наследников английского престола. Добрые отношения с английской «тетушкой» Елизаветой были для него во сто крат важнее, чем спасение неразумной матери, к тому же убийцы его отца. Яков не прислушивался к голосу крови, он никогда не видел Марии и не питал к ней нежных чувств.

Она же свято верила, что сын вызволит ее из плена и они станут царствовать в Шотландии вместе. Это, по ее мнению, могло устроить Елизавету, так как сын-протестант, если бы ему завещали английский престол, мог стать гарантом от безрассудств католички-матери. Расчет оказался верным, и Елизавета в который раз возобновила переговоры с Шотландией. Она по-прежнему ничего так страстно не желала, как избавиться от присутствия Марии. Но тут заупрямился Яков: он совсем не жаждал возвращения матушки и не намеревался делить с ней престол. Дело снова зашло в тупик, и Елизавета исчерпала последнюю возможность спасти Марию.

Новый диалог, завязавшийся между двумя королевами, шел абсолютно вразрез с общественными настроениями. Протестантская Англия имела собственное мнение о Марии Стюарт — «змее, пригретой на груди», и прочих католиках — «опасных волках и изменниках». Убийство Вильгельма Оранского стало сигналом для мобилизации всех протестантских сил. Хотела того королева или нет, ее собирались защищать от невидимых врагов всем миром, а вместе с ней — и протестантское будущее Англии. В этой нервной обстановке среди членов Тайного совета и в высших кругах дворянства зародилась необыкновенная идея: создать что-то вроде круговой поруки — «Ассоциацию» для защиты их королевы от посягательств католиков. Всему дворянству королевства предлагалось подписаться под документом, который гласил, что, если на королеву Елизавету будет совершено покушение в интересах кого-либо из претендентов, не только права такового будут аннулированы, но и он сам будет немедленно казнен «любыми доступными средствами». Это было нечто новое в политической практике XVI века, своего рода плебисцит, которым решались вопросы жизни и смерти Божьего помазанника. Через голову самой государыни, судов, парламента, то есть всех тех, кто мог законным образом устанавливать порядок наследования, нация властно заявляла о собственных интересах. Марии открыто грозили судом Линча за малейший волосок, который упадет с головы Елизаветы. Нет смысла доказывать, что этот документ попирал все нормы права, так как в случае покушения на английскую королеву он не оставлял шотландке возможности оправдаться перед судом. Но наступали времена, когда не только монархи говорили с народом новым языком, но и народы полагали, что имеют на это право.

«Ассоциация» имела колоссальный успех, сотни провинциальных джентльменов ставили свои имена на подписных листах. Списки стекались в Лондон, и оставалось только провести идею через парламент, придав ей силу закона.

Мария повела себя великолепно. Она заявила, что сама готова подписать петицию об «Ассоциации», сделав вид, что не понимает, против кого она направлена, и всячески подчеркивая свою лояльность по отношению к Елизавете. Если бы она не кривила душой…

К этому времени разведка Уолсингема опутала ее невидимой паутиной. За французским и испанским посольствами велась неусыпная слежка. Удалось обнаружить секретный канал переписки Марии с французским посольством. Его оставили действовать, но все письма, тайно адресованные Марии,

ложились сначала на стол Уолсингема. Скоро он узнал о всех хитростях, к которым прибегала шотландка, чтобы передавать весточки из заточения, — тайнопись, симпатические чернила, позволявшие писать между строк в книгах, записки в башмаках слуг и т. д. Переписка с французским послом была достаточно невинной, но в ней содержались намеки на тайные связи Марии с Испанией и ожидание скорого испанского вторжения в Англию. Худшие опасения англичан относительно испанского «Предприятия» подтверждались.

Зимой 1584/85 года собрался очередной парламент, главной заботой которого стала безопасность королевства. Не без сопротивления Елизаветы «Ассоциация» была им легализована с поправками, поставившими выношенную горячими головами затею на почву законности: в случае насильственной смерти королевы никто не должен был пострадать без суда и расследования его реального участия в покушении. Депутаты и королева расстались, испытывая смутное недовольство друг другом. Она не могла не видеть, что жесткие меры, предложенные парламентом, продиктованы любовью и заботой о ней. Но Елизавета не любила «инициатив снизу», вторгающихся в сферу королевских прерогатив. Парламентарии же не понимали ее медлительности и бездействия перед лицом явной опасности.

Наступил 1586 год, и затянувшиеся отношения двух королев, которые не смогли ужиться на одном острове, близились к развязке. Марию к тому времени перевели под усиленный надзор в Чартли — поместье юного графа Эссекса, пасынка графа Лейстера. Роковой случай послал в руки Уолсингема некоего молодого католика, который прибыл с континента, чтобы установить контакт с шотландкой. Он очень быстро сломался на допросах и согласился помочь контрразведке государственного секретаря создать для Марии новый канал секретной переписки, находившийся под полным контролем Уолсингема. Вскоре к ней стали непрерывным потоком поступать письма, провозимые в замок в бочонках с пивом. Мария поверила в то, что «пивовар» — честный католик, и смело отправляла через него письма, где свободно обсуждала планы испанского вторжения. Этого было вполне достаточно, чтобы склонить общественное мнение к немедленной расправе над ней. Но Уолсингем прекрасно знал, что для его государыни этих доказательств окажется мало. Он ждал момента, когда его добыча поглубже заглотнет наживку и уже не сможет сорваться с крючка. «Наживкой» стала небольшая группа молодых легкомысленных заговорщиков-католиков, вознамерившихся убить королеву Елизавету. Их лидером был Энтони Бабингтон, служивший когда-то у графа Шрусбери и

лично знакомый с королевой Марией. Романисты любят изображать его влюбленным в шотландку юным пажом. Однако молодой человек скорее был честолюбцем, чем романтическим героем, и побеспокоился заранее заказать свой портрет, дабы навсегда запечатлеть лик избавителя Англии от «протестантской Иезавели». Уолсингему удалось внедрить провокатора и в этот узкий круг заговорщиков.

Летом 1586 года Бабингтон написал Марии Стюарт, посвятив ее в планы заговора. Шотландка радостно одобрила их и разразилась длинным посланием с инструкциями и советами. Ей казалось, что час осуществить великое «Предприятие» настал. Она доверила письмо «пивовару», не ведая о том, что отправила в его бочонке свой смертный приговор. В начале августа Уолсингем нанес долго готовившийся удар: Бабингтон и его друзья были арестованы, а несколькими днями позже, когда Мария Стюарт под надзором своих стражей отправилась поохотиться, ее бумаги опечатали, а секретарей арестовали. Саму королеву перевезли в новое место заключения. «Волчицу» заманили в ловушку.

Когда правительство сделало официальное заявление о раскрытом заговоре, а затем Бабингтона и его шестерых товарищей вздернули на виселицу, сняли с нее еще живыми и четвертовали, Англия вздохнула с облегчением. Страшная опасность была отвращена. Пока подданные ликовали, возносили молитвы и праздновали избавление, правительство спешно принимало меры предосторожности против возможной католической интервенции: за береговой линией и морем установили наблюдение, в графствах вооружали ополчение. Посвященные слишком хорошо знали, что с провалом Бабингтона опасность далеко не миновала.

Судьба Марии, которую теперь называла «убийцей» даже Елизавета, казалась предрешенной. Однако, предвидя множество проблем с судебным расследованием и вынесением приговора иностранной суверенной государыне, королева написала ей личное послание, убеждая шотландку искренне покаяться и признаться во всех грехах, за что ей обещали жизнь и возвращение в Шотландию. Мария, разумеется, подозревала подвох, и не без оснований, так как ее признание могло быть использовано против нее. В ожидании суда ее перевезли в Норземптон в замок Фотерингей.

Трибунал составили члены Тайного совета, тридцать шесть пэров Англии, судьи и ведущие знатоки права. Два дня длилась их дискуссия с Марией о ее подсудности их суду. В истории не было прецедента, чтобы главу одного государства судили за государственную измену монарху другого. С чисто юридической

точки зрения парламентский статут об «Ассоциации» был весьма шатким основанием для такого разбирательства, однако исходившая со стороны Марии угроза для дела протестантизма, государства и национальной независимости Англии была столь велика, что юристы как общего, так и канонического права поступились буквой закона ради того, что они считали духом справедливости. Правда, это относилось только к полномочиям суда. В виновности же Марии никто не сомневался. Показания Бабингтона, ее секретарей, письма — все изобличало шотландку в том, что она была прекрасно осведомлена о планах покушения на Елизавету и испанского вторжения. Мария защищала свою жизнь с истинно королевской твердостью и достоинством, но они едва ли могли перевесить уличающие ее доказательства. Суд единогласно признал ее виновной.

Его решение получило еще более широкую поддержку в парламенте, который собрался 26 октября 1586 года. Настроения парламентариев было нетрудно предсказать: они жаждали крови. И их депутация без промедления отправилась в королевскую резиденцию в Ричмонд просить королеву утвердить смертный приговор. Королева Елизавета вышла к ним навстречу, погруженная в глубокую задумчивость. В своей ответной речи она не сразу вспомнила о Марии. В последние годы она и ее подданные часто бывали не в ладу, парламентарии осыпали ее упреками, а она кричала на них, выведенная из себя. Теперь, как стареющие влюбленные, которые, пережив эмоциональное потрясение и напуганные возможностью потерять друг друга, вдруг неожиданно находят новые нежные слова, королева и парламент вновь обрели единство. Она заговорила о той опасности, что они преодолели вместе. Депутаты были тронуты до глубины души, а многие заплакали, когда она сказала: «Это чудо, что я осталась жива, но я благодарю Господа не столько за это, сколько за то, что за двадцать восемь лет моего правления любовь подданных ко мне не уменьшилась… Только ради этого я хочу жить». Не только риторикой были слова этой пятидесятитрехлетней женщины о том, что «жизнь не так мила ей, чтобы ее страстно желать» (последние десять лет могли в кого угодно вселить taedium vitae — усталость от жизни), и что «она не испытывает ужаса перед смертью» (слишком часто она бывала в двух шагах от нее). «Я знаю, что значит быть подданным и что значит быть монархом, что значит иметь хороших соседей и иногда встречать недоброжелателей. Я встречала измену в тех, кому доверяла, и видела, как добро ни во что не ставят». Все это было чистой правдой: ее предавали и друзья, и возлюбленные, и близкие по крови. Вот и теперь речь шла о предательстве ее

кузины, но Елизавета не спешила брать в руки меч правосудия. Она выжидала.

В душе она давно решила, что живой Мария всегда будет слишком опасна для нее, и уже была внутренне готова обречь соперницу на смерть (мало кто в Англии не поддержал бы ее решения). Но Елизавета не могла не предвидеть политических последствий этого шага. Казнь шотландской королевы подстегнула бы католиков, и крестовый поход, которого англичане так боялись, мог все же начаться. Как и в случае с Норфолком, Елизавете необходимо было удостовериться, что требование смертного приговора имеет широкую публичную поддержку, и разделить ответственность за столь важное решение с другими, наконец, просто убедиться, что другого выхода не существует. Парламент настаивал именно на этом. Все возможные гарантии безопасности Елизаветы были обсуждены, и все казались недостаточными, пока Мария жива. Королева раскрыла перед депутатами существо проблемы — международный резонанс казни. Что скажут в мире, какие слухи станут распространять ее враги, «если во имя безопасности собственной персоны королева-девственница сможет пролить кровь, более того, кровь своей родственницы»? Несмотря на настойчивость парламента, она все еще не решалась сказать «да»; выражаясь ее собственными словами, ее ответ на их петиции «был безответен».

И тем не менее каждый ее следующий шаг был проверкой возможной реакции на казнь. В декабре 1586 года она по просьбе парламента разрешила опубликовать текст судебного приговора Марии, еще не подписанный ею. Реакция Лондона была обнадеживающей: город ликовал и бил в колокола. Из Эдинбурга от Якова пришло уведомление о том, что он, конечно, не желает смерти матери, хотя его протестантская вера заставляет его сочувствовать Елизавете. Позднее его посол пояснил позицию своего государя: он был не против, чтобы Марию убрали тихо, как бы случайно, без громких политических спектаклей.

Страсти вокруг королевы Шотландии все накалялись. Сама она не верила в возможность близкой смерти и ждала скорого избавления при помощи Испании или Франции. Страну время от времени будоражили слухи о высадке испанцев на западном или южном побережье. То Девон, то Сассекс поднимались по тревоге в ружье. Наконец 1 февраля 1587 года Елизавета подписала смертный приговор. Она была в неплохом расположении духа, и это еще раз доказывает, что ее не столько тяготила моральная ответственность за пролитие крови, сколько тревожили его политические последствия. Кажется, она взвесила и просчитала

все, прежде чем обмакнуть перо в чернила и вывести под приговором свою размашистую, энергичную подпись. Елизавета даже пошутила, обращаясь к новому секретарю Уильяму Дэвисону, замещавшему заболевшего Уолсингема: когда тот узнает, что приговор подписан, «он будет убит горем на месте». Уолсингем в это время, должно быть, молился, чтобы Господь послал его государыне силы подписать роковой вердикт.

Но следовало еще избрать способ лишения Марии Стюарт жизни. Практика XVI века подсказывала простой путь — убийство, инсценированное как несчастный случай, или с последующим наказанием «виновных». Ни у кого, начиная с Лейстера и заканчивая Яковом Шотландским, не было сомнений в том, что такой путь — наилучший. Даже философски настроенные католические союзники Марии замечали, что в этой ситуации «было бы лучше отравить ее или задушить подушкой, но не подвергать открытой казни». Елизавета мечтала, чтобы кто-нибудь совершил это убийство, но ее верный слуга Эмиас Полет, тюремщик Марии, горячий протестант и набожный человек, наотрез отказался взять грех на душу.

Поскольку политическое убийство не состоялось, оставалась политическая казнь. Ее назначили на 8 февраля 1587 года. Приговор повез в Фотерингей клерк Тайного совета Роберт Бил. Он остался посмотреть на казнь и запечатлел на рисунке все происшедшее в замке в тот роковой день.

В главном зале замка, где жарко пылал камин, чтобы присутствующие могли унять дрожь волнения, был сооружен большой помост с плахой. Стражи было немного — всего восемь алебардщиков, да и сдерживать им было особенно некого. Не было сочувствующей толпы, к которой Мария могла бы воззвать перед смертью. Эшафот окружали лишь семьдесят человек — верные дворяне из местных протестантов. Королева Мария, одетая во все черное, с белой вуалью на голове взошла на помост и, прощаясь со слугами, мужественно убеждала их радоваться, так как «бедствия Марии Стюарт скоро придут к долгожданному концу». Она гордо отклонила увещевания епископа Питерборо обратиться перед смертью в «истинную» веру, помолилась и бестрепетно положила голову на плаху. Когда с криком «Боже, храни королеву!» палач поднял отсеченную голову, она внезапно выскользнула у него из рук, оставив в сжатых пальцах лишь парик. К его ногам покатилась седая, коротко остриженная голова сорокачетырехлетней королевы — той, что проиграла. Потом ее на целый час выставили в окне замка на обозрение толпы.

Другая королева в это время доигрывала в Лондоне последний акт трагедии. Как в свое время Карл IX и Екатерина

Медичи после Варфоломеевской ночи оправдывались и делали вид, будто не ведали о надвигавшейся трагедии, чтобы дать возможность европейским монархам сохранить дипломатические отношения с Францией, так теперь Елизавета должна была что-то предпринять, чтобы не поставить под угрозу свою «добросердечную дружбу» с Генрихом III Французским и Яковом VI Шотландским. Как всегда, монархи оставляли бурные страсти, сопереживание и гнев толпе, а сами находили общий язык в самых невероятных, с точки зрения искренних верующих, ситуациях.

Убедившись, что казнь свершилась, Елизавета вдруг обрушилась с упреками на Дэвисона, заявив, что не приказывала ему передавать подписанный ею приговор членам Тайного совета. Она якобы еще собиралась раздумывать над судьбой Марии Стюарт. Это и стало официальной версией для союзников. Казнь как случайность, разновидность несчастного случая? Повидавшие на своем веку многое, соседи согласились с объяснениями. Не вовремя подвернувшегося Дэвисона более чем на год отправили в Тауэр, откуда затем тихо извлекли. И он до конца своих дней получал жалованье за роль козла отпущения, которую играл не слишком долго.

Парадоксально, что Елизавете, так долго служившей единственной спасительницей шотландки, так долго терпевшей все ее претензии и опасные интриги, теперь приходилось прибегать к фальшивым уловкам и оправдываться за казнь, которой ее подданные требовали от нее в течение двадцати лет. Приговор Марии Стюарт был волеизъявлением нации, но, какой бы широкой поддержкой ни пользовалось это решение, какова бы ни была доля участия парламента и суда в том, что оно было принято, моральная ответственность неизбежно ложилась на одну Елизавету. И со временем она осталась одна перед судом общественного мнения, смотревшим на нее с позиций другого времени и морали других эпох. Особенно усердствовали в обвинениях манерные викторианцы. Но если бы победа досталась не ей, а королеве-католичке, что стало бы с протестантской Англией? Пришлось бы тогда им, не самым благодарным потомкам Елизаветы, гордо распевать: «Правь, Британия, морями!»? В жертву будущему величию Британии были принесены кровь Марии Стюарт и душевное спокойствие Елизаветы. Пусть эти жертвы были неравноценны, но горе проигравшему.

Победительница «непобедимых»

Смерть несчастной королевы Шотландии поразительно мало значила для событий, последовавших за ее казнью. Вторжение испанцев в Англию в 1588 году с ее именем на устах было вызвано совсем иными причинами. Великая Армада подняла паруса, чтобы воздать англичанам не за шотландскую королеву, а за «голландскую корову» и «подпаленную бороду» короля Филиппа.

За два года до казни Марии, в 1585 году, Англия перестала прятаться за кулисами в европейском конфликте вокруг Нидерландов и открыто выступила на сцену. После убийства Вильгельма Оранского обезглавленные кальвинистские Северные провинции прямо обратились к королеве Елизавете с предложением принять их под эгиду Англии и стать их верховной правительницей. Она, разумеется, отказалась, так как это было равнозначно объявлению войны Филиппу. Однако сторонники решительных действий в совете требовали немедленной и более ощутимой помощи Нидерландам. После бесконечных дебатов и борьбы с умеренными — Берли, Сассексом и самой королевой — «партия войны» возобладала, и было решено послать туда большую английскую армию во главе с Лейстером. Война опять обещала быть странной, не объявленной ни одной из сторон, с весьма скромными задачами для английского экспедиционного корпуса: не допустить захвата испанцами Голландии или Зеландии, главным образом их портов, что могло бы быть опасно для Англии.

Елизавета не находила себе места. Она не хотела отпускать от себя Лейстера, с которым в очередной раз помирилась. Убедить ее подписать его назначение главнокомандующим английской армией, казалось, положительно невозможно. Много раз она брала перо, чтобы сделать это, но тут же отшвыривала его. Наконец, в минуту смутного расположения ее духа, Лейстер был произведен в главнокомандующие и успел отбыть на континент, прежде чем королева передумала. Его соперники и недоброжелатели молились, чтобы он никогда не вернулся и сгинул в голландских болотах, как в свое время герцог Алансон. К их разочарованию, Медведь оказался выносливее Лягушонка.

Более того, впервые вырвавшись из жесткой узды, в которой его всегда держали дома, он воспылал честолюбивыми мечтами и, не информируя ни о чем свою повелительницу, согласился принять предложение голландцев стать их верховным правителем. Узнав об этом, Елизавета зарычала, как рассвирепевшая львица: как мог он, ее подданный, принять почести и положение, которые предлагались его королеве, но были отвергнуты ею из соображений государственной

целесообразности? Не думает ли он, что это было сделано для того, чтобы ее амбициозный протеже навлек на Англию полчища испанцев? Лейстер получал в своей жизни немало писем от королевы, в них были слова любви, дружеского расположения, упреки, жалобы. Теперь это были гнев, достойный олимпийских богов, и уничтожающий сарказм: «К чему тебе нужен ум, если он подводит хозяина в самый решающий момент? Делай, что тебе… приказано и оставь свои соображения при себе… Я совершенно уверена в твоих верноподданнических намерениях, но не могу потерпеть этих ребяческих действий». Лейстер прибег к испытанному средству, чтобы разжалобить свою госпожу, — заболел. Оно и на этот раз оправдало себя — гнев королевы утих и Лейстеру даже было позволено сохранить злосчастное звание, чтобы не обескураживать голландцев и не потерять лицо.

Оставался, однако, еще один человек, которого непосредственно касались дела Лейстера в Нидерландах, — Филипп II. Он не был так снисходителен, как Елизавета, и не собирался терпеть новоявленных правителей в землях, которые привык считать своими. Поскольку вмешательство англичан становилось все опаснее, он и герцог Парма, губернатор Южных Нидерландов, сочли, что выгоднее один раз потратиться на большую экспедицию против Англии, чем постоянно выносить ее укусы. Последней каплей стал очередной грабительский рейд Дрейка в 1585–1586 годах в американские колонии Испании. Англичане добывали деньги на войну в Нидерландах в испанских рудниках! Филипп отдал приказ о подготовке к «Предприятию». Стратеги засели за карты, планируя будущую кампанию. Предполагалось, что мощный испанский флот направится к Англии, войдет в узкие проливы между островом и континентом, встанет на якорь у голландского берега, чтобы принять на борт армию вторжения из числа войск Пармы в Нидерландах, а затем атакует Англию со стороны Эссекса и Кента, там, где в море впадает Темза — артерия, которая приведет их к самому сердцу страны — Лондону. Испанцы принялись готовить флот, и казнь Марии Стюарт ни на сутки не ускорила и не задержала его отправку. Все было готово к весне 1587 года.

Помешал «Предприятию» вездесущий Дрейк. Донесения английской разведки об огромном испанском флоте, который с неизвестной целью собирался в бухте Кадиса, взволновали всех. Англичанам, казалось, оставалось лишь ждать, куда он двинется, и положиться на Провидение, если владычица морей Испания пошлет свои галеоны против их северного острова. «Корабли — деревянные стены Англии» — такова была излюбленная поговорка времен Генриха VIII и Елизаветы. Едва ли, однако, эти

стены смогли бы сдержать натиск того, что испанцы не без основания окрестили Армадой. Но как должны были измениться люди, настроения, какую уверенность обрели в себе морской народ и его вечно нерешительная королева, если они осмелились не дожидаться врага, а атаковать его первыми!

2 апреля 1587 года из уже легендарного Плимута вышла английская эскадра под командованием Дрейка. Помимо новейших дальнобойных пушек, адмирал был вооружен грамотой с личной подписью его королевы и печатью, изображавшей ее самое. Ему предписывалось атаковать испанский флот во имя «чести и безопасности Нашего королевства и его доминионов». Веселый толстяк определял свою миссию менее выспренне: «Подпалить бороду испанскому королю».

Спустя несколько недель английский флот подошел к Кадису, в удобной бухте которого стояли на якоре лучшие галеоны испанского военного флота и десятки торговых кораблей. Англичане атаковали их с ходу. Внезапность и переполох, который поднялся в бухте, когда к испанским кораблям устремились лодки, начиненные взрывчаткой и зажигательными смесями, сделали свое дело. Тридцать четыре корабля сгорели или были потоплены, береговая крепость сдалась на удивление легко. Дрейк, по обыкновению, вежливо обошелся с населением, отдал должное местному вину и, загрузив им четыре захваченных испанских корабля, отбыл. Впрочем, не сразу. Он еще помедлил у Азорских островов, поджидая испанский «серебряный» флот из Америки — благовоспитанный адмирал всегда оставался в душе чуточку пиратом. Не дождавшись его, Дрейк вернулся в Плимут.

Испанцам потребовался почти год, чтобы оправиться и снарядить новую Армаду. Она должна была стать возмездием англичанам за все — за их протестантизм, за пиратство, за Нидерланды и Кадис. Рассказ о гибели Великой Армады — один из тех, что с детства запечатлеваются в памяти каждого, настолько силен в нем дух Истории, героический, волнующий и возвышенный. На деле все обстояло одновременно и более прозаично, и более трогательно.

Интервенция всегда бывает некстати, но она была особенно некстати для англичан в 1588 году. Сундуки королевы были пусты. Война давно велась на принципе самоокупаемости, но после больших финансовых вливаний в Нидерланды и рейда в Кадис, который принес великую победу, но и потребовал великих расходов, новых поступлений в казну не было. Солдат и матросов было не на что кормить, не хватало пороху и ядер, прибрежные города и графства стонали под бременем всевозможных поборов и повинностей, связанных с ожидаемым вторжением: нужно было

вооружать и тренировать ополчение, дежурить вдоль всей береговой линии у биконов — сигнальных костров, поднятых на высокие столбы, чтобы при появлении Армады на горизонте, как по телеграфу, немедленно оповестить всех. Только поддержание страны в боевой готовности съедало столько средств, что измученный мыслями о деньгах лорд Берли взмолился наконец: «Если мир невозможен, пусть лучше враг не медлит… потому что ожидание нас буквально поедает». Как будто вняв его молитве, испанский флот показался на горизонте — 130 кораблей, ведомых герцогом Медина-Сидония, с 18 тысячами пехотинцев на борту, не считая экипажей. Никто и никогда еще не видывал такой силы. Испанцы отправлялись в свой крестовый поход против неверных с воодушевлением. Накануне выхода из порта ЛаКорунья они долго молились и дружно отказались от услуг местных проституток. Что может лучше доказать серьезность их намерений и веру в свою священную миссию?

Когда какого-то события ждут слишком долго, оно, как правило, застает врасплох. Так случилось и с английским флотом, собиравшимся встречать Армаду совсем не там, где это произошло на самом деле. Королеве удалось собрать не более ста кораблей, и только ядро ее флота составляли настоящие боевые, построенные по последнему слову техники быстроходные корабли. Остальные принадлежали купцам или дворянам-волонтерам, поднявшимся по призыву Елизаветы. Англичане явно уступали испанцам в количестве, но не в уверенности в себе. Как и годом раньше, командовавшие флотом адмирал Ховард и вице-адмирал Дрейк собирались выйти навстречу Армаде, перехватить ее у берегов Испании и разбить в ее собственных водах. Несколько раз они пытались покинуть Плимут, но Нептун на этот раз подыгрывал испанцам: сильными штормами и ветрами англичан вновь и вновь прибивало к берегу. Для парусов испанцев тот же ветер был попутным.

Лето 1588 года выдалось на редкость ненастным, с непрекращающимися ливнями и штормами. Полуголодные английские матросы сидели в Плимуте и в буквальном смысле ждали у моря погоды, когда на горизонте показались корабли Мединых-Сидонии. По преданию, Дрейк в это время играл в шары. Услыхав крик дозорного, что испанцев заметили у мыса Ящерица — западной оконечности острова, он спокойно довел партию до конца и лишь после этого приказал сыграть общий сбор. По всему побережью от Девона и Дорсета до самого Кента один за другим загорались сигнальные огни, пробиваясь сквозь туман и оповещая Англию о том, что настал долгожданный и страшный час испытания. Графства поднимались по тревоге, старики и

мальчишки облачались в кирасы. Вот когда Елизавета могла с гордостью сказать, что не напрасно верила в своих подданных и что ее политика религиозной терпимости оправдалась. В момент национальной опасности вокруг нее сплотились все. Уолтер Рэли, мореплаватель и царедворец, писал в те дни: «Пусть ни один англичанин, какую бы религию он ни исповедовал, не думает об испанцах иначе, как о врагах, которых он должен победить во имя нашей нации». И они ополчились против врага, и не стало ни католика, ни протестанта — все они были англичанами.

Армада тем временем огромным угрожающим полумесяцем вползала в узкий пролив. Никто не знал, куда именно направляется эта ущербная и грозная луна. Испанцы, в свою очередь, не ожидали встретить почти весь английский флот у входа в проливы, они рассчитывали достичь Дувра, не вступая в сражение. Обе стороны находились в смятении, но англичане, похоже, пришли в себя быстрее. Их эскадры разделились: Ховард отошел на восток, а Дрейк остался атаковать врага на всем пути его следования. С небольшой, но мобильной эскадрой он, как бойцовый петух, набрасывался на испанцев и с удовольствием наблюдал со своего флагмана, носившего грозное имя «Возмездие», как английская артиллерия один за другим выводит из строя испанские галеоны. Тактика испанцев и та концепция войны, которой они придерживались, безнадежно устарели. По большей части их корабли были гигантскими и неповоротливыми транспортами для пехоты, артиллерия предназначалась для осады на берегу, а не для морских сражений. Они и собирались воевать на суше, а не среди волн. Английский Дракон явно чувствовал себя увереннее в родных водах. Правда, ему катастрофически не хватало боеприпасов и провианта, за которыми приходилось заворачивать во все попутные порты. Весь июль голодные английские морские волки трепали Армаду, пока она наконец не оторвалась от них и не пристала к французскому берегу около Кале.

Наступал решающий час. В хорошую погоду из Кале виден английский берег и Дувр. Испанцев отделяли от них лишь несколько десятков миль, оставалось сделать последний бросок. Там их готовились встретить лучшие корабли Елизаветы — ее собственный «королевский флот», туда же стекались эскадры Дрейка и Ховарда, с пробитыми парусами, закопченные от пороха, потрепанные штормами.

Ветер был третьим участником сражения. Он упорно отгонял оба флота на север. Но англичане стояли на якоре в просторной гавани Дувра, а акватории Кале испанцам явно не хватало. Медина-Сидония ждал здесь известий от герцога Пармы. Связь с

ним не удавалось наладить — нерасторопности курьеров и фельдъегерей испанцы обязаны своим поражением не меньше, чем английским морякам. Когда Парма со своими десятью тысячами солдат подошел к Дюнкерку, чтобы погрузиться на корабли, Армада уже снялась с якоря и ветер угнал ее слишком далеко в Северное море. Однако поднять якоря ее все-таки заставили англичане. Они атаковали противника в гавани своими горящими лодками, как год назад в Кадисе, и, чтобы избежать пожара, испанцы были вынуждены ретироваться. Остальное довершил ветер: их бросило на мели около побережья Зеландии, с которых удалось сняться немногим, и понесло дальше, где уже не было гаваней, пригодных для высадки. Не осталось ни сил, ни провианта, ни пороха. Корабли, преследуемые англичанами, обогнули Британские острова и с трудом возвратились домой, потеряв две трети из тридцати тысяч «непобедимых». Вдоль всего побережья мальчишки еще долго вылавливали из воды остатки их амуниции — то, что море не приняло в жертву…

А что же королева? Для нее, как и для всей страны, наступил момент наивысшей опасности. Но как бы ни сложились судьбы ее подданных в случае победы испанцев, ее собственная жизнь была бы обречена. Смертельная угроза вдохнула в нее новые силы. Королева, казалось, сбросила лет тридцать: она была энергична, решительно действовала и говорила, не обнаруживая ни малейшего страха, — истинная дочь Генриха VIII. Снова, как в былые годы, королева и ее народ черпали силы друг в друге. Опять ей удавалось найти самые проникновенные слова для солдат, которые во главе с Лейстером шли занимать оборону у Тилбери. Здесь, в излучине Темзы, английская армия встала лагерем, готовая преградить испанцам путь на Лондон. Солдаты шли умирать с песнями и именем Елизаветы на устах. Последняя линия обороны проходила вокруг Сент-Джеймсского дворца, где находилась королева. Она вовсе не пряталась за его стенами и, несмотря на опасность, по-прежнему появлялась на людях. Именно в эти минуты маленький мальчик, будущий епископ Гудмен, услышал и навсегда запомнил ее слова: «У вас может быть более великий государь, но у вас никогда не будет более любящего». Неудивительно, что за нее хотелось умереть. Были ли в истории иные случаи, когда солдаты предлагали взятку, чтобы оказаться в потенциально опасном месте? И чтобы к тому же это был целый полк? Дорсетский полк был готов заплатить 500 фунтов стерлингов, чтобы войти в состав гвардии, стоявшей у Тилбери. Если бы испанцы прорвались, дорсетцы все полегли бы там…

В Лондоне кипела работа. Старый лорд Берли вооружал

собственный отряд и посылал сыновей за подкреплением в дальние поместья. Лейстер ухитрялся успевать всюду: он без устали принимал и размещал пополнения, выбивал для них продовольствие и тонны пива, был и стратегом и интендантом, действуя по принципу, который сам провозгласил на заседании Тайного совета: «Нельзя пренебрегать ничем, что поможет противостоять врагу, стучащемуся сейчас в нашу дверь».

В конце июля Лейстер предложил королеве Елизавете навестить его армию в Тилбери и подбодрить несчастных солдат, гнивших в окопах среди болот Эссекса. Затея представлялась ему не слишком опасной, так как в случае появления испанцев королеву можно было эвакуировать в Лондон как по суше, так и по реке. Елизавета загорелась этой идеей, но пожелала посетить войска на самом морском побережье, где ожидали высадки вражеского десанта. Граф со всей твердостью главнокомандующего заявил, что не пустит ее дальше Тилбери, чтобы не рисковать ее персоной — «самым дорогим и священным, что есть у нас в мире». В то же время он писал ей: «Моя добрая и милая королева, не меняйте своих намерений… ради несчастных и бедных солдат, которые лежат в чистом поле, в полной готовности служить Вам и умереть за Вас».

8 августа 1588 года королевская баржа отправилась от Вестминстерского дворца вниз по Темзе и к вечеру добралась до форта Тилбери. Солдаты встретили Елизавету криками радости и восхищения. На следующий день состоялись смотр войск и маневры. Елизавета восседала на своем гордом белом коне с маршальским жезлом в руке. Она казалась присутствующим царицей амазонок или самой Беллоной — богиней войны. Взволнованная оказанным ей приемом и возбужденная опасностью (хотя и не столь большой посреди тридцатитысячной армии), королева обратилась к солдатам с одной из лучших своих речей. Она сказала: «Мой добрый народ. Те, кто пекся о Нашей безопасности, убеждали Нас, что следует проявить осторожность, когда Мы предстанем перед множеством вооруженных людей. Но, уверяю вас, я не хотела бы жить, не доверяя моему верному и любящему народу. Пусть боятся тираны. Я же всегда жила так, что после Господа считала своей главной опорой и защитой верные сердца и доброе расположение моих подданных. И посему, как вы видите, я сейчас среди вас не для развлечения или забавы, но полная решимости в гуще сражения остаться жить или умереть с вами, пасть во прахе во имя моего Господа, моего королевства, моего народа, моей чести и моей крови. Я знаю, что наделена телом слабой и хрупкой женщины, но у меня душа и сердце короля, и короля Англии. И я думаю, это грязная ложь, что

Парма, или Испанец, или любой другой государь Европы могут осмелиться переступить границу моего королевства. Это скорее, чем любое бесчестье, заставит меня взяться за оружие, я сама стану вашим генералом, вашим судьей и вознагражу каждого по заслугам на поле брани…»

На следующий день текст речи был роздан капелланам, чтобы они переписали его и распространили в частях, и слово Елизаветы дошло до каждого из тысяч ее защитников. Слухи об отважном поступке английской королевы и ее необыкновенной речи скоро разнеслись по всем европейским дворам. Текст переписывали и читали повсюду, даже в Москве, откуда один из английских купцов, друг Дрейка, сообщал, что получил список и передал его русскому царю.

Лейстер был искренне восхищен своей королевой. Он устроил в ее честь банкет неподалеку от лагеря. В разгар обеда пришло известие о том, что герцог Парма с сорока тысячами солдат ждет ближайшего прилива, чтобы переправиться в Англию, тем же вечером он мог уже высадиться. В лагере поднялся переполох, но Елизавета наотрез отказалась покинуть его. К счастью, тревога оказалась ложной. На самом деле угроза со стороны испанского флота уже миновала: в это время он разбивался о зеландские мели.

Когда стало ясно, что все позади, Англия впала в эйфорию. Она, как Давид, победила Голиафа — Испанию. И в этом случае чудесное избавление было приписано божественному вмешательству. В честь победы Елизавета повелела отчеканить памятную медаль с собственным золотым ликом; на ее обороте был изображен гибнущий испанский флот с многозначительной надписью: «Господь дохнул, и они рассеялись». Никто, однако, не собирался похищать славу у доблестных английских моряков. Это была их победа. Один из них, Уолтер Рэли, писал в дни триумфа: «Испанцы более всего на свете жаждут нашей крови, более чем крови любого другого народа в Европе, потому что от нас они потерпели многие поражения и бесчестья, их слабость мы явили всему миру. Мы с горсткой людей и кораблей разбили и обесчестили их и у них дома, и за границей, и в Европе, и в Индии, и на суше, и на море». Отныне Англия становилась подлинной владычицей морей и действительно великой протестантской державой.

Гибель Армады произвела сильное впечатление и на врагов Англии. Узнав о печальной одиссее своего флота, Филипп II затворился в Эскориале, не промолвив ни слова. Господь отвернулся от него, даровав победу еретикам. Было очевидно, что он гневается и наказывает Испанию, испытывая ее в вере. И

страна погрузилась в молитвы и траур.

В Риме же папа Сикст V повел себя в высшей степени странно. Он, конечно, поддерживал святое дело борьбы с английскими еретиками, но не мог скрыть удовлетворения от того, что напыщенных испанцев щелкнули по носу. Глава католической церкви открыто и многократно восхищался Дрейком и спрашивал окружающих: «Слышали, как Дрейк со своим флотом навязал бой Армаде? С каким мужеством! Думаете, он выказал хоть какой-то страх? Он — великий капитан!» Поистине, чудны дела Господа, если он заставил папу симпатизировать английскому пирату. Елизавета изумляла его не меньше, и Сикст V пропел ей настоящие дифирамбы: «Она конечно же великая королева, и, если бы только она была католичкой, мы бы ее очень любили. Только посмотрите, как хорошо она управляет! Она всего лишь женщина, хозяйка половины острова, но она заставляет Испанию, Францию, Империю — всех бояться себя».

Англия предавалась бесконечным праздникам, с шествиями, фейерверками и благодарственными молебнами. Ликование длилось всю осень, и никогда еще 17 ноября, день восшествия Елизаветы на престол, не отмечали с таким размахом и помпой. В глазах англичан их королева, их «леди-суверен», затмила всех героинь в истории. В напыщенных трактатах, поэмах и балладах ее именовали Глорианой — воплощением славы и победы. Елизавета на глазах превращалась в новое божество, северное солнце, озаряющее своим сиянием души влюбленных и восхищенных протестантских подданных.

Как будто завидуя ей, Фортуна вплела в симфонию победы мрачную мелодию: 4 сентября 1588 года умер граф Лейстер, ее Робин. Он подхватил лихорадку в лагере под Тилбери и захворал. На этот раз его болезнь не была притворством. За четыре дня до смерти он написал Елизавете письмо, справляясь о ее здоровье — «самом дорогом для него». Оба были уже немолодыми людьми, но ей было суждено пережить свою первую любовь. Спустя много лет, когда королева Елизавета умерла, придворные дамы открыли ларец, всегда хранившийся у ее изголовья. В нем было несколько дорогих ей реликвий и среди них — предсмертное послание Лейстера, на котором ее рукой было выведено: «Его последнее письмо».

Они постоянно препирались и ссорились, но величайший момент ее жизни, миг опасности, триумфа и славы, они пережили вместе, неразлучные, как в молодости. Судьба послала им возможность вновь оказаться там, где разгоралась их любовь, — среди шафранных полей Эссекса. И слепому случаю может быть присуще эстетическое чувство: поместье, которое Лейстер выбрал

для ночлега королевы в Тилбери, называлось «Шафрановый сад». Там она в последний раз заставила его искренне преклоняться, там, у Тилбери, он сослужил ей свою последнюю службу.

Граф Лейстер всегда славился меценатством и покровительствовал художникам. Одного из них, Гауэра, Елизавета пригласила к себе после победы над Армадой и заказала ему свой парадный портрет. Он изобразил ее в лучших традициях официозного жанра, окружив ходульными аллегориями. На заднем плане — два окна, открывающих вид на море, в одном — по светлым волнам гордо плывут английские корабли под флагами святого Георгия, в другом — разъяренная пучина поглощает испанский флот. По правую руку от Елизаветы он поместил имперскую корону, по левую — наяду с чешуйчатым хвостом, еще один символ моря. Сама королева в платье, украшенном огромными жемчужинами, легко опустила изящную руку на глобус. Она исполнена достоинства, уверенности в себе и величия. Она — новая хозяйка океанов. И ее губы снова чуть тронуты улыбкой.

Глава IV
КОРОЛЕВА-СОЛНЦЕ

«Когда она улыбалась, это было настоящее солнечное сияние, и каждый спешил погрузиться в него».

Дж. Харингтон, придворный

Первая среди земных дев, вторая среди небесных

Необыкновенное воодушевление, переполнявшее англичан после победы над врагом, их уверенность в собственных силах создали то, что называют духом елизаветинской Англии. Страна снова становилась, как ее любили называть встарь, «веселой Англией», обильной и радостной, «цветущим садом в ограде моря». Под счастливой рукой Елизаветы многие подданные ощутимо богатели, сельская округа лихорадочно перестраивалась в соответствии с последними модами в архитектуре. Один из иностранцев подметил, что «англичане строят так, словно собираются жить вечно, а веселятся, будто умрут завтра».

Их королева и ее двор задавали темп этой энергичной, пульсирующей жизни. Эта женщина, казалось, была неподвластна времени. Она решительно не желала стареть, и поразительно, что это ей удавалось. Придирчивые наблюдатели, в том числе независимые иностранцы, в один голос утверждали, что в конце 80-х годов королева вдруг похорошела и стала даже привлекательнее, чем десять лет назад. Что было причиной тому — новые ли моды и изменившийся покрой платьев, который ей чрезвычайно шел, ухищрения ли гримеров и парикмахеров или вновь обретенное душевное равновесие и подъем? Очевидно, все вместе. Ее здоровье, несмотря на периодические мигрени, боли в костях и кажущееся хрупким сложение, отличалось завидной крепостью. И в свои пятьдесят она по-прежнему много скакала верхом, легко танцевала и была неутомимой охотницей. Придворные, величавшие ее Дианой, могли не краснеть за эту маленькую лесть. В то же время Елизавета была способна работать день и ночь, когда того требовало дело, и часами просиживала с Берли над государственными бумагами. Ее министры и фавориты старели, мучились подагрой и желудочными коликами, а их госпожа, смеясь, царила среди

поклонников новых и новых поколений. Когда королеве было уже за шестьдесят, кто-то из придворных стал умолять ее отложить летнее путешествие по стране: все эти бесконечные переезды, ночевки вдали от дома, чужая кухня становились слишком утомительными. Елизавета иронично скомандовала в ответ: «Старики остаются, едут только молодые!» — и возглавила процессию.

Ею невозможно было не восхищаться. Давно прошли те времена, когда англичане боялись, как бы женщина на троне не довела страну до греха, и лихорадочно пытались сосватать ее. Она доказала свое право управлять ими. «Наша дорогая леди-суверен» — именовали ее в выспренних политических трактатах, «доброй королевой Бесс» — звали ее в просторечье. «Роман с нацией» продолжался.

Именно в это время начала складываться «золотая легенда» о Елизавете, над созданием которой потрудились и сама королева, и ее официальная пропаганда. Она, как опытная актриса, умела чрезвычайно талантливо «подавать» себя — всегда в наиболее выгодном свете и самом лучшем ракурсе. Явления Елизаветы перед публикой становились все грандиознее, портреты изображали ее с сияющим нимбом вокруг головы, она преподносилась и воспринималась как настоящая богиня. Культ королевы более всего удивляет своей разносторонностью. Не осталось ни одной ее черты или добродетели (подлинной или мнимой), которые не были бы обыграны в сравнениях с богинями или героинями всех времен и народов, языческими и христианскими. Она являла собой целый пантеон, каждый мог избрать свой путь поклонения: в ней чтили Мать Отечества, Прекрасную Даму, Минерву, Диану-Цинтию, Астрею, Титанию, но прежде всего символ Чистой Девственности — мистический талисман, оберегающий и спасающий Англию.

Ее «девственность» была краеугольным камнем пропагандистского мифа о Елизавете. Почитание непорочной девы имело стойкую христианскую традицию. В противовес женщине-Еве, вкусившей запретного плода и ставшей орудием дьявола, погубительницей рода человеческого, девственница должна была спасти его. Дева Мария была первой среди чистых богоугодных созданий, возглавляя целую вереницу средневековых святых мучениц и героинь, подобных Жанне д’Арк. После победы над Армадой многие уверовали в то, что их «Виргиния» была послана им свыше как знак божественного благоволения к их острову и символ непоколебимой истинности протестантской веры. Поэтому она и оказалась способна явить миру чудо — отвратить от их страны полчища дьявола, пришедшие под флагом

католической Испании. И вот уже с той же уверенностью, с какой Дрейк полагал, что его нация первая и сильнейшая в мире, англичане поместили свою королеву-девственницу над всеми остальными. Выше нее на лестнице, ведущей в небо, было позволено остаться только Деве Марии. Среди небесных дев Елизавета была вторая, «но среди земных — первая». Однажды в Лондоне поймали сумасшедшего, каких много везде и во все времена. Он называл себя Христом, в чем тоже не был оригинален, но симптоматично, что несчастный полагал, будто родился от Бога Отца и королевы Елизаветы. Это ли не успех тюдоровской пропаганды? Молодые женщины считали ее имя и изображения талисманом.

Народное сознание исстари наделяло английских королей магическими свойствами. Согласно древним кельтским верованиям, истинный король должен был обнаружить свою сакральную природу в целом ряде испытаний, что гарантировало его народу процветание и мир. Века христианства не смогли вытеснить эту веру, лишь видоизменив характер чудес, в которых король являл свою мистическую силу. Одно из них — исцеление золотушных. По обычаю английские короли время от времени налагали руку на выстроившихся в очередь больных или прикасались к вздувшимся лимфатическим узлам, излечивая, как полагали, этот недуг. Поскольку король был Божьим помазанником, его целительная сила в глазах современников исходила от самого Бога, а монарх, подобно священнику в церкви, служил лишь орудием Всевышнего. Со временем этот ритуал стали приурочивать к Пасхальной неделе, чтобы подчеркнуть эту связь. Однако немаловажно, что до XVI века способность исцелять считалась привилегией королей-мужчин, но никак не женщин, ибо, как заметил Джон Фортескье, знаток английского права и обычая, «дар этот не распространяется на королев».

Но времена изменились, и вслед за старшей сестрой Марией Елизавета взяла на себя смелость исполнять этот обряд. Он был необыкновенно важен для нее в пропагандистских целях, так как свидетельствовал о законности ее притязаний на престол, о их санкционированности свыше. Современники верили, что прикосновение королевы-девы должно быть особенно целительным, и она охотно и часто занималась «врачеванием» золотушных — не только по религиозным праздникам, но всякий раз, когда к королевским докторам накапливалось достаточно много просителей, страдающих этим недугом. Доктора исследовали его природу, дабы удостовериться, что речь идет именно о золотухе, а не о какой-нибудь другой болезни, и допускали страдальцев к коронованной целительнице. Чутко

улавливая возможность укрепить свой престиж во время публичной церемонии, Елизавета не оставляла эту милосердную практику в течение всей своей жизни. Она же первой стала практиковать «излечения» и во время своих поездок по стране. Обычно же церемония происходила в Вестминстерском дворце в часовне Святого Стефана. Королеве прислуживали, держа салфетки и тазики с водой, высшие должностные лица — лорд-казначей, лорд-канцлер и другие члены Тайного совета. Уже сама эта обстановка должна была произвести глубокое впечатление на больных. Елизавета, по природе своей прекрасная актриса, наделенная царственной внешностью, умевшая подчинять людей своей воле и в то же время располагать их к себе, вполне могла благотворно влиять на впечатлительных больных. Достоверно, что перед каждым «сеансом» она внутренне настраивалась и подолгу молилась. Один из ее приближенных вспоминал: «Как часто я видел Ее благостное Величество коленопреклоненной, душой и телом погруженной в молитву, как часто видел я, как ее необыкновенные руки, те, что белее самого белого снега, без всякой защиты прикасались смело к болячкам и язвам и лечили их. Как часто видел я ее осунувшейся от усталости, как в тот день, когда она излечила тридцать восемь человек от их воспаленных наростов». И каждый излечившийся (или полагавший, что излечился) больной был ее аргументом в споре с оппонентами-католиками и отцами иезуитами, со всеми, кто не признавал ее законной королевой Англии. Если бы это было не так, Господь не позволил бы ей врачевать.

Елизавета «соприкасалась» со своим народом не только через золотушных. Существовал еще один полуцерковный-полусветский обряд, которому она неизменно следовала, ибо он нес в себе еще более важный идейный смысл. На Пасхальной неделе, в Чистый четверг, множество простых людей, обделенных и страждущих, становились участниками удивительно трогательной церемонии. По примеру самого Христа, не погнушавшегося омыть ноги собственным ученикам, королева Англии в этот день совершала ритуальное омовение ног такому количеству бедных женщин, которое соответствовало числу ее лет. Существует прекрасная миниатюра работы Левины Тирлинг, изображающая елизаветинский Чистый четверг. Еще молодая королева, одетая в голубое платье — символический цвет Девы Марии, в сопровождении придворных дам в специальных фартуках и с полотенцами проходит вдоль двух рядов престарелых больных женщин, сирых и убогих вдовиц. Чисто и опрятно одетые по этому случаю, они чинно восседают на специальных скамьях. Елизавета опускалась перед каждой женщиной на колени на

специальную подушечку, омывала ей ноги в серебряном тазу с ароматической водой и цветами, вытирала их полотенцем, целовала каждую ступню, а затем осеняла ее крестным знамением. (Справедливости ради надо заметить, что до королевы им уже трижды мыли ноги чиновники двора, ведавшие раздачей милостыни.) После этого каждая из бедных женщин получала кусок сукна на платье, пару туфель, еду, стакан вина и кошелек с медными монетами по числу ее лет, а придворные дамы отдавали им фартуки, что были на них надеты во время церемонии.

Когда в Риме во время пасхальных служб папа провозглашал анафему еретикам-протестантам, отступникам от истинной веры, Елизавета в Лондоне отвечала демонстрацией подлинного христианского смирения и благочестия, уподобляясь в глазах зрителей самому Христу. Итак, женщина выполняет мистические обряды подобно священнику и даже подражает самому Богу — не чрезмерная ли это гордыня, не богохульство ли? Нет, считали современники, если эта женщина — их благословенная девственная королева, их Элиза. Если же возникали сомнения, немедленно находились и те, кто мог на них ответить, как лорд Норт: «Она — наш земной бог, и если существует совершенство во плоти и крови, это, без сомнения, Ее Величество!»

Тысячеликая богиня

Ренессансная наука властвовать прочно включила в арсенал своих средств изобразительное искусство. Англичане в этой сфере были послушными и сообразительными учениками итальянцев и французов. Отец Елизаветы первым из английских монархов по-настоящему озаботился созданием собственных программных парадных портретов, служивших прославлению его могущества, и навсегда остался в памяти таким, каким его запечатлел Ганс Гольбейн. Потом с образцов, написанных кистью великого мастера, изображения короля копировали менее искусные английские живописцы, чтобы его «персона» появилась в замках и дворцах придворных, в университетских колледжах, на страницах печатных Библий, на королевских патентах и грамотах. Таким образом, все больше подданных могли лицезреть своего монарха в том облике, который казался ему наиболее выигрышным. Ни Эдуард, ни Мария не сумели существенно развить плодотворное начинание отца. Откровенно говоря, у обоих не хватило для этого ни внешних данных, ни воображения, ни артистических склонностей, но главным образом — времени. Именно Елизавета

за время своего сорокапятилетнего царствования произвела настоящий переворот в английской «визуальной» пропаганде. Чутье женщины, любившей смотреться в зеркало и играть на публику, ее не подвело, подсказав, сколь многого можно добиться, размножив свои отражения и разослав их во все концы. А изображений этих были сотни и сотни. Едва ли кто-нибудь другой из государей того времени имел такую обширную галерею собственных портретов.

Ее пропагандистское искусство начиналось с довольно тяжеловесных попыток ранних лет: первым шагом в выработке официального имиджа стала новая государственная печать, которая привешивалась ко всем важным документам и, естественно, несла на себе изображение государыни. Елизавета повелела отлить себя сидящей на троне с королевскими регалиями — весьма традиционная композиция. На оборотной стороне она же гордо гарцевала на скакуне в окружении своих любимых символов — увенчанной короной розы и шиповника, а также «французских» лилий — намек на ее права на французский престол. Вместо девиза своей сестры Марии: «Истина — дочь времени», — явно указывавшего на восстановление католической веры в Англии, Елизавета избрала многозначительные и более отвечающие ее политической программе слова: «Pulchrum pro Patria pati» («Прекрасно страдать за Родину»). Но все же на своих ранних портретах, грамотах и патентах королева выглядела совсем юным существом в горностаевой мантии с державой и скипетром, едва ли способным внушить трепет или почтение.

Уже достаточно скоро Елизавета перестала удовлетворяться примитивными изображениями, схематичными и без большого портретного сходства. И в 70-х годах появилось несколько больших аллегорических картин с ярко выраженной политической программой, где она была главным действующим лицом. Все они обыгрывали одну и ту же идею: с приходом Елизаветы в Англии воцарились мир, счастье, благоденствие и истинная религия. Одно из этих произведений, условно называемое «Протестантское наследование» (1572), изображает короля Генриха VIII сидящим на троне и вручающим меч бледному мальчику — Эдуарду, преклонившему колено перед отцом. Справа от короля, чуть-чуть отодвинутая на задний план, не имея ни зрительного, ни осязательного контакта с Генрихом, стоит Мария Католичка, держа в руке букет из трех тюдоровских роз. Она ведет за собой своего мужа Филиппа II, за спиной которого маячит грозная фигура бога войны Марса. Намек автора более чем прозрачен — государи-католики ввергли Англию в войну. На первом же плане, по левую руку от короля, гордо стоит

истинная героиня картины — Елизавета, несколько бесцеремонно заслоняя своего ушедшего в небытие брата. За ней — аллегорическая женская фигура в развевающихся одеждах. Это Мир, попирающий меч, копье и щит — атрибуты войны. Картину дополняет фигура с рогом изобилия в руках. Смысл аллегории предельно ясен: Елизавета приносит с собой покой и процветание. В разных вариантах эта идея обыгрывалась многократно. Например, в портрете Елизаветы работы Маркуса Гирердсастаршего, на котором королева изображена попирающей меч, с оливковой ветвью в руке, или в многочисленных перепевах темы о кормлении «голландской коровы».

Однако все эти сюжетные картины, требовавшие внимательного прочтения, были еще очень традиционными с точки зрения искусства пропаганды. Настоящие перемены начались в 80-х годах, когда у королевы появился новый художник. Его звали Николас Хиллиард. Сын ювелира и сам искусный ювелир, он происходил из семьи убежденных протестантов, эмигрировавших в Женеву при Марии Тюдор. В 1572 году он впервые удостоился чести писать миниатюрный портрет государыни. Граф Лейстер взялся покровительствовать молодому англичанину, которому трудно было еще соперничать с иностранными мастерами, работавшими при елизаветинском дворе, — Маркусом Гирердсом и Федерико Цуккаро, а также с авторитетным соотечественником Джорджем Гауэром. Побывав во Франции, Хиллиард заметно прибавил в мастерстве и вернулся в Англию сложившимся портретистом, хотя из-за интриг Гауэра ему предоставили право писать только миниатюрные портреты королевы. Тем не менее именно он, Хиллиард, стал тем художником, чьи образцы пришлись Елизавете по душе; она любила позировать ему на открытом воздухе, «в хорошо освещенных солнцем аллеях парка». Именно Хиллиард прославил Елизавету, создав ее канонический образ.

В портретах Хиллиарда не было места многословному аллегорическому рассказу, в них доминировало лицо королевы — с изящными чертами, прекрасными карими глазами и живописными золотисто-рыжими локонами. Все дополнительные смысловые акценты расставлялись очень точно и сводились к минимуму: это могли быть символические цвета или детали костюма — не более одного важного атрибута, несущего глубокий идейный смысл, — и монограмма (обычно увенчанные короной буквы ER — Elizabetha Regina) или красная роза. Это заставляло не только художника, но и саму королеву оттачивать язык иносказаний, достигать предельной выразительности в костюме, используя причудливые головные уборы, вышивки, медальоны и

прочие аксессуары. Так, лютня в ее руках отражала не столько талант Елизаветы как музыкантши, сколько идею мира и гармонии, которые она несла с собой. Или совсем необычная деталь — сито, в данном случае символизировавшее ее девственность (сито было атрибутом одной из весталок — служительниц богини Весты; чтобы доказать свою непорочность, она принесла в решете воды, не уронив при этом ни капли).

Творческий расцвет Хиллиарда совпал с пиком популярности Елизаветы и ростом куртуазного, рыцарского поклонения ей. Его мастерская бесперебойно производила реплики с любимых королевой образцов: и большие портреты, которые она дарила придворным в знак расположения, и чрезвычайно модные миниатюры в медальонах (Хиллиард выполнил такой портрет Елизаветы для графа Лейстера и портрет Лейстера для нее). Однако помимо этого уникального, «штучного» товара, имевшего конкретного адресата и, как правило, исполнявшегося в очень дорогом ювелирном оформлении, мастерская производила и массовую продукцию. Модные медальоны с изображением государыни за сравнительно небольшую плату охотно покупали чиновники, горожане, магистраты — все, кто хотел таким образом выказать свою преданность ей. Продававшиеся в лавках гравюры на меди или на дереве делались только с прошедших личную цензуру королевы образцов. Сравнительно дешевые, они пользовались большой популярностью.

Елизавету, как никого из прежних монархов, хорошо знали «в лицо». Ее портрет с хиллиардовского прототипа украшал и новое издание Библии, и «Книгу общих молитв». Это был новый устоявшийся образ. На иллюминированных грамотах она уже не выглядела робкой девочкой, придавленной мантией, — на троне восседала уверенная в себе женщина в роскошном одеянии, чуть манерно расставив локти и изящно придерживая скипетр и державу.

На десятках портретов, написанных Хиллиардом в 80-х годах, лицо Елизаветы почти не менялось, это была раз и навсегда выработанная им «маска». В костюмах доминировали черно-белые цвета, означавшие верность и чистоту, и несметное количество драгоценных украшений — жемчугов, рубинов, бриллиантов. Она была по-королевски величественна в своих тяжелых нарядах и в то же время стройна и грациозна. И всякий раз взгляд завороженного этим великолепием зрителя притягивала какая-то одна деталь — будь то заколка с пеликаном у нее в прическе (намек на самоотречение во имя нации) или медальон на груди с изображением другого излюбленного ее символа — птицы Феникс, вечно возрождающейся из пепла и неподвластной

времени. Выработанный Хиллиардом язык использовали и другие художники: Уильям Сегар, например, автор знаменитого портрета Елизаветы с горностаем, символом царственного достоинства и чистоты. Если перевести эти аллегории с живописного языка на политический язык эпохи, то аллюзии, которые намеревались вызвать елизаветинские живописцы у зрителя, — это величие, могущество, достоинство, самопожертвование, добродетель.

В 80-х годах и в живописи Елизавету все чаще стали наделять атрибутами божества. Поначалу это был лишь придворный маскарад, в котором она примеряла на себя одежды римских небожительниц. На портрете, написанном Хиллиардом в 1586–1587 годах, королева впервые предстала в облике Дианы или ее ипостаси — Цинтии, богини луны: с луком через плечо, небольшим полумесяцем в волосах и расходящимися от него стрелами-лучами. Этот мифологизированный образ так полюбился ей, что Хиллиард будет воспроизводить его снова и снова. Пройдет целое десятилетие, изменятся моды, стрелочки-лучи переместятся с прически на кружевной воротник, кокетливо указывая на ее лицо и декольте, а лунный серп в волосах по-прежнему останется одним из самых любимых ее атрибутов.

Однако если примерка античных одежд относилась, скорее, к сфере придворных развлечений и куртуазного культа, то дальнейшие поиски Хиллиарда преследовали более серьезные политические цели и служили формированию культа, имевшего более глубокую религиозную, протестантскую окраску. В 1586 году он закончил работу над новой государственной печатью. Королева Елизавета по-прежнему изображена на ней восседающей на троне с неизменными регалиями, гербами, розами и лилиями. Но что это? С небес, раздвигая облака, к ней спускаются руки Господа, поддерживающие ее горностаевую мантию. Мотив божественного покровительства ей стал особенно популярен после победы над Армадой. В мастерской Хиллиарда по этому случаю изготовили формы для отливки памятных медальонов, которые королева жаловала отличившимся в кампании 1588 года. В одном случае ее золотой лик изображен анфас, в другом — в профиль. Профильный портрет исполнен особого величия, и гордо вскинутая голова Елизаветы на нем озарена сиянием неземных лучей. На оборотной стороне медальона отчеканен Ноев ковчег, символизирующий протестантскую церковь Англии, устоявшую против потопа (сиречь вражеского нашествия), и надпись «Невредимая и спокойная среди волн».

В год Армады елизаветинским живописцам пришлось с головой окунуться в политическую борьбу. Джордж Гауэр после официально признанного успеха портрета Елизаветы на фоне

гибнущей Армады передал его безымянным мастерам для воспроизведения, и вскоре сразу несколько копий его работы украсили придворные резиденции. По горячим следам он и сам исполнил несколько портретов-близнецов королевы в костюме с «Портрета Армады», попросту разворачивая заготовку-образец для лица то левым, то правым профилем.

На фоне этой официозной индустрии неожиданно свежо и по-любительски наивно выглядит анонимная роспись на деревянной панели в одном из аббатств, посвященная приезду Елизаветы в Тилбери. Однако если художнику-дилетанту не хватало мастерства его собратьев придворных живописцев, то «идейного заряда» ему было не занимать. Елизавета на его картине едет вдоль излучины Темзы на белом коне в окружении джентльменов, на втором плане изображен форт, а на заднем — горящие испанские корабли, которых, разумеется, не могло быть видно из Тилбери. Над головой королевы парит ангел, венчающий ее лавровым венком. Другая часть росписи в той же примитивистской манере изображает коленопреклоненную Елизавету, молящуюся после победы. Ее поза неловка, молитвенно сложенные руки непропорционально велики, но эти недостатки вполне искупает добрая улыбка, которой наделил королеву живописец-протестант. «Благословен будь Господь», — говорит она.

С тех пор как на портрете Гауэра Елизавета впервые возложила руку на глобус, живописцы без устали разрабатывали тему ее триумфа и имперского могущества. Один из лучших образчиков этого рода — так называемый портрет «Дитчли», написанный, очевидно, Маркусом Гирердсом-младшим в начале 1590-х годов. Постаревшая, но величественная королева, одетая в элегантное белое платье, отделанное красными рубинами, с тюдоровской розой, приколотой к воротнику, стоит на карте Британии. Каблуки ее туфель вонзились в Оксфордшир (по странному совпадению именно там несколько лет спустя будет назревать крестьянский мятеж). Небосклон за ее спиной причудливым образом поделен: одна половина его затянута грозовыми тучами, но другая, куда королева простерла правую руку, уже прояснилась. Однако не только Англия ковром расстилается у ног великой королевы. Линия горизонта за ней резко искривлена, что создает живое впечатление, будто Елизавета стоит непосредственно на земной сфере. Размеры ее фигуры в сравнении с этим символическим глобусом колоссальны, и если королева сделает шаг, то она с легкостью перешагнет через Атлантику и окажется в Виргинии. Ощущение вселенских масштабов придает картине и небольшая деталь

наряда Елизаветы: украшенная рубинами подвеска на левом ухе, выполненная в виде астрономической модели земной сферы. Королева Англии предстает настоящей императрицей, повелительницей земель и вод. Как писал Джон Пил, возможно, имевший перед глазами этот портрет: «Елизавета, великая императрица мира, I / Владеющая всем атласом Британии, / Звезда английского глобуса, простирающая / Руку с могущественным скипетром / И царящая над Альбионом».

За два года до смерти Елизаветы другой художник, предположительно Роберт Пик, изобразил королеву следующей в триумфальной процессии в окружении кавалеров ордена Подвязки, джентльменов-пенсионеров и придворных дам. Она восседает на повозке-колеснице под балдахином, на ней роскошное платье в бело-красной гамме, которой она отдавала предпочтение в последние годы своей жизни. Вся сцена своей торжественностью вызывает ассоциации с триумфами римских императоров. Елизавета — повелительница, богиня. Такой, и только такой, должны были видеть ее подданные.

Последующие события, печальные и курьезные, показывают, с каким вниманием королева относилась к формированию своего имиджа. В 90-х годах выросло молодое поколение художников, лучшими из которых были Исаак Оливер и Маркус Гирердс-младший. Оливер учился у Хиллиарда и превзошел учителя. Его творчество представляло собой «новую волну» в английской живописи. Он был более реалистичен, чем Хиллиард, и в то же время несравнимо более лиричен, а его персонажи не столько помпезны и величественны, сколько сдержанно-серьезны и задумчивы. Он любил помещать их на фоне естественного пейзажа или в интерьере, в то время как Хиллиард по-прежнему использовал плоскостный, чисто декоративный фон. Оливер искусно владел полутонами, светотенью, тщательно прорабатывая лицо портретируемого. Королева не могла не оценить таланта молодого художника и в 1592 году пригласила его написать свой портрет. Последовало несколько попыток, следов которых практически не осталось. С точки зрения живописи результат был обнадеживающим, с точки зрения самой королевы, это была катастрофа. Ибо Оливер написал ее такой, какой воочию увидел пятидесятидевятилетнюю женщину: с ввалившимися щеками и уже по-старчески запавшим ртом, заострившимся и обвисшим носом и в рыжем парике — увы, она была вынуждена носить парик! Елизавета впервые увидела свое отражение в зеркале, которое не хотело льстить. Выдержать это оказалось ей не под силу. Она разбила зеркало: летом 1596 года по распоряжению Тайного совета все изображения королевы,

выполненные с образцов Оливера, в том числе гравюры У. Роджерса и К. ван де Пассе, были уничтожены. Свет еще не видывал такой расправы над портретами здравствующей государыни. Их разыскивали в лавках, изымали и сжигали, так как, выражаясь официальным языком, «они причиняли Ее Величеству великое оскорбление».

Новая эстетика была принесена в жертву грубой, но эффективной пропаганде. Елизавета вернулась к верному Хиллиарду. Как некий Дориан Грей, наоборот, она жаждала видеть себя на своих портретах вечно молодой. И Хиллиард писал ее, шестидесятилетнюю, белокожей и юной, с рассыпавшимися по плечам девическими кудрями и нежной улыбкой. Он одевал ее в самые причудливые одежды, то чествуя государыню как Звезду Британии, то как Королеву Красоты, то как саму богиню красоты и любви Венеру. Бесконечные Цинтии также продолжали появляться из-под его кисти. Один из его учеников написал королеву в платье, расшитом образцами флоры и фауны подвластных ей земель. Елизавета, украшенная всевозможными гадами и рыбами, выглядела довольно нелепо, но зато была величественна и статна. И несмотря на издержки живописи, ей удалось сделать так, что именно ее величие и стать запечатлелись в памяти потомков.

В последнее десятилетие ее жизни европейская мода была довольно рискованной: дамы носили такие глубокие декольте, что модницам из северной столицы это грозило пневмонией. Французский посол заметил как-то, что английская королева, наперекор годам, смело следует моде, едва прикрывая грудь. Пожалуй, экстравагантность ей даже шла, как были к лицу новые светлые тона ее костюмов, прозрачные кружевные воротники и нити нежного жемчуга на шее. Одежда — всегда знак, способ самовыражения, и Елизавета посылала знак всем: двору, поклонникам, поэтам и дипломатам; она не намерена уступать ничему — ни времени, ни старости, ни самой смерти.

Пожалуй, самый великолепный из ее портретов поздней поры, наилучшим образом выражающий ее «я», — так называемый «Портрет с радугой» (он приписывается Исааку Оливеру, но, возможно, принадлежит кисти Гирердса-младшего). Елизавета предстает спокойной, умиротворенной, чуть улыбающейся, облаченной в фантастический аллегорический костюм, каждая деталь которого несет в себе глубокий смысл. Ее корсаж заткан райскими цветами, к кружевному воротнику приколота миниатюрная рыцарская перчатка — символ преклонения и верности таинственного поклонника, причудливый головной убор венчает полумесяц, усеянный драгоценными камнями — лунный

знак. На левом рукаве извивается змея — аллегория мудрости. В зубах у нее рубиновое сердце, что означает: порывы этого сердца подчиняются мудрому разуму. Великолепная золотисто-оранжевая мантия королевы расшита глазами и ушами — она всевидяща, ей ведомо все. Изящная рука Елизаветы, запястье которой украшено жемчужными нитями, держит прозрачную радугу. Кто же она на этом портрете? Небольшая надпись в правом углу гласит: «Нет радуги без солнца». Она и есть само Солнце.

Дворец как сцена. Сцены во дворце

«Totus mundus agit comedionem» («Весь мир играет комедию») — было написано над входом в один из самых популярных елизаветинских театров. С не меньшим основанием этот девиз можно было начертать над парадным въездом в любой из королевских дворцов. И дело даже не в том, что пребывание при дворе заставляло людей постоянно носить личины и скрывать свои истинные помыслы, чтобы добиться успеха, а в самом укладе дворцовой жизни, которая в каждом своем проявлении была публичной. Никто, находясь при дворе, не оставался наедине с собой, но всегда — на глазах у десятков людей, в перекрестье чужих пристальных взглядов, от которых невозможно было укрыться даже в личных покоях и в самые интимные моменты. И чем выше был статус придворного, тем меньше оставалось у него шансов на подлинно частную жизнь. Королева же невольно попадала в положение примадонны, каждый шаг и жест которой привлекали повышенное внимание.

Дворец как среда обитания был далеко не самым комфортабельным местом, особенно для женщины, провозгласившей себя королевой-девственницей. Ибо абсолютное большинство населявших его людей были представителями противоположного пола: охрана — йомены, составлявшие внешнюю стражу дворца, и отряд телохранителей королевы, церемониальный караул — джентльмены-пенсионеры, отборные красавцы и искусные воины; слуги — повара, доктора, конюхи и т. д. (всего около полутора тысяч человек), женщин среди них можно было отыскать лишь на кухне или в прачечной; все должностные лица и чиновники двора. Наконец, сами придворные — несколько десятков избранных, которым были отведены покои прямо во дворце; среди них лишь горстка фрейлин и личная прислуга составляли женское окружение королевы, ибо для остальных дам ее круга — жен и родственниц

министров, членов Тайного совета и других приближенных, не отводилось места для постоянной жизни при их мужьях. Это был мужской мир, скроенный прежними королями по их меркам, для их удобства — для государственных дел, спорта, пиров и холостяцких развлечений. Женщина с естественной для нее потребностью в большем уединении и частном времяпрепровождении с трудом могла найти для этого «экологическую нишу» в любой из королевских резиденций. Их было очень много у Елизаветы, но излюбленными и наиболее часто посещаемыми оставались: Уайтхолл — в самом центре Лондона; Ричмонд — в некотором отдалении от шумного Сити, раскинувшийся среди прекрасных парков; гринвичский дворец Плаценция — место, где она родилась, прекрасная летняя резиденция на берегу Темзы; строгий и величественный Хэмптон-Корт; роскошный Виндзор и несравненный Нансач, оправдывавший свое название — «нет другого такого». Они могли отличаться архитектурой, убранством, но концепция их планировки оставалась неизменной: дворец был открыт для внешнего мира и создан, чтобы ежедневно втягивать в себя сотни людей, прибывавших по делам к высшим должностным лицам и на аудиенции к самой королеве; он принимал и извергал сотни слуг, курьеров, лакеев, тех, кто жил в дворцовых покоях, спешивших по своим делам или чужим поручениям. Он был центром государственной и политической жизни, но одновременно представлял собой нечто вроде оправы, раковины, предназначенной являть публике драгоценную жемчужину, живущую в самом его сердце, — королеву.

Природа политической власти той поры при отсутствии достаточно развитых средств массовой информации и коммуникации и не слишком развитой бюрократической системе предполагала постоянный непосредственный контакт высших государственных чинов и самой «леди-суверена» с огромной массой людей, гораздо большей, чем приходится на долю современного политика. Все они, великие и малые, сравнительно легко попадали во внешние, так называемые присутственные покои. Поскольку в таких условиях было непросто обеспечить безопасность королевы, эти залы обычно были наводнены охранниками — вооруженными алебардщиками-йоменами и джентльменами-пенсионерами. Их свободные от караула товарищи располагались неподалеку, развлекаясь игрой в карты или кости, за вином или трапезой, превращая соседние помещения в подобие казармы и оружейного склада одновременно. Когда дворец погружался в сон, все телохранители спали прямо в присутственной зале и их скованные дремотой

тела служили барьером против злоумышленников.

Каждый день в назначенное время королева и члены Тайного совета выходили в присутственную залу, где собирались весь двор, иностранные послы и все те, кому было дозволено прийти. Елизавета милостиво приветствовала собравшихся, могла заговорить с одним-двумя присутствующими, решить на ходу несколько дел, принять петиции от просителей. В эти короткие минуты контакта с подданными вершились чьи-то судьбы: кого-то королева привечала, и это обещало успех, продвижение, разрешение в его пользу тяжбы, к кому-то оставалась холодна — и это могло быть чревато опалой и безвестностью. У Елизаветы был острый глаз, и она любила извлекать из толпы новых, незнакомых людей, расспрашивая, с чем они пришли к их государыне.

Сразу за присутственной залой располагалась так называемая частная палата, не оправдывавшая, впрочем, этого названия, так как доступ туда был открыт многим придворным. Обыкновенно там проходила королевская трапеза, во время которой дамы услаждали слух королевы игрой на музыкальных инструментах и новомодными песнями или развлекали ее приличествующими обеду танцами. Дюжина фрейлин постоянно несла свой нелегкий караул, дежуря посменно по шесть человек. Они неизменно присутствовали при беседах Елизаветы с придворными (то, что в ту пору сходило за tete-a-tete, на самом деле было tete-a-sept), при ее отходе ко сну, пробуждении, утреннем туалете, принятии ванны, на прогулках следовали в нескольких метрах позади нее (при этом считалось, что королева гуляет одна). Если ей действительно было необходимо остаться одной, следовало по меньшей мере избавиться от присутствия фрейлин, что немедленно давало им повод для сплетен. Они знали все, даже то, чего не видели, и чем меньше им удавалось увидеть, тем больше они строили домыслов и распускали слухов. Уолтер Рэли однажды назвал фрейлин королевы ведьмами: они могут причинить зло, но не в состоянии принести добра.

Помимо утонченных «ведьмочек» доступ в «частную палату» имели члены Тайного совета и придворные высокого ранга. Остальным преграждали дорогу джентльмены-пенсионеры. Однако палата, как всякое социально престижное место, притягивала тех, кому путь туда был закрыт. Тогда возникал столь ожидаемый фрейлинами скандал. В самом начале царствования Елизаветы ее расположение ненадолго завоевал дипломат и умный царедворец Уильям Пэкиштон. Елизавете нравился его юмор, она и сама любила подтрунивать над ним, называя сэра Уильяма «здоровяк Пэкингтон». Двор стал

немедленно подсчитывать его шансы на успех, а сам он принял гордонеприступный вид и, чтобы подчеркнуть свою исключительность, стал обедать не вместе с остальными в банкетном зале, а в одиночестве, под звуки музыки. Одно это было способно вывести из себя многих. Когда же он однажды попытался запросто войти в личные покои королевы, ему преградил дорогу лорд-стюард Арундел, который не отказал себе в удовольствии напомнить задавале, что тем, кто не имеет ранга выше рыцаря, положено находиться в зале для аудиенций, а не во внутренних покоях. Блюститель этикета никак не рассчитывал услышать в ответ, что Пэкингтон «знает правила так же хорошо, как и то, что Арундел — наглый, неотесанный подлец». Пока лорд-стюард приходил в себя от возмущения, нарушитель с достоинством проследовал к королеве. Сходный скандал произошел с Лейстером, когда его посыльного с запиской караульный не пропускал во внутренние покои. Граф был страшно оскорблен тем, что кто-то посмел преградить путь человеку из его, Лейстера, свиты, и обещал стереть часового в порошок. Но тот оказался не робкого десятка и опередил фаворита, бросившись к ногам Елизаветы с криками о том, что он лишь выполняет свой долг, защищая ее величество, согласно приказу. Ей пришлось встать на его сторону, а потом долго утешать обиженного Лейстера.

Как типично было это стремление попасть туда, где обитают сильные мира, для особей странной популяции, населявшей дворец, — придворных. Оно привносило в жизнь двора дух постоянного соперничества за самое теплое место под солнцем, которым была она, королева. Недостижимым для большинства горизонтом, за которым усталое светило могло укрыться на время от глаз подданных, были личные покои королевы — ее кабинет, библиотека, спальня с вызолоченным потолком и задрапированная шелками и парчой ванная комната. Но даже во внутренних покоях королева оставалась окруженной камеристками и служанками. С годами Елизавета все чаще засиживалась здесь до утра, играя с кем-нибудь из фрейлин или особо приглашенных друзей в карты или в шахматы.

Королева любила окружать себя прекрасными книгами в красных бархатных переплетах с тисненым болейновским соколом на корешках, причудливой изящной утварью, большая часть которой была новогодними дарами ее придворных, и музыкальными инструментами, на многих из которых она превосходно играла. По меркам XVI века Елизавета была чрезвычайно чистоплотна и повсюду возила за собой походную позолоченную ванну — настоящий шедевр ювелирного искусства.

Она славилась тонким обонянием и не терпела дурных запахов, что благотворно влияло на гигиенические стандарты ее двора.

Практически в любой момент своей жизни Елизавета помнила о том, что должна что-то играть, изображая милостивую госпожу, непорочную девственницу и т. п. За исключением неизбежных срывов, вызывавшихся в молодые годы влюбленностью, а позднее периодическими вспышками ревности или старческим раздражением, когда она раздавала фрейлинам затрещины, Елизавета неизменно заботилась о своей репутации, сколь бы привычной и немногочисленной ни была публика. Однажды она сказала депутатам парламента: «Мы, государи, находимся, как на сцене, — на глазах и на виду у всего мира, открытые его наблюдениям». Никто не знал лучше нее, что значит провести на подмостках сорок пять лет, не имея возможности ни на мгновение скрыться за кулисы.

Единственной поблажкой, которую она позволяла себе, был частный характер ее трапез. В отличие от своего отца она не любила есть на людях и подолгу предаваться застолью в Большом зале, где за огромным столом обедали придворные. Однако даже если Елизавета ела у себя в «частной палате», она незримо присутствовала и на общей трапезе, почти как Господь, чье имя полагалось упоминать в молитве перед едой. В Большом зале для королевы ежедневно сервировали стол, оказывая пустому столу всевозможные знаки почтения, как если бы королева действительно сидела за ним. Сначала два джентльмена торжественно вносили скатерть и, трижды преклонив колени, стелили ее, затем с теми же реверансами вносили прибор, соль и хлеб, после чего наступал черед придворных дам, которые клали хлеб на тарелку королевы. Затем в зал входили слуги с золотыми блюдами со всевозможными яствами, и каждый из них должен был принять из тонких пальчиков фрейлины и съесть по кусочку того блюда, которое принес (предосторожность против отравления). После того как в течение получасовой церемонии под несмолкающие звуки труб и барабанов королевский стол наконец был накрыт, блюда одно за другим уносили туда, где Елизавета намеревалась обедать в действительности. Ее вкусы в еде были просты: мясо с горчицей и вареные устрицы. Кроме того, в отличие от своих придворных, поглощавших массу продуктов и в Уайтхолле, и во время поездок по стране (приводя в ужас гостеприимных хозяев), королева была очень умеренна в еде, оставшись до конца жизни легкой и подвижной.

Окрестности дворца, служившие для отдыха, также предназначались в основном для излюбленных развлечений сильного пола: теннисные и бадминтонные корты, построенные

стараниями Генриха VIII, площадки для игры в шары, ристалище, где по праздникам проводились рыцарские турниры, а в иные дни вместо рыцарей там вступали в схватки медведи и собаки мастифы; как большинство современников, Елизавета находила удовольствие в этой кровавой забаве. Когда же она бывала в благочестивом настроении, к услугам королевы были часовня для молитв, парк с пристанью у самого дворца, где всегда стояла королевская баржа для катания по Темзе. Уайтхолл, хотя и расположенный в центре столицы, давал прекрасную возможность прогуляться верхом по паркам, покрывавшим значительную часть того района Лондона, который сейчас называется Вестминстером. Однако когда Елизавета хотела по-настоящему насладиться верховой ездой, она отправлялась в Нансач поохотиться на оленей или на дичь с соколами.

Придворные, составлявшие постоянное окружение королевы, были столь же необычными представителями человечества, сколь искусственной была среда их обитания. Уже во времена отца Елизаветы двор сделался для английских дворян весьма притягательным местом. Оставляя поместья, не приносившие больших доходов, они слетались в Лондон в надежде получить прибыльную должность, выгодное назначение на военную или дипломатическую службу, милости в виде титулов, пенсий и подарков. Но это удавалось, быть может, десятой части жаждущих, остальные же пристраивались в хвост за фаворитами, рассчитывая уже на щедроты из рук последних. Этот тесный мир был пронизан взаимными связями: горизонтальными — между родственниками, которые поддерживали друг друга на пути к успеху, и вертикальными — между высокопоставленными патронами, фаворитами и их клиентами — рыцарями, джентльменами, молодыми провинциалами, мечтавшими получить при них должность. И те и другие связи неизбежно порождали фракции и острую борьбу за влияние на монарха, за посты в государственном управлении и, что немаловажно, в управлении самим двором, ибо этот сложный мир имел свою разветвленную административную систему. Постоянное соперничество постепенно вывело новый биологический тип — «человека придворного» со всеми его достоинствами и недостатками.

К числу несомненных достоинств елизаветинских придворных относились достаточно высокие стандарты их образования и воспитания, сложившиеся к середине XVI века. Если среди министров ее отца еще были люди, не способные написать собственное имя, то при Елизавете придворный был немыслим без образования, полученного в университете или в

юридической школе, что гарантировало его знакомство с античной и современной литературой, языками, историей и философией. Помимо этого следовало обладать такими совершенствами, как умение играть на музыкальных инструментах, грациозно танцевать, галантно ухаживать за дамами, слагать стихи и быть занимательным собеседником. В число издержек входили неискренность, угодничество, льстивость и прочие подобные качества, обеспечивавшие успех и карьеру. Один из современников сказал как-то о придворном: «Он никогда не говорит, что думает, и не думает, как говорит, и во всех важных вопросах его слова и их смысл очень редко совпадают». Когда некоего молодого человека елизаветинской поры спросили, почему он не при дворе, он ответил с презрением: «Быть придворным? Я не имею ничего общего с этими пресмыкающимися!» Не все придворные, безусловно, были рептилиями, среди них попадались и чрезвычайно независимые особи, наделенные завидной витальностью, умом и осмотрительностью, такие как Лейстер, Рэли или молодой граф Эссекс. Им было предназначено становиться лидерами в любых обстоятельствах, и не случайно Елизавета отличала их. К чести королевы, надо заметить, что при ее дворе высоко поднимались и пользовались ее милостями только те, кто обладал реальными достоинствами, что бы о них ни говорили их соперники.

Монарх занимал в этом вечно враждующем мире уникальную позицию распределителя благ и милостей. Он держал в своих руках рог изобилия и благодаря одному этому уже мог рассчитывать на бесконечные изъявления любви и преданности от своих придворных. Елизавета как царствующая королева сумела даже усилить эту позицию, ибо она была женщина, не только «леди-суверен», но и Прекрасная Дама, дева, вечный символ чистоты, что позволяло облечь поклонение ей в совершенно иные, более эстетизированные и лестные формы. Уникальность ее двора состояла в том, что там были воскрешены во всем блеске куртуазные обычаи средневекового рыцарского культа, которые благополучно уживались с ее весьма современными методами политического управления. Все с увлечением окунулись в галантную игру рыцарского служения государыне, достигшую апогея, когда королева пребывала в зените славы и довольно преклонных годах. Игра эта развивалась по собственным законам, и чем старше становилась Елизавета, тем более пылкие слова для выражения своей любви находили ее рыцари, чем больше морщин появлялось на ее лице, тем белее оно становилось в сонетах, прославлявших ее. Обе стороны находили удовольствие в этой изысканной игре. Елизавета жаждала всеобщего поклонения и

никогда не уставала слушать комплименты своим глазам («они как звезды»), алебастровой коже, точеным рукам («ах, они словно из слоновой кости»), своим грации, уму и неисчислимым талантам. Многие из ее поклонников искренне увлекались ролью воздыхателей, им нравилось быть влюбленными в королеву, писать томные сонеты и рискованные любовные послания. Она же, поощряя всех, отличала среди них немногих, но почти никогда одного. Очень рано Елизавета пришла к убеждению, что придворные куртуазные игры — та же политика, где можно поощрять и сталкивать противников, добиваясь, чтобы они служили ей с еще большим рвением и самоотречением. Впрочем, сталкиваться они были готовы и сами, ей оставалось лишь вовремя утихомирить своих поклонников, возвысить обиженного, унизить возвысившегося, чтобы ни один не терял надежды.

Так средством против слишком настойчивого Лейстера, стремившегося монополизировать ее внимание, стал в середине 60-х годов Томас Хинедж — один из джентльменов, охранявших личные покои королевы, выдвинувшийся затем в казначеи и вице-гофмейстеры. В пику Лейстеру Елизавета открыто выказывала свои симпатии к нему. Впрочем, их флирт был абсолютно невинен: в отличие от сэра Роберта Хинедж был счастливо женат и не питал амбициозных планов в отношении королевы. Ему удалось даже сохранить дружбу с графом — еще одно доказательство, что тот не верил в подлинность перемены чувств Елизаветы и видел в ее заигрываниях с Хинеджем попытку поставить его, Лейстера, на место. Как только их отношения с королевой наладились, соперник был вынужден покинуть Виндзор. Сэр Томас не оставил заметного следа в анналах придворной жизни, кроме разве что так называемого медальона Хинеджа, подаренного ему королевой. На крышке медальона красовалась красная тюдоровская роза, а внутри находился обрамленный золотом, рубинами и бриллиантами портрет королевы — настоящий шедевр кисти Хиллиарда.

Приблизительно в то же время взгляд королевы упал на молодого красивого юриста Кристофера Хэттона, который великолепно танцевал во время праздничного театрального представления в корпорации юристов Грейз-Инн. Вскоре приятный молодой человек занял странное для правоведа место в числе джентльменов-пенсионеров личной охраны королевы. Однако в этом возвышении не было ничего, отдающего скандалом (сам Лейстер активно покровительствовал Хэттону в первые годы его карьеры при дворе). Многие из веселившихся и танцевавших в тот вечер получили хорошие должности, а затем поднялись к высотам власти: Ф. Онслоу стал спикером палаты общин, Р.

Мэнвуд — главным бароном казначейства, сам Хэттон в 1572 году был произведен в капитаны джентльменов-пенсионеров, а впоследствии стал членом Тайного совета. И если сэр Кристофер, как про него говорили, «протанцевал» дорогу к королевскому фавору, то он был обязан этим не прекрасным ногам, а голове, так как выбрал достойное место для танцев — Грейз-Инн, веками поставлявший лучшие юридические умы Англии.

Хэттон был самым верным из поклонников королевы, писавшим ей нежные письма, полные вздохов и томления. Он единственный остался вечным холостяком и не причинил Елизавете той боли, которую она неизбежно испытывала, когда ее фавориты втайне женились, безжалостно показывая стареющей женщине, что галантное поклонение ей — не более чем прелестная игра. Сэр Кристофер не требовал ни ее руки, ни короны, ему было достаточно ее «любви», платонической, согревающей, как солнечные лучи. За свою деликатность он получал от нее самые нежные прозвища: Прекрасная Погода, Овечка, Барашек. Когда у Хэттона разболелась печень, Елизавета, всегда внимательная к друзьям, готовая навещать их и часами сидеть у постели страдальцев, настояла на его отъезде на воды в Нидерланды. Оттуда он писал ей страстные и жалобные письма, не в силах выносить разлуку: «Я смою ошибки в этих письмах слезами из-под век и так запечатаю их. Если бы Господь позволил мне оказаться подле Вас хотя бы на час… Не оставляйте меня, моя самая дорогая, милая госпожа. Страсть обуревает меня. Я не могу более писать. Любите меня, ибо я люблю Вас».

Хэттон навсегда остался ее преданным другом и мудрым советником в отличие от многих молодых красавцев, не обладавших его умом и тактом. Одним из них был ирландец граф Ормонд по прозвищу Черный Том. Ровесник Лейстера, он доставил последнему немало неприятных минут, так как совершенно поглотил внимание королевы, на время появившись в Лондоне. Белый Медведь бесился и ревновал, пока ирландец не вернулся на родину к своему привычному занятию — войне с враждебными кланами Десмондов и О'Нейлов.

В 1571 году еще один прекрасный танцор покорил ненадолго воображение королевы. Впрочем, он был столь же прекрасным поэтом, придворным и турнирным бойцом. Именно во время рыцарского турнира она обратила внимание на стройного юношу с карими глазами — воспитанника лорда Берли и в скором времени мужа его дочери — Эдуарда, графа Оксфорда. В отличие от Лейстера он был подлинным аристократом, а не креатурой Елизаветы, а она всегда ценила голубую кровь. Заметив ее расположение к юноше, противники Лейстера решили, что нашли

ему достойного соперника; корона подошла бы к благородному профилю графа Оксфорда. Это, однако, не входило ни в планы Елизаветы, ни в его собственные. Молодой человек обладал неуступчивым характером и получил от нее прозвище Кабан, контрастировавшее с его внешностью, но отражавшее его натуру. В 1578 году, когда в Англии с размахом принимали французское посольство, ходатайствовавшее о браке с Алансоном, во время приема Елизавета попросила Оксфорда станцевать перед гостями. Он наотрез отказался, выразив надежду, что «ее величество не заставит его развлекать французов», и, несмотря на повторную просьбу, остался непреклонен.

Вообще танцы имели над Елизаветой какую-то магическую власть, и многие ее поклонники это знали. Лейстер стремился всегда и во всех отношениях оставаться ее единственным партнером. Сильному и атлетически сложенному, ему хорошо удавалась вольта — бурная пляска, в которой кавалер, кружа даму, высоко поднимает, почти подбрасывает ее. Среди несколько наивных и неказистых творений елизаветинских живописцев средней руки существует картина, изображающая, как полагают, Елизавету, танцующую с графом Лейстером. Богато одетая рыжеволосая леди в ярком платье и фривольных красных чулках действительно похожа на королеву. Кто бы ни был ее партнер, он лучше удался художнику и выглядит гораздо живее, придавая всей сцене ощущение бурного и радостного движения. В отличие от Лейстера Хэттону были ближе грациозные и плавные танцы. Однажды, когда королева явно наслаждалась его искусством, граф решил перебить впечатление и пообещал своей госпоже, что представит ей удивительного мастера — учителя танцев, чьи элегантные позы и умелые шаги затмят в ее глазах Хэттона. Елизавета не дала в обиду своего любимца, ответив: «Фи, я не хочу видеть вашего человека, ведь это всего лишь его ремесло».

Если в 70-х годах, несмотря на все перемены в ее настроениях, расположением Елизаветы преимущественно пользовался Лейстер, который вынужденно, но терпеливо делил его с Хэттоном и, негодуя, с Алансоном, то 80-е прошли под знаком нового увлечения королевы. Это был настоящий противник, достойный Лейстера. Звали его Уолтер Рэли.

Этот удивительный человек стал для Елизаветы истинным подарком судьбы, скрасив нервные дни ее неотвратимого старения светом утонченного и изысканного ухаживания. Он, как и Дрейк, был девонширцем, провел юность у моря и навсегда заболел им. Утвердившись при дворе, он так и не превратился в придворную рептилию, обитателя микромира дворца; большой, безграничный мир, неоткрытые земли и неизведанные пути

властно манили его. Рэли появился в столице как «человек ниоткуда» — невысокого происхождения, без влиятельных покровителей, но очень скоро королева заметила его. Ее внимание могло привлечь то, что он был родственником ее любимой наставницы Кэт Эшли. Однако, согласно преданию, Рэли покорил Елизавету эффектным жестом: когда она следовала по улице и остановилась в нерешительности перед грязной лужей, он мгновенно скинул с плеч новый плащ, на который истратил половину имевшихся у него денег, и бросил под ноги государыне. Возможно, это всего лишь легенда, но она слишком красива, чтобы отказываться от нее. И сам жест, и решимость, с которой он был сделан, так похожи на истинного Рэли! Молодой придворный начинал как один из личных охранников королевы, позднее став их капитаном. Узнавая его лучше, Елизавета с изумлением обнаруживала в нем все новые и новые достоинства.

Сэр Уолтер непостижимым образом сочетал в себе несовместимые противоположности. В необыкновенно утонченном голубоглазом красавце, каким он предстает на миниатюрном портрете работы Николаса Хиллиарда, в кружевном воротнике и маленькой «итальянской» шапочке, делающей его похожим на Ромео, трудно угадать властного и энергичного капитана. Интеллект же морского волка, острота и философская глубина суждений вскоре сделали его незаменимым собеседником для Елизаветы. К счастью для Рэли, у нее было достаточно времени беседовать с ним, пока Медведь и Лягушонок преследовали Фортуну в Нидерландах. Хэттону же оставалось лишь вздыхать, видя, как новичок превращается для королевы в настоящего оракула.

Рэли был баловнем муз, в особенности к нему благоволили Эрато и Клио. Его прекрасные сонеты вошли в сокровищницу английской поэзии наравне со стихами Сидни, Спенсера и Шекспира. Но, упражняясь в сочинении пасторалей, он был скептиком, порой — желчным сатириком, порой — рефлексирующим пессимистом. Помимо стихов Рэли оставил миру философские письма, эссе и незавершенную «Всемирную историю». Его глубокий ум волновали загадка души и непостижимость Творца, но, подвергнув их анализу, он разуверился и в том, и в другом. Вокруг него объединился кружок таких же, как он, вольнодумцев, среди которых был блестящий Кристофер Марло и таинственный доктор Ди — философ, врач, алхимик и астроном. За глаза их в ужасе называли колдунами и атеистами. Рэли был настолько ярок, необычен и не похож на других, что не мог не завладеть вниманием своей коронованной госпожи.

Он быстро вступил в куртуазную игру поклонения Елизавете, но в отличие от многих менее талантливых участников не остался простым получателем ее милостей, подарков и должностей, а превратился в активного творца мифа о королеве — Прекрасной Даме, посвятив этому свои таланты, фантазию и вкус. Никто прежде не мог польстить ей с таким изяществом, воспев «эти очи, что приковывают каждое сердце, / Эти руки, что притягивают зеницы всех очей…». Он уподоблял Елизавету то желанному берегу, у которого потерпели крушение многие государи, отвергнутые ею, но он, влюбленный, стремится к гибельному порту с жаждой сладкой смерти от любви, то божественной охотнице Диане: «Время не властно над ней: она правит его колесницей. / Ее держава выше бренного мира, / Ее достоинства заставляют звезды спуститься ниже…»

В хороводе поклонников Елизаветы Рэли избрал для себя роль молчаливого воздыхателя, таящего свою любовь и не помышляющего об ответном расположении, но тем не менее время от времени «проговаривающегося» о своей страсти в сонетах, адресованных «императрице его сердца». Его сдержанность, маскирующая истинную страсть, уверял он, «происходит не из-за недостатка любви, а из-за избытка почтения».

Верная привычке раздавать своим близким прозвища, Елизавета окрестила Рэли Океаном, Океанским Пастухом. Он же немедленно возвел ее в богини океана, назвав Цинтией — богиней луны, повелевающей приливами и отливами. Изъявление любви Океана к Цинтии заняло у Рэли 138 песен длиннейшей поэмы с одноименным названием. То был его подарок королеве, в которой поэт видел воплощение всех римских богинь одновременно — Цинтии, Фебы, Флоры, Дианы и Авроры. С точки зрения строгого вкуса это было чуть-чуть слишком. Но женское тщеславие заставляло Елизавету предпочесть пышные комплименты безупречности стиля.

Неудивительно, что Рэли совершил стремительный подъем при дворе. Уже спустя два года после его появления в Лондоне его состояние увеличилось в несколько раз. Путешественник из Померании Л. фон Ведель, присутствовавший на обеде и балу в Гринвиче, заметил некоторую фамильярность, с которой Елизавета обращалась к своему новому любимцу, и не преминул передать дворцовые сплетни: «Она обратилась к капитану по имени Рэли, указав пальцем на пятнышко у него на лице, и уже собиралась вытереть его собственным платком, но он вытер его сам прежде того. Говорят, что теперь она любит этого джентльмена больше всех, возможно, это правда, так как два года

назад он едва мог содержать одного слугу, теперь же благодаря ее щедрости он может держать пять сотен». Золотой дождь, пролившийся на Рэли, позволил ему одеваться роскошно, как никому; говорили, что одни его туфли, усыпанные бриллиантами, стоили 6 тысяч фунтов стерлингов (средний годовой доход рыцаря в ту пору составлял около 500 фунтов стерлингов). В эти годы сама Елизавета и за нею весь двор воспылали неуемной страстью к дорогим и экстравагантным костюмам, на которые уходили целые состояния. Гардероб Елизаветы насчитывал тысячи платьев, расшитых жемчугами, рубинами и бриллиантами. И если Елизавета была новой Клеопатрой, как ее называли иезуиты, Антонием, молодым и прекрасным, был несомненно Рэли. А что же стареющий Цезарь? Лейстер, разумеется, недолюбливал сэра Уолтера, похитившего у него на время титул «первейшего королевского удовольствия», которым награждала фаворитов молва. Рэли платил ему тем же и после смерти графа написал на него ядовитую сатиру-эпитафию:

Здесь погребен воитель,
Что меч не обнажал;
Здесь погребен придворный,
Что слова не держал;
Здесь погребен граф Лейстер
В правленье был он плох,
Его боялись люди И ненавидел Бог[9].

Но с уходом Лейстера Рэли наследовал ему и как самому ненавидимому человеку в королевстве. Зависть оставалась слепой к его достоинствам, но чувствительной к новым и новым милостям королевы: она даровала ему доходную должность попечителя оловянных рудников в Девоне и Корнуолле, сделала лордом-лейтенантом Корнуолла и вице-адмиралом флота, подарила великолепное поместье — манор Шерборн, и позволила пользоваться прекрасным дворцом Дарэм-хаус в Лондоне — ее собственной резиденцией в былые годы. Слава Рэли как дуэлянта заставляла многих недоброжелателей прикусывать языки, но он знал, что нелюбим, и был готов дать суровую отповедь любому: «Я отвечу словами тем, кто хулит меня в лицо, а мой хвост достаточно силен, чтобы справиться с теми, кто злословит у меня за спиной».

Молодой придворный и талантливый поэт, крестник королевы Дж. Харрингтон написал на Рэли сатиру, где вывел его Паулусом, гордым и тщеславным со всемирно услужливым и пресмыкающимся перед государыней. «Он называет себя ее

вассалом, ее созданием, но, именуя себя ее рабом, он превращается в нашего господина. Он получает все, что захочет, бесконтрольно, благодаря тому, что поет одну и ту же старую песенку — ре, ми, фа, соль». Молодой человек был не совсем прав: песенка Рэли вовсе не была такой однообразной. Непредсказуемый и переменчивый, как океан, он постоянно удивлял королеву новыми идеями и необычным, льстившим ей ухаживанием. Разве кто-нибудь другой из ее поклонников дарил ей вновь открытые земли и называл ее именем далекие колонии. Это благодаря ему, Уолтеру Рэли, и его брату, Хэмфри Гилберту, картографы вписали ее имя — Виргиния — в карты мира. Кто еще мог привезти ко двору экзотических индейцев и развлекать королеву и придворных рассказами о путешествиях в джунглях среди дикарей? С кем еще Елизавета могла почувствовать себя любопытной девочкой и рискнуть затянуться американским табаком? Рэли заставил ее сделать это, появившись при дворе, попыхивая трубкой и пуская кольца дыма. Закурив, к ужасу фрейлин, лепетавших, что неведомое зелье может убить ее, она предложила отведать табака и им. Через несколько лет уже весь английский двор усиленно дымил трубками, поражая иностранцев.

И все же, несмотря на явное первенство Рэли при дворе в 80-е годы, каким заблуждением было бы считать, что королева позволит ему стать монополистом ее щедрот. Она никогда не изменяла себе (мало кто до такой степени мог соответствовать ее девизу «Всегда та же») и не давала угаснуть надеждам других фаворитов — старых и новых, чтобы создать противовес Рэли, вернее, целую систему противовесов. Ложь нисколько ее не смущала. В 1585 году, когда двор путешествовал по стране и остановился на время в Кронодоне у архиепископа Кентерберийского, Кристофер Хэттон почувствовал себя уязвленным из-за того, что Рэли отвели покои, на которые претендовал он сам. Хэттон выразил обиду молча и скорбно: послал королеве «узел верной любви» — причудливое символическое хитросплетение из золотых и серебряных шнуров. Королева поспешила заверить его через посыльного: «Она скорее согласилась бы увидеть его (Рэли) повешенным, чем сравнявшимся с Хэттоном». Можно побиться об заклад, что Рэли она говорила то же самое.

Лейстера тоже нельзя было сбрасывать со счетов, и, пока он был жив, они с Рэли усиленно поддерживали видимость хороших отношений, часто вместе объединяясь против общего политического противника — лорда Берли. Старый сэр Уильям по-прежнему был правой рукой королевы во всем, что касалось

государственных дел, и поскольку фавориты знали, что их королева не принадлежит к числу женщин, чье внимание можно долго удерживать одними сонетами и лестью, им приходилось постоянно доказывать свою компетентность в политике и государственном управлении: они заседали в Совете, воевали за нее на суше и на море, и тень соперника за спиной порождала невиданное рвение. Фавориты-противники были накрепко скованы одной цепью. Когда Лейстер отправился командовать английской армией в Нидерланды, он не захотел оставлять Рэли за спиной, тот, в свою очередь, стремился за графом, ревнуя к его будущей военной славе. Но королева не отпустила сэра Уолтера от себя: она не могла лишиться сразу двух любимцев. Казалось, для Рэли настал миг торжества, когда разгорелся скандал из-за принятия Лейстером титула верховного правителя Нидерландов. Однако гнев Елизаветы скоро утих, и Рэли не без внутреннего сожаления поспешил заверить Лейстера, что всегда был его преданным другом и адвокатом перед королевой. Он писал: «Королева очень хорошо расположена к Вам и, слава Богу, успокоилась, и Вы снова ее “милый Робин”».

Гнев Елизаветы на Лейстера в 1585 году не в последнюю очередь был вызван поведением его жены, Летиции Ноллис, которая вознамерилась присоединиться к мужу и отправиться в Нидерланды в сопровождении роскошного поезда карет, с таким штатом прислуги и придворных дам, как будто она уже стала губернаторшей Нидерландов. Елизавете немедленно донесли, что ее кортеж выглядит едва ли не роскошнее королевского. Результат было нетрудно предугадать: Летиция Ноллис никогда не увидела голландского берега.

С возрастом королева все нетерпимее относилась к чужим бракам, проявляя все симптомы зависти старой девы. Фрейлины трепетали при одной только мысли, что им надо поставить Елизавету в известность о своих планах вступить в брак с кем-то из придворных: в ответ они рисковали услышать массу колкостей и даже получить затрещину. Но когда браки заключались тайно, это грозило настоящей бурей, опалой и тюрьмой. Зная об этом и о том, как тайная женитьба повредила Лейстеру, Рэли тем не менее не удержался от повторения его ошибки.

Его внимание привлекла одна из придворных дам, Элизабет Трогмортон, и Рэли прославил ее в сонетах как Сирену, «чьи руки как будто выбелены Природой в молоке, а сама она создана из снега и шелка». Возможно, ревнивая Елизавета заметила его расположение к молодой женщине, так как между ней и фаворитом произошла сцена. Однако Рэли удалось убедить стареющую Цинтию, что только ее очарование по-прежнему

властно над ним. Незадолго до этого, чтобы доставить королеве удовольствие, он привел ко двору поэта Эдмунда Спенсера, уже известного своими пасторалями. Тот начал работу над большой поэмой «Королева фей», прославлявшей Елизавету в образе Бельфебы, прототипом же ее верного воздыхателя Тимиаса послужил сэр Уолтер. У Спенсера есть намек на их ссору из-за досадного недоразумения. Некую юную даму Аморет (Элизабет Трогмортон?) похитило Вожделение. Тимиас и Бельфеба бросились в погоню. Вожделение, сражаясь с Тимиасом, заслонялось телом Аморет, и герой случайно ранил ее мечом. Пока враг спасался от преследования Бельфебы, Тимиас приводил в чувства раненую Аморет. Возвратившаяся Бельфеба, застав эту нежную сцену, обвинила его в неверности и удалилась, оставив Тимиаса стенать и скитаться по лесам в отчаянии. Недоразумение вскоре забылось, но реальному Тимиасу (Рэли) не удалось надолго усыпить подозрения августейшей Бельфебы. Элизабет Трогмортон ждала от него ребенка, ив 1591 году они тайно поженились. Новость быстро дошла до ушей королевы, и очень скоро разлученные супруги оказались под домашним арестом. Рэли сидел взаперти в Дарэм-хаусе под надзором своего кузена Кэрью и не имел доступа ни ко двору, ни к королеве. Его статус и благосостояние, в основе которых лежали щедроты Елизаветы, оказались под угрозой. Сэр Уолтер немедленно начал бомбардировать письмами всех, кто мог помочь ему вернуть ее расположение.

Какой бы формальной игрой ни был их «роман», темперамент и гордыня не позволяли Рэли смириться с опалой. Стоило Солнцу лишь чуть-чуть отвернуться, и сэр Уолтер уже чувствовал себя глубоко несчастным, как настоящий влюбленный. Летом 1592 года в Дарэм-хаусе разыгралась прелюбопытнейшая сцена: сидя у окна, выходящего на Темзу, Рэли увидел королевские баржи и лодки с придворными, проплывавшие мимо. В былые времена и он находился бы подле королевы на одной из них, наслаждаясь музыкой и светской беседой. По свидетельству очевидца, Артура Горджеса, он вдруг разразился проклятиями в адрес своих врагов, которые специально подстроили так, чтобы несчастный узник увидел процессию и мучился от бессилия, как Тантал от жажды. «Как человек, захваченный страстью, он поклялся сэру Джорджу Кэрью, что переоденется и раздобудет лодку, чтобы облегчить свои страдания хотя бы только одним взглядом на королеву, в противном случае, — заявлял он, — его сердце разобьется». Его страж вовсе не хотел неприятностей и отказался отпустить его под честное слово. Рэли разъярился и начал оскорблять Кэрью. От разговора на повышенных тонах кузены перешли к делу и

обнажили шпаги. Лишь вмешательство Горджеса, бросившегося их разнимать и поранившего пальцы о клинки, предотвратило серьезное кровопролитие, но не примирило их. Заканчивая свой отчет, Горджес заключал: «Боюсь, сэр Уолтер Рэли скоро превратится в Неистового Роланда, если светлая Анжелика будет с ним сурова и впредь».

Анжелика между тем была неумолима. По ее приказу Рэли перевели из-под домашнего ареста в Тауэр. В заточении он слагал стихи:

Пусть плоть в стенах заточена,
Не чует ран, ей нанесенных злом,
Зато душа, свободы лишена,
Прикована к пленявшему в былом,
Лишь бледный лик унынья виден ей.
Был прежде этот каземат
Любого обиталища милей,
Но время и превратности сулят
Иного стража мне и стол иной.
Свет красоты и огнь любви меня
Живили, но сокрытому стеной
Ни пищи нет, ни света, ни огня.
Отчаянье замкнуло мне врата.
Стенам кричу — в них смерть и пустота[10].

Из Тауэра Рэли написал проникновенное письмо Роберту Сесилу, сыну лорда Берли, рассчитывая, что тот покажет его Елизавете и она смягчится (королева в это время собиралась оставить Лондон и отбыть в летнее путешествие по стране): «Мое сердце не бывало разбито до того дня, когда я узнал, что королева уезжает так далеко, и я, который следовал за нею в течение многих лет с такой любовью и желанием во многих путешествиях, теперь оставлен совсем один в мрачной темнице. Когда она была рядом и я мог хотя бы слышать о ней раз в два или три дня, мои печали не были так тяжелы. Но теперь мое сердце брошено в пучину несчастья. Я лишен возможности видеть ее, гарцующую верхом, как Александр, охотящуюся, как Диана, ступающую, как Венера — и легкий ветерок колышет ее прекрасные волосы у чистых, как у нимфы, щек, — иногда сидящую в тени, как богиня, иногда поющую, как Орфей. Воззрите на печаль этого мира! Один неверный шаг — и я лишен всего этого».

Королеву не разжалобили комплименты — она знала им цену. Хотя порой Елизавета обольщалась на счет истинных чувств

своих фаворитов и приступы старческой ревности выставляли ее в нелепом свете, она умела и жестоко проучить тех, кто обманывал ее доверие, но по-прежнему рассчитывал на ее кошелек; она попросту делала их жалкими, лишив самой малости — своего внимания. Королева выпустила Рэли из Тауэра по экстраординарной причине: английские корабли, среди которых были и принадлежавшие ему, захватили в море богатую добычу — португальскую карраку, груженную пряностями, золотом, черным деревом, драгоценными камнями и шелками. И Рэли, и королева были пайщиками в этой экспедиции.

Услыхав о колоссальном «призе», сэр Уолтер немедленно подсчитал, что доля королевы приближается к двадцати тысячам фунтов стерлингов. Он предложил за счет собственного пая увеличить ее доход до ста тысяч, чтобы доказать таким образом свою преданность ее величеству. Его немедленно выпустили, и Рэли отправился в Дартмут лично наблюдать за разделом добычи. Обещанных ста тысяч не получилось, но Елизавету удовлетворили и полученные восемьдесят. Встретив Рэли, моряки радостно приветствовали своего капитана, и, хотя он печально отвечал им, что отпущен лишь ненадолго, «все еще несчастный пленник королевы Англии» чувствовал, что дела идут на поправку. Тауэр ему больше действительно не грозил (по крайней мере в царствование Елизаветы; он снова попадет туда при Якове I и тогда уже лишится головы). Елизавета получила хороший доход, сэр Уолтер — урок, который ему дорого обошелся. Но он возвратился ко двору, и жизнь вернулась в привычное русло.

Элиза и ее рыцари

Квинтэссенцией романтического культа королевы стали рыцарские турниры в ее честь, по традиции проводившиеся 17 ноября — в день восшествия Елизаветы на престол. История приписывает идею их организации славному рыцарю Генри Ли — убежденному протестанту, который в начале ее царствования дал обет каждый год в этот счастливый для Англии день бросать перчатку и ждать на ристалище любого соперника, чтобы сразиться во славу королевы Елизаветы. Он был искусный воин и прекрасный турнирный боец, и государыня с удовольствием пожаловала его званием своего официального защитника на всех турнирах. Рыцарь и поэт Филипп Сидни, неоднократно сражавшийся с Ли, вывел его в своей поэме «Аркадия» под именем Лэлия — «совершенного и непревзойденного в этом искусстве».

На протяжении двух десятилетий турниры оставались обычным придворным развлечением, но затем самый дух их, настроение и содержание совершенно преобразились. Умелая пропаганда спаяла воедино эстетствующий придворный романтизм, неумирающий рыцарский спорт и религиозную идею и создала из этой амальгамы небывалый национальный праздник, превратившийся в народную традицию, просуществовавшую до XVIII века. День 17 ноября стал днем триумфа всех патриотов-протестантов и их горячо любимой Элизы. Поэты называли его «день рождения нашего счастья, / Время цветения, весна мирной Англии». И не беда, что за окном была осень.

Со временем королеве пришла в голову блестящая идея приурочивать к этому дню свое возвращение в Лондон из загородной резиденции. Елизавета и ее свита ждали сигнала о том, что все приготовления к празднику закончены, и торжественно въезжали в столицу, заново переживая и воскрешая в памяти подданных первое триумфальное вступление королевы в Лондон. Турниру в этот день отводилась роль основного публичного зрелища. На него допускались не только придворные зрители, но и широкая публика, с удовольствием платившая несколько пенсов за стоячие места.

Пестрая толпа зевак, состоявшая из горожан всех мастей, молодежи, женщин и молоденьких девушек, желавших полюбоваться на благородную забаву джентльменов, уже с утра стекалась к ристалищу у дворца Уайтхолл — туда, где и поныне находятся казармы личной королевской гвардии. Сама Елизавета со своими придворными дамами располагалась на специальной галерее дворца, вознесенная надо всеми. В 1600 году редкой чести наблюдать турнир с королевской галереи были удостоены послы Московии, которые были этим весьма польщены: остальные иностранные дипломаты занимали места в толпе среди прочей публики. Судьи, которые вели счет ударам и очкам, восседали на особом балконе. Под ним находилась сама площадка с барьером, разделявшим поле надвое. Бои велись только на копьях, которыми надо было поразить противника поверх барьера.

Генри Ли однажды назвал эти состязания «олимпиадой в честь королевы», уподобив их величественным играм героев и атлетов древности. Цвет английского дворянства и аристократии почитал за честь блеснуть перед королевой и другими знатоками своим искусством — графы Лейстер, Сассекс, Оксфорд, Эссекс, Кумберленд были завсегдатаями боев. Однако короткой схватки и быстро поломанных копий им было мало для самовыражения и изъявления любви к их «коронованной богине». Со временем торжественные выезды участников на площадку становились все

более театрализованными и представляли собой сложные аллегорические живые картины. Парад — настоящий карнавал, предшествовавший схваткам, — приобрел главенствующую роль. Это было незабываемое и яркое зрелище: каждый участник выезжал на поле боя, облаченный в символические одежды или доспехи; кто верхом, кто на триумфальной колеснице, кто на самодвижущихся повозках. Фантазии не было предела. Какой восторг, должно быть, вызывало у публики появление повозки, запряженной слонами (их, правда, изображали искусно замаскированные лошади), настоящими медведями, львами или даже верблюдами. За колесницами следовали оруженосцы, пажи, свита, одетые в цвета хозяина или ряженные дикарями, «косматыми ирландцами», сказочными и легендарными персонажами. Иногда в представлении участвовали профессиональные актеры и музыканты. Остановившись под балконом королевы, рыцарь обращался к ней с речью, объяснявшей смысл его костюма и явления, а затем слагал к ее ногам свой дар — щит со специально составленной для этого случая эмблемой и девизом.

Сценарии и речи, в особенности имевшие программный смысл, тщательно составляли либо сами участники, если им хватало таланта, либо их ученые секретари; в особо ответственных случаях латинские тексты заказывали специалистам из Оксфорда. Графу Эссексу, например, помогал со «сценарными находками» сам Фрэнсис Бэкон — в то время всего лишь его секретарь, а позднее в оформлении турниров принимали участие знаменитый драматург Бен Джонсон и не менее популярный архитектор Иниго Джонс. Сценография праздников постоянно усложнялась, требуя громоздких конструкций и сотен участников, но зрелище, которое получалось в итоге, было высшим и живым синтезом всех «благородных искусств», известных елизаветинцам, — поэзии, музыки, философии, истории, живописи, архитектуры и спорта. Не раз среди многоцветья гербов, эмблем, великолепных, украшенных чернью и золотой чеканкой, доспехов зрителям казалось, что они перенеслись в сказочную державу короля Артура и рыцарей Круглого стола. Но у нового Камелота была своя владычица — Королева Фей, Елизавета.

К ней устремлялись все мысли, речи, взоры. На турнире 1590 года, например, один из участников, лорд Ф. Стрэндж, появился в сопровождении сорока сквайров в белых одеждах, на повозке, представлявшей собой корабль, на носу которого сидел выдрессированный орел, склонившийся перед королевой. Белый — цвет чистоты и девственности, один из символических цветов

Елизаветы, избрал и лорд Комптон, явившийся на турнир Белым Рыцарем: все — от его плюмажа до коня и копья поражало белизной. Двое других участников отдали предпочтение золотому: Чарльз Блаунт появился в виде Солнца, а Роберт Ноллис — украшенным золотыми ветвями. Роберт Фитцуотер, напротив, на турнире 1595 года предстал с необыкновенным плюмажем цвета воронова крыла и в изысканных черных доспехах. Это было в тот год, когда граф Кумберленд поразил всех, выехав верхом на «драконе».

Но черный цвет — символ верности и возвышенной печали — порой трагической нотой вторгался в рыцарский праздник. В 1586 году сэр Генри Ли, главный организатор всех турниров, провел по полю черного коня без всадника, отдавая дань памяти погибшему в Нидерландах рыцарю — поэту Филиппу Сидни. Спустя четыре года граф Эссекс выехал в сопровождении настоящей траурной процессии, вызывая реминисценции со смертью Сидни — своего друга, на вдове которого он дал клятву жениться. Несмотря на благородство данного обета, скрепленного кровью, Елизавета негодовала из-за этого брака, и граф нашел проникновенную форму, в которой напомнил всем о смерти благороднейшего из английских рыцарей, от которого он принял эстафету, о своем обещании и о своем отчаянии из-за немилости королевы. Она не могла не простить его.

В большинстве же случаев белый и красный цвета царили над всеми остальными. Красная садовая роза и белый дикий шиповник были символами династии Тюдоров; соединенные вместе, они составляли так называемую тюдоровскую розу. Елизавета особенно любила их и превратила в глубоко личные символы: незамысловатый шиповник олицетворял ее девственную чистоту, а гордая роза — первенство над остальными; она была первой среди земных женщин и государей, как роза — первая среди цветов. Этот мотив постоянно обыгрывался на турнирах. В 1584 году один из бойцов появился в образе Слепого Рыцаря. Он прочел сонет, открывавший природу его недуга: рыцарь был ослеплен прекраснейшим цветком, который цветет одновременно белым и красным цветом.

Турнир 17 ноября 1590 года стал одним из самых волнующих и грандиозных: сэр Генри Ли — непобедимый, но постаревший защитник королевы — передавал свои полномочия графу Кумберленду. Прощание с ним вылилось в настоящий триумф верного подданного и его госпожи, олицетворявшей в его глазах чистоту и правое дело, что для протестанта было неотделимо одно от другого. По этому случаю на площадке перед балконом королевы был возведен «храм римской богини Весты». Волшебное

сооружение из стекла, хрусталя и белой тафты, поднятое на колоннах, сияло изнутри. Три «весталки» окружали покрытый золотой парчой алтарь с дарами богине, которые Елизавета — Веста приняла в финале. Перед входом в храм стояла колонна, увенчанная короной и увитая белым шиповником, к основанию которой старый Генри Ли сложил свои славные доспехи. Он произнес прощальную речь, прославлявшую его августейшую госпожу — «победительницу непобедимого врага, владычицу морей и заокеанских колоний, живую богиню, которую на небесах ждал венец». Даже сдав пост, этот еще крепкий воин выходил на ристалище в честь своей Элизы в 1597 году в облике Неутомимого Рыцаря, но отныне официальным защитником королевы был граф Кумберленд, на много лет ставший «Рыцарем из замка Пендрагон» времен легендарного короля Артура. В этом образе он и позировал Николасу Хиллиарду. На портрете Кумберленд изображен облаченным в черные доспехи, украшенные золотыми звездами, и средневековое одеяние поверх них, на его шляпе — перчатка Елизаветы, его Дамы, на щите — девиз «Hasta Quando», означавший, что он пронесет свое копье до самого конца.

Молодой граф Эссекс, мечтавший получить почетное звание, доставшееся Кумберленду, делал все, чтобы затмить его. Начинающий свое восхождение молодой фаворит не только тратил целые состояния на собственные экстравагантные выезды, но и старался принимать участие в общей организации праздника и выработке его сценария, хотя королева не всегда ценила его рвение. В 1595 году Эссекс выступил с донельзя растянутой постановкой, где в споре его склоняли каждый на свою сторону Любовь и Себялюбие. Последнее засылало к рыцарю своих эмиссаров — Отшельника (призыв уединиться и погрузиться в себя), Солдата (всецело отдаться погоне за бранной славой) и Секретаря (предпочесть карьеру и высокое положение). Любовь же представала в образе «индейского царя» (!), который вел долгие ученые споры с этими аллегорическими фигурами и наконец одерживал верх, убедив всех, включая рыцаря Эссекса, отдать все свои силы и таланты служению королеве. Утомленная Елизавета заявила, что, если бы она знала, что тут так много будут говорить о ней, она бы не пришла смотреть турнир в этот вечер, а отправилась бы спать.

Улавливая ее настроение, некоторые из рыцарей делали свои выезды забавными: облачались в шутовские одежды и потешали публику речами, полными юмора. Так, Томае Джерард развеселил королеву и придворных дам, выехав на ристалище в прекрасном рыцарском облачении, но верхом на пони «ростом не выше

собаки».

Одним словом, каждый развлекал и прославлял Елизавету в меру собственных сил, талантов и возможностей своего кошелька. Но если литературные и артистические дарования рыцарей не всегда были бесспорны, то их преданность и верность госпоже сомнений не вызывают. Некоторые из них продолжали галантную игру и на полях настоящих сражений, не делая различий между идеальным рыцарским миром и действительностью. Воюя во Франции, Эссекс несколько раз вызывал коменданта вражеской крепости на поединок во имя Елизаветы, предлагая таким образом решить судьбу осажденных. В условиях реальной войны и небутафорской крови француз счел это пустым ребячеством (увы, во Франции давно не было своих женщин-героинь и слишком долго правили мужчины).

Как бы там ни было, но эта постаревшая женщина умела вызвать неподдельный энтузиазм у своих воинственных рыцарей — и молодых, и ветеранов. Даже если их пыл сводился лишь к сценической лихорадке актеров-дилетантов, ставящих для собственного удовольствия любительские спектакли, это она, Елизавета, была их Музой, заставлявшей и пушки говорить стихами.

Те, кому довелось жить в то славное время, с ностальгией вспоминали елизаветинских героев:

Иных уж нет, иные и поныне живы
Из тех, кто в славный век Элизы
Служили верно ей, то время
Достойно прославляя…

Странствующая королева

Одной из самых удачных пропагандистских находок Елизаветы были ее регулярные путешествия с визитами в графства, города, университетские центры, поместья аристократов. Она гениально угадала извечную потребность рядовых обывателей хоть на миг оказаться рядом, увидеть, прикоснуться к великим мира сего, кумирам, потребность, с которой приходится считаться и современным политикам. В ту пору эта практика «общения с народом» на площади была жизненно важна для снискания широкой поддержки и вербовки верных сторонников. После Елизаветы она решительно не удавалась английским монархам: и Яков I, и Карл I не были

склонны к активным публичным контактам; популярность Стюартов никогда не была велика, и неудивительно, что они не смогли удержать престол. Когда же монархия в Англии была реставрирована, герцог Ньюкасл прямо посоветовал Карлу II возобновить елизаветинскую традицию королевских проездов по стране, чтобы «доставить удовольствие и малым, и великим».

Контакты со всеми слоями общества во время поездок позволяли Елизавете во всем блеске явить себя подданным, излить на них свет своего милостивого расположения и заодно собрать щедрую дань восхищения, подношений и специальных развлечений, устраиваемых в ее честь. Последние внесли немалый вклад в создание елизаветинской «золотой легенды». Королева-Солнце наслаждалась отраженным светом собственного сияния, слушая речи и баллады, сочиненные в ее честь, и любуясь причудливыми аллегорическими спектаклями. Неизвестно, кому принадлежала идея публиковать программы наиболее пышных официальных приемов в ее честь с текстами речей и описанием мизансцен живых картин, но она была весьма плодотворной. Читатели легко воображали себя участниками по-истине фантастических зрелищ и в то же время получали образец того, как следует обставлять подобные приемы.

Одним из самых знаменитых чествований королевы, формировавших образцы для подражания, стал ее визит к графу Лейстеру в его поместье Кенилворс в 1575 году. Когда кавалькада придворных приблизилась к усадьбе, их встретил привратник — Геркулес с ключами и палицей, приветствовавший королеву пышной речью. Королевский кортеж проследовал за ворота, где гостям открылся великолепный вид на озеро, по водам которого навстречу коронованной гостье двигалась сама Владычица Озера в сопровождении «нимф». Посреди озера располагался искусственный мост на четырнадцати опорах с висевшими на них подношениями для Елизаветы, а сам мост окружал целый сонм античных богов и богинь. Живая декорация дополнялась двумя суковатыми посохами, увешанными доспехами и оружием (они символизировали самого хозяина дома, верного слугу и воина, посох был частью герба Лейстера), а также двумя вечнозелеными лавровыми деревьями, украшенными всевозможными музыкальными инструментами — олицетворение вечно юной Елизаветы, любимицы Аполлона и муз. Вечером стараниями итальянского пиротехника над озером был устроен великолепный фейерверк — потоки огня, искр, сияющих звезд и стрел (итальянец первоначально предлагал графу запустить в воздух живых кошек, собак и птиц, но Лейстер отверг эти сомнительные авангардистские находки). Программа приема также включала

охоты, бесконечные банкеты, театральные спектакли-маски по вечерам, медвежьи бои и, наконец, финальную водную феерию, в которой перед королевой, образцом несравненной красоты и божественного величия, склонились Владычица Озера и сам Протей — морское божество, — появившийся на «дельфине», внутри которого звучала музыка.

Визит королевы и ее двора с внушительным поездом, скарбом, сотнями слуг был для хозяина и честью, и стихийным бедствием: неделя развлечений могла поглотить его годовой доход (только за один обед у виконта Монтагю, например, гости съели трех быков и сто сорок гусей, а они прогостили у хлебосольного хозяина неделю). Однако приезд королевы необыкновенно поднимал престиж тех, кто удостаивался чести принимать ее, и амбициозные хозяева готовились к этому месяцами: подновляя свои дома, вставляя новые итальянские витражи, украшая отведенные королеве покои и т. д. Они тратили тысячи фунтов на подарки Елизавете — обыкновенно драгоценные «безделушки», стоившие целые состояния.

Она любила подарки, но более всего ценила искусное выражение любви и артистически поданную тонкую лесть. Со временем «индустрия» приемов обрела сложившиеся формы: один и тот же ряд понятий обыгрывался в аллегорических сценах, куда бы она ни приехала, — верность и преданность ей хозяев, ее неземные красота и мудрость, мирное правление и торжество истинной религии. В 1591 году королева посетила Сассекс и гостила у католического магната виконта Монтагю. Каждый день хлебосольные (и, к слову сказать, не самые верноподданные) хозяева предлагали ей новые и новые развлечения. При приближении королевы к замку из-за стен его полилась музыка и страж, одетый мифологическим Гигантом, разразился длинной речью о том, что сбылось древнее пророчество — стены запоют при приближении самой удивительной из женщин, после чего галантный цербер пропустил процессию в цитадель. На следующий день, в воскресенье, гостей ждал пышный банкет. Понедельник был отдан охоте на оленей, и Елизавета собственноручно подстрелила трех. Во вторник после пира за столом длиной в двадцать четыре ярда гостья пошла прогуляться по парку. По пути ей встретился Пилигрим, представившийся собирателем древностей и достопримечательностей. Он поведал королеве, что недалеко от этого места видел самое необычное на свете дерево, но в его ветвях сидел свирепый Дикарь, не давший ему осмотреть диковинку. Пилигрим умолял Елизавету взглянуть на чудесный дуб. Заинтригованная королева последовала за ним. Ее взору предстал могучий дуб, увешанный множеством

прекрасно выполненных гербов местного дворянства, верхушку же его венчал ее собственный герб. Дикарь на отменной латыни объяснил, что это древо — символ единства государыни и дворянства Сассекса, а он находится здесь, чтобы охранять мирные берега графства от происков врагов, переодетых иезуитов и прочих недоброжелателей, которые хотели бы разрушить это трогательное единство. Он восславил ее милость и терпимость к подданным: «За границей страшатся Вашего мужества, дома славят доброту».

В среду Елизавета отправилась на прогулку к пруду, куда ее поманила прелестная музыка, и стала свидетельницей диалога о преданности между Рыболовом-удилыциком, сидевшим на берегу, и Рыбаком, тянувшим невод. По окончании дискуссии Рыбак, направив лодку к Елизавете, вытащил свою сеть и принес к ее ногам всю рыбу из озера, пожелав, чтобы все до единого сердца ее подданных так же безраздельно принадлежали ей, как и его улов. В четверг ей был предложен пикник, оживлявшийся танцами местных крестьян, к хороводу которых как бы в порыве всеобщего ликования присоединились хозяева — лорд и леди Монтагю. Все эти развлечения сопровождались обильными славословиями в адрес «гостьи и их коронованного божества». Само по себе сравнение с богиней было уже расхожим штампом и требовало более детального развития темы. Так, у Монтагю во время охоты к Елизавете приблизились «нимфы» с луками через плечо и запели: «Взгляните на ее кудри, подобные золотым нитям, / Ее глаза — как звезды, мерцающие в небе, / Ее небесный лик — неземной формы, / Ее голос звучит как Аполлоновы напевы, / Это чудо всех времен, чудо мира. / Королева Удачи. Сокровище Любви. Слава самой Природы». Пилигрим в молитвенном экстазе предсказывал, что с концом ее жизни наступит конец света (во владениях католиков напоминать о смерти было не совсем уместно, тем не менее Елизавета отнеслась к этому снисходительно).

В то же лето 1591 года королева гостила у графа Хертфорда в Хэмпшире. Сохранилась гравюра, на которой Елизавета изображена сидящей под балдахином на берегу озера и созерцающей очередную водную фантазию. Среди вод специально вырытого по этому случаю водоема были насыпаны три искусственных острова с возведенными на них бутафорским замком, укрепленной артиллерийской батареей и гигантской улиткой. Над каждым из этих сооружений реял флаг святого Георгия. Нерей — водное божество — в сопровождении шести «тритонов», трубивших в рога-раковины, подвел к королеве корабль, на палубе которого находились три девы и «нимфа»,

аккомпанировавшие певцам. Этот эскорт сопровождал два драгоценных подарка Елизавете — ювелирные украшения, принесенные к ее стопам от имени Нептуна. Затем последовали речи «лесных людей», пасторальные сцены, а вечером — потрясающий фейерверк: палили пушки, все три островка над озером озарялись ракетами, огненными шарами и колесами, а над улиткой вдруг засветилась огромная земная сфера. Придворные наблюдали эту картину из-за столов, сервированных серебряными блюдами с яствами. Провожая королеву, «нимфы» графа Хертфорда плакали стихами и призывали еще раз приехать ту, которая была «сокровищем Природы», «самой большой радостью небес», «звездным оком мира» и «солнцем чистой красоты».

Последними, кто занимал Елизавету при жизни, были лорд-хранитель печати Эджертон и его жена, принимавшие королеву в 1602 году в Мидлсексе. Хозяйка дома сумела добавить к традиционным комплиментам нечто неизбитое: в садах государыню приветствовали два забавных персонажа — Сельский Староста и Молочница, которые преподнесли гостье украшенные драгоценными камнями миниатюрные грабли и вилы — настоящий шедевр ювелирного искусства, — заявив, что королева «самая лучшая хозяйка из всех присутствующих». Прием у Эджертонов отличался тонким вкусом и изяществом речей. Королеву часто и по разным случаям приветствовала аллегория Времени, но Место еще не разговаривало с ней никогда. Здесь же Время обратилось к нему с вопросом: «Великие, коих мы занимаем, наполняют все пространство вокруг себя божественными совершенствами, как солнце наполняет мир светом своих лучей. Но ответь мне, несчастное Место, как ты будешь занимать Солнце?» — «Воспринимая от него славу и переполняясь ею», — был ответ. Когда королева-Солнце покидала их, ей преподнесли на прощание драгоценный якорь, чтобы она подольше задержалась в «их бухточке, хотя та и слишком мала для нее».

Приемы у магнатов создавали стандарт для менее знатных хозяев и для городов. При приближении королевского поезда все старались не ударить в грязь лицом — в прямом и переносном смысле: чинили дороги и мосты, чистили улицы, готовили снедь, изобретали развлечения. Не всё и не всегда удавалось. В Рочестере сохранился до наших дней дом елизаветинских времен, носящий странное название «Satis», что в переводе с латыни означает «хватит», «довольно». По преданию, местный дворянин развлекал там королеву, но он не отличался хорошим вкусом, она устала и наконец, не вытерпев, воскликнула: «Satis!» Слово

приклеилось к дому навсегда.

Впрочем, такое случалось редко. Как правило, Елизавета и ее подданные расставались после торжественной встречи с увлажненными глазами. Так было в Нориче, Бристоле, Дувре и повсюду, где она терпеливо выслушивала бесконечные многословные приветы и ободряла робких местных ораторов, терявших дар речи в ее присутствии, ласковыми словами. И всегда она улучала минутку, чтобы поблагодарить скромного учителя, городского старшину или священника за его речь, «лучше которой ей не доводилось слышать». В Кембридже она стоически провела целых четыре часа под палящим солнцем, пока были произнесены все ученые латинские панегирики в ее честь, но королева не могла позволить, чтобы плоды чьих-то упорных ночных бдений пропали втуне.

Она демонстративно ела преподнесенные городами угощения, не принимая мер предосторожности против яда, и говорила массу точно рассчитанных теплых фраз. По обычаю города преподносили ей в подарок серебряные кубки с золотыми монетами, собранными жителями. В Ковентри мэр принес к ее ногам сто фунтов стерлингов золотом. «Это замечательный дар, — прочувствованно сказала Елизавета, — я очень редко получала такие богатые подарки». — «С вашего позволения, — с поклоном ответил мэр, — здесь гораздо больше, чем сто фунтов. Здесь сердца всех ваших любящих подданных». — «Благодарю вас, господин мэр, — промолвила королева, — это действительно гораздо больше». Слезы признательности, волны любви и обожания — вот та атмосфера, которую она создавала вокруг себя. В радостной эйфории горожане забывали на время о кровопускании их сундукам и кошелькам. Елизавета владела высшим талантом политика — заставить подданных не жалеть о жертвах, принесенных их государыне.

Слова, слова, слова…

Среди многих талантов, коими была наделена Елизавета, даром звучного и меткого слова она гордилась более всего и ценила его в других. Особая прелесть ее эпохи заключалась в том вкусе к языку, который вдруг ощутили современники. Если Средневековье порой называют «эпохой жеста», то Ренессанс принес с собой тончайшее чувство слова. Воспитанная на цицероновской латыни и демосфеновском греческом, образованная элита английского общества трепетно относилась к стилю речи, как устной, так и письменной, — риторическому,

полному пышных метафор, аллегорий, емких афористических высказываний. Высокая элоквенция во многом была модой, принесенной с юга Европы, из Италии, но модой чрезвычайно плодотворной. И в Англии государственный деятель или придворный, не обладавший даром изысканной латинской речи, не способный поддержать беседу на этом универсальном международном языке или блеснуть в дискуссии на философскую тему, был обречен на неуспех. Это влияло и на нормы родного языка, богатство и прелесть которого современники осознали в эту пору. Елизаветинские придворные стремились изъясняться на английском так же изысканно, как и на золотой латыни, что, правда, делало его несколько искусственным. Для особого придворного языка — вычурного, чрезмерно перегруженного сравнениями и постоянными ссылками на примеры из античной истории, возникло даже особое название — «эвфуистическая речь» (по имени Эвфууса — героя популярного в то время романа «Эвфуус, или Анатомия остроумия» Джона Лили). Елизавета была способной эвфуисткой, в особенности когда хотела произвести впечатление на иностранных дипломатов или добиться соответствующего эффекта в парламенте. Но то была лишь игра, как она называла ее, «суета остроумия и красноречия», и при необходимости королева становилась предельно лаконична и точна. А многие современники даже запомнили ее, эту утонченную стилистку, с характерной простонародной божбой на устах. «Раны Господни!» или «Смерть Христова!» — восклицала она, удивленная чем-нибудь. Она по-истине была многолика.

Английский двор всегда славился полилингвистичностью: французский был так же естествен для местного дворянства, как родной английский, аристократия не мыслила себя без итальянского. Но даже на этом весьма отрадном фоне королева выделялась своими способностями. По отзывам ее собеседников самых разных национальностей, ее латынь, французский и итальянский были совершенны, в разговорном греческом она была чуть менее сильна, чем в чтении на нем, правда, ее немецкий и голландский оставались лишь посредственными. Способность поддерживать беседу на всех ведущих европейских языках избавляла ее от потребности в переводчиках, секретарях, словом, техническом персонале, и позволяла самой держать руку на пульсе дипломатических переговоров. Она была немного тщеславна, эта леди-полиглот, и пользовалась любой возможностью продемонстрировать свои таланты, свободно переходя в беседах с иностранцами с одного языка на другой. Сложные испытания, такие как импровизированные латинские рассуждения на щекотливые политические темы, где блестящий

стиль должен был сочетаться с тонким подтекстом, лишь раззадоривали ее. Так, когда ко двору прибыл польский посол и произнес безукоризненную по форме, но оскорбительную по содержанию речь, полную упреков, которые английская королева находила беспочвенными, Елизавета звенящим от скрытого негодования голосом дала ему полную сарказма и колкостей отповедь на латыни. Присутствовавший при аудиенции секретарь Роберт Сесил, сын Уильяма Берли, был восхищен услышанным. Елизавета и сама чувствовала, что экспромт ей удался. Но ей мало было поверженного поляка. Она хотела, чтобы свидетелей ее литературно-дипломатической победы было больше. Простим ей невинную женскую слабость: королева велела Сесилу записать ее речь по горячим следам и послать ее молодому фавориту графу Эссексу, чтобы и тот насладился ее стилем, разделив торжество коронованного филолога.

Ее интерес к чужим языкам был настолько сильным, что, когда в Лондон явились послы из далекой Московии с грамотами от их государя, Елизавета с неподдельным вниманием вслушивалась в русскую речь, потом рассматривала буквы неведомого алфавита, выписанные золотом и киноварью, и заключила, что могла бы с легкостью выучить и этот язык. Она никогда не приступила к нему, но несколько раз советовала Эссексу заняться русским, так как это было бы полезно для ее внешнеполитического ведомства, которое он курировал в 90-х годах.

В повседневной же жизни елизаветинского двора рафинированная культура речи находила выражение в искусстве bon mot — острого словца, эпиграммы и нескончаемых словесных дуэлей. Остроумие было божеством, которому поклонялись елизаветинцы. Тон в развлечениях этого рода задавала сама королева, и всякий, кто рассчитывал привлечь ее внимание, должен был оттачивать свое мастерство. Рассказывали, что Рэли, еще не удостоившийся чести стать фаворитом, как-то, стоя у окна, в задумчивости написал на нем алмазом своего кольца: «Я так страшусь упасть, но ввысь готов подняться…» Насмешница-королева немедленно нацарапала ответ: «Когда подводит дух, не стоит и пытаться!» Позднее она получила от него в подарок прелестный сонет-комплимент, в котором прославлялся непременный набор достоинств — глаза, яркостью превосходящие звезды, волосы, затмевающие блеск солнца, и т. д. Но много ли найдется сонетов, отдававших дань уму дамы? Рэли восславил его трижды: «Тот ум, что властвует над моими мыслями… тот ум, что снискал славу до небес… тот ум, что переворачивает вверх дном могучие державы». И если поэт и польстил ей, то скорее

относительно глаз и волос.

В хорошем расположении духа Елизавета была не прочь подтрунить и над собой. Однажды после долгой беседы с ней французский посол высказал королеве свое восхищение ее красноречием и великолепным знанием языков. «Ах, месье, — ответила она, — совсем несложно научить женщину болтать. Заставить ее хоть немного помолчать — задача куда труднее!» Вспыльчивая, она тем не менее могла простить дерзость или нелицеприятную критику, если они были облечены в остроумную форму. Один из характерных анекдотов ее времени — история с неким фермером. Он был очень недоволен поставщиками продуктов для королевского двора, которые имели привилегию почти в принудительном порядке закупать продовольствие по очень низким ценам. Этот фермер якобы оказался в присутствии королевы и ее фрейлин и стал громко осведомляться: «Которая тут королева?» Она отозвалась: «Я». — «Вы? — притворно изумился фермер. — Ну нет, вы, миледи, слишком тонки, а королева должна быть очень-очень толстой». — «Почему же?» — смеясь, осведомилась Елизавета. «Потому, что каждый год она поедает всю мою птицу и много другой снеди и никак не остановится». Согласно преданию, королева не рассердилась на хитрого селянина и приказала расследовать злоупотребления поставщиков. Другой, уже вполне реальный случай ее снисходительного отношения к дерзкому, но остроумному болтуну — ее беседа с неким Т. Ширли, молодым полунищим дворянином, вымаливавшим у нее денег на морскую экспедицию в неведомые страны. Королева отказывала, и он, дав волю фантазии, стал расписывать, какие прекрасные и богатые земли он мог бы открыть для нее, но теперь будет вынужден взять их себе, сказочно разбогатеет, коронуется и будет писать ее величеству письма из своего нового королевства. «На каком же языке вы будете мне писать?» — иронично осведомилась Елизавета. «На языке королей: моей августейшей сестре…» Она долго смеялась, но денег новоявленному «брату» так и не дала.

Одной из любимых литературных забав Елизаветы были игры с именами, весьма популярные в XVI веке. Не было школяра, который не перевел бы свое имя на латинский, отыскивая в нем новый символический смысл, не было придворного, не сочинившего хотя бы раз в жизни акростих, образующий из начальных букв всех строчек имя его возлюбленной. Имя превращалось в символ-звук или символ-изображение, а они, в свою очередь, — в тайные шифры в любовных играх: появляясь вместо подписи в надушенных письмах, на портретах и медальонах, даримых друзьям и поклонникам.

Королева охотно жонглировала именами и раздавала прозвища. Роберт Лейстер всегда гордился символическим значением своего латинизированного имени Robur, что означало «крепкий», и избрал своим символом изображение дубовой ветки. Но Елизавета предпочитала называть его по-другому — «Глаза», «мои Глаза», подчеркивая, как дорог был для нее граф и как важно было для нее его мнение. Но как бы он ни гордился этим, рисуя в своих письмах к госпоже вместо подписи два глаза, ее «духом» был не он, а старый Уильям Берли, проницательный, вездесущий, всезнающий, не случайно Елизавета обращалась к нему в дружеской записке — «сэр Дух». Загадочный и мрачный Уолсингем был Мавром. Себя же она именовала Перевернутое Сердце, нередко подписывая так письма к близким. К их кругу относился, разумеется, и Барашек — Хэттон, он же Овечка и Веки. Как и Лейстер, он подписывал многие свои письма к королеве последним прозвищем или рисовал две тонкие дуги век. Хэттон был талантливым игроком в шарады и однажды видоизменил свою подпись, изобразив шляпу {hat) и римскую десятку {ten), что при произнесении составляло его имя. Но безобидное кудрявое животное чуть не утонуло в волнах нахлынувшего Океана. «Океанский пастушок», «Вода», «Водопад» — королеве очень нравилось пародировать западноанглийский выговор Уолтера Рэли, превращая его имя Walter в Water («вода»).

Когда Кристофер Хэттон заметил, что его повелительница отдает предпочтение другому, он в соответствии с правилами куртуазности прибег к утонченному языку намеков, воплотив свое страдание в эстетскую игру: Елизавета получила от него необыкновенную шараду — выполненную из драгоценных камней миниатюрную Библию (на языке символов это означало: он клянется), кинжал (что покончит с собой) и небольшой черпачок (если она не окоротит сэра Уолтера — Воду). Коронованная дама его сердца отправила ему ответную криптограмму: птичку (добрая весть), радугу (гроза миновала) и миниатюрный монастырь (ему уже не угрожают потоки воды и наводнение). Чтобы успокоить Хэттона, она приписала: «Если короли — как боги, а таковыми они должны быть, то они не потерпят преобладания какого-нибудь одного элемента из господствующих в природе стихий (она намекала на воду. — О. Д.). Живность ее полей дорога ей, и она так прочно укрепила берега, что ни вода, ни потоки не смогут затопить их». Однако Овечку не успокоили эти заверения — он послал Елизавете маленький аквариум, убеждая ее, что морских созданий лучше держать взаперти. Это иносказание восхитило королеву. Посланец Хэттона писал, что аллегорическая «тюрьма для рыбки» имела успех: «Ее Величество

пожелала, чтобы я написал Вам, что Вода и водные твари не радуют ее так, как Вы, она всегда предпочитала мясо рыбе, полагая, что мясо — гораздо основательнее».

Неудивительно, что та, которая с таким увлечением играла в слова, ценила и поощряла тех, для кого это стало призванием и делом жизни.

Повелительница пастушков, королева фей

Вся атмосфера елизаветинского двора, пронизанная галантным поклонением, наполненная музыкой, негой, эстетскими развлечениями, возбуждала необыкновенный интерес к литературе и театру, ибо высокая поэзия, лучшие образцы прозы и драмы давали наиболее подходящие средства для выражения подобных чувств. Увлечение театром было всеобщим: не было недели, чтобы во дворце не играла какая-нибудь из лондонских трупп, чаще всего лучшие — труппа Барбеджа или их соперники, актеры Хэнслоу, со своими блистательными авторами — Шекспиром и Беном Джонсоном. В отсутствие же профессионалов придворные и королева развлекались любительскими «масками» — небольшими костюмированными представлениями, аллегорическими по преимуществу. Также много и увлеченно читали: последние итальянские, французские и испанские новинки переходили из рук в руки, переводы самых модных европейских авторов на английский появлялись почти незамедлительно. Почти все, начиная с королевы, упражнялись в любительском стихосложении, и если не всякий решался явить свои литературные детища миру, то по крайней мере оценить достоинства истинной поэзии могли многие. Это поголовное увлечение чтением модных новинок хорошо отражает забавный эпизод. Однажды королева заметила, что ее фрейлины с большим интересом читают, передавая из рук в руки, некую поэму. Она потребовала показать ей рукопись и обнаружила, что это перевод нескольких глав из популярной книги итальянца Ариосто «Неистовый Роланд», притом наиболее вольные ее эпизоды. Автором перевода оказался ее собственный крестник — известный острослов и повеса Джон Харрингтон. Елизавета вызвала его к себе и притворно-грозно отчитала за то, что он смущает ее фрейлин рискованным чтением, но примечательно, что в виде наказания она повелела молодому человеку удалиться от двора и не показываться ей на глаза, пока он не завершит полного перевода всего «Неистового Роланда» (к слову сказать, довольно длинной поэмы). Он подчинился, и в результате этой

своеобразной епитимьи Англия получила в 1591 году первое издание поэмы Ариосто на английском языке.

Как и их коронованная госпожа, страстью к хорошей литературе были одержимы многие крупные фигуры при дворе: Лейстер — дядя, друг и покровитель Филиппа Сидни, Уолтер Рэли, покровительствовавший Эдмунду Спенсеру, а позднее — Бену Джонсону, Уильям Берли, пестовавший поэта Джона Дэвиса, графы Эссекс и Саутгемптон, патроны Шекспира. Это покровительство нередко было продиктовано не только литературными пристрастиями, но и политическими потребностями: перо поэта верой и правдой служило патрону, и его призывали, когда требовалось развлечь ее величество новой постановкой либо преподнести ей к Новому году в виде традиционного дара поэму или стихотворный гороскоп. Но лишний золотой, полученный поэтами за заказ, спасал их самих от голода, а их божественные строчки — для будущих антологий. А какие имена войдут в них — Сидни, Спенсер, Марло, Шекспир, Джонсон, Лили! Каждое вызывает восхищение, но еще более они впечатляют как плеяда непревзойденных «елизаветинцев», питомцев ее века, прошедшего под знаком этой необыкновенной женщины, десятой музы Англии. Разумеется, литераторы с их причудливой игрой фантазии и полетом вдохновения внесли свою лепту в создание культа Елизаветы. Неподражаемый Филипп Сидни первым открыл тему райского «золотого века» и любовной идиллии среди первозданной природы, которую подхватили многие, сделав ее прекрасным фоном для прославления их королевы. Сидни был более чем необычным поэтом: высокородный аристократ, чьим крестным отцом был король Испании Филипп И, дипломат, воин и придворный, этот юноша снискал себе в глазах современников славу идеального дворянина. Но его называли и «рыцарем-пастушком». Удаленный от двора из-за размолвки с королевой, которой он был предан всеми фибрами своей протестантской души, Сидни начал писать в деревенской тиши пасторали, начинавшие в ту пору входить в моду. Со временем из них выросла большая поэма «Аркадия» о счастливой, благословенной стране, где на тучных пастбищах среди ручьев под сенью дубрав пастухи и пастушки пасут своих овечек и наслаждаются радостями простой жизни, предаваясь любви. Так соблазнительно было уподобить эту сказочную страну Англии, а ее повелительницу — королеве Елизавете. Сидни сделал это, воспользовавшись подсказкой Лейстера, чтобы вернуть себе расположение Елизаветы. В 1578 году он посвятил ей поэму «Майская королева», текст которой Лейстер лично преподнес государыне во время приема в садах своего поместья

Уонстед. Она была тронута, и Сидни вернули ко двору, а к веренице ролей, которые постоянно играла Елизавета, добавилась еще одна — сказочной повелительницы Аркадии, королевы счастливых пастушков и пастушек, славящих ее в своих незамысловатых напевах, вечно молодой нимфы, царящей над лесами, холмами и прозрачными, как хрусталь, реками. Увы, первый из ее «пастушков» скоро покинул бренный мир, который вовсе не был так безмятежен. Сидни погиб в Нидерландах, мучительно долго умирая от раны, причинявшей ему непереносимые страдания. Последний жест этого молодого человека был так же благороден, как все, что он совершал: принесенную ему флягу с водой он попросил отдать умиравшему рядом солдату. Тело Сидни привезли в Англию и с невиданной помпой похоронили в соборе Святого Павла. Почести, разумеется, предназначались Сидни — рыцарю, аристократу, а не поэту. Но облаченная в траур и, как заметили наблюдатели, пролившая немало слез, королева Елизавета оплакивала и своего героя, и своего «пастушка», опоэтизировавшего ее век.

После смерти Сидни эстафету подхватил его протеже — талантливый, но бедный поэт Эдмунд Спенсер, увлеченный, как и его друг, жанром пасторали. В его поэме «Пастушеский календарь» два пастушка-поэта были заняты поисками достойных тем для творчества и оба склонялись к мысли о прославлении божественной Элизы и ее героев:

Певец, оставь пустое шутовство,
Душой из бренной воспари юдоли:
Воспой героев, иже на престоле
Делили с грозным Марсом торжество,
И рыцарей, врага разивших в поле,
Не запятнав доспеха своего.
И Муза, вольно простирая крылья,
Обнимет ими Запад и Восток,
Чтоб ты на гимн благой Элизе мог
Направить вдохновенные усилья
Иль пел медведя, что у милых ног
Дары свои слагает в изобилье.
Когда ж остынет гимнов жаркий звук,
Ты воспоешь блаженство нежной ласки
И будешь вторить мирной сельской пляске
И прославлять хранительный досуг.
Но знай, какие б ни избрал ты краски,
Хвала Элизе и тебе, мой друг[11].

Нива пасторали оказалась весьма тучной для придворных поэтов: кто только не обрабатывал ее, не в последнюю очередь рассчитывая на щедрое вознаграждение самой королевы или патронов. Зеленые леса и луга, избранные в качестве декорации, населяли нимфами, а саму королеву уподобляли царственной охотнице Диане, чью свиту составлял их легкий рой. Перепевы этого мотива встречаются в елизаветинской литературе сотни и сотни раз. Вот, например, Уолтер Рэли: «Благословенны будут ее нимфы, с которыми она скитается по лесам, / Благословенны будут ее рыцари, исполненные истинной чести, / Благословенна сила, коей она направляет потоки, / Да воссияет Диана, дарующая нам все это!»

А вот Бен Джонсон подхватывает дифирамбы своего патрона, Рэли, лунной богине Цинтии — Елизавете:

> Гея, зависть отгони,
> Тенью твердь не заслоняй:
> Чистой Цинтии огни
> Озарят небесный край —
> Ждем, чтоб свет она лила,
> Превосходна и светла.
> Лук жемчужный и колчан
> Ненадолго позабудь
> И оленю средь полян
> Дай хоть малость отдохнуть;
> День в ночи ты создала,
> Превосходна и светла![12]

Ему вторит Джон Дэвис: «Нигде нет таких коротких ночей, как в Англии летом», ибо они озарены особым светом, исходящим от их английской Астреи — Елизаветы.

В общем хоре голосов, прославлявших божественную Элизу, вел то один, то другой, предлагая для нее все новые и новые имена и образы. Не беда, что все смешивалось в путаном сознании поэтов, и та, которая символизировала для них чистоту и непорочность (Весту, Астрею, «незапятнанную лилию»), могла вдруг причудливым образом перевоплотиться в королеву любви и красоты, саму Венеру, символ пылких страстей, сулящий неизъяснимые наслаждения. В конце концов эта непоследовательность была свойственна и самому прототипу литературных образов. Вот Джон Дауленд восклицает в экстазе: «Она, она, она, одна она — / Единственная королева Любви и Красоты!» А вот она является Спенсеру Венерой из пены:

Пою не вам, премудрые вожди,
Но лишь моей монархине священной:
Она вмещает в девственной груди
Щедроты и красы любви нетленной;
Пою богине, порожденной пеной,
Лишь той пою, что любит больше всех,
И больше всех любима во вселенной…[13]

Спенсер был самым талантливым, но и самым нуждавшимся из елизаветинских менестрелей. Он постоянно голодал и отчаянно искал покровительства то Лейстера, то Рэли, чтобы они представили его стихи королеве. Если бы он мог, то вставлял бы ее имя в каждую строку. Но ему удивительно не везло в жизни. Прекрасный поэт умер в нищете, не успев воспользоваться горстью золотых, присланных от очередного фаворита — графа Эссекса. В 1589 году он начал большую аллегорическую поэму «Королева фей». Она должна была стать энциклопедией куртуазности и наставлением благородным дворянам, рассказывая о подвигах излюбленного героя английских легенд короля Артура и его рыцарей в стране фей. Елизавета выведена в поэме трижды: как сама королева фей Глориана, как Бельфеба и как Британомарт, все три — героини отдельных историй о приключениях рыцарей (а ведь поэма осталась незаконченной; доведи Спенсер ее до конца, возможно, королева предстала бы и в новой ипостаси). Сказочная царица, загадочная, могущественная волшебница — такой воспел ее Спенсер, а ее земля — новый земной рай, благо, так удобно было обыграть созвучие имен «Елизавета» и «Элизиум» («Елисейские поля»):

И мыслилось, любое притязанье
Сей чудный остров утолить готов,
Любое прихотливое желанье;
Для каждого бы здесь нашлось очарованье.
Казалось, к смертным возвратился рай:
Столь дивное природы совершенство
Украсило роскошный этот край,
Что праведник, вкушающий блаженство
На небесах, избрал бы отщепенство,
Покинув Елисейские поля…[14]

«Королева фей» стала апогеем поэтической лести Елизавете. Однако сэр Уолтер Рэли, с чьей легкой руки поэма была представлена ей, сумел возвести поэтическую «надстройку» над

храмом славы, созданным Спенсером. Рэли написал сонет «На “Королеву фей” Спенсера», изящно польстив в нем и поэту, и коронованному предмету его восторгов. По его мнению, Спенсер превзошел самого Петрарку, а добродетели Елизаветы затмили Лауру — прежний идеал небесной чистоты:

Виденье было мне: я — в храме Славы,
Лаурина гробница предо мной,
И с двух сторон склонились величаво
Любовь и Добродетель над плитой.
Вдруг из-под свода свет блеснул мне яркий,
И я увидел Королеву фей;
И горестно заплакал дух Петрарки;
Благие стражи устремились к ней,
А на гробницу возлегло Забвенье.
Тут камни кровью обагрили храм,
И не одной, в нем погребенной, тенью
Был брошен вопль к высоким небесам,
Где дух Гомера, скорбно негодуя,
Клял похитительницу неземную[15].

Мотив счастливого управления «божественной Элизы» с середины 80-х годов перекочевал и на сцену, воплотившись в пьесах Лили, Шекспира, Джонсона. Для всех них, умевших очаровывать и очаровываться собственными фантазиями, королева Елизавета навсегда осталась «счастливым ангелом этой счастливой земли», олицетворением вечного мая и «золотого века» Англии. Вы скажете, они лишь льстили ей? Но когда старая королева Бесс уже покоилась в могиле и лесть была излишней, величайший из елизаветинских поэтов Уильям Шекспир сказал о ней:

…Дева,
Самой незапятнанной из лилий она
Вернется в землю, и целый мир ее оплачет.

Все они были детьми ее века — вдохновенного, героического, блестящего. И если в ее Элизиуме поэзия, литература, театр засверкали всеми цветами радуги, в этом была и ее заслуга. Ибо она была права: радуги не бывает без солнца.

Глава V
СТАРАЯ РЫЖАЯ БЕСС

Я могла бы стерпеть пренебрежительное отношение к себе, но предупреждала: не трогайте мой скипетр!

Елизавета I

Белая роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви

Как ни старалась Елизавета вырваться из-под власти неумолимого времени, оно брало свое. Не зная, как справиться с ней, жадный Хронос пожирал ее друзей. Один за другим уходили те, кто долгие годы окружал королеву, ее преданные слуги, романтические возлюбленные, верные советники — графы Шрусбери и Уорик, видный дипломат Томас Рэндолф, одна из старейших и любимых камеристок Бланш Перри. В 1588 году она лишилась Лейстера; Уолсингем, пылкий протестант, незаменимый секретарь, глава ее разведки, и преданный Кристофер Хэттон едва преодолели рубеж 90-х годов. Старый лорд Берли все еще был с ней и по-прежнему вникал во все государственные дела, но его старческая слабость, приступы подагры, надолго отрывавшие его от работы, указывали на то, что и он не вечен. Все чаще среди деловых бумаг и официальных донесений у него на столе появлялись рецепты всяческих снадобий, целебных бальзамов и притираний. Понимая, что его век подходит к концу, лорд Уильям позаботился о достойном преемнике, которому можно было бы без страха доверить дела королевства. Он нашел его в лице собственного сына — Роберта Сесила. Это был еще сравнительно молодой человек, неказистый на вид, сутулый, даже горбатый, но унаследовавший лучшие деловые качества своего великого отца. Сесил был умен, проницателен, хитер. Коварен и беспринципен — добавили бы его враги. Однако это не было бы справедливо: он верой и правдой служил королеве Елизавете до конца ее дней, свято следуя завету отца: не пытаться вводить государыню в заблуждение, тем более что это никому никогда не удавалось. Елизавета безоговорочно приняла выбор своего Духа и мысленно уже примеряла к Сесилу должность государственного секретаря.

Но кто же заменит ей остальных покинувших ее друзей? Оставался Рэли, но она охладела к нему, хотя формально и вернула свое расположение. Меланхолия все чаще охватывала ее. И только вид некоего юного и прекрасного лица выводил ее из мрачной задумчивости. То был изящный кареглазый Роберт Девере, граф Эссекс.

Его привел ко двору Роберт Лейстер: мальчик был его пасынком, сыном Летиции Ноллис от ее брака с Уолтером Девере, первым графом Эссексом. Юный Роберт подавал большие надежды; он получил великолепное образование в Тринити-колледже в Кембридже, и его излюбленные предметы — история и философия — совпадали с пристрастиями королевы. Ему легко давалось стихосложение, его латинский, греческий, французский и итальянский были безупречны. В довершение всего юноша был высок, строен, ладно сложен, прекрасно музицировал и танцевал. «Чего ж вам боле? Свет решил, что он умен и очень мил». Что, впрочем, было чистой правдой. Он обладал еще одним несомненным достоинством — в его жилах текла голубая кровь английских королей. Эссекс был потомком Эдуарда III сразу по двум линиям — Томаса Вудстока и Эдмунда Лэнгли. Королева, знавшая цену древним, а не свежеиспеченным родословным, не могла не приветить при своем дворе юношу, обещавшего стать украшением английской аристократии. Возможно, Лейстер привел его не без дальнего прицела, желая противопоставить пасынка Уолтеру Рэли, отвлечь королеву от чар голубоглазого девонширца. Если Эссекс был приманкой, то она сработала. Елизавета подпала под обаяние его свежести и молодости и стала отличать среди остальных. Ему еще трудно было тягаться с Рэли, но со временем юноша обещал вырасти в серьезного противника.

Красавец и галантный кавалер, он вовсе не был пустышкой. Молодого человека переполняли героические порывы. Настоящее дитя своего века, истинный елизаветинец, он грезил о подвигах, о славе, о морских путешествиях и, разумеется, о том, чтобы королева-Солнце отметила его доблести своим вниманием. Он застал ее в зените славы, полубогиней и немедленно принес ей оммаж галантной любви, лести и преклонения, включившись в самую увлекательную из придворных игр.

В 1585 году Эссекс отправился вместе с отчимом в Нидерланды завоевывать славу. Там он подружился с Филиппом Сидни. Они вместе геройствовали на поле боя, и здесь Лейстер произвел юного графа в рыцари. Фортуна благоволила к молодому человеку: девятнадцатилетний, он уже слыл славным воином, и отчим доверил ему командовать своей кавалерией. Позднее Эссекс весьма рассудительно писал другу: «Если Вам

случится воевать, помните, что лучше сделать больше, чем недостаточно, ведь за первыми шагами молодого человека наблюдают особенно пристально. Хорошую репутацию, завоеванную однажды, легко удержать, а исправить первое неблагоприятное впечатление непросто». Его собственной репутации мог позавидовать любой. Смерть Сидни в 1586 году наложила особый отпечаток на судьбу Эссекса. Умирая, Сидни завещал молодому другу свой меч и просил позаботиться о жене — прелестной Фрэнсис Уолсингем, дочери секретаря Уолсингема. Его гибель в расцвете лет произвела на романтически настроенного Эссекса сильное впечатление: ему казалось, что он принимает эстафету, выпавшую из рук первого рыцаря Англии. Отныне первым становился он.

По возвращении из Нидерландов Елизавета приняла Эссекса более чем милостиво, подолгу беседовала с ним, находя, что юноша не только приятен, но и умен. Постепенно он стал одним из тех немногих избранных, кто накоротке допускался в ее покои. Его друг и помощник Энтони Бэгот с нескрываемым торжеством писал отцу, что королева ни на шаг не отпускает графа от себя, «только с ним вдвоем просиживает по вечерам за картами или какой-нибудь другой игрой, так что к себе он возвращается только под утро, когда начинают петь птицы». Что бы это ни означало на самом деле, в глазах всего двора Эссекс стал ее признанным фаворитом. Лунная богиня, повелительница вечерней зари, пятидесятичетырехлетняя Цинтия избрала себе нового, двадцатилетнего поклонника, как всегда безошибочно угадав в нем лучшего и достойнейшего. Была ли это ее последняя влюбленность? Кто знает. Бесспорно одно: то была ее последняя прекрасная игра в любовь…

Она произвела его в кавалеры ордена Подвязки и в генералы кавалерии. Но если кто-нибудь, и в первую очередь сам юноша, полагал, что ему не придется делить ее расположение с другими, он горько заблуждался. Она по-прежнему играла с поклонниками в кошки-мышки, держа всех в мягких кошачьих лапах, то поощряя, то награждая неожиданными шлепками. Один из елизаветинских царедворцев, Р. Наунтон, как-то проницательно заметил: «Она управляла… при помощи группировок и партий, которые сама же и создавала, поддерживала или ослабляла в зависимости от того, что подсказывал ее рассудок… Она была абсолютной и суверенной хозяйкой своих милостей, и все те, кому она оказывала расположение, были не более чем держатели по ее воле и зависели только от ее прихоти и собственного поведения».

На каждом шагу путь Эссексу преграждал Рэли (иногда

буквально: стоя на карауле перед входом в ее личные покои как капитан джентльменов-пенсионеров). Тот, гордый и нетерпеливый, не мог смириться с любым соперником, а с таким, как сэр Уолтер, тем более. Аристократ в нем восставал против «выскочки», который пользовался таким влиянием на королеву и ее бесконечными милостями. Она же со снисходительной улыбкой наблюдала за стычками соперников. Летом 1587 года Эссекс жаловался другу: «С тех пор, как мы с тобою виделись, все очень странно повернулось против меня. Вчера королева пришла… поговорить о Рэли и, кажется, не могла стерпеть ни одного слова, сказанного против него; ухватившись за мое выражение “презрение”, она сказала, что у меня нет никаких оснований презирать его. Эти речи меня так встревожили, что я прямо высказал ей, кем он был прежде и кто — сейчас, и спросил: могу ли я и далее терпеть его соперничество в любви, успокоиться и по-прежнему служить госпоже, которая находится во власти такого человека? Чего я только не наговорил против него в огорчении и возбуждении, и думаю, он вполне мог слышать все самое худшее, что я сказал о нем, стоя под дверью. В конце концов я увидел, что она намерена защищать его и готова поссориться со мной, и сказал ей: мне не будет счастья нигде в другом месте, но я не могу находиться подле нее, когда знаю, что моя страсть отвергнута, а такого испорченного человека, как Рэли, она ценит столь высоко». Эта бурная сцена разыгралась во время летнего путешествия по стране, и, будучи не в силах выносить насмешливо-снисходительного отношения своей «обожаемой королевы», Эссекс среди ночи поднял на ноги сонных слуг, вскочил в седло и умчался вместе со свитой из замка, где расположился двор, обратно в столицу. Она же только посмеивалась и требовала, чтобы ее фавориты «подружились».

Своеволие и неуправляемый нрав Эссекса даже нравились Елизавете: вспышки гнева и ревности этого мальчика были так похожи на настоящую влюбленность. Муки уязвленного самолюбия и суетное тщеславие казались любовью и ему самому. Королева милостиво улыбнулась вновь появившемуся при дворе молодому лорду Маунтджою? Она подарила ему в знак расположения фигурку королевы из своих шахмат и тот с гордостью носит ее на цепи? «Я вижу, теперь каждый дурак может попасть в фавор», — процедил сквозь зубы оскорбленный Эссекс, и оба молодых человека немедленно потянулись за шпагами (после дуэли, стоившей графу нескольких капель крови из царапины на руке, они станут близкими друзьями). Государыня по-прежнему оказывает милости Рэли? Граф, не долго думая, решает оставить Англию и снова вернуться воевать в

Нидерланды. Возможно, в пути ему уже рисовалась картина его собственной героической гибели и слезы неблагодарной госпожи, но на полпути его нагнал посланный ею Роберт Сесил и вернул беглеца домой. Романтическому воздыхателю ничего не оставалось, как превращать свои горестные вздохи в элегии и преподносить их королеве. Она бывала тронута и заверяла «милого Робина II» в том, что конечно же любит его. Эссекс мрачно лелеял свои печали и обиды. В стихах он как-то уподобил себя отверженной пчеле, которая одна из всего роя не наслаждается ароматом розы и белого шиповника, в то время как другие требуют себе еще и еще сладкого нектара.

Трудно не узнать Эссекса этих лет в прелестной и самой поэтичной миниатюре Николаса Хиллиарда, изображающей тоскующего влюбленного среди роз. Хотя имя позировавшего художнику молодого человека осталось неизвестно, сходство его лица с другими портретами молодого графа поразительно. Все символические детали, которыми обильно насыщена эта миниатюра, указывают на то, что страдающий юноша болен любовью к королеве. Он одет в ее цвета: белый — символ девственности и черный — символ постоянства. Левую руку он прижимает к сердцу, там, где вьются белые цветы шиповника — одного из двух ее официальных цветков-атрибутов. Наконец, надпись на миниатюре делает сходство загадочного влюбленного с Эссексом еще более очевидным: «Dat poenas laudata fides» («Моя прославленная верность причиняет мне страдания»). Возможно, миниатюра предназначалась в подарок Елизавете и должна была пробудить в ней ответную страсть. Ах, если бы только ему не мешали другие! Ибо в это же самое время и Рэли заказал свой портрет в чернобелой гамме, и если Эссекс клялся в любви к Елизавете-Шиповнику, то сэр Уолтер — к королеве-Луне. Он поместил лунный серп в левом верхнем углу портрета, чуть выше надписи: «Любовь и доблесть».

В последнем тридцатичетырехлетний Рэли превосходил своего двадцатидвухлетнего соперника. В год Армады, когда капитан Рэли сражался с испанцами, Елизавета не отпустила Эссекса от двора, как обыкновенного мальчишку. Возможно, она просто боялась его потерять: в горячке боя он был склонен подвергать себя неоправданному риску. Но граф был в бешенстве. В следующем году он взял реванш, без разрешения сбежав в Плимут к адмиралам Дрейку и Норрису, собиравшимся в рейд к берегам Португалии. Она в ту пору оказалась присоединена к Испании, и в Англии нашел пристанище португальский принц Дон Антонио, считавшийся претендентом на португальский престол, который и должна была вернуть ему затевавшаяся

экспедиция. Посланцы королевы снова мчались за Эссексом вдогонку, но он успел погрузиться на корабль и выйти в море раньше остальной эскадры. Молодой человек бежал от королевы в погоне за фортуной, чтобы, поймав удачу, с ее помощью крепче привязать к себе все ту же Елизавету. По здравому размышлению можно было бы остаться дома и интриговать при дворе, но граф предпочел бравировать под Лиссабоном, вызывая любого испанца на поединок во имя своей госпожи. Это продолжалось до тех пор, пока дама сердца не потребовала его возвращения в таких выражениях, что молодой искатель приключений был вынужден подчиниться. Возможно, чтобы утешить его, и осознавая, что первый среди английских аристократов граф Эссекс далеко не богат и потому рискованные экспедиции всегда будут привлекать его как возможность раздобыть деньги, Елизавета в 1590 году сделала ему поистине королевский подарок — монополию на торговлю в Англии заморскими сладкими винами, которой раньше владел Лейстер. Молодой граф заменил его и здесь.

Сам же он страстно желал быть незаменимым везде и во всем: на военной службе, в государственном управлении, в организации придворных развлечений и турниров. Удивительно, как королева умела заставить своих фаворитов проявить все свои способности и поставить их на службу делу. Эссексу, обладавшему широкими связями при иностранных дворах и отличным знанием языков, она предназначила внешнеполитическое поприще: с помощью своего друга и секретаря Фрэнсиса Бэкона он вскоре стал курировать дипломатические отношения с Нидерландами и Францией и вел государственную переписку с этими странами. Порывистый юноша на глазах превращался в государственного деятеля. В 1591 году королева отправила его во главе четырехтысячной армии во Францию на помощь Генриху Бурбону против Католической лиги. Соседей по-прежнему раздирали религиозные распри, и Англия не могла не вмешаться на стороне гугенотов, тем более что Испания активно поддерживала французских католиков. Английский корпус, базировавшийся в Нормандии, ничего существенно не изменил в ситуации, но Эссекс прославился среди французов личной храбростью и в то же время обходительностью. Генрих и его сестра Екатерина Бурбон величали его «кузеном и дорогим другом» и всячески превозносили в письмах к королеве Елизавете. Против всех ожиданий, она не была рада такому успеху своего любимца в глазах другого монарха. Королева запретила Эссексу принимать от Генриха знаки воинского отличия и выразила недовольство тем, что в этой кампании он как командующий произвел в рыцари двадцать одного дворянина.

Чужая слава и то, что граф становился патроном большого числа молодых людей, вызывали у нее ревность. У ее подданных не должно было быть иной госпожи и покровительницы кроме нее самой.

В начале 90-х годов ее отношения с Эссексом дважды омрачались неприятными инцидентами. Один носил политический характер, другой — глубоко личный, и неизвестно, который ранил ее сильнее. В Амстердаме вышла книга некоего Долмена (английская разведка полагала, что за ним стоят отцы-иезуиты), посвященная проблеме престолонаследия в Англии после смерти королевы Елизаветы. В стране эта тема по-прежнему оставалась табу. Острота вопроса не притупилась после казни Марии Стюарт, так как Елизавета пребывала уже в преклонных годах, но решительно отказывалась определить своего преемника на троне. Поскольку католические фанатики не оставили мысли убить ее, такое упорство казалось более чем опрометчивым. Книга была неприятна Елизавете по многим причинам: потому что напоминала ей о возрасте и скорой смерти, потому что автор называл законной претенденткой на английскую корону испанскую инфанту и не в последнюю очередь потому, что вредная книга оказалась официально посвящена графу Роберту Эссексу. Он и сам был поражен этим неожиданным посвящением и считал это происками иезуитов, решивших скомпрометировать его в глазах королевы. Тем более что его агенты незадолго до этого сыграли важную роль в раскрытии так называемого дела Лопеса — очередного испанского заговора с целью убить Елизавету. Он, разумеется, легко оправдался — ни один человек в Англии не заподозрил бы в графе нелояльного подданного. Но семя сомнения было заронено в душу королевы: Елизавете напомнили, что он — потомок Плантагенетов и популярный политический деятель, имя которого упоминается в связи с ее возможной кончиной. Понадобилось всего несколько лет, чтобы это семя дало горькие всходы.

Другая обида была нанесена королеве его браком, о котором стало известно в 1590 году. Вернувшись из Нидерландов в 1586 году, Эссекс выполнил завет Филиппа Сидни и через шесть месяцев женился на его вдове. Сдержав слово, он тем не менее оставил ее в доме ее отца, Уолсингема, вместе с ее дочерью от Сидни, и никогда не жил с ней под одной крышей. Когда же секретарь Уолсингем умер, молодая женщина осталась без покровителя, и муж, естественно, должен был взять на себя заботу о ней. Об их браке стало известно, к тому же графиня Эссекс снова готовилась стать матерью. Реакцию Елизаветы было нетрудно предугадать. Хотя на этот раз обошлось без Тауэра,

Эссекс попал в опалу, а Фрэнсис Уолсингем было отказано от двора. Однако нельзя было не признать, что женитьба Эссекса выгодно отличалась от скандальных браков Лейстера или Рэли. Графу удалось убедить Елизавету, что нарушить волю умирающего он не мог, но он всегда был и останется самым верным поклонником своей королевы и только ей принадлежат его любовь и верность. Он был убедителен. Он был несчастен. Он был талантливо несчастен, появившись на турнире 17 ноября облаченным в траур — заживо погребенный непонятый влюбленный. Елизавета не могла не простить, и вскоре их идиллия возобновилась; оставив траур, он вновь гремел на ристалище речами и копьями в ее честь. Всякий раз во время турнира королева даровала кому-то из рыцарей свою перчатку в знак расположения. В 1595 году Эссекс завладел этим вожделенным сувениром. Аромат красной розы и нектар белого шиповника отныне предназначались ему.

Королева, герои и секретари

Мир между тем вступал в 90-е годы, королева Елизавета — в свой шестой десяток, а Англия и Испания — в третье десятилетие необъявленной войны. С этой странной войной все давно сжились, и уже выросло не одно поколение протестантов-англичан, с молоком матери впитавших убеждение, что испанцы — их заклятые враги. Тем не менее собственно военных действий, которые могли бы всерьез угрожать той или иной стороне, со времени гибели Армады не велось, хотя периодически и возникали панические слухи о подготовке нового испанского флота. Лишь отдельные столкновения где-то далеко на просторах океана и нечастые теперь пиратские рейды заставляли конфликт тлеть. Англия, подобно мирному муравейнику, жила своими заботами и деловой суетой, и только неутомимая каста муравьев-солдат по привычке рвалась воевать. Они были так запрограммированы и ничего другого не умели. Для дворян, чьи поместья были давно проданы за долги, для аристократов, веками воспитывавшихся в идеалах рыцарской чести и воинского служения, для джентльменов с западного побережья, превратившихся в профессиональных пиратов, война с ее трофеями и «призами» была призванием и средством к существованию. Они были готовы драться с испанцами когда угодно, где угодно и сколько угодно. Гордые, воинственные и вечно опутанные долгами, они могли вызвать сочувствие, а порой и насмешку. Великий комедиограф Бен Джонсон вывел в одной из

своих пьес такого лихого капитана, собравшегося «уничтожить всех испанцев с помощью одной его дворянской персоны». Его план был незамысловат: он и десять его друзей вызывают на поединок десятерых идальго и убивают их, потом еще десятерых, потом еще — и так до полной победы над Испанией. Обиженные этим шаржем прототипы подали на драматурга в суд.

Среди них были и настоящие герои, убежденные сторонники протестантского дела, но 90-е годы не были благоприятны для их предприятий. Зимой 1595/96 года легендарные адмиралы Хоукинс и Дрейк отправились в очередной налет на побережье Карибского моря, из которого им не суждено было вернуться. За прошедшие годы испанцы многому научились: их береговая линия и форты оказались хорошо укреплены, а «серебряные» флоты ходили теперь с сильными военными конвоями. Англичанам не удалось захватить, как они планировали, Пуэрто-Рико, не досталось им и другой добычи. К осени оба адмирала подхватили лихорадку. Первым умер Хоукинс. Дрейк промучился в своей каюте до января. 28 января он потребовал принести свои боевые доспехи, облачился в них и умер как настоящий воин. Его тело, завернутое в Георгиевский флаг, моряки опустили в волны у Пуэрто-Белло. Ушел еще один из великих елизаветинцев, творивших вместе с королевой ее эпоху.

Их смерть требовала отмщения, а сердца молодых героев жаждали славы, которой были овеяны их предшественники. Эссекс, разумеется, не был исключением. Он стал душой плана нового налета на Кадис, который должен был стать возмездием испанцам, а также принести добычу и славу. Его поддержали адмирал Ховард, последний из героических елизаветинских стариков, и Уолтер Рэли. На время два фаворита оставили распри ради общего дела; как ни странно, только война могла сблизить их. Елизавета не одобряла этой затеи. Она, как всегда, думала о расходах и не собиралась давать ни пенни. Кроме того, ей не хотелось ворошить угли в костре и снова раздувать конфликт. Фавориты в один голос убеждали ее, суля большую добычу и подъем международного престижа. Неохотно она согласилась и оторвала от себя пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Эссекс, забыв об усталости, снаряжал экспедицию; казенных денег не хватало, и он вложил свои: «Я не тронул ни пенни из денег Ее Величества и потратил огромное количество своих. Я плачу жалованье пяти тысячам солдат, поддерживаю всех нуждающихся офицеров и капитанов. Сам я делаю гораздо больше, чем положено и оплачивается по должности, мои друзья, мои слуги, все, кто последовал за мной, забыли об отдыхе… И все же я не услышал ни единого слова поддержки или благодарности».

В июне 1596 года эскадра с большим десантом, которым командовал Эссекс, двинулась к берегам Испании, направляемая Ховардом и Рэли. Кадис оказался и на этот раз легкой, но незначительной добычей, которой хватило лишь на выплату жалованья солдатам и матросам. Пробыв несколько дней губернатором покоренного города, Эссекс очаровал своей обходительностью местных дам и население в целом. Один испанец писал о нем: «Рассказы и мнения о графе здесь таковы, что все без исключения говорят о нем только хорошее». Пожалуй, единственным приобретением для Англии в результате этого рейда стала ценнейшая коллекция испанских книг, которую Эссекс за неимением другой добычи увез из Кадиса (ныне они хранятся в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде). Как и следовало ожидать, разочарованные итогами экспедиции, ее предводители перессорились и, не сумев договориться о дальнейших действиях, решили вернуться домой. Если бы они задержались в Кадисе еще ненадолго, огромная добыча сама приплыла бы им в руки: испанский флот с серебряными слитками вошел в порт сразу после их ухода. Тем не менее возвращение героев было триумфальным — они вновь воспламенили национальные чувства. Лавры в основном достались молодому и прекрасному Эссексу, так как ни Ховард, ни Рэли не были популярны в народе. Графа же Лондон встречал как античного триумфатора, величая его «английским Сципионом», «мечом Англии», посвящая ему баллады. «Прекрасный лорд, даже в воинственном гневе прекрасный», — пели придворные дамы под аккомпанемент лютен популярную песенку. На гребне славы он произвел в рыцари тридцать семь человек.

Елизавета, между тем, выходила из себя. Полученная добыча не покрывала ее расходов, и она не видела повода торжествовать, а тем более так щедро раздавать полунищим юнцам рыцарские звания, которыми она всегда дорожила. Графа вместо радостных приветствий ждал ушат холодной воды. Более того, она запретила печатать отчет о победе под Кадисом, хотя пропагандистский памфлет был уже готов.

Обиженный Эссекс не понимал истинных причин столь холодного приема. Их объяснил ему Фрэнсис Бэкон, его рассудительный и дальновидный секретарь. Он предложил фавориту встать на точку зрения королевы и взглянуть на себя ее глазами: «Неуправляемая натура, человек, который пользуется ее расположением и осознает это, с состоянием, не соответствующим его величию, популярный, имеющий в своем подчинении множество военных… Я спрашиваю, может ли возникнуть более опасная картина в воображении любого

монарха, а тем более женщины, ее величества?» Рецепт, прописанный ему Бэконом, гласил: оставить на время военные амбиции и заняться государственными делами, усилив тем самым свое влияние на королеву.

Однако воспользоваться этим советом оказалось непросто. Непотопляемый тандем Берли — Сесил надежно контролировал сферу государственного управления. На стороне лорда Уильяма были полувековой опыт, безграничное доверие королевы, мудрость и уравновешенность, а помимо этого десятки преданных ему клиентов — его ставленников на всех важных государственных постах. Век Елизаветы можно по праву назвать временем торжества «человеческого фактора» в государственном управлении, ибо при том, что центральный административный аппарат уже представлял собой достаточно совершенную бюрократическую машину, основная масса «чиновников» тем не менее не получала жалованья из казны. Им платили за службу те высшие должностные лица, которые набирали их в свой штат секретарями, помощниками, клерками. Иногда сама должность предполагала получение законного вознаграждения с тех, кто обращался по делам к официальному лицу. Неудивительно, что крупные политические фигуры укомплектовывали государственный аппарат своими ставленниками, родственниками и сторонниками.

Приход в большую политику Эссекса означал неизбежное вторжение в эту сферу его аристократических друзей, сравнительно молодых и воинственных, а также борьбу за должности для мелкой сошки вроде преданных ему ветеранов французской, голландской и португальской кампаний. Все, кого он произвел в рыцари, с надеждой ждали от своего патрона новых милостей и покровительства, и Эссекс без устали ходатайствовал за этих людей, более уместных на поле боя, чем в коридорах власти.

Его собственное воцарение на административном Олимпе прошло без затруднений, благо способности Эссекса не вызывали сомнений. В 1593 году королева ввела его в состав Тайного совета. Всего двадцати семи лет от роду он стал одним из первых министров королевства. Два портрета графа Роберта дошли до нас с той поры, отражая его метаморфозу после возвращения из-под Кадиса. На первом, кисти Маркуса Гирердса-младшего, он предстает во весь рост на фоне морской бухты и горящего вдалеке Кадиса, со шпагой на боку, кинжалом за поясом, жезлом в руке и двумя рыцарскими знаками — Святого Георгия на груди и ордена Подвязки под коленом. Его волосы свободно развеваются, и отблески далекого пламени бросают на лицо тревожные тени. Он

весь — олицетворение воинственного начала и славы. Другой портрет написал в это же время Исаак Оливер, увидевший графа спокойным и даже благостным, с ухоженной окладистой бородой. Его еще недавно растрепанные кудри гладко причесаны, в глазах нет тревоги, а на губах играет сдержанная улыбка. Очень скромный костюм довершает его новый образ серьезного и ответственного государственного деятеля.

Если бы он только мог оставаться таким всегда! Но неуправляемая натура графа брала свое: он и здесь хотел быть первым, поэтому между ним и кланом Сесилов разгорелась настоящая война за влияние на королеву. Современники ясно видели, что «при дворе было только два человека, обладающих властью и постоянно враждующих между собой, — Эссекс и Сесил с их приверженцами». Секретарь графа Энтони Бэкон вспоминал: «Порой Эссекс одерживал верх и заставлял “старую лису” заискивать и скулить… В другой раз брал верх Сесил, все важные дела шли через его руки, он превращался в объект всеобщего преклонения и страха… и он проходил через приемную во дворце с бумагами, никого не замечая на пути, в то время как Эссекс переживал в Уонстеде».

Елизавета была склонна доверять выбору старого лорда Берли и его сыну Роберту, оставляя людей Эссекса обиженными, а его самого взбешенным. Целая серия поражений вывела его из себя. Он не смог добиться для Фрэнсиса Бэкона ни должности генерального адвоката, ни генерального прокурора — оба места заняли ставленники Сесила. Весьма доходный пост главного опекуна над молодыми несовершеннолетними дворянами также уплыл в руки тихого невзрачного секретаря. И когда Эссекс проиграл спор за несколько менее значительных должностей для своих протеже, он наконец вспылил и демонстративно покинул двор.

Елизавета всегда тонко чувствовала ту меру унижений и обид, которую были способны снести ее фавориты. После долгих уговоров она вернула графа и осыпала его подарками и милостями. По крайней мере ни один из ее любимцев не мог посетовать на однообразие придворной жизни — она изобиловала не только падениями, ушибами, но и взлетами.

Однако очередные ухабы уже поджидали воспрянувшего было Эссекса. Он задумал экспедицию к Азорским островам, чтобы подстеречь там испанский флот с золотом, но неудачи и штормы с самого начала преследовали англичан, и добыче удалось ускользнуть от них. Королева обдала холодом несчастного воителя, и Эссекс, не в силах вынести этого, сказался больным и покинул двор. Излюбленный прием его отчима и

предшественника на этот раз не сработал: прежде чем начать уговаривать фаворита вернуться, Елизавета вонзила в его сердце две острые шпильки, произведя адмирала Ховарда в графы, а Роберта Сесила — в канцлеры герцогства Ланкастер. Именно в происках этого неказистого коротышки все чаще видел Эссекс причину всех своих неудач и немилости государыни. Под предлогом болезни он замкнулся в мрачном одиночестве и даже не явился на традиционный турнир 17 ноября. Доведя фаворита до точки кипения, Елизавета неожиданно произвела его в маршалы Англии. Он немедленно почувствовал себя лучше и возвратился ко двору. Весной их отношения с королевой были идиллическими. Роберт Сесил отбыл на переговоры во Францию, и Эссекс вел все его дела. Придворный Р. Уайт писал: «Милорд Эссекс исправно является к королеве и до некоторой степени взял на себя все обязанности секретаря, показав себя очень ответственным в их исполнении… Расположение к нему здесь растет».

Недолгий штиль, как и предшествовавшая ему размолвка, оказался лишь прелюдией к разыгравшейся вскоре буре. Причиной ее стал извечный вопрос о войне и мире.

Тридцатилетний конфликт с Испанией оборачивался для Англии массой отрицательных последствий. Из-за взаимной блокады и пиратства прервалась нормальная торговля с Испанией, Португалией и их доминионами в Новом Свете. Поскольку вся Европа раскололась на католиков и протестантов и обе страны усиленно интриговали везде, где возникали религиозные конфликты, для подданных протестантской королевы закрылись рынки во многих прокатолических регионах Германии, Австрии, Франции. А союзники-кальвинисты в Голландии по иронии судьбы оказались торговыми соперниками Англии. Когда английские волонтеры сражались в Нидерландах, голландские купцы продолжали торговать с Испанией и даже поставлять ей оружие (поистине, капитал был интернационален и не признавал ни идейных, ни религиозных барьеров). Английские рыбаки постоянно конфликтовали с голландцами и из-за рыбных промыслов. Роберт Сесил писал о северных союзниках: «Никакой враг не может вызвать большего неудовольствия, чем они с их ежедневной торговлей с Испанией». Ему вторили английские купцы: «В то время как мы, вступая в войну ради них и их защиты, испытываем затруднения в торговле, они лишают нас ее, в ущерб нам и на благо себе». Купечество и портовые города особенно сильно пострадали из-за сокращения торговли, но кризис сбыта затронул и другие слои населения. Гордость Англии — сукно, которое она веками поставляла на континент, лежало без

движения на складах торговых компаний: его было некуда и незачем везти. Суконщики и ткачи теряли работу. Лорд Берли опасался скорого социального взрыва: «Это не может не оказать опасного воздействия на народ королевства, в прежние мирные времена существовавший за счет этого ремесла, а ныне вынужденный или умирать в нужде, или прибегать к насилию… открытому грабежу других — плоду восстания». Война была разорительна не только для подданных, но и для казны. Все труднее было содержать английские контингенты в Нидерландах и во Франции, а морские экспедиции в 90-х годах почти не приносили дохода. Конфликт перестал окупать себя. Всегда прижимистая и расчетливая королева понимала это очень хорошо. В ее совете сложилась целая группа государственных деятелей, разделявших эту точку зрения — лорд Берли, Сесил, граф Сассекс, лорд Кобэм, генеральный прокурор Кок, верховный судья Эджертон и др. Большинство из этой «партии мира» принадлежало к профессиональным юристам и чиновникам — «секретарям», «длинным мантиям».

Все в их позиции возмущало Эссекса и его сторонников — «партию войны». Они взывали к патриотизму, протестантскому долгу, стращали испанской католической угрозой. Громкой фразой никого нельзя было обмануть, все, причастные к политике, — и англичане, и иностранные дипломаты, — единодушно полагали, что Эссекс защищает узкие корпоративные цели и интересы профессиональных военных. По мнению французского посла де Мэсса, «граф Эссекс, без сомнения, не имеет стремления к миру, будучи молод и честолюбив. Он понимает, что если будет заключен мир, у него не будет больше средств поддерживать свою репутацию у народа и знати». Ему вторил посол Венеции Контарини, убежденный, что граф настаивает на том, «что не следует заключать мира с Испанией, по-видимому, ради того, чтобы всегда быть вооруженным и иметь большую свиту сторонников». Эссекс и не скрывал своих симпатий к воинственному дворянству. В 1598 году он выпустил в свет памфлет «Апология войны», где писал: «Я люблю их, ибо они — лучшая броня Англии в обороне и ее оружие в наступлении». Это была правда, но не вся. Другая ее сторона виделась современникам так: эти «необеспеченные, грубые, распущенные, невежественные и низкие люди — полковники, капитаны, лейтенанты, сержанты и другие офицеры — сделали свои должности прибыльным делом и, невзирая на долг и совесть, торгуют кровью и жизнями своих солдат, чтобы обеспечить свою расточительность и злоупотребления».

Привести к общему знаменателю позиции партий «мира» и

«войны» представлялось решительно невозможным. Оставалось лишь ждать, какая из них одержит верх, склонив на свою сторону чашу весов, находившихся в руках королевы, ибо за ней, как всегда, было последнее слово. Чтобы повлиять на свою госпожу, Эссекс решил прибегнуть к изысканной форме пропаганды. На турнире 17 ноября он преподнес ей щит с символическим и исполненным горького смысла изображением: на весах перо секретаря перевешивает пушку — намек на то, что «длинные мантии» одерживают верх над воплощением чести и благородства. В последний раз к его голосу присоединился голос Уолтера Рэли, тоже принадлежавшего к «партии войны». Уже после смерти королевы Елизаветы он с горечью писал: «Если бы королева верила своим военным так же, как своим секретарям… мы разбили бы эту великую империю на куски и превратили бы ее королей в повелителей фиг и апельсинов, кем они и были в прежние времена».

Пока в Тайном совете шли дебаты о том, стоит ли англичанам сесть за стол переговоров во Франции, где Генрих IV собирался подписывать мир с испанцами, и поставить под договором свои подписи, Елизавета молча выслушивала обе стороны, размышляла и подсчитывала. Берли приводил веские аргументы: английский плебс склонен к мятежам и ненавидит знать, надежда на военные субсидии от сословий королевства слаба, соседи со всех сторон ненадежны, силы Испании далеко не исчерпаны, в то время как английская казна опустошена, опасности войны непредсказуемы, а расходы на нее нескончаемы. Эссекс горячился и заявлял, что из-за вероломства испанцев, их имперских замашек и преследований истинной веры мир, заключенный с Испанией, будет позорным и ненадежным. Утомленный старик Берли внимательно посмотрел на своего оппонента и ответил на латыни: «Тот, кто жаждет крови, сам не проживет долго». Он и на этот раз не ошибся в своем пророчестве.

Летом 1598 года королева пребывала в раздражении. Она хотела мира, но все-таки не подписывала его, делая уступку Эссексу и его партии. А со всех сторон подступали все новые проблемы, и одной из них был мятеж в соседней Ирландии, которую англичане уже много веков подряд силились подчинить своему господству. Туда следовало немедленно послать армию, но прежде требовалось назначить главнокомандующего. Эссекс был самой подходящей кандидатурой, но не хотел ехать, оставляя за спиной могущественных противников, способных в его отсутствие повлиять на королеву и убедить ее подписать мир. Однако он не желал и видеть кого-нибудь другого во главе армии. Время уходило, все теряли терпение, и наконец нарыв прорвался:

во время споров о будущем лорде-депутате Ирландии Эссекс повернулся к королеве спиной и довольно отчетливо пробормотал, что «ее условия так же кривы, как и ее корсет». Елизавета в ее шестьдесят пять лет не утратила ни остроты слуха, ни быстроты реакции и немедленно наградила фаворита звонкой пощечиной. Граф непроизвольно схватился за шпагу, воскликнув, что не стерпел бы такого даже от самого Генриха VIII. Его, разумеется, удержали и увели, а через несколько дней последовало примирение, но ни одна из сторон при этом не верила в искренность другой. Неизвестно, что более задело королеву — оскорбительное упоминание о «кривом корсете» или что ее собственный подданный осмелился поставить ее ниже Генриха VIII. Эссекс, как и все остальные фавориты, допускал ошибку, видя в ней лишь обыкновенную капризную женщину, вознесенную на трон. Она же могла в любой момент отбросить игру во флирт, ибо была государыней по призванию.

Проклятое лето 1598 года продолжало приносить ей новые беды. 4 августа умер лорд Уильям Берли. Ее Дух, ее самый верный советчик и друг, покинул ее. В течение тридцати девяти лет они составляли удивительный дуэт и вместе вели страну через опасности и рифы. Он был ее внутренним голосом, вторым «я», заставляя видеть оборотную сторону всех вещей. Отныне она оставалась один на один со всеми своими сомнениями.

После смерти лорда Уильяма оказалась вакантной должность лорда-хранителя печати — один из важнейших постов в королевстве. Двое стремились заполучить его — сын Берли, государственный секретарь Роберт Сесил, и другой Роберт, Эссекс. Королева не колебалась ни минуты: она отослала фаворита воевать в Ирландию, передала государственную печать престарелому лорду Эджертону, а Сесилу вверила все дела его покойного отца. Она знала цену деловым качествам своих людей и никогда не смешивала приятную игру с делом.

Падение Икара

24 марта 1592 года граф Эссекс покидал Лондон во главе двадцатитысячного войска, отправляясь усмирять ирландских мятежников. Его провожала ликующая толпа, поэты подносили к стремени героя свои творения — «На искоренение зловредного мятежа», «Пожелание счастливого пути», «Приветствие по возвращении домой». В толпе зрителей за графом наблюдал уже достаточно известный в театральных и придворных кругах драматург и актер Уильям Шекспир. Они с графом были хорошо

знакомы, так как лучший друг Эссекса граф Саутгемптон покровительствовал Шекспиру и труппа «Глобуса» не раз играла для своих патронов в Эссекс-хаусе или в Друри у Саутгемптона. В это время Шекспир работал над «Генрихом V» и, вернувшись домой, включил в пролог несколько строк, предвкушая картину победного возвращения англичан из Ирландии:

Когда бы королевский полководец
Вернулся из похода в добрый час
(Случись скорее это нам на радость!),
Мятеж ирландский поразив мечом,
Какие толпы, город покидая,
Его встречали б!..

Увы, его надежды не оправдались. Ирландия стала могилой для тысяч английских солдат и полководческой славы Эссекса. Там же в его воспаленном мозгу зародилась идея антиправительственного заговора. Он знал, что утратил доверие королевы, и постоянно жаловался, приписывая это происками врагов. Многие опасались, что, наделенный чрезвычайными полномочиями лорда-депутата Ирландии, главнокомандующего армией и флотом, имея под рукой огромную и хорошо укомплектованную армию, Эссекс при его неукротимом характере станет слишком грозной политической силой. Говорили, что с такой армией можно не только разгромить мятежников, но и завоевать саму Испанию, поддерживавшую ирландцев. Однако Англия была несравнимо ближе Испании… Придворные доброжелатели предостерегали тех, кто отправлялся с Эссексом, от неверных шагов, предупреждали, что за ними будет вестись слежка — в армии было полно соглядатаев Сесила.

Из Лондона задача маршала Эссекса представлялась чрезвычайно простой: опираясь на английские базы в Южной и Центральной Ирландии, привести к покорности Север, где граф Тирон сколотил Католическую лигу и перешел в наступление против англичан. Ольстер был его оплотом, но и покоренные провинции не оставались спокойными. Англичане чувствовали себя уверенно только за укрепленными стенами гарнизонов. Вся остальная Ирландия была им враждебна. Явившись сюда со своей регулярной армией, Эссекс попал в трясину партизанской войны. Он гонялся за неуловимым противником среди лесов и болот, со всех сторон его окружали враги и союзники, которые за его спиной немедленно превращались во врагов. Запасы истощались, армия таяла, впереди маячила зима, и казалось, что эту войну невозможно выиграть. Королева была недовольна каждым шагом

Эссекса, и он писал Тайному совету: «Я не защищен от происков врагов в Англии, которые навлекли на меня тень недоверия и теперь в темноте наносят мне рану за раной… Такую сложную войну не может вести министр, лишенный доверия». К концу лета из его армии боеспособными оставались три-четыре тысячи человек. Эссекс открыто проклинал все на свете, и в первую очередь Роберта Сесила. Именно в этот момент вождь ирландцев Тирон предложил ему встретиться конфиденциально и договориться об условиях возможного перемирия. 6 сентября они съехались у брода через небольшую речушку и, отослав свидетелей, долго беседовали наедине. Как выяснилось позднее, Тирон выговорил для Северной Ирландии право исповедовать католичество и просил Эссекса о посредничестве в переговорах с королевой Елизаветой, чтобы со временем достичь всеобъемлющего религиозного компромисса. После этого обе стороны заключили перемирие на шесть месяцев и разъехались. Измученный и больной Эссекс отправился лечиться в Дрохеду, откуда и известил королеву о своей встрече с предводителем мятежников. Он, правда, умолчал об уступках, сделанных ирландцам, и некоторых намеках Тирона. Хитрый ирландец, прекрасно осведомленный о политической ситуации в Англии и о пошатнувшихся позициях Эссекса при дворе, прямо намекал ему, что такой выдающийся полководец, как граф, мог бы вернуться в Лондон триумфатором и легко избавиться от соперников. Ирландцы бы горячо поддержали благородного графа, с которым им уже удалось найти общий язык.

Эссекс и сам раздумывал над этой опасной, но заманчивой идеей, он и его друзья — граф Саутгемптон, барон Кромвель, Кристофер Блаунт и капитан Томас Ли — втайне обсуждали план высадки их армии в Уэльсе, где у Эссекса были обширные поместья и множество сторонников, и похода оттуда на Лондон. Он уже мысленно видел Сесила в Тауэре. Но, возвращаясь к действительности, граф, все еще лояльный подданный, пугался собственных мыслей.

Тем временем некий капитан Лоусон, посланный им в Англию, чтобы известить Елизавету о заключенном перемирии, вернулся и привез ее ответ. Никогда еще Эссекс не получал от нее таких болезненных ударов. Сидя в Нансаче, за сотни верст от Ирландии, старая королева почувствовала запах измены. «Из Вашего дневника следует, — писала она, — что Вы полчаса беседовали с предателем без свидетелей. И хотя Мы, доверяя Вам дела Нашего королевства, вовсе не проявляем недоверия в вопросе с этим изменником, Вы… могли бы для порядка и для Вашего собственного оправдания заручиться надежными

свидетельствами о Ваших действиях… По существу, по отношению к Нам Вы поступили очень осторожно, сообщив сначала только о получасовых переговорах, а не о том, что обсуждалось в ходе их… Нам остается только догадываться об исходе этого предприятия. Мы уверены только в одном: Вы столь мало преуспели в своих военных действиях, что Мы не можем не быть суровы, как бы удачно ни сложились переговоры». Читая это послание, маршал то бледнел, то краснел. Он понял, что должен немедленно оправдаться в глазах королевы, объяснив ей реальную ситуацию в Ирландии, пока его враги своими комментариями не погубили окончательно его репутацию. Эссекс оставил армию и спешно вернулся в Англию с небольшим отрядом личной охраны.

28 сентября, накануне Михайлова дня, в Нансаче случился переполох. Около десяти часов утра у ворот спешились несколько всадников. Пропыленный, в дорожном плаще, граф Эссекс, не обращая ни на кого внимания, прошел прямо в покои королевы. Елизавета еще не закончила длинной процедуры утреннего туалета и была застигнута врасплох. Фрейлины и камеристки еще не унесли серебряные тазики со льдом, который она регулярно прикладывала по утрам к лицу. Остается лишь надеяться, что рыжий парик был уже водружен на голову королевы, когда двери ее покоев распахнулись и граф Эссекс бросился к ее ногам. Он целовал ее руки, лепетал комплименты, оправдания и заверения в любви. Сконфуженная Елизавета была явно рада возвращению Робина, она всегда тосковала одна и не любила отпускать от себя фаворитов. Они говорили наедине около часа, после чего граф в прекрасном расположении духа еще долго рассказывал придворным об Ирландии, ее обычаях и о войне. Его радостно приветствовали, видя, что королева явно выказала свое расположение к нежданному гостю. С Сесилом они лишь холодно раскланялись, и тот, в свою очередь, прошел в покои королевы. После обеда все совершенно переменилось. Елизавета, оправившись от изумления, задала графу неизбежный вопрос, почему он так внезапно вернулся, нарушив ее прямое указание не покидать Ирландию и не заключать никакого договора с мятежниками. Для расследования его действий она назначила специальную комиссию Тайного совета, а самому Эссексу предписала не покидать его покоев. В скором времени его перевели в дом лорда-хранителя печати Эджертона.

Каждый из фаворитов Елизаветы прошел через это, и при дворе восприняли арест графа как временную дисциплинарную меру, тем более что лорд-хранитель был дружески расположен к Эссексу и сама королева навещала пленника, сказавшегося

больным. Томный и печальный граф писал ей стихи, пытаясь разжалобить и уверить в своей искренней преданности:

Земных путей известны повороты,
Пути морей нам компасом даны,
Кратчайший путь на небе — птиц полеты,
И под землей ходы кротов точны.
Но путь труднее тот, что мне навязан,
Где нет того, кто б мог дорогу знать,
Где доброго пример мне не показан,
Ее же учит всё — подозревать.
Мы так несхожи по своим стремленьям:
Во мне — любви границ нельзя найти,
Ей — временем, судьбы расположеньем,
Что власть дала, — свободу обрести.
Твердь, хлябь, рай, ад — и есть закон всему.
А мне — страдать, не зная почему![16]

Он ждал со дня на день гонца с приказом королевы освободить его из-под ареста, но Елизавета присылала своих врачей, а гонца все не было. Придворные, политики, юристы, даже сам Роберт Сесил уверяли ее, что граф Эссекс — верный подданный и нет никаких разумных оснований содержать его под стражей, а тем более затевать судебное расследование. Она же упорно настаивала на слушании дела в Звездной палате, там, где издревле судили изменников. Мрачное упорство королевы казалось необъяснимым, тем более что речь шла о ее любимце.

Симпатии и сочувствие к графу тем временем росли. Его офицеры и капитаны, прибывавшие из Ирландии, буквально наводнили Лондон и рассуждали в тавернах об излишней жестокости ее величества и о незаслуженно обиженном графе. В начале октября власти арестовали уже готовый тираж памфлета, написанного в его защиту, но это не помогло: на стенах домов и даже во дворце появлялись подметные листки, прославлявшие Эссекса и бичевавшие его врагов — Сесила, Кобэма, Рэли и др. Терпение Елизаветы лопнуло, и она издала специальную прокламацию, запрещавшую «клеветнические листки, в которых обсуждаются действия Ее Величества и ее Тайного совета в отношении Ирландии и графа Эссекса», а также «застольную и кабацкую болтовню на эту тему».

Ближе всех к разгадке труднообъяснимой ожесточенности Елизаветы подошел друг Эссекса Р. Уайт: «Все удивляются тому, как велик гнев королевы на него. Может быть, она хочет, чтобы все поняли, что ее власть настолько безгранична, что величие

других может продолжаться, только пока это угодно ей». В конечном счете граф Эссекс пал жертвой не недоверия королевы или интриг Сесила, а собственной популярности. Елизавету все больше раздражали дифирамбы, которые пели ему все — от протестантских проповедников до простонародья, а поскольку ее действия в отношении графа критиковали, это было малоприятным симптомом снижения ее собственной популярности. Сам того не ведая, Эссекс вырвался за магическую грань придворного мира и снискал себе славу национального героя. Это оказывалось под силу немногим, возможно, только самой королеве да еще Фрэнсису Дрейку, превратившимся в живые легенды. Среди елизаветинцев было немало выдающихся деятелей, вершивших судьбы страны, и имена Берли, Лейстера, Рэли, Ховарда были у всех на устах, но ни один из них не был любим и популярен, скорее наоборот. Эссекс же явился как сказочный герой, олицетворение славы и величия Англии, ее меч и броня — молодой и прекрасный. Один из немногих, он сумел вызвать у англичан столь же горячий отклик, как сама королева.

Двум светилам было не ужиться на одном небосклоне, но Елизавета еще не решила, как себя повести. Порой шестидесятичетырехлетнюю женщину мучили страхи — у нее начался «синдром Ричарда II». Историю этого слабого и нерешительного монарха, корону которого незаконно захватил благородный и напористый Генрих Болингброк, незадолго до того напомнил англичанам Шекспир. Еще четыре года назад пьеса воспринималась в Лондоне как чисто историческая драма, не вызывавшая аллюзий с настоящим. Теперь Елизавета все чаще задумывалась над ней, задаваясь вопросом о том, что думают подданные о судьбе ее престола. Опасность казалась чисто гипотетической, и все же, как повели бы себя они, отыщись некий узурпатор, новоявленный Болингброк? Тем более что не только ее мысли неотступно вращались вокруг этого сюжета. В 1589 году некий доктор Хейворд написал историческое сочинение, в котором истории Ричарда II отводилось много места, и посвятил его графу Эссексу. Книгу за претили, а граф выразил протест против того, что его имя фигурирует на страницах столь опасного сочинения. Но кое-кто нашептывал Елизавете, что его протест был формальным и Эссекс прочел книгу с удовольствием. Неужели ей действительно пришло время опасаться ее Робина, ей, которая пролила на него золотой дождь, простила его собственные долги и долги отца, осыпала всеми мыслимыми и немыслимыми почестями? Однажды, погруженная в мрачную задумчивость, Елизавета горько и вызывающе бросила своим придворным: «Я — Ричард И, знаете ли вы это?» Те робко

попятились, бормоча в ответ что-то невразумительное.

Когда же приступы меланхолии проходили и к королеве возвращалась уверенность в себе, она вспоминала, что Эссекс — всего лишь ее креатура и могущественной государыне не пристало бояться того, кто без ее подачек давно сидел бы в долговой яме. Летом 1600 года она милостиво выпустила графа из-под ареста. Он был лишен членства в Тайном совете и не допускался ко двору, но все остальные звания и должности были сохранены за ним. Эссекс, покорный, как агнец, и готовый на все ради возвращения ее расположения, молил о свидании с Елизаветой, уповая на свой шарм и, как он полагал, неотразимое влияние на ту, которую так жестоко оскорбил когда-то. За него просили друзья, родственники, друзья родственников и родственники друзей. Фрэнсис Бэкон, желая помочь, написал два письма с намерением «случайно» показать их королеве: одно от себя к Эссексу, другое — якобы ответное от графа, полное раскаяния и изъявлений любви и преданности ее величеству. Старая леди была неумолима. Она знала ахиллесову пяту своего фаворита — золотой ручеек ее милостей был единственным источником, в буквальном смысле питавшим его. И Елизавета даже не нанесла удар, а лишь сделала пробный укол, небольшое предостережение чрезмерно воспарившему любимцу: она не возобновила его монополию на сладкие вина. Эссекс почувствовал себя как стрекоза, пригвожденная булавкой, — без монополии, дававшей ему две с половиной тысячи фунтов стерлингов чистого дохода, он становился полным банкротом. Презрев гордость, граф написал государыне предельно откровенно: «Это единственное средство удовлетворять алчущих кредиторов, которые не дают мне покоя в моей уединенной жизни». Елизавета не отвечала. Эссекс послал к казначею своего управляющего, передавшего тому слова графа: «Если ее величество хочет получить еще боль шее удовлетворение, пусть лучше отнимет у него жизнь, а не эту лицензию». Ее величество молчала. Эссекс был раздавлен, но еще пытался сохранить лицо: «Вы никогда не услышали бы этих просьб, если бы кредиторам можно было уплатить несколькими унциями моей крови». Ответа вновь не последовало.

Если бы «прекрасный граф» нашел в себе силы переломить судьбу и попросту удалиться от двора в свои поместья, зажить там частной жизнью, он уберег бы свою голову. Но двор обладал непреодолимым магнетизмом, и тот, кто однажды вкусил блеска и роскоши столичной жизни и, подобно Эссексу, вознесся к самым вершинам власти, был не в силах выйти из игры. Вернуть ему утраченное величие могла только королева. Эссекс понимал

это, как никто другой: «Между моим крахом и расположением моей государыни не может быть середины. И если она снова дарует мне свою благосклонность, вместе с этим она даст все, в чем я нуждаюсь и чего желаю в этом мире». Он не мог поверить, что королева более никогда не захочет увидеть его. Однако время шло, Эссекса ожидали кредиторы, и он начал терять надежду, а главное — терпение. Порой ему казалось, что непроницаемая стена между ним и его госпожой воздвигнута не ею, а его врагами: это Сесил и Рэли нашептывают против него и не позволяют королеве сделать шаг навстречу поверженному, но все еще любимому фавориту. Но все чаще, ослепленный гневом, он начинал проклинать сварливый нрав этой рыжей старухи. Один из его друзей писал: «Его речи о королеве уже не похожи на речи человека, находящегося в здравом рассудке… У него плохие советчики, и от них проистекает много зла. Королева хорошо знает, как усмирить гордый дух».

Увы, если Елизавета намеревалась лишь проучить Эссекса и не отвергала примирения, она упустила момент. Граф отчаялся и решился поднять мятеж, цели которого, похоже, до конца оставались неясны даже ему самому. Его дом на Стренде, на самом берегу Темзы, широко распахнул двери для десятков людей. В основном это были знатные дворяне, его друзья — графы Вустер, Саутгемптон, Рэтленд, Бедфорд, лорды Кромвель, Маунтигл, а также множество рыцарей — преданных ему ирландских ветеранов. Нетрудно догадаться, о чем шли разговоры в Эссекс-хаусе: разгоряченные гости превозносили заслуги хозяина перед страной, вспоминали свои подвиги в Нидерландах, во Франции и Ирландии, перемывали косточки Сесилу и прочим «секретарям» — чернильным душам, да и самой королеве за ее скупость и за то, что истинные герои нации обречены прозябать в нищете.

За этим эпицентром недовольства установили постоянную слежку. Соглядатаи вскоре донесли, что на проповеди в Эссекс-хаусе священник провозгласил: «Высшие должностные лица королевства имеют власть принуждать самих королей». Этого было более чем достаточно, чтобы всколыхнулись самые худшие опасения Елизаветы. В двух шагах от Уайтхолла замышлялся государственный переворот, возможно, ее свержение и даже убийство.

7 февраля 1601 года призрак Ричарда II снова потревожил королеву и нарушил спокойствие Лондона. В этот день несколько приятелей Эссекса заказали труппе Барбеджа (и Шекспира) сыграть «Ричарда И». Актеры долго отнекивались, ссылаясь на то, что пьеса старая и не соберет зрителя, да и они уже успели

позабыть тексты ролей. Комедианты лукавили, понимая, куда дует ветер, и не хотели ввязываться в опасные политические игры. Но кошельки с золотом, брошенные на стол братьями Перси и лордом Маунтиглом, произвели на них впечатление. Вечером театр «Глобус» был переполнен друзьями и сторонниками Эссекса. Они с жадностью внимали словам, звучавшим со сцены:

Трон королей, державный этот остров,
Земля величия, жилище Марса…
Та Англия, что в окруженье моря
Встарь отражала скалами осаду
Нептуна, грозного владыки вод,
Теперь окружена кольцом позора —
Чернильных клякс, пергаментных оков;
Британия, привыкшая к победам,
Сама себя позорно победила.

Им мнилось, что они избавят страну от тирании бюрократов-секретарей, восстав вместе со славным лордом-маршалом, чтобы

Скрепить отчизны сломанные крылья…
Пыль с золотого скипетра стряхнуть…
Вернуть величье королевской власти…

Намерения этих людей выглядели все более угрожающими. Елизавета приказала удвоить караулы во дворце. Эссекса же вызвали на экстренное заседание Тайного совета, но он не поехал туда, сказавшись больным. Тогда к нему отправилась депутация совета во главе с лордом-хранителем печати. За воротами Эссексхауса они обнаружили возбужденную вооруженную толпу, враждебно встретившую королевских посланцев. Их разоружили, отделили от свиты, фактически превратив в заложников, а к Эссексу пропустили только лорда-хранителя. На его вопрос о причине столь странного сборища граф ответил, что враги покушаются на его жизнь и он намерен защищаться. Оставив заложников под охраной, Эссекс облачился в доспехи, вскочил в седло и покинул дом во главе вооруженного отряда, насчитывавшего около трехсот человек. По дороге к ним присоединялись его друзья со своими свитами.

В этот холодный февральский вечер Лондон стал свидетелем странного и трагического зрелища. В клубах пара, поднимавшегося от лошадей, в мерцающем свете факелов процессия двинулась через Сити. Улицы были безлюдны, но

всякий раз, завидев одинокого горожанина или свет, пробивавшийся из окон, граф призывал лондонцев поднять оружие за него. Он кричал: «Во имя королевы! Во имя королевы! Против моей жизни затевается заговор!» Но никто не спешил бить в набат и вооружаться. Кто-то прежде намекал графу, что один из самых авторитетных людей Сити — шериф Смит — душой на его стороне и готов поднять тысячу человек из хорошо обученной городской милиции. Когда отряд достиг его дома, Эссекс находился в замешательстве: они проехали уже добрую половину города, но никто так и не присоединился к ним. Здесь их ждало еще большее разочарование: богатый купец и добропорядочный горожанин Томас Смит, не желая участвовать в опасной авантюре, укрылся в доме лорда-мэра. Надежды заговорщиков на городское ополчение не оправдались.

Elizabeth

Портрет Елизаветы на фоне гибнущей Великой Армады. 1588 г.

Английские корабли атакуют Армаду. Гравюра XVI в.

Елизавета I с имперскими регалиями, фениксом и пеликаном. К. ван де Пассе. 1596 г.

Портрет Елизаветы с подвеской-пеликаном.
Н. Хиллиард.

Ф. Уолсингем — государственный секретарь и глава английской разведки.

Памятный золотой медальон в честь победы над Армадой. 1588 г.

Аллегорический портрет Елизаветы с радугой.

Уолтер Рэли.
Миниатюра Н. Хиллиарда.

Елизавета в облике вечно молодой и прекрасной Цинтии.

Н. Хиллиард.

Портрет стареющей королевы, отвергнутый ею.
И. Оливер. 1592 г.

Портрет молодого человека среди роз — предположительно, граф Эссекс. Н. Хиллиард. 1587 г.

Франсуа, герцог Алансонский.
Ф. Клуэ.

К. Хэттон, лорд-канцлер Англии с миниатюрным портретом королевы Елизаветы. Неизвестный художник. 1589 г.

Портрет Уолтера Рэли, намекающий на его любовь к «Цинтии».

В левом верхнем углу — лунный серп.

Неизвестный художник. 1588 г.

Граф Эссекс после взятия Кадиса. М Гирертс. 1596 г

Королева, царящая над «политическим универсумом» с его гражданскими добродетелями, подобно Творцу, занимавшему это место в птолемеевой системе небесных сфер. 1588 г.

Елизавета I в парламенте. Гравюра XVI в.

Елизавета I, стоящая на карте Британии. Так называемый «Портрет Дитчли». М. Гирертс-младший. 1592 г.

Триумфальная процессия Елизаветы I. Р. Пик. 1600 г.

Уильям Сесил, лорд Берли, с сыном Робертом.

Посмертный аллегорический портрет «Елизавета I, Время и Смерть».

Неизвестный художник.

Водная феерия в честь королевы, устроенная графом Хартфордом в 1591 году.

Елизавета на колеснице, ведомой Славой.

Траурная процессия Елизаветы I. Рисунок историка и герольда Елизаветы Уильяма Кемдена. 1603 г.

Надгробие Елизаветы I в Вестминстерском аббатстве. Дж. Де Критц, М. Колт. 1606 г.

Такой она осталась в памяти современников и потомков. Портрет Елизаветы с подвеской-фениксом. Н. Хиллиард.

Тем временем правительство начало предпринимать ответные ходы. С разных концов города к Сити потянулись отряды, перегораживая улицы и отсекая заговорщикам пути к отступлению. Верные королеве командиры и чиновники зачитывали повсюду прокламацию, официально объявлявшую Эссекса и иже с ним государственными изменниками. Слухи об этом дошли и до графа, его люди стали терять присутствие духа. Он еще кричал в отчаянии, что теперь «предатели продадут страну в рабство испанской инфанте» и что настал последний час, «когда можно отстоять свободу», а его отряд уже потихоньку рассыпался. Тогда Эссекс и его ближайшие сподвижники решили вернуться в свою штаб-квартиру и, выпустив заложников, с их

помощью молить королеву о прощении. Они повернули назад, но около собора Святого Павла натолкнулись на копейщиков и мушкетеров лондонского епископа, в то время как по пятам за ними следовал отряд лорда-адмирала Ховарда. Здесь пролилась первая кровь, но после нервной, конвульсивной атаки, почувствовав отпор, заговорщики разбежались. Немногие друзья, не изменившие несчастному маршалу Англии, добрались до Темзы и на лодках переправились в Эссекс-хаус. Там их ждал неприятный сюрприз: заложников и лорда-хранителя, на чье посредничество Эссекс так рассчитывал, уже выпустили. Граф поспешно сжег свои документы и приготовил дом к обороне. Вскоре его осадил отряд Ховарда, однако Эссекс внезапно изменил решение и сдался на милость властей. На следующий день его поглотил неотвратимый Тауэр.

У сторонних зрителей его поспешное и непродуманное выступление не вызвало ничего, кроме изумления. Венецианский посол доносил: «Он выказал большую поспешность в восстании, при том что сторонников у него было немного, а шансов на успех — еще меньше, и большую нерешительность… он мог бы предпринять что-нибудь для своего спасения… Ему не миновать расплаты за поднятый мятеж».

Среди тех, кто стал свидетелем этих драматических событий, волею судеб оказалось посольство московитов, и русский посланник Григорий Микулин сообщал о введении в Лондоне чрезвычайного положения после мятежа «эрла Эсецкого»: «Велела королева быти у себя в зборе многим людям конным и пешим, для того, чаючи в земли великой шатости и за него стояния; и Лунда город был заперт недели за две, а улицы замкнуты были чепми, а лундские люди все ходили в зборе наготове, в доспесех с пищалми, остерегаючи королеву».

С подавлением мятежа опасность для Елизаветы не миновала. Через несколько дней во дворце был схвачен один из офицеров Эссекса — капитан Томас Ли, который намеревался захватить королеву и заставить ее освободить графа (по крайней мере так утверждалось в обвинительном заключении). Его поспешно казнили. На стол Сесилу ложились донесения и о волнениях среди лондонских подмастерьев и простонародья, будто бы намеревавшихся вызволить графа из Тауэра. Правительство усилило слежку и предприняло энергичные меры по срочной очистке Лондона от «всякого сброда». Но в целом, несмотря на слухи и тревожные ожидания, по выражению хрониста Уильяма Кемдена, «ни один из подлого плебса не поднял за него оружия».

Это в то же время означало, что никто не повернул оружия против их королевы, хотя многие, безусловно, сочувствовали

графу. «Подданных благодарят за верность», — скупо обронила Елизавета в своей прокламации после подавления мятежа. Что бы ни творилось в эти дни в ее душе, королева, как всегда в виду опасности, не теряла присутствия духа, чего нельзя было сказать об окружавших ее мужчинах. Когда Тайный совет собрался на первое заседание после этого чрезвычайного происшествия, лорд-хранитель печати, открывший его, в полном смятении «плакал и не знал, что сказать».

Зачинщиков заговора, и прежде всего графов Эссекса и Саутгемптона, ожидал суд. Еще до начала процесса и выяснения всех обстоятельств дела официальная пропаганда представила Эссекса в самом мрачном свете, утверждая, что этот «архипредатель» и «чудовищный лицемер» намеревался свергнуть с престола законную государыню и короноваться сам. В действительности мало кто из посвященных, включая саму королеву и Роберта Сесила, верил в то, что поверженный фаворит собирался узурпировать престол. То, что было обычной политической практикой в Англии XIV века, едва ли сработало бы в XVI. Речь, разумеется, шла лишь о смене правящей клики у кормила власти, и заговорщики не раз называли имена ненавистных соперников — Сесила, Рэли и Кобэма.

19 февраля графы Эссекс и Саутгемптон предстали перед судом пэров королевства. Маршал и национальный герой Англии доигрывал свою трагическую роль с достоинством. Перед началом процесса Эссекс осведомился, может ли он вызвать каждого из двадцати шести судей на поединок. Ему было отказано, и суд над «новым Каталиной» начался. Обвиняемый настаивал на том, что не вынашивал изменнических замыслов, а всего лишь хотел «с восемью-девятью знатными дворянами, имеющими причины для недовольства, правда, не идущие в сравнение с его собственными, предстать перед королевой, чтобы, пав к ее ногам… просить Ее Величество удалить от себя тех, кто злоупотреблял ее доверием и клеветал». Они предполагали собрать парламент и предать суду Сесила, Кобэма и Рэли за то, что называли «неверным управлением государством».

Несмотря на клятвы обоих графов в верности королеве, пэры единодушно обвинили их в государственной измене и приговорили к смертной казни. Эссекс принял приговор стоически и просил снисхождения только для Саутгемптона.

Каким бы ни было решение суда, последнее слово оставалось за Елизаветой. Двор затаил дыхание в ожидании.

Фрейлины подсматривали за старой королевой, которая подолгу сидела в задумчивости в своих покоях, не смыкая глаз до утра, и втайне надеялись, что она помилует «прекрасного

Робина». Было невозможно представить, что голова этого благородного героя и любимца Англии скатится с плахи и палач выставит ее на всеобщее обозрение, как голову обыкновенного преступника. Неужели ее сердце настолько ожесточилось, что она не простит ему ошибки? Противники же Эссекса молились именно об этом, и Рэли был в числе тех, кто требовал ускорить казнь изменника.

Елизавета ждала. Возможно, ей хотелось, чтобы граф сам просил ее о помиловании, но, раскаявшийся в содеянном, он тем не менее твердо готовился принять смерть без новых унижений. К ногам королевы припадали его друзья, сестра, жена, но сам Эссекс хранил гордое молчание. Елизавета обмакнула перо в чернила и подписала приговор. Но тут же отменила его. Она ждала еще сутки. Существует туманная легенда о кольце, которое Елизавета якобы подарила Роберту Эссексу в период их счастливой идиллии, пообещав, что простит ему любые прегрешения, если он пошлет ей этот перстень в напоминание о ее обещании. Ждала ли она кольца? Кто знает… На исходе очередных суток королева снова поставила свою подпись на смертном приговоре, на этот раз — окончательном. Все та же романтическая легенда гласит, что в последний момент Эссекс все же передал перстень с графиней Ноттингем, чтобы та отнесла его королеве. Это был единственный безмолвный жест отчаяния и надежды, который он мог себе позволить. Но то ли по недоразумению, то ли умышленно графиня передала его Елизавете слишком поздно, когда талисман любви уже не мог спасти графа и лишь стал его последним «прости». Нет никаких доказательств, что эта история имела место, кроме косвенного: с той поры королева невзлюбила графиню и больше никогда не выказывала к ней прежней симпатии.

Казнь состоялась 25 февраля 1601 года в Тауэре. Те, кто по долгу службы присутствовал на ней, избегали смотреть друг другу в глаза. Роберт Сесил не захотел увидеть, как примет смерть его политический противник. Что бы ни думал о нем сам Эссекс, он не добивался его гибели. Сесил ниспровергал и возносил людей росчерком пера, но топор никогда не был его орудием. Зато Уолтер Рэли пришел. Кто-то тактично убедил его не смущать графа в его последние минуты, и он встал в проеме окна арсенальной башни.

Взойдя на эшафот, тридцатичетырехлетний Эссекс обратился к присутствующим со своей последней речью, исполненной раскаяния, но и достоинства. Он и тут остался верен идеалам товарищества и прежде всего просил прощения за гибель тех, кого он вовлек в свое выступление. «Я также умоляю ее

величество, страну и ее министров простить нас, — продолжал он. — Если на то будет Господня воля, он даст ее величеству счастливое и долгое царствование. О, Господи! Дай ей мудрое и чуткое сердце. О, Господи, благослови ее, ее вельмож, министров и прелатов. Я умоляю их и всех остальных снисходительно отнестись к моим намерениям относительно ее величества, ибо я клянусь спасением души, что никогда не помышлял о ее смерти или о насилии над ней, но тем не менее суд надо мной был честным и обвинительный приговор вынесен справедливо. Я надеюсь, что все простят меня, как я от чистого сердца и добровольно прощаю всех… Я прошу вас всех присоединиться к моей молитве. Пусть не только ваши глаза и губы устремятся ввысь, но с ними — сердца и помыслы, моля за меня Господа, чтобы душа моя могла вознестись над всем земным». Даже Рэли, по его собственному признанию, «плакал, наблюдая эту сцену из арсенала».

Когда палач, свершивший приговор, возвращался из Тауэра, его едва не растерзала толпа. Позднее ходили слухи, что на месте гибели несчастного графа совершались чудеса: кто-то видел упавшую с неба окровавленную плаху, кому-то почудилась радуга…

В начале марта казнили еще шестерых заговорщиков. Ближайшему же другу Эссекса Саутгемптону смерть была заменена заключением в Тауэре.

Что происходило с королевой в эти дни? Несгибаемая, как прутья ее корсета (мог бы съязвить уже ушедший в небытие фаворит), она принимала официальные поздравления по случаю избавления от опасности. За день до казни ее величество пожелала развлечься и пригласила во дворец ту самую труппу актеров, что играла для сторонников Эссекса «Ричарда II» (несчастные комедианты прошли через допросы и, к счастью для них и Уильяма Шекспира, сумели доказать свою непричастность к изменническим замыслам). Теперь королева брала реванш, и они развлекали ее какой-то веселой безделкой. Но то была показная бодрость. Со смертью Эссекса она лишилась покоя и сна. Шотландский посол сплетничал: «Она больше не отдыхает днем и не спит по ночам. Ей нравится сидеть в темноте и лить слезы, оплакивая Эссекса». Елизавету охватывала то безысходная тоска, то ярость, и тогда шестидесятичетырехлетняя королева металась по коридорам дворца, изо всех сил вонзая кинжал в ковры и гобелены, развешанные по стенам. В чем она была искреннее — в своей печали или в своей ненависти?

Она повелела похоронить государственного преступника, но все же ее «милого Робина», рядом с могилой собственной матери,

Анны Болейн, и оставила в капелле Святого Георгия его личное знамя — знамя рыцаря ордена Подвязки. Ее милость оказалась губительной для того, кого она любила, но и в ненависти своей она не забывала прежней нежности.

В эти дни она получила послание от Генриха IV Французского, некогда восхищавшегося Эссексом и называвшего его своим другом. Но не дело королей щадить друзей, когда они угрожают престолу. Бурбон выразил своей «августейшей сестре» восхищение ее твердостью и мужеством. У себя в Лувре он восклицал: «Какая женщина! Она единственная знает, как надо управлять государством!» В который раз в своей жизни Елизавета одержала победу. Но слезы горечи наполняли ее усталые глаза и текли по старческим щекам, размазывая белила.

Астрея в конце «золотого века»

Льстецы часто уподобляли ее Астрее. Эта греческая богиня (дочь Фемиды — богини правосудия и сестра Стыдливости) считалась олицетворением Справедливости. Она жила среди людей, когда на земле торжествовал «золотой век», но упадок человеческих нравов заставил ее покинуть землю, и Астрея вознеслась на небо, превратившись в созвездие Девы. Увы, и английской Астрее, похоже, было суждено разделить судьбу своей греческой предшественницы. Елизавета была вынуждена с горечью признать, что «золотой век» ее правления клонится к упадку. Что-то разладилось в сорокалетней гармонии подданных и их постаревшей королевы. Она обманула время и пережила свое столетие. XVI век иссяк, как струйка песка в песочных часах, но наступающий XVII не сулил ей ничего, кроме разочарований. Мятеж Эссекса был не слишком обнадеживающим началом новой эры.

Она неотступно думала о том, как могло случиться, что против нее поднялся цвет английской аристократии, притом лучшая молодежь. Чем она не угодила этим порывистым сорвиголовам, которым никто, и она в том числе, не отказал бы ни в благородстве, ни в смелости, ни в чести? Как мог решиться на это Эссекс, самый «высокооплачиваемый» из ее фаворитов (придворные подсчитали, что он получил от нее в общей сложности триста тысяч фунтов стерлингов)? Чего еще они хотели от нее? Она знала ответ слишком хорошо: денег, денег и еще раз денег, а также пенсий, подарков и прибыльных синекур. Но королева была просто не в состоянии одарить ими всех, кто теснился у трона. Она была бессильна против экономических

законов, а в XVI веке Европа уже в полной мере ощутила капризы инфляции. Доходы ее аристократии и дворянства таяли, ренты не приносили им прежней прибыли, они разорялись, закладывали и продавали земли и даже свинец с крыш родовых замков, но что могла сделать для них королева? Их были сотни, а казна одна. Елизавета знала, что всегда слыла скупой, но в ней властно говорил здравый смысл разумной хозяйки. Постоянные войны и без того опустошили кладовые казначейства, налоги росли, вызывая недовольство подданных, займы у иностранных банкиров оборачивались огромными процентами и новыми налогами. Поэтому напрасно ждали от нее милостей многие из тех, кто по высоте рождения и близости к престолу мог претендовать на них. Бытописатель ее двора Р. Наунтон заметил как-то: «Известно не много случаев ее щедрости или крупных дарений отдельным лицам; что касается денег, в особенности больших сумм, она была очень скупа». Да, ее аристократия перебивалась на «голодном пайке», выживали только деятельные и предприимчивые — те, кто шел воевать или пиратствовать, либо неожиданно находил призвание в бизнесе (были и такие). Но разве она не поддерживала свое дворянство как могла? Разве не сдавала им в аренду королевские и церковные земли на льготных условиях, разве не прощала тысячные долги пэров казне, не даровала своим придворным торговые монополии, приносившие им неплохие доходы? Она была необыкновенно изобретательна, чтобы делать это не за счет казны, соблюдая и государственный интерес. Но и этого оказывалось катастрофически недостаточно. Недовольные осуждающе ворчали вслед за графом Шрусбери: «Когда она что-то жалует, то каждую кротовую кочку считает горой». Беда была в том, что эти ненасытные утробы — придворные вертопрахи и экстравагантные модники — могли в мгновение ока промотать и превратить в кочку любую гору. Тем не менее недовольство ее элиты росло, и многие, устав от долгого правления этой женщины, ждали ее неизбежной смерти и воцарения монарха, который лучше, чем она, сможет понять их нужды.

На противоположном полюсе елизаветинского общества дела обстояли еще хуже. Англия вовсе не была райским островком социальной гармонии: с начала века ее раздирали противоречия, порожденные первыми шагами капитализма, возросшего на ее благодатной почве. Сельская округа если и напоминала Аркадию, то только обилием овец, пасущихся на изумрудных пастбищах. Что же до счастливых поселян, работающих на тучных нивах, таковых почти не осталось, так как лорды сгоняли их с земель, превращая пашни в пастбища для овец, а крестьяне шли по миру с протянутой рукой, попадая за бродяжничество в тюрьмы, где им

безжалостно клеймили лбы и резали уши. На земле выживали лишь самые сильные, те, кто был в состоянии платить лендлордам неимоверные ренты за свои участки, ибо цена земли подскочила во много раз. Ненависть, потравы, поджоги и местные крестьянские бунты были непременными атрибутами сельской жизни той поры. Однако в последнее десятилетие XVI века ситуацию усугубила целая череда голодных и засушливых лет. «Наше лето — не лето, сев — не сев, урожай — не урожай», — сокрушались проповедники в церквах. После трех лет небывалой засухи небеса вдруг разверзлись и обрушили на землю нескончаемые ливни, напоминавшие начало Великого потопа. Урожаи гибли на корню, люди пухли от голода, теряли зубы. Повсюду распространялись сборники рецептов приготовления похлебок и напитков из трав и лесных кореньев — горькая примета голодных лет. Скупщики зерна и спекулянты на рынках взвинчивали и без того непомерные цены. Социальное напряжение нарастало и выливалось в погромы продовольственных лавок, нападения на обозы с зерном и «рыночные бунты», когда голодная беднота отбирала у торговцев продукты и начинала распределять их по «справедливой» цене.

Королева была не властна над природными стихиями и голодом. Она приняла десятки законов по поддержанию землепашества и против огораживаний, она запрещала спекуляцию зерном и предписывала карать за нее, но другая стихия, властная сила рынка и зов денег, обращала эти законы в груду бесполезных бумаг. Власти были бессильны помочь жертвам неподконтрольных им перемен, но не могли не карать тех, кто отваживался на открытый протест. В ответ уже не только в адрес министров, но и самой королевы неслись угрозы. «Добрая королева Бесс» превратилась для них в старую злобную ведьму. Напрасно она надеялась, что не доживет до тех времен, когда услышит подобную хулу из уст своих «любящих подданных».

«Средний класс» всегда оставался гарантом стабильности ее режима — зажиточные горожане, торговцы, мастера привилегированных компаний, купечество, сельское джентри. Ни один из европейских монархов ее времени не сделал больше, чем Елизавета, для процветания этих людей. Они были для нее «кровеносными сосудами» нации, снабжавшими страну всем необходимым и обеспечивавшими ее жизнестойкость, поэтому королева была убежденной протекционисткой: поощряла производство и торговлю разумными пошлинами, давала патенты тем, кто приносил на английскую почву новые ремесла и технические новинки, даровала хартии торговым компаниям, чтобы обеспечить своим купцам самые благоприятные условия

торговли во всех концах света. Елизавета, правда, извлекала из своего покровительства ощутимые выгоды для казны: все ее патенты и хартии обходились «торговому народу» весьма недешево. Однако такие условия игры до поры до времени устраивали обе стороны.

Но в последние годы ее царствования разлад ощущался и здесь. Война и вызванная ею торговая депрессия привели к спаду в экономике. Стагнация сделала «средний класс» чувствительным ко всякого рода поборам и государственному нажиму. Это произошло как раз в тот момент, когда Елизавета довела до совершенства систему скрытого вымогательства средств у богатого купечества, которые шли на поддержку аристократов. Королева обыкновенно наделяла последних монополиями на экспорт и импорт важнейших товаров, благодаря чему купечество было вынуждено откупать у придворных фаворитов свое исконное право торговать. Это гениальное в своей простоте решение позволяло Елизавете поддерживать аристократию, не расходуя ни пенни из казны. Но со временем оно перестало устраивать тех, кто прежде безропотно позволял себя обирать, и, как показал мятеж Эссекса, было явно недостаточным, чтобы удовлетворить аппетиты придворных. Но справиться с несколькими десятками заговорщиков было легче, чем с широким недовольством ее экономической политикой. Лозунг свободы торговли, за который ратовали в начале XVII века ее подданные, не был для Елизаветы экономической абстракцией. Он означал, что нация, возмужавшая под крылом ее заботливого протекционизма, выросла и не нуждалась больше в ней. Это было оскорбительно и грустно.

Осуществление на деле свободы торговли означало бы окончательную гибель казны. Дефицит бюджета был чудовищным. Общий годовой доход короны в ту пору составлял около 350 тысяч фунтов стерлингов, из которых около 12 тысяч уходило на содержание двора и ее личные нужды, а 73 тысячи — на выплаты чиновникам. При столь незначительном доходе расходы Англии на ведение войны с Испанией выглядели устрашающими: 4 миллиона фунтов стерлингов за период с 1586 по 1603 год. Один только флот требовал 200 тысяч в год, содержание армии в Нидерландах — 125 тысяч, во Франции — 40 тысяч. Внешний долг Англии вырос до 400 тысяч фунтов стерлингов, при том что Нидерланды оставались должны ей 800 тысяч, а Генрих IV — 300 тысяч. Елизавета, однако, не питала никаких надежд когда-либо получить эти деньги. Она ничего не могла скопить при таких расходах и, более того, была вынуждена продавать коронные земли — основной источник поступлений в казну. Хорошо знакомый с делами казначейства чиновник Томас

Вильсон охарактеризовал сложившуюся ситуацию так: «Дьявол может плясать в сундуках королевы, где он не найдет ничего, кроме нескольких крестов». Такова была цена за лидерство в протестантском мире, которого она вовсе не жаждала.

В этих условиях торговые пошлины и доходы от государственного регулирования представляли важнейшую статью бюджета. Излишне говорить, что королева не была сторонницей свободы торговли. В поисках денег ей приходилось все глубже запускать руку в карман налогоплательщиков и требовать от парламента все новых и новых субсидий — налогов, которые по традиции считались экстраординарной помощью короне со стороны общин королевства, их «добровольным даром». Но с каждым разом было все труднее получить от них этот «подарок», а королева уже нуждалась в трех - и четырехкратных субсидиях. Но даже их не хватало, и она прибегала к принудительным займам у купечества и наиболее состоятельных горожан. Бремя, которое ощущали на себе налогоплательщики, с каждым годом становилось все тяжелее: помимо обычных налогов с них взимали деньги на оборону прибрежных графств, поддержание ополчения, «корабельный сбор» на снаряжение флота и т. д. «Любящие подданные» проявляли завидную изворотливость, чтобы уклониться от этих поборов: вспоминали о древних привилегиях их городов и сотен, скрывались от разверстки платежей и все чаще открыто отказывались давать деньги.

Обидный для Елизаветы парадокс заключался в том, что в глазах ее народа алчный Левиафан — государство принимал ее облик, и те, кто жаловался на рост налогов, считали, что это она, королева, обирает их, в то время как она была одним из самых экономных правителей и весьма заботилась об их кошельках. Они так легко забывали, что эти деньги идут в основном на финансирование войны — их великого протестантского дела (в гораздо большей степени их дела, чем ее). Некий современник с сознанием собственной правоты поучал ее: «В былые времена, когда приходила нужда, короли искали средства на дне своих сундуков. Нынешние правители там не ищут». Елизавета действительно не заглядывала на их дно, это было ни к чему — она получила их в наследство уже пустыми. Пустыми остались они и после ее смерти. Но за свое сорокапятилетнее царствование, в условиях хронического безденежья и постоянной инфляции, королева сумела не только выжить, но и превратить Англию в великую державу. Что это было, как не сложнейшее искусство управлять экономикой в условиях жесточайшего финансового кризиса?

И все же чувство разочарования не оставляло ее. «Весь механизм моего правления постепенно приходит в упадок», — писала она с горечью Генриху IV. Елизавета очень чутко ощущала перемены в общественном настроении, и они приносили ей страдание. На глазах распадалось то трогательное единство с нацией, на котором она всегда строила свою политику. Новый «железный век», шедший на смену ее «золотому», изысканному и полному героики, не нуждался в возвышенном и иллюзорном «романе» нации и суверена, готовясь отбросить старую наскучившую леди с ее причудливыми нарядами и капризами. Представители нового поколения торопились увидеть на троне монарха более современного, соответствующего духу времени, и конечно же мужчину. Очень скоро они получат то, чего желали, и ужаснутся замене. Короли из династии Стюартов обнаружат свою полную неспособность не только вести диалог с народом, но и управлять и проводить ответственную политику. Первого короля, пришедшего на смену Елизавете, англичане еще вытерпят, но не смогут противостоять соблазну отрубить голову следующему. Тогда они поймут, что старая рыжая Бесс, безусловно, знала что-то такое, чего не было дано знать ее преемникам.

Глава VI
РОЗА ЗИМОЙ

Казалось, королева скорее предпочитает прослыть нечувствительной к боли, чем признаться, что она страдает.

Дж. Клэпем, придворный

«Любимый и грозный суверен»

В поисках выразительных символов для своей государыни елизаветинские художники нашли один, довольно искусственный, но изящный: нежная красная роза, увенчанная массивной короной. Он как нельзя лучше передавал ее женственность и в то же время королевское величие. С годами она, быть может, стала терять цвет и аромат, но ее шипы оставались остры, как прежде. Она вся ощетинилась ими, вооружившись против новых веяний и идей, которые несли с собой наступающие времена и которые она не могла и не хотела принять.

Одним из них было усиление пуританских настроений в стране. Пуритане — религиозные радикалы и сторонники введения в Англии «женевской церкви» кальвинистского образца были ее давними оппонентами. Верные подданные, горячо обожавшие свою королеву, они искренне не могли понять, почему она не идет им навстречу и не хочет до конца искоренить «папизм» в англиканской церкви. Ее упрекали и в том, что она не выступает открыто на международной арене как бесспорный лидер протестантского мира, а всегда таится за кулисами, лишь исподволь оказывая поддержку «правому делу», а также в том, что в собственной стране она потворствует «папистам», не принимая против них жестких мер. Елизавете с ее острым чувством политической целесообразности и стремлением к компромиссам эти упреки казались до такой степени нелепыми, что она не считала нужным пускаться в объяснения с профессиональными борцами за веру, но дилетантами в политике. Она ограничивалась резким: ее величеству так угодно. Отмахиваясь от их надоедливых просьб сделать англиканское богослужение скромнее, убрав музыку, процессии, пышные священнические

облачения, королева, не углубляясь в теоретические споры, заявляла, что ей нравится слушать орган. За этим легковесным на первый взгляд доводом крылся глубокий смысл. Самый дух ее, чувство прекрасного, эмоциональный строй — все ее существо восставало против подчеркнуто отрешенных от земных радостей кальвинистов, с их доходившим до ханжества моральным ригоризмом. Брызжущая энергия ее ренессансного двора, всей елизаветинской культуры с ее блестящей литературой, театром, музыкой, романтическими рыцарскими порывами была несовместима с унылыми этическими идеалами пуританизма и его убогой эстетикой, вершиной которой оставались черное платье с белым воротничком и стриженные в кружок волосы.

Но даже не эта несовместимость была главной причиной неприятия пуританизма Елизаветой. Настоящим камнем преткновения оказался вопрос о власти — единственный, в котором она не допускала компромиссов. В ее глазах пуритане совершили два непростительных греха.

Во-первых, они подпали под влияние тираноборческих идей. Пусть это произошло в годы гонений Марии Кровавой, когда в стране царил репрессивный режим ее сестры и многие английские протестанты в эмиграции вынашивали и теоретически обосновывали планы убийства королевы-тирана. Для Елизаветы важным представлялось одно: эти люди позволяли себе судить тех, кто поставлен свыше управлять ими, они осмеливались выносить приговор Божьему помазаннику и требовать его смещения или даже смерти. С ее точки зрения, это было немыслимым и чудовищным преступлением, и в этом отношении пуритане ничем не отличались от иезуитов-католиков.

Дочь Генриха VIII, она в полной мере восприняла от него теорию божественного суверенитета и неограниченной власти монарха. Ее авторитет, что бы она ни делала, должен был быть абсолютно непререкаем для подданных. В гомилиях — наставлениях священникам, проповедовавшим перед ее народом в церквах, говорилось: «Могущество и власть королей, их право устанавливать законы, вершить суд, назначать должностных лиц — установление не человеческое, а божественное. Святое Писание учит нас подчиняться прежде всего Ее Величеству, верховной правительнице над всеми, затем ее славному совету и всем остальным благородным людям, магистратам и должностным лицам, которым самим Богом отведено их место… И это величайшее заблуждение, безумие и зло, когда подданные… оказывают сопротивление или поднимают мятеж против государя, любимого и самого грозного суверена и господина…»

Во-вторых, пуритане, быть может, не осознавая этого до конца, проповедовали такую церковь, в которой власти монарха не оставалось места. Они полагали, что церковь должна быть самостоятельна по отношению к государству и руководствоваться в своей внутренней жизни только «Божьим законом», выраженным в Священном Писании, светские же владыки не должны были навязывать ей свои установления. В религиозных общинах Женевы, служивших английским пуританам образцом, давно была устранена иерархия власти внутри духовенства, да и само духовенство как таковое; общинами руководили их выборные члены. В англиканской же церкви все еще сохранялась вертикальная структура власти: на вершине этой пирамиды стоял сам монарх как ее глава, за ним — фактический примас, архиепископ Кентерберийский, затем — епископы, архидьяконы, дьяконы и т. д. В пуританском требовании разрушить эту систему Елизавета увидела вызов собственной власти, самому принципу монархического управления. Наверняка эти люди думали лишь о реформе церкви и более справедливом устройстве ее внутреннего мира, когда предлагали лишить епископов пышных облачений. Их богатые ризы вызывали у пуритан едва ли не большее раздражение, чем сами вельможные иерархи. Но когда между теоретиками пуританизма и англиканства еще только шли споры об облачениях, королева Елизавета уже ясно видела перспективу, к которой приведут предлагаемые нововведения, — «сначала они потребуют упразднить власть епископа, а потом и самого монарха». Потому на все просьбы и петиции пуритан она отвечала решительным «нет», заявляя, что «она — верховная глава церкви после Господа Бога и обладает всей полнотой власти и авторитетом… Она решительно не примет никаких предложений о нововведениях, не изменит ни одного закона, которыми управляется в настоящее время церковь в Англии».

В 1571 году королева издала специальный акт против пропуритански настроенных священнослужителей, чтобы заставить их соблюдать все установленные нормы англиканской службы. Однако радикальное движение ширилось, вербуя новых сторонников даже в высших эшелонах власти: Лейстер, Уолсингем, Ноллис покровительствовали ему в Тайном совете. Успеху пуританской пропаганды в большой мере способствовал рост католической угрозы со стороны Испании. В 1582 году пуритане созвали свой первый синод, где было принято соломоново решение: чтобы не вступать в открытый конфликт с властями, пуританским священникам предписывалось внешне соблюдать англиканские обряды, а втайне совершать службу по кальвинистскому образцу. Елизавета не оценила столь

своеобразного проявления лояльности, усмотрев в нем всего лишь лицемерие. Архиепископ Кентерберийский Уитгифт, чтобы противостоять подпольной практике, повелел всем священникам принести присягу и подписаться под несколькими статьями доктринального характера, обязуясь свято следовать традиционным нормам. Отказавшиеся рисковали должностью и саном. На политическом небосклоне барометр предсказывал бурю. Королеву бомбардировали петициями и жалобами на самоуправство архиепископа «Божьи люди», как называли пуритан, она же приняла сторону Уитгифта. Отчаявшись снискать поддержку ее величества, пуритане обратились к другой политической силе — парламенту.

Английский парламент был древним институтом, претендовавшим на разделение суверенитета с монархами. Веками здесь культивировалась теория «смешанной монархии», подразумевавшая, что высшая власть принадлежит «королю в парламенте», то есть собранию государя и представителей всех сословий общества. Формально эта теория оставалась господствующей в политической мысли Англии и во времена Генриха, и во времена Елизаветы. Явление королевы в парламенте на открытии или закрытии его сессии становилось апофеозом политической жизни страны. Она торжественно вступала в палату лордов и занимала свое место на троне под балдахином, царя над палатой. Перед ней на красном бархате восседали ее пэры и прелаты, депутаты же нижней палаты общин, приглашенные по такому случаю, толпились за барьером. Многие из вновь избранных провинциалов впервые лицезрели свою госпожу во время этих официальных церемоний; от важности момента у них перехватывало дыхание. Елизавета была величественна со всеми своими регалиями (в имперской короне и мантии, с державой и скипетром в руках) и в то же время подчеркнуто милостива к тем, кто представлял «народ ее королевства». Каждая такая встреча была и для нее, и для парламентариев волнующим и ответственным моментом. На них фокусировалось все внимание, они собирались вместе, чтобы совещаться о важнейших государственных делах, доводить до сведения государыни нужды ее народа, принимать решения и издавать законы (по крайней мере именно так полагали депутаты). У них не было недостатка почтения и преклонения перед королевой и готовности служить ей и, если понадобится, отдать за нее жизнь. У Елизаветы, возвышавшейся над ними на троне, были несколько иные мысли. С самого начала ее правления парламент проявил себя чрезмерно навязчивым и бесцеремонным в своих советах относительно ее брака, и это

насторожило королеву. Она считала, что не нуждается в подобных советниках, и уже после первых двух сессий парламента заявила в 1566 году французскому послу, что этого «более чем достаточно для любого царствования и больше она не соберет ни одного». К ее сожалению, обойтись без парламента оказалось невозможно, так как только с его согласия она могла получать налоги с населения. Смирившись с необходимостью периодически встречаться с «представителями народа», Елизавета стала извлекать из этих контактов максимальную пользу, использовать сессии для пропаганды и укрепления своего престижа заботливой «матери отечества». С каким волнением депутаты внимали ей, когда она говорила об опасностях, грозящих ей и ее народу, о своей преданности им. Она столь же легко манипулировала чувствами парламентариев, как и любой другой толпы.

Однако времена менялись: с возрастом и ростом собственного культа Елизавета все больше утверждалась в мысли, что может управлять без постороннего вмешательства, а в парламенте, как в любой политико-бюрократической системе, в свою очередь, зрели идеи об исключительной значимости этого института. Между королевой и парламентом началось подспудное «перетягивание каната». В авангарде маячившей лишь в весьма отдаленном будущем оппозиции шли такие теоретики, как А. Холл, утверждавший: «Парламент не должен уподобляться слуге, который соглашается с господином в любой глупости… В руках трех сословий парламента находятся не только жизнь и имущество подданных, но и королевская корона, в их руках — законы». Ему вторил Дж. Хукер: «Король с согласия общин может издать любой акт или закон… однако без согласия общин ничего не может совершиться». Не без раздражения узнала королева, что в столе одного из ее верных слуг — бывшего секретаря Томаса Смита — после его смерти был найден трактат, утверждавший, что «высшая и абсолютная власть в королевстве Англии сосредоточена в парламенте, без которого король не может изменять права подданных и законы». Эти идеи находили все более живой отклик не только у теоретиков, но и у рядовых депутатов, которые искренне желали «осматривать и лечить» раны королевства и, действуя из лучших побуждений, поднимали самые острые вопросы — о престолонаследии, о состоянии религии, о тяжести налогов. Съезжаясь в Лондон, они в начале каждой сессии устами спикера испрашивали у королевы древней привилегии — свободы слова. С какой неохотой Елизавета по традиции даровала им это право, подозревая, не без основания, что они используют его, дабы бесконечно говорить о том, о чем,

по ее мнению, им не следовало даже задумываться.

Благодаря пуританской агитации религиозные вопросы в 80–90-х годах стали подниматься в каждом парламенте. Депутатам передавали десятки петиций с мест о неудовлетворительном положении в англиканской церкви, о небрежности плохо образованных священников, которые не живут в своих приходах и не заботятся о своей пастве. За стенами парламента волновались возбуждаемые пуританами толпы, да и в самой палате общин у них было сильное лобби. Раз за разом предлагались билли о переустройстве англиканской церкви на кальвинистских началах и принятии женевского молитвенника. И раз за разом эти волны лихорадочной активности, захватывавшие нижнюю палату, разбивались о непоколебимое королевское «veto». Елизавету возмущало уже то, что они вторгаются в сферу ее компетенции как главы церкви, и, потеряв терпение, она стала прямо указывать парламентариям, что дела устройства церкви не должны их касаться. В кулуарах раздраженная королева называла «представителей народа» «седыми бородами, но глупыми головами». Она выражала эту мысль и официально, но в более вежливой форме. Когда в 1593 году спикер испрашивал у нее разрешения пользоваться свободой слова, королева ответила: «Свободно высказываться — истинная привилегия этого собрания, но отнюдь не обсуждать здесь все дела по усмотрению каждого, устанавливать форму религии или правления, как считают некоторые… Ни один настоящий правитель не потерпит подобного абсурда». В другом случае, выведенная из себя настойчивостью парламента, Елизавета высказалась еще более прямолинейно: «Ваша свобода слова простирается не далее чем говорить “да” или “нет”, а если какие-то бездельники осмелятся рисковать своим положением, вмешиваясь в дела церкви и государства, спикер не будет принимать их билли».

Те, кто не внял ее предостережениям, скоро почувствовал на себе всю силу монаршьего гнева. Роберт Бил — тот самый, кто когда-то отвез приказ о казни Марии Стюарт и запечатлел ее гибель, — к этому времени стал секретарем палаты общин и пропуритански настроенным политиком. За трактат против власти епископов в Англии и выступления в парламенте королева без колебаний отправила его в тюрьму. Верный слуга и опытный государственный деятель, он был необходим Тайному совету и даже из заключения продолжал давать консультации правительству, но больше никогда не увидел свободы, скончавшись в тюрьме. Его судьбу разделил другой парламентарий — Моррис, в чьей преданности Елизавета не сомневалась ни минуты. И он, и Бил были старыми друзьями

лорда Берли, и их верность королеве была сродни его — они готовы были поплатиться собственным благополучием, чтобы раскрыть ей глаза на то, что считали непорядком в ее королевстве. К несчастью для них, у Елизаветы были иные взгляды на порядок.

Утвердившись в мысли, что пуритане представляют угрозу для ее правления, она перешла в наступление. В заключительной речи при закрытии парламента 1585 года Елизавета заявила, что они — ее враги, и не менее опасные, чем «паписты», но королева заставит их подчиниться, ибо не может быть так, что «каждый по своему усмотрению будет судить о законности королевского управления, прикрываясь при этом словом Божьим». В начале 90-х годов прокатилась волна арестов видных пуритан, среди которых оказался Томас Картрайт, теоретик этого движения, и лидеры наиболее радикальных сект — Барроу и Гринвуд, повешенные впоследствии. Непреклонность королевы и репрессии заставили сторонников дальнейшего «очищения» церкви поутихнуть. Справедливости ради надо заметить, что меры, принятые Елизаветой, едва ли можно назвать репрессиями. Несколько несчастных жертв собственных убеждений, пострадавших от нее, не шли ни в какое сравнение с сотнями и сотнями мучеников за веру, проливших кровь в жестоких коллизиях Реформации в других странах. Тем не менее с середины 90-х годов пуритане стали почти незаметны в парламенте и вновь подняли головы лишь после смерти Елизаветы. Старая королева, как всегда, оказалась права: спустя какие-то четыре десятилетия именно эти набожные люди в скромных одеждах отрубили голову королю Карлу Стюарту. Она предвидела это, когда не хотела в угоду им выносить орган из дворцовой часовни. Пока протестантская королева демонстративно наслаждалась звуками «папистского» инструмента, ее страна была гарантирована от гражданской войны.

Последний вызов

Свобода, даже если это всего лишь свобода слова, — опасное вино для неугомонных умов. Вкусив его, парламентарии уже не могли остановиться и не говорить о том, что волновало их и тех, кого они представляли. Как это ни странно, но споры о реформе церкви довольно быстро отошли в прошлое, а на первый план выдвинулись экономические вопросы, бесконечно обсуждавшиеся депутатами. Две проблемы заставляли их кричать на каждой

сессии о бедственном положении страны — тяжелые налоги и несправедливые поборы, в первую очередь монополии частных лиц на торговлю. Елизавета не хуже их знала об этих бедствиях, но никто еще не подсказал ей, как поддержать механизм государства без налогов и пошлин.

«Мы сдираем с налогоплательщиков семь шкур! — патетически восклицали депутаты. — Мы не осматриваем раны королевства, а отдираем с них едва поджившую коросту». Никогда прежде речи депутатов не были так резки, а их поведение столь вызывающим, как при обсуждении вопроса о «добровольных дарах» королеве в ее последних парламентах. Поистине, времена изменились, и те мальчики, которые в 1588 году готовы были с легкостью отдать жизнь за свою королеву, повзрослев, уже не хотели жертвовать ради нее своими кошельками. Циник Макиавелли не преувеличивал: люди скорее простят вам смерть собственных родителей, чем потерю состояния. Когда в 1601 году во время дебатов о субсидии некий депутат Хайден решил пристыдить своих чересчур прижимистых собратьев и высказался в том смысле, что королева имеет право распоряжаться собственностью своих подданных, его попросту ошикали: «Вся палата затопала и засмеялась». Дальше было еще хуже. Изумленный Роберт Сесил впервые в своей жизни стал свидетелем того, как палата общин совершенно отбилась от рук: распоясавшиеся депутаты демонстративно кашляли, заглушая ораторов, и даже плевались. Королеве, естественно, доложили об этом. Ее министр предпочел говорить лишь о безответственном поведении депутатов, но Елизавета не собиралась закрывать глаза на существо проблемы: это оплевывали ее финансовую политику.

Однако, несмотря ни на какую критику, английские парламентарии не произвели переворот в деле государственного управления и не уничтожили налогов. Пошумев, они, как всегда, вотировали субсидию, которая как-никак шла на общее благо. Настоящим же камнем преткновения в отношениях парламента с королевой грозили стать торговые монополии. «Они отдают общественные доходы в частные руки, — кричали депутаты. — Нет другого акта королевы, который был бы более вреден ее величеству, ненавистен подданным и опасен для государства, чем акт, дарующий монополии… Монополии тормозят торговлю, так как люди не решаются производить товары и торговать без разрешения владельцев лицензий».

Елизавета особенно болезненно воспринимала антимонопольную кампанию. Дело было не только в доходах, извлекаемых казной из торговли монопольными патентами, но и в том, что право даровать их было священной прерогативой

короны. Королева с большей легкостью отказалась бы (если бы могла) от самих монополий, чем от своего права, — это был удар по самолюбию, затрагивавший достоинство «леди-суверена». Серьезность вызова, как всегда, заставила ее собраться и в который раз продемонстрировать свое умение управлять парламентом. Скандал из-за монополий в 1597 году она сгладила всего несколькими точно взвешенными фразами. Сначала, чтобы охладить пыл депутатов, указала им, в какую деликатную сферу они вторгаются: она надеется, что ее верные и любящие подданные не посягнут на ее прерогативу — лучший цветок в ее саду и самую ценную жемчужину ее короны — и оставят дело на ее усмотрение. С другой стороны, она пообещала, что сама разберется во всем и отменит те патенты, которые приносят вред, — для этого будет достаточно ее собственной прокламации и не понадобятся акты парламента. Доверчивые парламентарии, успокоенные ее обещаниями, разъехались по домам на четыре года, в течение которых она ввела еще тридцать новых монополий! Она лгала беспардонно, но то была ложь от безысходности.

На сессии 1601 года все повторилось сначала — всплеск негодования и ее обещания, которым уже не верили. Палата вышла из повиновения и твердо решила принять закон против монополий. Возмущенный Сесил заявил: «Я был членом этой палаты в шести или семи парламентах, но никогда не видел ее в таком беспорядке. Это больше походит на грамматическую школу, чем на парламент». Когда стало ясно, что депутаты не поддадутся на уговоры министров, королева снова выступила на сцену. Она вызвала к себе спикера и милостиво поблагодарила палату общин за заботу о благе государства, пообещав отменить патенты: «Она никогда не соглашалась даровать что-либо, что было бы злом само по себе. А если в нарушение ее пожеланий творилось какое-нибудь зло, она сама примет незамедлительные меры к его исправлению». Елизавета была слишком опытна, чтобы дважды прибегать к одному и тому же трюку, поэтому спустя три дня она действительно издала прокламацию, отменив восемь монополий. В эйфории от своей, пусть частичной, победы депутаты уполномочили своих представителей поблагодарить ее величество. 30 ноября 1601 года королева приняла их во дворце Уайтхолл и произнесла свою последнюю публичную речь, вошедшую в историю как «Золотая речь». Она как будто чувствовала, что это ее последняя возможность обратиться к депутатам публично и запечатлеть свой образ в их памяти таким, каким она хотела. Мерно и с достоинством она начала говорить: «Уверяю вас, что нет государя, который любил бы своих

подданных сильнее Нас или чья любовь могла бы затмить Нашу. Нет такой драгоценности, которую я предпочла бы этому сокровищу — вашей любви, ибо я ценю ее выше, чем любые драгоценности или богатства: они поддаются оценке, а любовь и благодарность я считаю неоценимыми. Господь вознес меня высоко, но славой своей короны считаю я то, что управляю, пользуясь вашей любовью… И я не хотела бы жить дольше, чем пока я буду видеть, что вы процветаете, и это — мое единственное желание… Наше королевское достоинство не потерпит того, чтобы Наши пожалования оказались тяжелы для народа и угнетение получило привилегии под предлогом Наших патентов. Действительно, услыхав об этом, я не знала покоя, пока не исправила положение. Могут ли те, кто так угнетал вас, пренебрегая своим долгом и Нашей честью, надеяться избежать наказания? Нет. Господин спикер, я заверяю Вас, что… желаю, чтобы все ошибки, беспокойство, неприятности и притеснения, чинимые этими плутами и негодяями, недостойными имени подданных, не остались без заслуженного наказания…

У меня перед глазами всегда стоит картина Последнего Суда, поэтому я управляю так, как если бы я была призвана отвечать перед Высшим Судией. Перед его престолом я заявляю, что никогда не лелеяла в своем сердце мысли, которая не была бы направлена на благо моего народа. И теперь, если моя королевская щедрость обратилась во вред моему народу, вопреки моей воле и намерениям… и кто-нибудь, имеющий власть от меня, пренебрег или извратил то, что ему было поручено мною, надеюсь, Господь не отнесет их вину и преступления на мой счет… Я знаю, что звание короля — славный титул, но уверяю вас, что сияющая слава власти не ослепила Нас настолько, чтобы Мы не видели и не помнили, что и Нам держать ответ перед Великим Судией. Быть королем и носить корону представляется более лестным тем, кто смотрит со стороны, чем тем, кто ее носит. Что касается меня, я никогда не была польщена славным званием государыни или королевской властью так, как тем, что Господь сделал меня орудием для утверждения его истины и славы и для защиты этого королевства… от опасности, бесчестья, тирании и угнетения. Никогда на моем троне не будет королевы, которая была бы большей ревнительницей моей страны, больше заботилась бы о подданных и была бы готова охотнее подвергнуть риску и отдать свою жизнь ради вашего блага и безопасности, чем я. Думаю, на этом троне у вас были и будут государи могущественнее и мудрее меня, но у вас никогда не было и не будет никого более заботливого и любящего.

Если бы я преувеличивала свои достоинства или ссылалась

на слабости моего пола, я была бы недостойна жить и не заслуживала бы тех милостей, которых удостоилась от Бога, наделившего меня сердцем, до сих пор не страшившимся ни внешних, ни внутренних врагов. Я говорю это, чтобы воздать хвалу Господу в вашем присутствии, а не для того, чтобы что-то приписать себе. Ибо, Господи, что есть я, которую не устрашили былые происки и опасности? О, что могу я совершить, чтобы говорить о какой-то славе! Боже избави. Все это я прошу Вас, господин спикер, передать палате вместе с изъявлениями моего сердечного расположения».

Когда королева замолчала, многие плакали, не скрывая слез умиления. Она усмирила вчерашних бунтовщиков и ниспровергателей устоев, как добрая мать не в меру расшалившееся дитя, и теперь они смущенно шмыгали носами. Им внезапно открылось, что бы там ни случилось с монополиями, их королева прощается с ними и скоро покинет свой народ. Когда депутация вернулась в палату, еще не оправившись от пережитого эмоционального потрясения, кто-то предложил записать текст речи ее величества на золотых скрижалях, чтобы навсегда сохранить его для истории.

В суете как-то сам по себе отпал вопрос о десятках уцелевших монополий, гораздо более важных и доходных для короны, чем те, которые были отменены. Елизавета снова получила передышку и больше не вспоминала о проклятых лицензиях в те последние полтора года жизни, что ей оставались. Когда же депутаты спохватились, она уже была недосягаема для их критики, и следующая волна общественного возмущения обрушилась на голову ее преемника — Якова Стюарта. Она же, как всегда, выиграла.

Смерть розы

Никогда прежде ее организм, зажатый в тиски ежедневной дисциплины, не находился в такой дисгармонии с душой, как в последние отведенные ей восемнадцать месяцев. По-прежнему, вставая поутру, Елизавета часто приглашала учителя танцев, музыкантов, и танцкласс мог продолжаться, пока шестидесятидевятилетняя королева не исполняла шести галлиард подряд. При дворе все шло своим чередом, и Елизавета, как светило по небосклону, неизменно совершала свой привычный путь через аудиенц-зал в кабинет или зал заседаний Тайного совета, где подолгу работала, принимала иностранных послов. Она не изменяла привычкам — выезжала, охотилась, не давая

себе ни малейшей поблажки, и по-прежнему отправлялась в хлопотные летние поездки по стране. Только самым близким друзьям она могла изредка посетовать на болезни: конечно же ее кости ломило, мучил бок, а временами на нее нападала слабость. Но она безжалостно взнуздывала себя и гнала вперед.

И все же силы изменяли ей. Елизавета угасала в меланхолии. Казалось, она потеряла интерес ко всему, что раньше доставляло ей удовольствие. Напрасно пытались придворные развеселить королеву свежими эпиграммами; актеры, приглашенные играть во дворце на Рождество, не заинтересовали ее. Она лишь печально улыбалась, как бы извиняясь за то, что времена ее веселья миновали. Глубокая задумчивость овладевала ею внезапно, и, погруженная в собственные мысли, старая королева часами сидела в темноте, не замечая никого вокруг. Она не позволяла фрейлинам приносить свечи, но они и без того знали, что по ее лицу текут слезы.

Великая королева уходила из жизни разочарованной, познав неблагодарность всех, кому она отдавала свои силы, — неверность друзей и непостоянство народа. Она плакала о своем одиночестве, и все чаще имя Эссекса срывалось с ее губ. Ей хотелось вернуть и снова увидеть рядом своего капризного и необузданного Робина. В такие минуты Елизавета вдруг делалась лихорадочно разговорчива и подолгу не отпускала от себя того, кто попадался под руку. Она говорила и говорила, все об одном и том же — об Эссексе, вспоминая все то, что было дорого ей. Но внезапно, осознав, что его больше нет и она сама обрекла его на смерть, разражалась слезами. Эти изнуряющие приступы постоянно возобновлялись, Елизавета теряла самоконтроль. Временами окружающим казалось, что рассудок и память начинают изменять королеве, но она неизменно брала себя в руки.

Наступал 1603 год — сорок пятый год ее царствования. После довольно унылого Рождества простуженная королева решила перебраться из Уайтхолла в более комфортабельный дворец в Ричмонде. «Мой теплый коробок, где я могу укрыть свою старость», — называла она его. Переезд двора, как всегда, породил толчею, беготню слуг и суету со сбором и погрузкой вещей. Среди этого хаоса к ее величеству заглянул лорд-адмирал граф Ноттингем. Они поболтали о ничего не значащих вещах, о переезде, потом наступила неловкая пауза, и граф наконец заговорил о том, за чем пришел (или был послан советом) к больной государыне. Это был все тот же проклятый вопрос о ее преемнике, которым ее допекали всю жизнь. Ноттингем старался быть осторожным, зная, что может вызвать поток упреков и

истерику. Против его ожиданий Елизавета сохранила спокойствие и с величавым достоинством, которым часто маскировала гнев, ответила: «Мой престол всегда был троном королей, и никто не будет наследовать мне, кроме ближайшего по крови претендента». Адмирал раскланялся и поспешил прочь обсудить ее ответ с членами кабинета.

У Роберта Сесила уже давно были приведены в порядок «дела» на всех претендентов — с их подробными генеалогиями и меморандумами о положительных и отрицательных сторонах такого наследования. По праву крови лидировали трое — испанская инфанта, король Шотландии Яков VI и его родственница леди Арабелла Стюарт. Обе дамы едва ли имели шансы унаследовать корону: испанка — из-за того, что была испанкой и католичкой, шотландка — поскольку ее коронованный родственник в глазах всех имел явное преимущество высокого положения и пола. Следовало ли трактовать уклончивые слова Елизаветы в его пользу? Зная переменчивый нрав своей госпожи, советники не торопились делать выводы.

В Ричмонде Елизавета почувствовала себя лучше, но в самом конце февраля снова занемогла. В середине марта ей сделалось совсем плохо. Смерть приблизилась к ней и остановилась в нескольких шагах, разглядывая эту ослабевшую женщину, которая полулежала в глубоком кресле, обложенная подушками. Елизавета почувствовала ее присутствие.

Она не погрузилась в молитвы и не покорилась философски, встречая незваную гостью. Гордая женщина и великая государыня поднялась со своего кресла и, не в силах сделать более ни шага, застыла, выпрямившись и сжав худые кулачки, не давая слезам сорваться с ресниц. Вокруг нее в испуге засуетились фрейлины и врачи, умоляя королеву лечь в постель. Елизавета не замечала их и не отвечала, она видела перед собой только свою противницу и знала, что будет побеждена, если ляжет. Она стояла молча, сжав зубы, пятнадцать часов подряд, пока Смерть не отступила в изумлении перед этим непостижимым характером. Тогда королева разрешила усадить себя в подушки, но так и не легла в постель. Несколько дней и ночей она провела, отказываясь от лекарств и еды, не смыкая глаз, чтобы Смерть не застала ее врасплох. Она молчала и думала о чем-то своем, не обращая внимания на панику вокруг и уговоры лечь. Наконец Роберт Сесил сказал ей: «Ваше величество, вы должны лечь в постель, чтобы успокоить людей». На миг в ней блеснул интерес к словам министра. «Коротышка, — ответила она, — к королям неприменимо понятие “должны”». Она была все та же прежняя

Елизавета…

И все же, уступая их назойливому участию, ей пришлось лечь в постель. Угасание ее было необычным: как истинная Королева Фей, а не смертная христианка, она пожелала наполнить свои последние дни прекрасной музыкой, а не бормотанием молитв, и в ее покоях мягко зазвучал клавесин, на котором она так любила музицировать прежде.

23 марта к ней вошли три члена Тайного совета: лорд-адмирал Ховард, граф Ноттингем встал по правую руку, лорд-хранитель Эджертон — по левую, Роберт Сесил — в ногах, напряженно вглядываясь в лицо королевы. Адмирал напомнил Елизавете об их недавнем разговоре относительно преемника, советники хотели узнать ее последнюю волю. Она, несмотря на слабость, выразила ее в своей обычной энергичной манере: «Я уже говорила, что мой престол — трон королей, и я не позволю, чтобы после меня пришел низкий подлец; кто может наследовать мне, если не король?» Советники переглянулись: им было необходимо имя, а не туманные фразы. Видя их колебания, она наконец подтвердила, что имеет в виду своего «племянника» — короля Шотландии Якова, и велела им не тревожить ее больше.

К обеду ей стало хуже, она лишилась дара речи. Теперь Елизавета была готова принять смерть. Старый архиепископ Кентерберийский Уитгифт пришел, чтобы преклонить колени у ее смертного одра и молиться о ее душе. Он читал молитвы, пока силы не оставили его самого, но когда старик хотел подняться с затекших колен, онемевшая Елизавета сделала ему знак, прося продолжать, и он остался. После четырех часов пополудни ее постель снова окружили министры, Роберт Сесил в последний раз спросил ее, по-прежнему ли ее величество желает, чтобы король Шотландии наследовал ей, и, если это так, не может ли она подать им знак. Елизавета внезапно приподнялась на подушках, воздела руки и соединила их над головой, как будто надевая корону. После этого силы покинули ее. В ту же ночь, 24 марта 1603 года, около трех часов королева Елизавета I умерла. Это случилось в канун праздника Девы Марии, и королева-девственница уходила, как бы оставляя свою страну под покровительством Девы Небесной. Доктор Джон Мэннингэм, присутствовавший при ее последних минутах, записал в своем дневнике: «Она ушла из этой жизни тихо, как агнец, и легко, как спелое яблоко с дерева…»

Даже в смерти своей она рождала поэтические сравнения. Красная роза дома Тюдоров увяла, и с ней закончилась ее блестящая и героическая эпоха. Odor rosarum manet in manu etsiam Rosa submota — запах розы остается в руке, даже если роза

отброшена…

Глава VII
ВОЗРОЖДЕННЫЙ ФЕНИКС

Она взрастила под своим крылом нацию, что была зачата и рождена при ней.

Т. Деккер, поэт и драматург

После заката

Рассвет застал министров почившей королевы Елизаветы на дороге из Ричмонда в Уайтхолл. Государственные мужи пустились в путь около шести утра, а уже в десять, после недолгого совещания, они провозгласили Якова VI Шотландского королем Англии. Роберт Сесил сам зачитал прокламацию, возвещавшую об этом, у ворот Уайтхолла, а затем герольды разнесли весть повсюду. «Королева умерла. Да здравствует король!» — казалось, этот крик, как нож, неумолимо рассекал узы, десятилетиями связывавшие английский народ с его старой правительницей. Время гнало вперед, не оставляя места сожалениям. Очень быстро их сменили надежды и тревоги о том, как пойдет жизнь при новом короле. Он был шотландец — огромный минус, но протестант и мужчина — безусловный плюс. Навстречу ему устремились чиновники и придворные, и путь Якова от самой шотландской границы в новую столицу превратился в сплошное триумфальное шествие. Новое светило всходило на северном небосводе, и никто еще не подозревал, как слабы окажутся его лучи.

Но все это произошло позднее. Когда же весть о смерти королевы Бесс разнеслась в Сити, ее осиротевшие подданные на мгновение примолкли в замешательстве. С ней уходила часть жизни каждого из них, ибо даже поколение зрелых, сорокапятилетних людей уже не помнило других правителей, а сколько новых поколений выросло елизаветинцами, появившись на свет в «ее счастливое правление». Доктор Мэннингэм записал в своем дневнике: «Прокламацию выслушали с великими ожиданиями и молчаливой радостью, но без громких криков. Я полагаю, печаль из-за ухода Ее Величества была так глубока во многих сердцах, что они не могли сразу выказать большую радость…» Редкая тактичность для толпы.

Спустя несколько дней Англия провожала свою «невесту». Четверка могучих коней, всегда сопровождавших ее в триумфальных процессиях, а теперь покрытых траурными попонами, влекла гроб, окруженный джентльменами-пенсионерами, за которыми следовал весь двор. Ее телохранители в последний раз служили той, чье раскрашенное деревянное изображение покоилось на крышке гроба, устремив глаза в небо. Под рыдания толпы процессия достигла Вестминстерского аббатства, где королеву похоронили под сводами часовни, построенной ее великим дедом Генрихом VII; она и поныне покоится там в славном окружении державных монархов и национальных героев. «Что остается от сказки, когда ее рассказали?» — спрашивала как-то пытливая девочка, героиня Льюиса Кэрролла. Что остается от царствования, когда оно закончилось? Из всех завоеваний Елизаветы политические оказались самыми эфемерными. Потомки перечеркнули их, отбросив ее бесконечные компромиссы, сдержанность и умеренность. Никто не смог лучше поэта Майкла Дрейтона выразить смятение елизаветинца в быстро меняющемся мире:

Не доверяя зренью, видел глаз
Несчастье Эссекса, покой Тирона,
Великой королевы смертный час,
Преемника восход к вершинам трона,
С Испанцем лад, с Голландией разрыв, —
Так пляшет колесо слепой Фортуны…

Но именно тогда, когда англичанам, казалось бы, пора было накрепко забыть об ушедшей в небытие королеве, ее образ вдруг воскрес и зажил совершенно фантастической самостоятельной жизнью. По мере того как бодрая и энергичная елизаветинская Англия сникала и теряла былую славу, деградируя в стюартовскую, современники все чаще оглядывались назад, взывая к призракам милого им прошлого. И Елизавета возвращалась к ним во всем блеске своего величия, легендарной, фольклорной, «доброй королевой Бесс». Ее последние мрачные годы как будто не оставили отпечатка на ее образе, и память англичан безошибочно извлекала из глубин народного сознания только то, что казалось по-настоящему важным: ее милостивое отношение к ее народу, ее «обручение» с Англией, добродушие и юмор, готовность вступить в диалог с простолюдином. Она запомнилась также своенравной и острой на язык, но таких героинь и ценит фольклор. В памяти народа навсегда запечатлелись ее патриотизм и героика каждого жеста —

Елизавета, вступающая на борт «Золотой антилопы» и дружески беседующая с Дрейком, она же — в доспехах под Тилбери, готовая «пасть во прахе» среди своих солдат. Ее легендарный «белый пеликан» приходил на память, как «белый султан» Генриха IV, и воскресали бессмертные слова: «У вас может быть более великий государь, но никогда не будет более любящего».

Не правда ли, она могла торжествовать — тот прекрасный образ, который она так тщательно создавала всю жизнь, продолжал жить и после ее смерти. Но на поверку он оказывался не таким уж мифом; когда льстить государыне было уже не нужно, выяснилось, что она на деле была тем, кем хотела казаться, — королевой, любимой своим народом. После нее осталось ощущение великой эпохи, молодой энергии и доблести. Стоило произнести «Елизавета», и немедленно возникали запах моря, трепещущие на ветру паруса, и за плечами этой утонченной леди в платье, осыпанном жемчужинами, вставали морские волки, бретеры и поэты. Ветераны рассказывали внукам бесконечные истории о том, как они били испанцев во времена славной королевы Бесс. Воспоминания о ней давали опору и надежду на будущее тем, кто терял ее в настоящем.

Семнадцать монархов сменились после Елизаветы на троне Британии, но каждое новое поколение лишь убеждалось, что она — самая яркая величина среди них, своеобразный эталон, с которым непроизвольно соотносили всех последующих. И первыми это ревниво ощутили на себе Стюарты. Когда спало очарование новизны после восшествия Якова I, он с досадой обнаружил, что его царствование постоянно сопоставляют со «счастливым правлением королевы Елизаветы» и сравнение было не в его пользу. Напрасно пытался он перенести на март праздник своего воцарения на престоле. Народная привязанность к 17 ноября оказалась сильнее: вплоть до XVIII века и в столице, и в глубинке этот день по-прежнему отмечали шествиями, праздничными огнями и колокольным звоном; он надолго остался первым национальным праздником, возникшим в честь светского лица. И шотландцу пришлось склониться перед памятью «тетушки», капризной и своенравной при жизни и неуемной даже после смерти. Открывая свой первый парламент, Яков назвал ее королевой, «которая в мудрости и счастливом управлении превзошла всех государей со времен Августа».

Совсем неудивительно, что неутомимый критик Стюартов и ниспровергатель Карла I Кромвель ностальгически вспоминал «славной памяти королеву Елизавету», но любопытно, что в охваченной гражданской войной Англии и роялисты, и сторонники парламента отзывались о ней с одинаковым

почтением: среди всеобщей смуты ее мирное царствование виделось им подлинным «золотым веком», а политическая мудрость самой королевы — бесспорной.

За следующие полтора столетия своего посмертного, но чрезвычайно оживленного существования Елизавета совершила целый ряд неожиданных метаморфоз. После Реставрации в эпоху Карла II и Якова И, симпатизировавших католицизму, когда протестантской вере в Англии грозила серьезная опасность, призрак великой королевы, победительницы Армады, снова явился во всем своем блеске. Никогда прежде англичане не отмечали так вдохновенно 17 ноября — «день рождения английского Евангелия», не устраивали столь пышных живых картин, не громыхали с таким энтузиазмом колотушками, осмеивая папу римского, перед тем как бросить его чучело в костер. Их «Элиза» — протестантская героиня-символ виделась англичанам XVII века гораздо большей протестанткой, чем была на самом деле. Но пуритане этой поры не хотели вспоминать, как она расправлялась с их дедами. Они хотели, чтобы Елизавета была с ними.

В просвещенном, ироничном и политизированном XVIII веке у нее тоже нашлось немало поклонников, как ни странно, среди вигов — адвокатов парламента и демократических свобод. Их восхищали ее риторика, стиль общения с нацией и знаменитый принцип, неоднократно провозглашавшийся ею: благо государства и народа — высшая цель ее правления. Очарованные этим, они предпочитали не замечать, что их героиня постоянно ссорилась с парламентом и была автократом по убеждению, а «конституционалисткой» лишь по необходимости.

Она продолжала свою нескончаемую игру и с потомками, заставляя их вновь и вновь очаровываться ею и обманываться на ее счет в безуспешной погоне за ее подлинным «я».

Деловой и одновременно сентиментальный XIX век нашел в ней, по крайней мере, то, что не вызывало сомнений, — символ национальной идеи, вспомнив, как она гордилась тем, что она «чистая англичанка». Со временем Елизавета вошла в плоть и кровь английской истории, заняв подобающее место в учебниках и став таким же непременным символом и выражением духа самой Британии, как Нельсон с его черной повязкой, герцог Веллингтон с орлиным профилем или Черчилль с неизменной сигарой.

Но что нам до нее, до этой эксцентричной леди в рыжем парике, очаровательницы былых времен? Почему, несмотря на прошедшие века, что-то неуловимо манит в этой женщине, заставляя видеть в ней нечто большее, чем занятный

исторический персонаж XVI века. Если стереть толстый слой белил с ее лица и отрешиться от ее фантастических, деформирующих реальные пропорции нарядов, то под ними вдруг обнаружится необыкновенно современное лицо женщины-интеллектуала и политика новейшей формации, которая вынесла необыкновенную подвижническую миссию сорокапятилетней ответственности за страну, не разделив ее ни с кем. Мало кому в истории было суждено стать лидером в таких неблагоприятных обстоятельствах, как ей; немногие, постоянно находясь под дамокловым мечом, сумели бы подобно ей сохранить не только спокойствие, но и заразительную уверенность в себе, внушив ее миллионам своих подданных. В истории редки, а может быть, и вовсе отсутствуют примеры, когда судьба правителя оказывалась настолько спаянной с судьбой страны и ему приходилось нести эту колоссальную ношу в течение полувека.

При Елизавете совершилась гигантская созидательная работа во всех сферах общественной жизни, где требовались мужество, характер, вдохновляющий импульс, — в открытиях, исследованиях и дальних плаваниях, в международных делах, в торговой экспансии, в культуре. При ней Англия из заштатного государства превратилась в великую мировую державу, и трудно не увидеть в этом всеобщем воодушевлении оплодотворяющего воздействия ее лидерства.

Королева далеко опередила свой век не только в политических средствах, которыми она владела (с ее прямой апелляцией к обществу, популизмом, необычными средствами пропаганды, новой политической лексикой), но и в своих убеждениях. В мире, расколотом надвое идеологическим конфликтом, оказывавшим огромное эмоциональное давление на каждую личность, в мире, чуждом терпимости, она всю жизнь шла серединным путем разума и толерантности — путем интеллектуалов и интеллигентов, пытаясь отстоять права каждого, и свои в том числе, жить в согласии с собственной верой и чувствами. С точки зрения многих, она губила свою душу, будучи «ни горяча, ни холодна» в деле религии, и ее подлинный героизм заключался в том, чтобы не соблазниться заведомо легким путем и, «спасая душу», не принять сторону одних своих подданных против других, разрушив хрупкое единство своего народа. «Я скорее тысячу раз отстою мессу, — говорила она, — чем позволю совершиться тысяче подлостей во имя ее отмены». Все ее мучительные компромиссы, нерешительность, бесконечная ложь вдруг предстают тем, чем они были на самом деле, — государственной и человеческой мудростью. И навсегда в глазах цивилизованных потомков ей наряду с победой над Армадой

зачтется прокламация, запрещавшая уничтожать католические иконы и скульптуры, имевшие художественную ценность, — не самый обычный в то время шаг для протестантской государыни.

Быть может, не осознавая того, Елизавета была одним из самых сильных адвокатов свободы личности, полвека противостоя предрассудкам в отношении женщин и расхожей морали своей эпохи, настаивая на своем праве жить в согласии со своим сердцем и склонностями: оставаясь одна или демонстративно окунаясь с головой в романтическую игру. Как истинная женщина она ушла, навеки сохранив свою тайну: никто и никогда с полной уверенностью не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть ее репутацию королевы-девственницы. Но при том, что эта тайна всегда будоражила досужие умы, Елизавета осталась национальной героиней, не опустившейся до уровня блестящей, но банальной куртизанки. Эта темпераментная и увлекающаяся натура была подобна морю: смятение сердца могло вызвать на его поверхности рябь, волнение и даже шторм, но в глубинах своих оно оставалось невозмутимым и неизменно охраняло от всех бурь маленький остров, вверенный его покровительству.

Роберт Сесил как-то сказал о своей государыне: «Она, пожалуй, была больше, чем мужчина, но меньше, чем женщина». Простим ему, он знал ее лишь на закате жизни. Она всегда была больше, чем просто женщина. Она была королева, отваживавшаяся жить — как чувствует. Она была женщина, способная поступать — как требовал долг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РУССКИЕ ПОСЛЫ ПРИ ДВОРЕ ЕЛИЗАВЕТЫ I В 1600 ГОДУ

Посланник русского царя Бориса Годунова Григорий Микулин прибыл в Лондон поздней осенью 1600 года и оставался в Англии до весны 1601 года. В течение этого времени он имел насколько аудиенций у королевы, был свидетелем многих событий при дворе, наблюдал праздничные процессии и присутствовал на турнире 17 ноября в честь воцарения Елизаветы. Благодаря активному общению с английскими купцами, торговавшими с Московией, и дипломатами, Микулин хорошо ориентировался в политической обстановке и оставил среди прочего любопытные заметки о восстании графа Эссекса. Приводимый ниже отрывок — выдержка из его «статейного списка» — отчета, составленного по возвращении в Россию. Характер источника определяет особенности его стиля и пристальное внимание автора к соблюдению принимающей стороной норм посольского церемониала.

Статейный список Г. Микулина, подлинник которого хранится в РГАДА, был издан впервые в Сборнике Императорского Русского исторического общества (Т. 38. СПб., 1883). Здесь он приводится по изданию: Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 156–205.

«…Октября в 14 день приехал к Григорью и к Ивашку[17] от королевны князь Еремей Боус[18], а с ним королевниных дворян и детей боярских тритцать человек, да алдраманы и гости, которые торгуют на Москве[19]; и сшедчися з Григорьем и с Ывашком, витался за руки. И говорил от королевны князь Еремей Григорью и Ивашку, сняв шляпу: «Великая де государыня наша Елисавет-королевна велела вам сегодни, после стола, быти у себя на посольстве в селе своем, в Речманте, от Лунды десять верст, и прислала под вас кочи[20] свои, в чем вам ехати, и велела мне с вами ехати в приставех; и вы будьте готовы. А в то время, как вам быти у ней на посольстве, иных никоторых государей послом и посланников быти у себя не велела».

И Григорей и Ивашко князю Еремею говорили: «Мы у государыни вашей, у Елисавет-королевны на посольстве быти ради и ехати с тобою готовы».

И говорил князь Еремей Григорью: «Как деи тебе ехати, то на твоей воле: будет мне велишь сидети с собою в коче вместе, и я готов; а будет велишь опроче в другой коче, то на твоей же воле».

И шел з Григорьем князь Еремей у Григорья до кочи с левые руки. И сел Григорей в кочу, а з Григорьем сидел в коче з государевою грамотою подъячей Ивашко; а по сторонам в дверцех сидели переводчик Ондрей Грот, да гость Иван Ульянов[21]. А пристав князь Еремей Боус ехал за Григорьем в другой коче. Да алдраманы, и гости, и дворяне, и дети боярские ехали на конех верхи и в кочах. А как приехали х королевниму двору в село в Речмант, и высели ис кочь у ворот; и встретил Григорья от королевны в воротах ближней дворянин лорд Гре, а с ним дворян и детей боярских человек с пятдесят; и сшедчися з Григорьем и с Ывашкою, сняв шляпу, витался за руки. А середи двора встретил Григорья лорд Ипенга[22]. И шли оба встречники у Григорья с левые руки; а з государевою грамотою шел позади у Григорья подъячей Ивашко; а дворяне и дети боярские, которые встречали с лордом Гре, и Григорьевы люди шли наперед; а алдраманы и гости шли позади; а перед королевниным двором в то время людей было много.

А как пришли х королевниным полатам к леснице, и встретил Григорья королевнин боярин, лорд Кумарлан[23], и сшедчися з Григорьем и с Ывашкою, сняв шляпу, витался за руки, и шел у Григорья с левые же руки. И вшед в переднюю полату, говорил лорд Кумарлан Григорью, чтоб «деи вам в сей палате посидети немного подождати от королевны присылки». И погодя немного велела королевна Григорью идти к себе в полату. И как Григорей и Ивашко пришли к королевниной полате, и встретил Григорья в сенех от королевны ближней ее человек, боярин и дворетцкой лорд чамберлин[24], и сшедчися з Григорьем, сняв шляпу, витался за руки; и шел з Григорьем Х королевне в полату с левые ж руки, а прежние встречники шли позади.

А как Григорей и Ивашко пришли перед королевну, и королевне челом ударили, и королевна с места своего встала и, отшед от места с сажень, велела Григорью приступи к себе поближе. И Григорей, приступись х королевне, правил от великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, Елисавет-королевне поклон и поздравленье по наказу. И королевна против царского поклону и поздравленья поклонилася. А после того Григорей правил королевне от великого государя, царевича, князя Федора Борисовича всеа Русии, поклон и поздравленье по наказу же. И королевна против государева царевича поклона поклонилася.

И спрашивала королевна Григорья о здоровье про великого государя, царя и великого князя, Бориса Федоровича всеа Русии самодержца, и про великие государыни царицы и великие княгини Марьи Григорьевны, и про великого государя, царевича,

князя Федора Борисовича всеа Русии и про великие государыни царевны и великие княжны Оксиньи Борисовны. И Григорей говорил: «Как есмя поехали от великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии самодержца и многих государств государя и обладателя, и великий государь наш, царское величество, и великая наша государыня, царица, и великая княгиня Марья Григорьевна, и великий государь наш, царевич, князь Федор Борисович всеа Русии, и великая государыня наша, царевна, и великая княжна Ксенья Борисовна, дал Бог, в добром здоровье».

И королевна, слышав царского величества имя и про их государьское здоровье, обрадовалась с великою сердечною любовью и учела быти весела.

И после того Григорей подал королевне от царского величества грамоту. И королевна царскую грамоту принела сама с великою радостию. И после того говорил Григорей королевне речь по наказу, а королевна в то время сидела. А как Григорей речь изговорил по наказу сполна, и королевна, с места своего встав, говорила:

«Слышала деи есми прежь сего от подданных своих от гостей, которые в Московском государстве, про великого государя вашего, что он, великий государь ваш, мой любезный брат, Богом избран учинился в великом Московском государьстве великим государем, царем и великим князем, всеа Русии самодержцем: и яз деи тогды ж его царскому величеству с великою сердечною желательною братцкою любовью обрадовалася, помня его великого государя к себе прежнюю братцкую любовь и к подданным моим великое его жалованье, как еще он, великий государь, был во властодержавном правительстве при великом государе, царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии, славные памяти. А ныне деи слышу и вижу подлинно про его царское имя и про его царское здоровье, и к себе братцкую любительную ссылку; и яз деи ноипаче того с великим сердечным доброхотеньем добре радуюся, и молю Бога, чтоб ему, великому государю, а моему любительному брату, в своем царском величестве и с своею царицею и великою княгинею Марьею Григорьевною и з своим царским сыном, с наследником царствия своего, с царевичем со князем Федором Борисовичем, и с своею царевною и великой княжною Ксеньею Борисовною многолетно здравствовати. А на том ему, великому государю вашему, на его царской великой братцкой любви, много челом бью, что он великий государь не забвенную мя учинил, прислал ко мне тебя, посланника своего, государство свое обестити, и про свое царское здоровье сказать, и мое, сестры своей, здоровье видеть. Со

многими деи у меня с великими крестьянскоми государи братцкая любовь и ссылка, а ни с которым государем у меня такие братцкие любви и ссылки и крепкие дружбы нет, что с ним, с великим государем вашим; и надежду держу во всем на его царского величества брацкую любовь; и против деи его братцкие любви рада есми всею душею, и доброхотеньем и дружелюбством воздавати, как его царскому величеству годно».

И изговоря, позвала Григорья к руке, а после позвала к руке Ивашка.

И после того Григорей явил королевне от себя поминки сорок соболей да две пары. И королевна, похваля поминки, и велела их принята трезерю[25] своему; и велела Григорью сести и говорила: «Как деи вас Бог морским путем нес? А слышела деи есми, что вам морской путь добре был нужен и болезнень».

И Григорий говорил: «Божию милостию и великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии самодержца, его царским величеством и жалованьем, дал Бог, ехали здорово; а которая нам на море нужа была, и мы ныне, как увидели твои очи и великое твое к себе жалованье, тое нужу всее забыли».

И после того королевна встала с места своего, и велела к себе Григорью приступить, и говорила: «Грамоту де есми любительного своего брата великого государя вашего, у тобя принела и речь слушала с великою сердечною любовью; и мне деи наизусть не вспомнити — дай де мне тем речем, что еси от царского величества мне говорил, письмо». И Григорей поднес королевне речем письмо.

И королевна, взяв письмо, говорила Григорью: «Яз деи великого государя вашего, любительного своего брата, любительную грамоту и речи, что еси мне от его царского величества говорил, перевести велю на аглинский язык и, те все дела выслушав и выразумев подлинно, против того о всем с тобою к великому государю вашему отпишу. А что тебе от великого Государя вашего сверх тех речей наказано о иных делех мне говорити, и яз деи о тех делех прикажу с вами говорити ближним своим бояром иным временем». А изговоря, отдала государеву грамоту и письмо речем ближнему своему секретарю Робору Сыселю и отпустила королевна Григорья и Ивашка, а велела ехати на подворье.

И Григорей и Ивашко, королевне ударя челом, пошли от королевны ис полаты; и провожали их те же королевнины бояре и дворяне, которые встречали. А как Григорей и Ивашко от королевны вышли ис палаты в сени, и говорил Григорью от королевны королевнин боярин и дворетцкой лорд чамберлин:

«Государыня де наша, Елисавет-королевна, велела мне вас подчивати овощи и вины в столовой своей полате». Да лорд чамберлин же говорил: «Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, любя брата своего, великого государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, а вас жалуя, приказала мне о вас; а велела вас чтити, и беречи, и всем покоити, чтоб были честны, и всем довольны, и нужи чтоб вам никакие не было. А в приставех велено у вас быти ближнему своему дворянину князю Еремею Боусу, да лутчему алдраману сер Джан Гарту, да гостям Фрянчику Иванову[26], да Ивану Ульянову. И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били, и в столовой полате были, и вин и овощей прикушав, пошли х кочам. А провожали Григорья боярин и дворетцкой лорд чамберлин до крыльца, а лорд Кумарлан провожал с лесницы, а лорд Гре и лорд Ипенга провожали до ворот; а пристав князь Еремей и дворяне и алдраманы и гости провожали Григорья до подворья. […]

Ноября в пятый день приехал от королевны к Григорью пристав князь Еремей Боус, и говорил Григорью и Ивашку: «Государыня деи наша, Елизавет-королевна, велела вам говорити, что сего дни из села своего Речманта в Лунду приезд ее будет[27], и вам де ее королевнина приезду и чинов посмотрети, как ее учнут встречати князи, и бояре, и дворяне, и лундский лордмер, и алдраманы, и гости и все посадцкие люди; а двор деи вам изготовлен будет на той улице, куда королевне на свой двор ехати; а из того де двора будет вам видети ее королевнин приезд; а королевне деи от вас то будет за честь, а только деи не поедете, и королевне на вас будет кручинно».

И Григорей и Ивашко против королевнина слова говорили князю Еремею: «Волен Бог да королевна, будет деи то годно, что нам приезд ее видети, и мы повеленья ее ослушатись не смеем: очи ее видети и чинов ее посмотрети ради, только б нам не было в чем безчестья и иноземцев при нас в то время, где нам быти, не было никого».

И того же дни Григорей и Ивашко ездили и королевнин приезд видели из двора, который был для того изготовлен; и в те поры ехали против королевны на встречю митрополит Кантоборинской[28], да другой митрополит Лунской[29], да князья вотчинные большие, и бояре, и приказные люди, и дворяне порознь по чином, а с ними люди их в чистом платье и в золотых чепях; а опосле того ехал лунской лорд-мер, а с ним двенатцать человек судей, которые с ним справы держат, и алдраманы, и гости многие в платье скорлатном и в золотых чепях; а за ними ехали посадцкие люди человек с тысячю. А встретили королевну

за посадом; а приехала королевна в посад в два часа ночи, а наперед ее ехали посадцкие люди и дети боярские по два и по три в ряд; а за ними ехали гости, а за гостьми дворяне, а за дворяны ехали лорд-мер и алдраманы, и судьи земские; а за ними ехали митрополиты, а за митрополиты ехали князи вотчинные большие и бояре; а по сторонь королевнины колымаги ехали ближние люди; да перед королевною ж шли многие люди со свечами и с вонари человек до пятисот и больши; да перед королевною же ехали трубники и трубили в трубы; а за королевною ехали боярини и девицы. А в то время стояли многие люди посадцкие з женами и з детьми по обе стороны улицы, и королевне поздравляли; и королевна спрашивала их о здоровье и нет ли им от кого обид.

Ноября в 17 день приехал от королевны дворянин лорд Винзор и говорил от королевны Григорью, сняв шляпу: «Государыня наша, Елисавет-королевна, велела вам сего дня после стола быти у себя и очи свои видети; а в том деи королевне на вас добре за честь, что есте третьево дни приезд ее видели и ее повеленья не ослушались».

И Григорей и Ивашко против королевнина слова говорили, сняв шапки: «Волен Бог да королевна; как нас для царского величества пожалует, и мы ее жалованью жадны и очи ее видети ради».

И того же дни Григорей и Ивашко у королевы были. И как вошли х королевне в полату, и королевна Григорья и Ивашка спрашивала о здоровье и говорила Григорью: «Сего дни деи праздную яз тому дни, в который день села яз на королевство, и яз деи для того велела вам сего дни у себя быти, и очи свои видети, и потехи своей смотрити». И велела Григорью и Ивашку стояти у себя в полате и смотрити потехи от собя ис полаты.

И Григорий и Ивашко королевнину потеху видели, как перед нею билися, съезжаясь меж себя, князи и боярские дети, и дворяне в полных доспесех и на аргамацех и на жеребцех древцы. А в то время при королевне в полате иных никоторых государств послы и посланники не были, а были бароарейского царя послы[30], и те стояли на дворе под навесом с рядовыми людми. […]

И генваря в 4 день приехал от королевны к Григорью дворянин дохтур Паркин, и говорил от королевны Григорью и Ивашку, сняв шляпу: «Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, любя брата своего, государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, а вас жалуя, велела вам у себя на праздник на крещеньев день хлеба ести». И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били и

дворянина королевнина Григорей дарил.

И генваря в 6 день приехал к Григорью от королевны пристав князь Еремей Боус, а с ним королевниных дворян четырнадцать человек; и говорил Григорью и Ивашку от королевны, сняв шляпу: «Великая де государыня наша Елисавет-королевна прислала меня к вам, а велела мне с вами ехати к себе за стол и кочи под вас, в чем вам ехати, прислала свои».

И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били и, седчи в колымаги, поехали х королевне; а сидел в коче Григорей в болшом месте, а против сидел князь Еремей Боус. А как приехали к королевниному двору, и высели ис кочь, и встретил Григорья у ворот ближний дворянин лорд Бетфорт, а называют королевне племянником по матери, да лорд Винзор; и сшедчися з Григорьем, витались за руки и пошли з Григорьем в полату; а шли у Григорья с левую руку. А как вошли в переднюю полату и лорд Бетфорд говорил Григорью, «чтоб деи вам здесь посидети немного». И того ж часу пришел от королевны ближний человек боярин и дворетцкой лорд чамберлин, и витался з Григорьем за руки и говорил Григорью, «чтоб деи вам не подосадовати, а яз деи про вас королевне скажу». И пошел лорд чамберлин х королевне и лорд Вынзор; а лорд Бетфорт и князь Еремей сидели з Григорьем; и немного погодя, пришел от королевны лорд Вынзор и говорил от королевны, сняв шляпу: «Государыня деи наша, Елисавет-королевна велела вам итти к себе».

И как Григорей и Ивашко вошли х королевне в полату и королевне челом ударили, и королевна, встав с места своего, поклонилась и спрашивала Григорья о здоровье, и говорила: «Любя де яз брата своего, великого государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, а вас жалуя, велела вам сего дни на праздник у себя хлеба ести; а иду яз к обедне, и вы подите, посмотрите наших чинов и обычаев, как мы по своей вере Богу молимся, и обедню у нас поют». И велела Григорью итти перед собою з ближними своими бояры […]

А как королевна шла в церковь и наперед королевны шли дворяне, а за дворяны шли бояре, а за королевною шли многие боярини и девицы; а в полатах и по сенем стояли по обе стороны: по правой стороне — дворяне, а по левой стороне стояли боярини и девицы. И вышед королевна ис полат своих, пошла к церкве, а Григорья и Ивашка приставы ввели в полату, а ис тое полаты видеть было в церковь; а как королевна вошла в церковь, и в те поры учали играти в церкве в варганы и в трубы, и в иные во многие игры и, пети; а сказывали приставы, что поют псалмы Давыдовы. А место, где попы служат, зделан рундук, а на рундук

поставлен стол, покрыт камкою, а на столе лежат две книги обложены золотом, а называют Апостолом да Евангилием; да на столе ж поставлены две свечи не зажжены. А попы стояли в ризах золотных, а по крыласом стояли поддиаки в стихарех в белых. А как учели отпевати обедню, и королева, пришед к месту, где попы служат, приклякнула на колени, и дала попом на блюдо в трех бумашках; а сказывали приставы, что королевна по своей вере по вся праздники приносит дар к Богу злато, и ливан, и змирну; и, отдав, пошла к себе в полату.

И пришел от королевны к Григорью и к Ивашку в полату боярин и дворетцкой лорд чамберлин и говорил Григорью и Ивашку: «Велела деи королевна вам итти в столовую полату и дожидатися себя у стола своего».

И после того, не много погодя, пришла королевна в столовую полату и велела митрополиту и попом говорити перед столом «Отче наш»; и села за стол; а Григорья и Ивашка и переводчика Ондрея велела посадити за особым столом у себя по левую руку. А митрополиты и попы, проговоря «Отче наш», пошли ис полаты вон. А бояре и дворяне, которые были при королевне у стола, все стояли, а не сидел ни один; а подчивали Григорья и Ивашка за столом лорд Бетфорт, да князь Еремей Боус, стояли же, а не сидели; а лорд Вынзор стоял у королевнины у стола, в другоих кравчих, а перед королевну ставили ести стольники человек с тридцать, а чашники перед королевну пить наливали пять человек боярские дети; а перед питьем ходил с отливкою боярин лорд адмирал, а поставцы были два: один серебрян, а другой золот со многими судми.

А как сели за стол, и королевна прислала к Григорью с кравчим подачю — колачь на блюде покрыт ширинкою; и говорил Григорью: «Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, подает тебе своего жалования колачь да тебя ж деи жалует ширинкою».

И Григорей на королевнино жалованье на подаче и на ширинке челом бил. И как перед королевну пить понесли, и королевна, встав, пила чашу про великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии самодержца, здоровье; и пив чашу, велела подати государеву чашу Григорью. И Григорей, вышед из-за стола, пил государеву чашу, и пив чашу, говорил: «Вижу, государыня, твою любовь к великому государю нашему, к царскому величеству, и как, аже даст Бог, буду у царского величества, и яз про твою любовь великому государю своему извещу».

А после того королевна пила чашу про великую государыню, царицу и великую княгиню Марью Григорьевну, и, пив чашу,

велела подати Григорью; и Григорей, вышед из-за стола, пил чашу великой государыни, царицы и великой княгини Марьи Григорьевны. А как у королевы стол шел, и перед нею играли во многие игры многие игрецы. А как у королевны стол отошел, и королевна из-за стола встала и почала умывать руки, и, умыв руки, велела серебряник с водою поднести Григорью; и Григорей на королевнино жалованье челом бил, а рук не умывал, и говорил: «Великий государь наш, царское величество, Елисавет-королевну зовет себе любительною сестрою, и мне, холопу его, при ней руки умывати не пригодитца».

И королева почала быть весела и Григорью то похвалила, что ее почтил, рук при ней не умывал.

И после того королевна позвала Григорья и Ивашка и переводчика Ондрея к руке, и велела ехати на подворье […]

И апреля в 22 день приехал от королевны пристав князь Еремей Боус и говорил Григорью и Ивашку: «Государыня де наша, Елисавет-королевна, велела вам говорити, чтоб деи вам завтра у меня быти и очи мои видети и чинов моих посмотрети, как я празную мученику Георгию[31].

[…] Григорей и Ивашко х королевне ездили; а ехали в кочех до реки, а рекою ехали в королевниных судех до королевнина двора; вышли из судов позади королевнина двора в королевнин сад, и шли садом на королевнин двор до королевниных полат; и вошли в королевнины полаты, и ввели в невеликую особенно полатку, откуды как мочно видети королевну и чины ее. И немного погодя, шла королевна из своих полат к церкве и, быв в церкве, и пошла из церкви около своего двора; а перед нею шли митрополит, да владыко, и попы в ризах золотных, а несли две книги, а называют их евангилие да апостол; а пели, сказывают, псалмы Давыдовы; а за митрополитом, и за владыкою, и за попы шли бояре; а над королевною несли солнычник камчат червчат; а около ее шли дворяне с рогатинами, а перед нею несли саблю; а за королевною шли боярини и девицы. А как королевна пришла против Григорья, и Григорей и Ивашко королевне челом ударили. И королевна, став, поклонилась, и спрашивала о здоровье и говорила: «Ныне деи у меня праздник, — празную святому Георгию, и яз деи велела вам у себя быти, и очи свои видеть, и чинов моих посмотрити, а есть деи вас потому не зову, что ныне у меня день чинной». И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били.

[…] И ходив королевна около своего двора и вошла в церковь, и принесла митрополиту золотой, а бояре и князи носили митрополиту по золотому. И Григорей и Ивашко, королевне ударя челом, поехали на подворье, а провожали князь

Еремей и дворяне до подворья.

Библиография

Источники

Birch Th. Memoirs of the Reign of Queen Elizabeth from the Year 1581 till her Death from the Original Papers of A. Bacon and Other Manuscripts. 2 vols. L., 1754.

Calendar of the Manuscripts of the Most Honorable Marquis of Salisbury. 24 vols. L.; Dublin, 1889–1930.

Calendar of the State Papers. Domestic Series. 1580–1625. L., 1872; 1591–1594. L., 1867; 1595–1597. L., 1894; 1601–1603. L., 1870.

Calendar of the State Papers. Foreign Series of the Reign of Elizabeth. L., 1880.

Calendar of the State Papers. Spanish Series. 1587–1603. L., 1899.

Calendar of the State Papers. Venetian. L., 1897. V. IX.

Camden W. Annales rerum Anglicarum et Hibemicarum regnante Elizabethae. Amsterdam, 1677.

Cecil W. Scrinia Ceciliana… in Letters. L., 1663.

Coke R. A Detection of the Court and State of England During the Four Last Reigns and the Interregnum consisting of Private Memoirs. 2 vols. L., 1697.

D'Ewes S. The Journals of all the Parliaments during the Reign of Queen Elizabeth. Shannon, 1973.

Elizabeth /. Collected Works / Ed. Marcus L. S., Mueller J., Rose M. B. Chicago — L., 2000.

Elizabeth I. A Collection of Contemporary Documents Composed by John Langdon-Davies. L., 1968.

Elizabeth I. Her Life in Letters. / Ed. F. Pryor. L., 2003.

Elizabethan Journals / Ed. G. B. Harrison. 2 vols. N. Y., 1965.

England's Eliza / Ed. E. K. Wilson. Harvard U. P., 1939.

Goldsmith E. Collection of Historical Documents Illustrative of the Reigns of the Tudor and Stuart Sovereigns. 2 vols. Edinburgh, 1886.

Lodge E. Illustrations of British History, Biography and Manners in the Reigns of Henry VIII, Edward VI, Mary, Elizabeth I and James I, Exhibited in a Series of Original Papers. 3 vols. L., 1791.

Naunton R. Fragmenta Regalia: or Observations on the Late Queen Elizabeth, Her Times and Favorites. L., 1895.

Nugae Antiquae: Being a Miscellaneous Collection of Original Papers… by Sir John Harington. 2 vols. L., 1804.

Original Letters Illustrative on English History. L., 1846. V. 4.

Osborne F. Historical Memoirs on the reigns of Elizabeth and King

James. Edinburgh, 1811.

Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I / Ed. T. E. Hartley. 3 vols. Leicester, 1981–1995.

StowJ. Annales of England… L., 1601.

Tudor Royal Proclamations / Ed. Hughes P. L., Larkin J. F. 3 vols. New Haven, L., 1964–1969.

The Egerton Papers, a Collection of Public and Private Documents, Chiefly Illustrative, of the Times of Elizabeth and James I… L., 1840.

The Letters of Queen Elizabeth / Ed. G.B. Harrison. L., 1967.

Литература

Соколов М. И. Елизавета Тюдор, королева английская. Сергиев Посад, 1892.

Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI в. Д., 1957.

Штокмар В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962.

Archer I. The Pursuit of Stability: Social Relations in Elizabethan London. Cambridge, 1991.

Black J. B. The Reign of Elizabeth. 1558–1603. Oxford, 1936.

Chamberlain J. The Private Character of Queen Elizabeth. L., 1921. Chamberlain Fr. The Sayings of Queen Elizabeth. L.; N. Y., 1923.

Cheyney E. P. The History of England from the Defeat of the Armada to the Death of Elizabeth. 2 vols. N. Y., 1916.

Collinson P. Elizabethan Essays. L., 1994.

Collinson P. The Sixteenth Century. 1485–1603. Oxford, 2002.

Collinson P. Elizabethans. L.;N. Y., 2003.

Doran S. Queen Elizabeth I. L., 2003.

Elizabeth. The Exhibition at the National Maritime Museum / Ed. Doran S. L., 2003.

Elton G. R. England under the Tudors. L.; N. Y., 1974.

Erickson C. The First Elizabeth. N.Y., 1983.

Graves M. A. R. William Cecil, Lord Burghley. Harlow, 1998.

Guy J. Tudor England. Oxford, 1988.

Haigh C. (Ed.) The Reign of Elizabeth. L., 1984.

Haigh C. Elizabeth I. L., 1988.

Hoak D. Tudor Political Culture. Cambridge, 1995.

Jenkins E. Elizabeth the Great. L., 1958.

Jenkins E. Elizabeth and Leicester. L., 1972.

Johnson P. Elizabeth I. L., 1974.

Loades D. Politics and Nation. England 1450–1660. Oxford, 1999.

Levin C. The Reign of Elizabeth. Basingstoke, 2002.

Loades D. The Chronicles of the Tudor Queens. Stroud, 2002.
Loades D. The Golden Reign of Gloriana. L., 2003.
Loades D. Elizabeth I. L.; N.Y., 2003.
Luke M. Gloriana. L., 1974.
McLaren A. N. Political Culture in the Reign of Elizabeth I. Queen and Commonwealth 1558–1585. Cambridge, 1999.
Neale J. E. Queen Elizabeth. L., 1944.
Neale J. E. Elizabeth I and Her Parliaments. L., 1987.
Palliser D. M. The Age of Elizabeth: England under the Later Tudors, 1547–1603. L., 1983.
Perry M. The Word of a Prince: A Life of Elizabeth I from Contemporary Documents. Woodbridge, 1999.
Plowden A. Marriage with My Kingdom: The Courtships of Elizabeth I. L., 1977. Queen Elizabeth and Her Times. 2 vols. L., 1898.
Rex R. The Tudors. Stroud, 2002.
Ridley J. Elizabeth I. L., 1987.
Rowse A. L. The England of Elizabeth. The Structure of Society. L., 1950.
Smith L. B. Elizabeth Tudor: Portrait of a Queen. L., 1976.
Somerset A. Elizabeth I. L., 1991.
Starkey D. Elizabeth. Apprenticeship. L., 2001.
Watkins S. In Public and in Private. Elizabeth I and Her World. L., 1998. Williams N. The Life and Times of Elizabeth I. L., 1975.
Williams N. Elizabeth I Queen of England. L., 1971.
Williams P. The Later Tudors. England, 1547–1603. Oxford, 1995.

ГЛАВА I. ЭЛИЗА, ДОЧЬ ГЕНРИХА

Источники

British Library. Additional MSS. 24, 447, f. 72b; 28, 586, f. 142.
British Library. Harleian MS. 543, f. 128.
British Library. Landsdowne MS. 1236, f. 35, 37, 39.
Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, Preserved in the PRO, the B. M. and Elsewhere in England / Ed. by J. Gairdner. L., 1882–1887. Vols. 6–10.
Public Record Office. State Papers. 7/ 596.

Литература

Denny J. Anne Boleyn. L., 2004.
Dowling M. A Woman's Place? Learning and the Wifes of Henry VIIII I History Today. June, 1991. V. 41.

Erickson C. Bloody Mary. N.Y., 1978.
Erickson C. Mistress Anne. N.Y., 1984.
Henry VIII. A European Court in England / Ed. D. Starkey. L., 1991.
Ives E. W. Anne Boleyn. Oxford, 1986.
James S. Kateryn Parr: The Making of a Queen. L., 1999.
Loades D. Mary Tudor: A Life. Oxford, 1989.
Loades D. The Politics of Marriage: Henry VIII and His Queens. Stroud, 1994.
ScarisbrickJ. J. Henry VIII. L., 1968.
Starkey D. The Reign of Henry VIII. Personalities and Politics. L., 1985.
Starkey D. Six Wives. The Queens of Henry VIII. N. Y., 2003.
Warnicke R. M. The Rise and Fall of Anne Boleyn: Family Politics at the Court of Henry VIII. Cambridge, 1989.
Warnicke R. M. The Marrying of Anne of Cleves. Royal Protocol in Tudor England. Cambridge, 2000.
Williams N. Henry VIII and His Court. L., 1971.

ГЛАВА II. ЛЕДИ И ПЕЛИКАН

Источники

Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I. Leicester, 1981. V. 1 (1558–1581).

Литература

Adams S. Eliza Enthroned? The Court and its Politics I I The Reign of Elizabeth / Ed. C. Haigh. L, 1984.
Adams S. Leicester and the Court: Essays on Elizabethan Politics. Manchester. 2002.
Alford S. The Early Elizabethan Polity: William Cecil and the British Succession Crisis, 1558–1569. Cambridge, 1998.
Bassnett S. Elizabeth I: A Feminist Perspective. Oxford, 1988.
Crowson P. S. Tudor Foreign Policy. L., 1973.
Doran S. Monarchy and Matrimony: The Courtship of Elizabeth I. L., 1996. Doran S. Elizabeth I and Religion: The Evidence of Her Letters // Journal of Ecclesiastical History. V.51. 2000.
Elton G. R. The Parliament of England. 1559–1581. L., 1986.
Jones N. Faith by Statute: Parliament and the Settlement of Religion 1559. L., 1982.
Jones N. The Birth of the Elizabethan Age England in the 1560s.

Oxford, 1993.

Logan S. Making History: The Rhetorical and Historical Occasion of Elizabeth Tudor's Coronation Entry // Journal of Medieval and Early Modern Studies. V. 31. Part 2. 2001.

Mac Caffrey W. T. Queen Elizabeth and the Making of Policy. 1572–1588. Princeton, 1981.

Mac Caffrey W. T. The Shaping of the Elizabethan Regime: Elizabethan Politics. 1558–1572. Princeton, 1968.

Read C. Mr Secretary Cecil and Queen Elizabeth. L., 1955.

Read C. Lord Burghley and Queen Elizabeth. N. Y., 1960.

Rowse A. L. An Elizabethan Garland. L., 1954.

Wilson D. Sweet Robin: Robert Dudley, Earl of Leicester 1533–1588. L., 1997.

ГЛАВА III. ГЛОРИАНА

Источники

Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs Preserved in, or Originally Belonging to, the Archives of Simancas. L., 1899. V. IV (1587–1603).

Francis Drake Privateer: Contemporary Narratives and Documents / Ed. Hampden J. L., 1972.

Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages and Discoveries of English Nation. 5 vols. L., 1599.

Melville J. Memoirs. Edinburgh, 1827.

State Papers relating to the Defeat of the Spanish Armada. 2 vols. Emsworth, 1981.

Литература

Adams S. The Armada Campaign of 1588. L., 1988.

Andrews K. R. Elizabethan Privateering. Cambridge, 1964.

Andrews K. R. Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire, 1480–1630. Cambridge, 1984.

Armada, 1588–1988 / Ed. Rodriguez-Salgado. L., 1988.

Corbett J. S. Drake and the Tudor Navy. L., 1905.

Coote S. Drake. L., 2003.

Cummins J. Francis Drake. L., 1995.

Doran S. Elizabeth I and Foreign Policy 1558–1603. L., 2000.

Elton G. R. Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. L., 1974.

Froude J. A. English Seamen in the Sixteenth Century. L., 1905.

Guy J. The Life of the Queen of Scots. L., 2004.

Haynes A. Invisible Power: The Elizabethan Secret Service 1570–1603. Stroud, 1992.

Kelsey H. Sir Francis Drake: The Queen's Pirate. New Haven, L., 1998.

Kelsey H. Sir John Hawkins: Queen Elizabeth's Slave Trader. New Haven, 2003.

Lynch M. (Ed.) Mary Stewart, Queen in Three Kingdoms. Oxford, 1988.

Mac Caffrey W. B. Elizabeth I: War and Politics, 1588–1603. Princeton, 1992.

Mackay J. In my End is my Beginning. A Life of Mary Queen of Scots. Edinburgh, L., 2000.

McDermott J. Martin Frobisher, Elizabethan Privateer. L.; New Haven, 2001.

Martin C., Parker G. The Spanish Armada. L., 1989.

Neale J. E. Elizabeth and the Netherlands / Neale J. E. Essays in Elizabethan History. L., 1958.

Parker G. The Grand Strategy of Philip II. New Haven, 1998.

Plowden A. Danger to Elizabeth. The Catholics under Elizabeth I. L., 1973.

Ponco V. Privy Council and the Spirit of Elizabethan Management // Transactions of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1968. V. 58.

Quinn D. B. Raleigh and the British Empire. L., 1947.

Read C. Mr. Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth. Oxford, 1925.

Read C. Queen Elizabeth's Seizure of the Duke of Alva's Pay-ships // Journal of Modem History. 1933. V. V.

Rowse A. L. The Expansion of Elizabethan England. L., 1973.

Smith A. G. R. The Government of Elizabethan England. L., 1967.

Smith A. G. R. William Cecil: the Power behind Elizabeth. L., 1934.

Waters D. W. The Elizabethan Navy and the Armada of Spain. Greenwich, 1975.

Williamson J. A. The Age of Drake. L., 1946.

Wilson Ch. Queen Elizabeth and the Revolt of Netherlands. Los Angeles, 1970.

WormaldJ. Mary Queen of Scots: A Study in Failure. L., 1991.

ГЛАВА IV. КОРОЛЕВА-СОЛНЦЕ

Источники

Английский сонет. М., 1990.

Breton N. Britton's «Bowre of delights». 1591. N. Y., 1968.

British Library. Landsdowne MS, 85, 19, f. 37.

England's Helicon. L., 1949.

The Progresses of Queen Elizabeth // Ed. J. Nichols. 3 vols. L., 1823.

The Queen's Garland / Ed. M. C. Bradbrook. Oxford, 1953.

The Works of Sir W. Raleigh / Ed. T. Birch. 8 vols. L., 1751.

Литература

Auerbach E. Nicholas Hilliard. L., 1961.

Auerbach E. Tudor Artists. L., 1954.

Belsey A., Belsey C. Icons of Divinity: Portraits of Elizabeth I / Renaissance Bodies: TTie Human Figure in English Culture, c. 1540–1660 / Ed. Gent L., Llewellyn N. L., 1990.

Berry Ph. Of Chastity and Power: Elizabethan Literature and the Unmarried Queen. L., 1989.

Breight C. Ch. Caressing the Great: Viscount Montagues Entertainment of Elizabeth at Cowdray. 1591 //Sussex Archaeological Collections. 1989. V. 127.

Brooks E. St. John. Sir Christopher Hatton. L., 1946.

Cerasano S. P., Wynne-Davies M. (Eds.) Gloriana's Face: Women Public and Private, in the English Renaissance. N.Y., 1992.

Cole M. H. The Portable Queen: Elizabeth I and the Politics of Ceremony. Amherst. 1999.

Cooper T. Queen Elizabeth's Public Face // History Today. V. 53 (5). May 2003.

Chambers E. K. Sir Henry Lee. Oxford. 1936.

Dmitrieva O. V. From Sacral Images to the Image of Sacred: Elizabethan Visual Propaganda and Its Popular Perception / Jaritz J., Luchitskaya S., Rasson J. (Eds.) / Images in Medieval and Early Modern Culture. Approaches in Russian Historical Research. Krems, 2003.

Doran S. Elizabeth I. Gender, Power and Politics I I History Today. V. 53 (5). May 2003.

Edmond M. Hilliard and Oliver: The Lives and Works of Two Great Miniaturists. L., 1983.

Fry S. Elizabeth I. The Competition for Representation. N.Y., Oxford, 1993.

Hackett H. Virgin Mother, Maiden Queen: Elizabeth I and the Cult of Virgin Mary. Basingstoke. 1994.

Howarth D. Images of Rule. Art and Politics in the English Renaissance, 1485–1649. L., 1997.

Ives E. W. Faction in Tudor England. L., 1989.

Johnson P. Elizabeth: a Study in Power and Intellect. L., 1974.

King J. Tudor Royal Iconography: Literature and Art in an Age of Religious Crisis. Princeton, 1989.

Levin C. «Would I give you Help and Succour»: Elizabeth I and the Politics of Touch // Albion. 1989. V.21. Part 2.

Levine C. The Heart and Stomach of the King: Elizabeth I and the Politics of Sex and Power. Philadelphia, 1994.

May S. Sir Walter Ralegh. Boston, 1989.

Rowse A. L. The Elizabethan Renaissance: The Cultural Achievement. L., 1974.

Strong R. Art and Power: Renaissance Festivals, 1450–1650. Woodbridge, 1984.

Strong R. Artists of the Tudor Court. L., 1983.

Strong R. Portraits of Queen Elizabeth I. Oxford, 1963.

Strong R. Splendour at Court: Renaissance Spectacle and the Theater of Power. Boston, 1973.

Strong R. The Cult of Elizabeth. L., 1977.

Strong R. The English Icon, Elizabethan and Jacobean Portraiture. L., 1967.

Strong R. Tudor and Jacobean Portraits. L., 1967.

Strong R. Gloriana: Portraits of Queen Elizabeth. L., 1987.

Strong R., Oman J.T. Elizabeth R. L., 1971.

Schleiner W. Divina Virago: Queen Elizabeth as an Amazon // Studies in Philology. V.75 (1978).

Walker J. M. Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana. Durham, 1998.

Williams N. All the Queen's Men. L., 1974.

Williams N. L. Sir Walter Raleigh. L., 1988.

Williams P. H. Court and Policy under Elizabeth I // Bulletin of the John Rylands Library. 1981.V. 65.

Winter C. Elizabethan Miniatures. L., 1943.

Yates F. A. Astraea: The Imperial Theme in the Sixteenth Century. L., 1975.

Yates F. A. Queen Elizabeth as Astraea // Journal of the Warburg and Courtlauld Institutes. 1947. V. X.

Дмитриева О. В. Церемониал, церемонность и бесцеремонность в королевских застольях елизаветинской Англии // Одиссей. М., 1999.

Дмитриева О. В. «Монументы преданности» — частное строительство и организация королевских визитов в елизаветинской Англии / Культура Возрождения и власть. М.,

1999.

Дмитриева О. В. Варфоломеевская ночь и перспективы англофранцузского союза / Варфоломеевская ночь. Событие и споры. М., 2001.

Дмитриева О. В. От сакральных образов к образу сакрального. Елизаветинская художественная пропаганда и ее восприятие в народной традиции // Одиссей. М., 2002.

ГЛАВА V. СТАРАЯ РЫЖАЯ БЕСС

Источники

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38.

Collins A. Letters and Memorials of the State in the Reigns of Queen Mary, Queen Elizabeth, King James… written and collected by Sir H. Sydney… 2 vols. N. Y., 1973.

Cobbett W. Compleat Collection of State Trials and Proceedings for High Treason. L., 1803. V.l.

Devereux W. Lives and Letters of the Devereux, Earls of Essex… 2 vols. L., 1853.

Литература

Cadwallader L. H. The Career of the Earl of Essex. Philadelphia, 1923.

Guy J. (Ed.) The Reign of Elizabeth I: Court and Culture in the Last Decade. Cambridge, 1995.

Hammer P. The Polarisation of Elizabethan Politics: The Political Career of Robert Devereux, 2nd Earl of Essex, 1585–1597. Cambridge, 1999.

Hurstfield J. Robert Cecil Earl of Salisbury Minister of Elizabeth I and James 11 I Past and Present 1965. № 8.

Lacey R. Robert Earl of Essex: An Elizabethan Icarus. L., 1971.

Stone L. The Crisis of the Aristocracy. 1558–1641. Oxford, 1967.

Strachey L. Elizabeth and Essex. L., 1928.

Williams P. H. The Fall of Essex I I History Today. 1957. № 11.

Глава VI. РОЗА ЗИМОЙ

Источники

British Library. Harleian MS. 7042, f. 237.
D'Ewes S. The Journals of all the Parliaments during the Reign of Queen Elizabeth. Shannon, 1973.
Smith T. De Republica Anglorum Libri Tres. L., 1630.

Литература

Graves M. A. R. Elizabethan Parliaments. 1559–1603. L., 1987.
Graves M. A. R. Managing Elizabethan Parliaments // The Parliaments of Elizabethan England. Oxford, 1990.
Graves M. A. R. The Tudor Parliaments. 1485–1603. L., 1987.
Jones N., Dean D. (Eds.) The Parliaments of Elizabethan England. Oxford, 1990.
Neale J. E. The Elizabethan House of Commons. L., 1949.
Дмитриева О. В. «Древняя и достойнейшая процессия»: репрезентация королевской власти в парламентских церемониях второй половины XVI- начала XVII в. / Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. М., 2004.

ГЛАВА VII. ВОЗРОЖДЕННЫЙ ФЕНИКС

Литература

Dobson M., Watson N. England’s Elizabeth: An Afterlife in Fame and Fantasy. Oxford, 2002.
Doran S., Freeman T. S. The Myth of Elizabeth. N. Y., 2003.
Neale J. E. November 17 // Neale J.E. Essays in Elizabethan History. L., 1958.
Neale J. E. The Elizabethan Age // Neale J. E. Essays in Elizabethan History. L., 1958.
Rowse A. L. An Elizabethan Garland. L., 1954.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ПРАВЛЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ I ТЮДОР

1485–1603 — правление династии Тюдоров в Англии.

1485–1509 — правление Генриха VII Тюдора.

1509–1547 — правление Генриха VIII Тюдора.

1533, январь — Генрих VIII заключает тайный брак с Анной Болейн. Май — аннулирование брака с Екатериной Арагонской.

1533, 7 сентября — во дворце Плаценция в Гринвиче родилась принцесса Елизавета.

1534, 10 февраля — крестины Елизаветы.

1534 — согласно «Акту о супрематии» Генрих VIII становится главой церкви Англии.

1536, январь — смерть Екатерины Арагонской.

17 мая — брак Генриха VIII и Анны Болейн объявлен недействительным.

19 мая — казнь Анны Болейн.

30 мая — бракосочетание Генриха VIII и Джейн Сеймур.

1537, 12 октября — рождение принца Эдуарда.

1543, 12 июля — бракосочетание Генриха VIII и Екатерины Парр.

1544 — Елизавету восстанавливают в правах наследования Генриху VIII.

1547, 28 января — смерть Генриха VIII. Восшествие на престол Эдуарда VI.

Бракосочетание Екатерины Парр и лорда Томаса Сеймура.

1548 — Елизавета проходит обучение под руководством Р. Эшама.

Сентябрь — смерть Екатерины Парр.

1549, январь — арест Томаса Сеймура. Допросы Елизаветы в Хэтфилде.

1550 — назначение Уильяма Сесила смотрителем поместий принцессы Елизаветы.

1553, июнь — Эдуард VI исключает обеих сестер из линии наследования.

6 июля — смерть Эдуарда VI. Правление Джейн Грей.

19 июля — восшествие на престол Марии Тюдор.

1554, январь — восстание Томаса Уайатта.

17 марта — арест Елизаветы и заключение ее в Тауэр.

Май — освобождение Елизаветы из Тауэра и перемещение под домашний арест в Вудстоке.

Июль — бракосочетание Марии Тюдор и принца Филиппа.

1555, октябрь — возвращение Елизаветы в Хэтфилд-хаус.

1556, май — арест К. Эшли и других слуг из окружения Елизаветы. Супруг Марии Тюдор Филипп становится королем Испании Филиппом II (1555–1598) и покидает Англию.

1558, январь — в войне с Францией Англия теряет Кале — свой последний оплот на континенте.

Апрель — Мария Стюарт выходит за французского дофина Франциска. 17 ноября — смерть Марии Тюдор. Восшествие на престол Елизаветы I.

1559, 15 января — коронация Елизаветы I.

2 апреля — заключение мира в Като-Камбрези.

Апрель — первый парламент Елизаветы восстанавливает англиканство.

Франциск II — король Франции (1559–1560). Мария Стюарт становится королевой Франции.

Июль — кальвинистское восстание в Шотландии.

1560 — война с Шотландией. Заключение Эдинбургского договора.

Сентябрь — смерть жены Роберта Дадли. Рождение сына у Екатерины Грей.

1562, октябрь — Елизавета переносит оспу.

1563 — утверждение «39 статей» — англиканского символа веры.

1564 — переговоры о браке Елизаветы с эрцгерцогом австрийским Карлом.

Роберт Дадли становится графом Лейстером. Первый рейд Хоукинса в район Карибского моря.

1565 — Мария Стюарт сочетается браком с лордом Генри Дарнли.

1566, 19 июня — родился Яков Стюарт, будущий король Шотландии и Англии.

1567, февраль — убийство Дарили. Восстание в Шотландии и низложение Марии Стюарт.

1568, январь — смерть Екатерины Грей.

Май — бегство Марии Стюарт в Англию.

1569, ноябрь — восстание католиков на севере Англии.

1570, февраль — Булла Пия V об отлучении Елизаветы I.

1571 — заговор Ридольфи. Уильям Сесил получает титул лорда Берли.

1572, январь — казнь герцога Норфолка.

Апрель — англо-французский договор в Блуа.

24 августа — Варфоломеевская ночь — массовое истребление протестантов во Франции.

1573 — Фрэнсис Уолсингем становится государственным секретарем.

1575 — Лейстер устраивает для королевы прием в Кенилуорте.

1576 — первое путешествие Мартина Фробишера в поисках Северо-Западного прохода из Атлантики в Тихий океан.

7577, ноябрь — Фрэнсис Дрейк отправляется в кругосветное плавание.

1578 — плавание Хэмфри Джилберта к берегам Северной Америки.

Август — англо-французские переговоры о браке Елизаветы с герцогом Анжуйским.

1579 — визит герцога Анжуйского в Англию. Выход в свет антифранцузского памфлета Дж. Стеббса. Восстание в Ирландии против господства англичан.

1580, сентябрь — благополучное возвращение Ф. Дрейка из кругосветного плавания. Филипп II присоединяет Португалию и ее заморские доминионы к своим владениям.

1581, апрель — Елизавета производит Ф. Дрейка в рыцари.

Ноябрь — второй визит герцога Анжуйского в Англию.

1584 — экспедиция, организованная У. Рэли в Северную Америку. Основание английской колонии на острове Роанок.

Июнь — смерть герцога Анжуйского.

1585 — вторая экспедиция на Роанок. Испания захватывает английские купеческие корабли в Бильбао.

Декабрь — английская армия под предводительством Лейстера отправляется в Нидерланды на помощь протестантам.

1586 — У. Рэли становится капитаном королевской гвардии.

Июль — заговор Бабингтона с целью освободить Марию Стюарт из заключения.

Октябрь — суд пэров Англии над Марией Стюарт.

1587, 1 февраля — Елизавета I подписывает смертный приговор Марии Стюарт.

8 февраля — казнь Марии Стюарт.

Апрель — нападение английского флота под командованием Дрейка на Кадис.

Октябрь — Лейстер складывает с себя полномочия командующего в Нидерландах.

1588, июль — разгром Непобедимой армады.

Сентябрь — смерть графа Лейстера.

1589 — рейд Ф. Дрейка и Дж. Норриса в Португалию.

1590, апрель — смерть Ф. Уолсингема.

1591, ноябрь — смерть К. Хэттона.

1595 — путешествие У. Рэли в Гвиану. Смерть Хоукинса во

время экспедиции в район Панамского перешейка.

1596, январь — смерть Ф. Дрейка. Роберт Сесил назначен государственным секретарем.

1598, август — смерть Уильяма Берли.

1599 — неудачная кампания графа Эссекса в Ирландии и его арест после несанкционированного возвращения оттуда. Елизавета I дарует хартию Ост-Индской компании.

1600 — судебный процесс в отношении графа Эссекса.

1601 — восстание Эссекса и его казнь (25 февраля).

1603,24 марта — смерть Елизаветы I. Восшествие на престол Якова I Стюарта.

notes

Примечания

1

Перевод В. Рогова

2

Аннаты — сумма в размере годового дохода от церковного держания, которую его обладатель выплачивал папе римскому при вступлении в должность.

З

Конюший — министр двора, ведавший королевскими конюшнями и выездами; в период войны командовал кавалерией.

4

Перевод О. Руденко.

5

Консорт — некоронованный супруг или супруга правящего монарха.

6

Ланкастеры и Йорки — две соперничавшие за английский престол династии, на смену которым пришли Тюдоры, находившиеся в родстве с обоими враждовавшими кланами.

7

Дискос — блюдо, на котором освящается просфора во время таинства причастия.

8

Двенадцатая ночь завершала две недели рождественских праздников.

9

Перевод В. Рогова

10

Перевод В. Рогова.

11

Перевод А. Сергеева.

12

Перевод В. Рогова.

13

Перевод А. Сергеева.

14

Перевод А. Сергеева.

15

Перевод О. Румер.

16

Перевод О. Ерастова.

17

Ивашка — Иван Зиновьев, подьячий, посланный в Лондон вместе с Григорием Микулиным.

18

Джером Боус (Баус) — английский дипломат, побывавший с посольством в Москве в 1583–1584 гг.

19

Имеются в виду английские купцы, члены так называемой Московской компании, учрежденной в 1554 г.

20

Кочи — кареты (от англ. coach).

21

Иван Ульянов — известный английский купец и дипломат Джон Меррик, который много лет прожил в России, прекрасно владел русским языком и пользовался большим уважением у русских, о чем, в частности, свидетельствует то, что его величали по имени-отчеству, Иваном Уильямовичем («Ульяновым»). Отец Дж. Меррика, Уильям Меррик, стоял у истоков Московской торговой компании. Джон Меррик выполнял функции пристава при Г. Микулине во время его пребывания в Лондоне. В 1602 г. он, в свою очередь, был направлен послом в Россию.

22

Возможно, имеется в виду Чарльз Ховард, лорд Эффингем.

23

По-видимому, Генри Клиффорд, граф Камберленд.

24

Имеется в виду лорд-камергер двора (Lord Chamberlain).

25

Лорд-казначей Англии — Томас Сэквилл, лорд Бакхерст.

26

Фрянчик Иванов — член Московской компании Фрэнсис Черри, купец и путешественник, неоднократно выполнявший дипломатические поручения Елизаветы (1587, 1591, 1598).

27

Имеются в виду ежегодный переезд королевы из ее летней резиденции — Ричмондского дворца в Лондон и ее торжественное вступление в столицу накануне праздника ее восшествия на престол.

28

Архиепископ Кентерберийский.

29

Епископ Лондонский, не являвшийся на самом деле митрополитом.

30

Послы правителя Марокко Ахмеда IV.v

31

Имеется в виду праздник святого Георгия, непременной составляющей которого была процессия кавалеров ордена Подвязки, которую возглавлял правящий монарх в качестве магистра ордена.